

РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Школа гуманитарных наук
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет социальной коммуникации
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СОЦИОЛОГОВ
Исследовательский комитет «Социология детства»

**ГЕОГРАФИИ ДЕТСТВА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ И ПРАКТИК**

**Материалы международной молодежной научной
школы-конференции**

*Владивосток
29–31 мая 2018 г.*

Санкт-Петербург
 Астерион
2018

УДК 008 + 316
ББК 71 + 60.56
Г35

Издание материалов конференции осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-311-10006.

Редакционная коллегия:

А.Г. Филипова, д. социол. наук, доцент (отв. ред.);

Е.Ю. Костина, канд. социол. наук, доцент;

А.Ю. Ардальянова, канд. социол. наук, доцент;

Н.Э. Ракитина, канд. социол. наук, ст. преподаватель.

Г35 Географии детства: междисциплинарный синтез исследовательских подходов и практик : материалы междунар. молодежной научной школы-конф., Владивосток, 29-31 мая 2018 г. / отв. ред. А.Г. Филипова. – СПб.: Астерион, 2018. – 296 с.

ISBN 978-5-00045-583-8

В издание включены материалы выступлений участников международной молодежной научной школы-конференции «Географии детства: междисциплинарный синтез исследовательских подходов и практик». Школа-конференция направлена на междисциплинарную интеграцию российских и зарубежных исследователей вокруг проблемы пространственного изучения детства и детей, а также теоретическое обоснование значимости институционального оформления новой отрасли научного знания – Children’s Geographies (Географии детства). В ходе школы-конференции проведена серия мастер-классов, дающих ученым возможности для обмена накопленным опытом применения разных исследовательских методов, демонстрации авторских методик изучения детской аудитории, установления новых научных связей и формирования научных рабочих групп, занимающихся социогеографическим изучением детства.

ISBN 978-5-00045-583-8

© ФГАОУ ВО «ДФУ», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	7
Matković A. Novakov I. Violence among adolescents in the age of technology – a new phenomenon or an old problem in Serbia?	9
Sueli Salles F. Social compensation and the development of higher psychological functions: theoretical path and methodology for teacher education	13
Абросимова Е.Е. Видеоблогосфера как участник процесса социализации детей и подростков	17
Адашова Т.А., Машикина И.В. Организация совместной проектной деятельности студентов и школьников по изучению вопросов развития экономики города на примере ТОСЭР Комсомольск	20
Арпентьева М.Р. Компетентное детство: умение быть ребенком.....	25
Белоусов К.Ю., Лебедева Л.Ю., Максимцова Т.А., Матюшкина М.Д. Дополнительное образование детей в Санкт-Петербурге глазами родителей ...	28
Бердник Е.А. Новые угрозы информационной безопасности детей	32
Березецкая М.И. Роль средств массовой коммуникации в формировании детской субкультуры	35
Бессчетнова О.В. Технологии социальной реабилитации восстановленных биологических семей в отечественной и зарубежной практике	38
Бухтиярова И.Н., Кошелева А.А. География добровольной бездетности	42
Винокурова А.В., Сафонова А.С. К вопросу об организации семейного досуга детей-дошкольников	46
Власова А.А. Вопрос отношения к вакцинации родителей детей, находящихся на семейном образовании, в зарубежной научной литературе	49
Воронова К.А. Социализация ребенка в бедной семье	53
Высоцкая А.В., Антоненко Е.Г. Охват дополнительным образованием детей в России	57
Гареева И.А., Заксор О.В. Современные проблемы и условия социализации детей малочисленных коренных народов Севера на территории Хабаровского края	62
Гареева И.А. Региональный аспект охраны здоровья детей и соблюдения их прав	65
Глазков К.П. Ментальное картографирование как метод оценки естественной интеграции структурных подразделений образовательного комплекса	68
Голубева И.Г. Детский мир сиблингов: сравнительный анализ исследований	72

Гончарова С.В., Осмачко Н.В. Подростки о феномене детства в современном обществе (на материалах эссе).....	75
Гребеникова Ю.А. Практики социально ориентированных некоммерческих организаций, оказывающих помощь детям	79
Губанова А.Ю. Информационно-коммуникационные технологии в жизни российских детей: поселенческая специфика.....	82
Егорова Н.Ю. Дети в различных типах супружеств	86
Захаренко Н.П., Царикова Е.М. Особенности временных детских коллективов в современной России	90
Захаркина Т.Н. «Безопасность» и «доступность» в эпоху информатизации общества.....	93
Захаркина Т.Н., Исакова И.А. Детство в условиях информатизации общества.....	96
Зубова О.Г., Бухтиярова И.Н. Социальное ранжирование при конструировании образа городского пространства в общественном мнении подростков.....	99
Истюфеева Ж.Н. Психологические аспекты детской субкультуры в пространстве образовательной организации в контексте профессионально-педагогической успешности	104
Каминский Д.А. Индикаторы уровня и качества жизни населения.....	108
Коган Е.А., Шукина А.А. Профорентация в школе как фактор выбора вуза в большом городе	111
Козлов В.А. Сколько детей будет в России в ближайшие годы и готова ли система образования к новым демографическим вызовам? Результаты функциональных прогнозов населения	114
Колосова Е.А. Потребительское поведение детей поколения Z: возрастные и территориальные особенности.....	118
Костина Е.Ю. Возможности социального картирования в изучении социального благополучия населения	122
Кравченко К.С., Высоцкая А.В. Инклюзивные детские площадки	126
Крикунова Ю.А., Шалова Е.М. Повседневность российских детей в контексте общества потребления	129
Купряшкин И.В. Дети-мигранты, дети мигрантов, дети vs мигранты? На перекрестке исследований детства и миграций	133
Купряшкина Е.А., Темин Д.В., Задорин А.С. Проектная работа со школьниками: сбор информации о городе	139
Лебедева Е.В. Городская социализация детей и молодежи: социологическое измерение пространства.....	143

Макарчук В.А. Факторы вовлечения молодежи в занятия физической культурой и спортом: данные разведывательного исследования	146
Малкова Н.Ю. Детский опыт города: постановка проблемы и подход к исследованию.....	148
Майорова-Щеглова С.Н. География на территории социологии детства	150
Мальцева Я.В. Социология детства в призме современных средств массовой коммуникации.....	153
Митрофанова С.Ю. Маркеры «взрослости» и события детства	159
Михайлова Я.Я. (Козьмина) Эмоциональная география матерей и детей (по материалам опроса матерей в дневниковом формате).....	163
Наберушкина Э.К. Мобильное гражданство детей-инвалидов в социальном пространстве города	166
Нагиба А.А., Сыроед Н.С. Экспертные суждения о качестве детства.....	169
Надток С. А. Социальное сиротство как объект социальной работы	172
Николаева Е.С., Якимова А.Ю. Исследование представлений о «детстве» по материалам глубинного интервью.....	176
Орлова Д.А. Развитие исследовательских навыков младших школьников при изучении окружающего мира	180
Панфилова А.О. «Детская» аномия: к обозначению факторных контуров....	183
Протасова Е. Ю. Детские игровые площадки за рубежом	187
Прямикова Е.В. Образование как символический капитал в пространстве индустриального города	191
Пупкова Д.А. Способы самопрезентации подростков в социальных сетях (на примере социальной сети Instagram)	195
Роготень Н.Н. Современные проблемы детства: географический аспект ..	199
Савинская О.Б. Пространственное конструирование социальной услуги для детей в большом городе: стандарты, барьеры и возможности.....	203
Самойленко П.Ю. Экономические, социокультурные и имиджевые проблемы развития агломерации Владивостока в рамках демографических приоритетов развития Дальнего Востока России.....	207
Саралиева З.М. Успешная семья как мир детства	210
Семечкин Н.И. Детство и среда обитания.....	213
Сивак Е.В. Геолокационные данные в социологических исследованиях повседневной мобильности: возможности и ограничения	216
Сидоркина З.И. Качественный потенциал населения Дальнего Востока: перспективы использования	219

Соколова М.М. Образ города Владивостока у школьников (на примере учащихся 6-7 классов МБОУ СОШ № 5 г. Владивосток).....	223
Статкевич В.В. Социальные сети в профессиональном самоопределении старшеклассников: ресурсы и риски.....	225
Стеколыщикова А.А., Кузина И.Г. Профилактика социального сиротства в России и Китае: социологический анализ	228
Стельмах И.В. К вопросу исследования отношения педагогов дошкольных образовательных организаций к инициативности воспитанников	234
Судьин С.А. Психологически больной ребенок в семье: к вопросу о формировании социологической теории созависимости.....	237
Телегина Г.А. Антикризисная семейная политика в регионе, как условие социального благополучия детей	241
Толвайшиц Л. Миры детства в этнополитической географии косовско-сербских анклавов	244
Толстокорова А.В. Маленькие Муки: мобильность детей без сопровождения в глобальных потоках международной миграции.....	248
Филина В.Н. Трансформация детства в современном обществе: влияние медиакультуры.....	251
Филипова А.Г., Высоцкая А.В. Детство в российских регионах: влияние социально-экономических факторов.....	255
Филипова А.Г., Никитина-ден Бестен О., Ракитина Н.Э. «Географический поворот» в исследованиях детства	258
Чекменева А.С. Социальная работа с многодетными семьями как гарант улучшения демографической ситуации в Российской Федерации.....	262
Чжан Хай Лунь Модернизация социальной среды китайских городов в современных условиях	265
Чистик К.В. Права детей в социальном сопровождении их семей в контексте участвующего подхода	269
Шекунова Ю.О. Родительские решения в сфере потребления: региональный аспект.....	273
Шитова Д.А. Актуальные причины социальной дезадаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в регионах	277
Шорыгин Е.А. Ребенок в эпоху гаджетизации: психоаналитический очерк.....	280
Янак А.Л. Отцовско-детские отношения в разных типах семей: взгляд отцов	284
Яровая В.Е. Дети-дошкольники как участники исследований. Возможности использования проективных методов.....	289
Яшина М.Н. Международный опыт изучения семейного образования.....	292

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Настоящая конференция стала второй, посвященной социологическим исследованиям детства и проходящей на базе Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета. Первая под названием «Многомерные статистические модели и их применение в социологических исследованиях детства» состоялась в июне 2017 года. Она привлекла молодых исследователей из разных регионов России. В этом году мы, исследуя географию детства, расширили географию участников конференции за счет стран ближнего (Республика Беларусь, Украина) и не очень ближнего (Бразилия, Сербия, Франция, КНР, Финляндия) зарубежья.

Целью конференции стало обсуждение такого нового исследовательского направления / новой отрасли знания, как география/географии детства, которое, с одной стороны, тесно связано с географией населения, географией города, культурной географией, социальной географией, а с другой, - с социологией детства, педагогикой, детской психологией. Поэтому в мероприятии наряду с доминирующим большинством социологов приняли участие географы, педагоги, психологи, политологи, экономисты, социальные работники и др.

Для развития данного исследовательского направления важно комплексное использование методов. На мастер-классах школы-конференции молодые ученые продемонстрировали разнообразие методного арсенала Children's Geographies и представили к обсуждению результаты своих эмпирических исследований.

Материалы сборника охватывают разные темы пространственного анализа детства. Заданные для научного обсуждения векторы городского и регионального детства дополняются исследованиями потребительских практик, дополнительного образования, внутрисемейных отношений и пр. Авторы сборника не обошли своим вниманием такие социально уязвимые группы детей, как сироты и инвалиды; они также помещаются в разные

физические пространства – пространство детской площадки, городское пространство, пространство отдельной страны и т.д.

Эмпирические материалы, представленные в сборнике, собраны с использованием как традиционных (анкетирование, анализ документов), так и новых методов (мобильные приложения для сбора информации о перемещениях детей, метод проектной работы со школьниками, метод ведения дневников эмоций, метод составления рейтинга городских мест и др.).

Наряду с физическим пространством города, региона дети исследуются в виртуальном пространстве интернета – социальной сети ВКонтакте, приложениях Instagram, видеохостинге Youtube и пр. Виртуальное пространство рассматривается и как проекция реального мира, и как особый мир, развивающийся по своим законам, предоставляющий детям новые возможности для общения, самовыражения, отдыха и развлечения.

Отрадно отметить участие в конференции целых научных школ: из Нижнего Новгорода под научным руководством Зарэтхан Хаджи-Мурзаевны Саралиевой, из Москвы – под руководством Светланы Николаевны Майоровой-Щегловой, Перми – Зинаиды Петровны Замаевской, Белгорода – Ольги Александровны Волковой.

Мы выражаем признательность всем участникам и надеемся, что читателям будет интересны и полезны представленные в сборнике материалы. А также надеемся, что данное мероприятие будет содействовать развитию российской социологии детства, формированию новых исследовательских коллективов, вовлечению молодежи в данное предметное поле.

А.Г. Филипова

VIOLENCE AMONG ADOLESCENTS IN THE AGE OF TECHNOLOGY – A NEW PHENOMENON OR AN OLD PROBLEM IN SERBIA?

Matković Aleksandar, Doctor of Law (PhD); assistant professor, Faculty of European Legal and Political Studies, EDUCONS University (Сербия)

E-mail: al.matkovic@gmail.com

Novakov Ivana, Doctor of Philosophy (PhD) in Psychology; clinical psychologist, Oncology Institute of Vojvodina (Сербия)

E-mail: ivannaanovakov@yahoo.com

Abstract: The aim of this paper was to examine if digital violence among the adolescents in Serbia is a completely new phenomenon, or an old problem that manifests itself in a new form. Firstly we discuss some specificities of virtual violence. Secondly, in order to highlight the common factors that might lie in the essence of both types of violent behavior, we used two theories - a General strain theory and Bandura's social cognitive theory. After discussing preventive measures, we conclude that the old problem of interpersonal peer violence gets a new shape and transits where the current zone of social interaction is - from the streets and school yards to technical devices.

Keywords: cyberbullying, digital violence, traditional bullying, violent behavior.

Аннотация: Авторы работы ставят целью выяснить, является ли подростковое насилие в цифровой среде в Сербии совершенно новым феноменом или старой проблемой, находящей выражение в новой форме. Сначала авторами рассматриваются некоторые особенности виртуального насилия. Затем в целях выявления общих факторов, которые могут лежать в основе обоих видов агрессивного поведения, авторами используются две теории: общая теория напряжения и социально-когнитивная теория Бандуры. Рассмотрение превентивных мер позволяет сделать вывод, что старая проблема межличностного насилия среди сверстников меняет облик и перетекает в современную область социального взаимодействия – с улиц и школьных дворов в сферу технических устройств.

Ключевые слова: киберзапугивание, насилие в цифровой среде, традиционное запугивание, агрессивное поведение

1. Violence in digital era – definition and characteristics

Internet and digital media have become an integral part of young people's life worldwide. Research shows that children start using the Internet at an early age, while the number of children and teenagers who use the Internet on daily basis constantly increases, both in the world and in Serbia [1; 2]. Digital communication has become a dominant form of social interaction among young people, and, as such, turned into a new area in which peer violence may occur.

Due to this fact, violence besides its physical, additionally received the virtual form.

Two types of bullying can be distinguished: traditional bullying, which implies physical or verbal aggression, or exclusion from a peer group; and cyberbullying, which includes the use of electronic media (i.e., Internet or mobile phone) to carry out bullying behavior [3]. More precisely, cyberbullying can be defined as the use of the Internet as a medium through which, purposely and repeatedly, harm or discomfort is caused to a specific person or a group [4].

One study that explored this topic in Serbia [2] found that 89 % of elementary school students and 92 % of secondary school students had a profile on one of the social networks (most often on Facebook). We assume that nowadays these percentages are even higher. The same study revealed that a total of 62 % of primary school students and 84 % of high school students exposed themselves to some kind of the risks on the Internet [2]. According to this study, 37% of primary school students and 66 % of high school students experienced some form of digital violence [2]. We can see that the risk of being exposed to cyberbullying increases almost twice as children are growing up.

Digital violence is becoming a significant problem among young people in Serbia, and therefore requires a deeper understanding. Hence, the aim of this paper was to investigate if digital violence among the adolescents in Serbia is a completely new phenomenon, or an old problem that only manifests itself in a new form.

2. Violence in a virtual age - a new phenomenon or an old problem in Serbia?

Violence that occurs in digital communication has a number of specificities that distinguish it clearly from classical peer violence which occurs in direct communication. First of all, digital violence is characterized by a high degree of anonymity of a violent person/group. Anonymity, on the one hand, makes it difficult to determine the true identity of a violent person/group, which encourages violent behavior. On the other hand, it increases the feeling of helplessness of a person who suffers the violence. Another specific feature of digital violence is the constant availability of the victim. People can be exposed to digital violence at any time and anywhere, even when they do not use the Internet. Another distinguishing characteristic of cyberbullying is the fact that the violent person does not directly see the consequences of his/her actions through the reaction of the victim, which diminishes the empathy and acts as an incitement to violence. Finally, a very large number of people can be involved in digital violence (incomparably greater than in the "face to face" context). Information is spreading rapidly, so the number of people involved in digital violence - directly or indirectly - can become uncontrollable in a very short time. Once posted on the Internet, malicious information is difficult to destroy and can be misused if necessary.

However, there is also a significant conceptual and empirical overlap between traditional and digital types of bullying [5; 6]. Yet, it remains unclear whether similar psychological processes are responsible for the occurrence of both types of bullying behavior. In order to deeper explore this question and to

highlight the common factors that might lie in the essence of both types of violent behavior, we will use two theories - a General strain theory [7] and Bandura's social cognitive theory [8].

According to General strain theory [7], negative, strainful experiences and relationships can lead to frustration which may be positively related to involvement in delinquency and violence. Main categories of strains are: inability to achieve positively valued goals, removal of positively valued stimuli and a threat with negatively valued stimuli. General strain theory predicts that individuals will respond to strains in a different manner; some of them may become self-destructive (depression, guilt, etc.), while another will act violently (anger, outrage, violent crime...). When it comes to bullying, strains that could especially contribute to expression of violent behavior are exposure to peer abuse, parental rejection and negative experiences at school.

According to Bandura's social cognitive theory, children and adolescents tend to avoid behaviors related to which they anticipate punishment and engage instead in those behaviors that they believe will be rewarded [8]. Young people who engage in violence believe that they will be rewarded in some way (e.g., increased social status, access to desired resources, sense of self-worth, power and dominance...). In order to maintain and repeat violent behaviors over time, individuals must additionally receive some kind of reinforcement, meaning that family members, adults, and peers may reinforce children's bullying behavior (e.g., via praise, reward or acceptance) and thus make an impact whether young people believe that violence is acceptable or not. This fact is extremely important, as evidence suggest that youth are less likely to engage in bullying if they think that violence is unacceptable [9].

Both types of bullying (traditional and digital) may be explained with some common factors, although much specificity remains. When young people experience some kind of strain, those of them who consider that violence is acceptable and believe it will bring them reward and reinforcement, may be more likely to engage in some sort of bullying. Also, it seems that traditional and virtual violence are somehow interrelated. More precisely, there is an impression that the decline in the certain traditional forms of violence stands in direct relation to the expansion of technology. For instance: the expansion of television has transformed street violence and reduced the importance of delinquent gangs and delinquent abusers among adolescents. Expansion of the computer technologies and, consequently, wider availability of PCs further led to decline in the significance of delinquent subcultural groups that were typical for pre-computer and pre-Internet era [10; 11]. Our previous scientific work specifically underlined this pattern. We have examined youth delinquency in Serbia (in the city of Novi Sad respectively) and have concluded that, for example, local delinquent youth gangs from the period 1945-1965. transformed and declined, among other factors, due to the expansion of the television [11]. Likewise, we have also analyzed the decline of the domestic phenomenon of delinquent, music-related subcultural and countercultural youth groups that were very active from the late 1960s until the late 1990s – which is, basically, exactly the same time when per-

sonal computers expansion and local availability of the Internet have started [10].

3. Prevention of digital violence

Although in digital violence a victim cannot be physically hurt, the effects of cyberbullying can be very harmful - sadness, hopelessness, depression, anxiety and shame are just some of them. In order to respond adequately, it is essential for children to be informed about the preventive measures they can undertake to reduce the risk of digital violence (responsible behavior on the Internet, taking care of digital footprints, caution about personal information, not being passive – reporting the digital violence). Also, it is extremely important that adults have an active approach to this problem. Parents should provide their children with support, trust and respect, help them to cope with peer group pressure in a constructive manner and to master self-protective behavior. They should improve their technological skills, talk to the children about the risks of using the Internet and define clear rules for using it. Schools must have a program of preventive activities. As we deeply believe that empathy is a key component in prevention of any sort of violence, preventive activities may focus on fostering capacity for empathy in young people. Also, the school is obliged to react in case of digital violence.

Conclusion

Cyberbullying is somehow both an old problem and a new phenomenon. It can be seen that some common mechanisms may lie in the essence of traditional and digital violence, such as contextual factors, social learning of violent behavior, attitudes about violence, reward and praise for violent acts and deep emotional consequences for the victims. However, cyberbullying has its important specificities, such as being less physically harmful and highly anonymous, which makes it “safer” for those who wouldn’t dare to act violently in direct communication. The lack of direct contact between aggressor and the victim fosters the lack of empathy and makes harassment easier. On the other hand, technology expansion has diminished the significance of certain traditional forms of adolescent violence, which may mean that the old problem changes its face and transits where the current zone of social interaction is - from the streets and school yards to technical devices, from the physical world to the virtual one.

References:

1. Livingstone, Sonia; Haddon, Leslie; Görzig, Anke; Ólafsson, Kjartan. Risks and safety on the internet: The perspective of European children. Full Findings. LSE, London: EU Kids Online, 2011.
2. Попадић, Драган; Кузмановић, Добринка. Коришћење дигиталне технологије, ризици и заступљеност дигиталног насиља међу ученицима у Србији. Школа без насиља, 2013: <http://sbn.rs/clientpub/uploads/Digitalno%20nasilje-Izvestaj%202013.pdf>, 19.04.2018.
3. Perren, Sonja; Gutzwiller-Helfenfinger, Eveline. Cyberbullying and traditional bullying in adolescence: Differential roles of moral disengagement,

moral emotions, and moral values. *European Journal of Developmental Psychology*, No. 9, 2012: 195-209.

4. Patchin, Justin W; Hinduja, Sameer. Bullies move beyond the schoolyard: a preliminary look at cyberbullying. *Youth Violence and Juvenile Justice*, No. 4, 2006: P. 148–169.

5. Dooley, Julian; Pyzalski, Jacek; Cross, Donna. Cyberbullying versus face-to-face bullying: A theoretical and conceptual review. *Zeitschrift für Psychologie/ Journal of Psychology*, No. 217(4), 2009: P. 182-188.

6. Smith, Peter K; Slonje, Robert. Cyberbullying: The nature and extent of a new kind of bullying, in and out of school, in: Shane R. Jimerson, Susan M. Swearer, Dorothy L. Espelage (Eds.). *The international handbook of school bullying*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 2010: P. 249-262.

7. Agnew, Robert. Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. *Criminology*, No. 30, 1992: P. 47-87.

8. Bandura, Albert. *Social learning theory*. Oxford: Prentice-Hall, 1977.

9. Swearer, Susan. M; Wang, Cixin; Berry, Brandy; Myers, Zachary R. *Reducing bullying: Application of social cognitive theory. Theory into Practice*, No. 53, 2014: 271-277.

10. Матковић, Александар. Улични криминалитет у Новом Саду, некад и сад – од утопије до реалности. *Култура полиса*, No. 34, 2017: С. 233-251.

11. Матковић, Александар. Криминолошка обележја младалачких делинквентних банди у Новом Саду у периоду 1945-1965. *Култура полиса*, No. 35, 2018: С. 233-251.

SOCIAL COMPENSATION AND THE DEVELOPMENT OF HIGHER PSYCHOLOGICAL FUNCTIONS: THEORETICAL PATH AND METHODOLOGY FOR TEACHER EDUCATION

Sueli Salles Fidalgo, Professor at the Federal University of São Paulo’s Post-graduate Program of Education and Health in Infancy and Adolescence. English Language and Teaching Undergraduate Program. Currently, the coordinator of the English Language Teaching Program at undergraduate level. (г. Сан-Паоло, Бразилија)
E-mail: ssfidalgo@terra.com.br

This paper aims specifically at discussing (or even simply describing) a few features that base our research in teacher education (both with in-service and pre-service teachers) carried out in a public (Federal) university in the outskirts of São Paulo, Brazil, during the past eight years. In this time, we have been working with teachers or teachers-in-training whose work environments include students whose “*parents may be drug users or dealers, be or have been imprisoned, children whose family member responsible may be a grandparent, and who may have a poor diet, if they have anything to eat at all before coming*

to school” (coordinator of a school that takes part in the teacher education program coordinated by us, 2012 [2]). The environment also includes students with specific educational needs (SEN)¹; poor access to public transportation, or to health services; children whose parents are struggling to get by each day or are even struggling to get jobs, among other essentials that are lacking in these suburbs of a large, overpopulated dormitory city just outside São Paulo – which is the largest city in South America.

Theoretically speaking, our papers focus mostly on Vygotsky’s discussions in *Fundamentals of Defectology* (1924-11934/035), about the development of children with SEN in school contexts in order to create flexible² educational material that might provide alternative methods or means of development. For him, the development of higher forms of behavior is the key for the progress of all children, regardless of whether they have a special need or not. And, the development of such functions is attained due to requirements, [6] and collaborative relationships that might lead to dialectical relations [11].

For this reason, Vygotsky saw the importance of the school, whose duty is to create the means for the child to access cultural tools. The author emphasizes many times in his texts in the collected volume already cited above that the development of Higher Psychological Functions should not be understood as a direct extension of natural development, but as a result of collaborative learning (hence the concepts of more experienced peer, mediation, zone of proximal development, for example).

In fact, for Vygotsky, creating an environment for children – with or without specific need - leads to cultural (and evidently, cognitive, affective) development [4]. In Brazil, nonetheless, teaching-learning and development of children with specific needs are still dealt with by examining what seems to be absent in them – something which is clearly rejected by Vygotsky when he says:

A child whose development is impeded by a defect is not simply a child less developed than his peers; rather he has developed differently... a child in each state of his development, in each of his phases, represents a qualitative uniqueness (...) [9].

Or

It is important that education aim to realize social potential fully and consider this to be a real and definite target. Education should not nurture the thought that a blind child [for example] is doomed to social inferiority. [7]

Brazil fails to recognize this, especially in the schools and in the lack of in-service teacher education that might allow professionals the means to address

¹ In Brazil, a new law has been published reviewing the service provision to people with special needs. After this, a discussion was raised in education as to the appropriate term to use when speaking of people with specific needs. Should we use special educational needs or disability. In this text, we choose to use specific educational needs because, as discussed in Fidalgo (2018), there are many children in schools that have specific needs, but are not disabled, such as children with learning difficulties and gifted children.

² It is important to say that we chose to use flexibilization instead of adaptation to avoid misunderstandings regarding what is currently known in Brazilian law and public policies as: (1) the need for the child to adapt to the school environment and (2) the need for the school to adapt its space so as to become more accessible, which may provide a means for the child to become integrated to the school. So, when speaking of materials design for children with specific needs, we choose to use the term “flexibility of material” rather than “adapted material”.

the matter. There is still very little work on how the children learn; how they deal with their specific needs or disabilities; which transformations are being socially and biologically operated in them so they can continue to grow. It is taken for granted that they can do very little – if anything – simply because they have a specific need, a ‘deficiency’. Vygotsky [8] also criticizes this view when he states that

More simply speaking, from both the psychological and the pedagogical points of view, the question has commonly been posed in crude physical and medical terms. A physical handicap has been analyzed and compensated for as just that, a handicap. Blindness has been defined as simply the absence of sight, deafness the absence of hearing, as if we were dealing with a blind dog or a deaf jackal. [5]

As we have previously published [1], the main problem is probably the fact that there is little or no provision of education for the teacher. Therefore, the teachers also become excluded due to poor public policies – that they do not know how to put into practice because they are still not educated (at university and after their graduation, in continuous (in-service) education programs) with these policies in mind. The university syllabus is still very content-based, fragmented, and geared for the epistemological area that the student-teacher will have to teach in the future. So, when they leave their undergraduate courses, they feel lost, and this feeling is worsened when they join a group of already lost teachers who say about teaching children with specific needs.

(...) So all this discussion about inclusion, on the part of the teacher, is always the same thing: “No problem, you can bring them, but how am I going to work?”

On top of that, it is important to mention that, in public schools in Brazil, there are sometimes different specific needs in one single class. This only multiplies the feeling of uneasiness from the part of the teacher, who may not know how to work with one child with disability, let alone several. Another important factor is that most state public-school classes are overcrowded – with between 40 and 60 students -, and there is only one teacher per class, and no assistant. [3]

In these contexts, we seek to design flexible material for children with specific educational needs as a way of implementing what Vygotsky called compensation (and we use as social compensation based on his works, especially when he discusses that compensation cannot be an organic, physical, natural procedure, i.e., it does not work in such a way that if a child is blind, s/he will hear better, or if s/he is deaf, will see better. This may even end up being true, but due to the development of material and equipment, and through social interactions that might promote this compensation.

It is important to remember that Vygotsky looked at the social element, at collectivity as a source of tools for development: we see that the reserve of compensatory forces is, to a large degree, to be found in the social-collective life of the child. Collective behavior is where he finds the material to build the inner functions which are realized during the process of compensatory development [10].

References:

1. Fidalgo, Sueli S. A Linguagem da Exclusão e Inclusão Social na Escola [Language of Social Exclusion and Inclusion in Schools]. São Paulo: Editora da Unifesp. 2018.
2. A Linguagem da (Ex-)Inclusão Social-Escolar na História, nas Leis e na Prática Educacional. Tese de doutorado. [Language of Social-School (Ex-)Inclusion in History, in the Laws and in Educational Practice. Dissertation Thesis. São Paulo: PUC-SP: LAEL. 2006.
3. Brazilian teacher education for inclusive work (or lack thereof). Specificity of professional activity of social workers. Nizhny Novgorod, Russia: Faculty of Social Sciences f Nizhny Novgorod State University. 2015. pp. 473-477.
4. Cultural-historical psychology and activity approach in educating specialists in special education: Brazilian teacher education for inclusive work. The materials of international symposium - Scientific school of L.S. Vygotsky: traditions and innovations. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education. 2016. pp. 76-89
5. Veresov, N. Duality of categories or dialectical concepts? Integrative psychological and behavioral science. New York: Springer. Published online on 23 September 2015. V. 50, pp.244-256.
6. Vygotsky, L. S. Defectology and the study of the development and education of abnormal children. In. Rieber, R. W (ed.). The collected works of L.S. Vygotsky: Vol. 2. Fundamentals of Defectology. New York and London: Plenum Press. n.d./1993. pp. 164-172.
7. Chapter 1: defect and compensation. In. Rieber, R. W (ed.). The collected works of L.S. Vygotsky: Vol. 2. Fundamentals of Defectology. New York and London: Plenum Press. 1924a/1993. pp. 52-64.
8. Chapter 3: the psychology and pedagogy of children's handicaps. In. Rieber, R. W. (ed.). The collected works of L.S. Vygotsky: Vol. 2. Fundamentals of Defectology. New York and London: Plenum Press. 1924c/1993. pp. 76-96.
9. Introduction: Fundamental problems of defectology. In. Rieber, R. W. (ed.). The collected works of L.S. Vygotsky: Vol. 2. Fundamentals of Defectology. New York and London: Plenum Press. 1929/1993. pp.29 – 51.
10. The collective as a factor in the development of the abnormal child. In. Rieber, R. W. (ed.). The collected works of L.S. Vygotsky: Vol. 2. Fundamentals of Defectology. New York and London: Plenum Press. 1931b/1993. pp. 191-208.
11. The problem of mental retardation. In. Rieber, R. W. (ed.). The collected works of L.S. Vygotsky: Vol. 2. Fundamentals of Defectology. New York and London: Plenum Press. 1934/1935/1993. pp. 220-240.

Абросимова Е.Е., младший научный сотрудник, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (г. Владивосток, Россия)
E-mail: gaijony@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются процессы социализации современных детей и подростков в контексте всеобщей информатизации и тотального распространения Интернета. Видеоблогинг - новое, набирающее популярность явление, представлено как часть интернет - социализации. Особенностью данного явления является возможность детей и подростков выступать акторами – самостоятельно создавать и вести видеоблоги.

Ключевые слова: Интернет, социализация, видеоблог, видеоблогосфера, дети.

Abstract: The article deals with the processes of socialization of modern children and adolescents, in the context of the features of the information society and the constant presence of the Internet in their lives. A new but emerging phenomenon is emerging, video blogging, which is part of Internet socialization. The main feature of this phenomenon is the potential opportunity for children and adolescents to create an independent video blogging process, which affects the process of socialization in general.

Keywords: Internet, socialization, video blog, video blog sphere, children.

Массовая информатизация общества сделала Интернет-пространство важной частью повседневности большинства современных людей. Интернет за сравнительно небольшой срок своего существования оказался задействованным во всех сферах жизни общества – политической, экономической, социокультурной. Социальные процессы он-лайн и оф-лайн переплетаются, взаимно перетекают друг в друга, зачастую границы между ними размываются. Современные отечественные и зарубежные исследователи называют новый мир изменчивым, фрагментарным, мозаичным, текучим с нестабильными отношениями и формами организации социальной жизни [1].

Стремительно изменяется и образ современного детства. Представители нового поколения сформированы медиасредой и рекламой, у них другой тип мышления, они способны обращаться сразу к нескольким источникам информации и пребывают одновременно и в физической, и в виртуальной реальности. Вопрос о возможных позитивных и негативных последствиях такого рода изменений пока остается открытым, однако уже можно без преувеличения сказать, что Интернет и его многочисленные сервисы стали такими же важными агентами социализации детей и подростков, как семья и школа.

Ряд исследователей отмечают тот факт, что интернет-пространство стало новой средой для социализации современных детей и подростков.

Некоторые авторы даже сформулировали такие термины как «виртуальная социализация» и «киберсоциализация» [2]. Данный термин отражает новый вид социализации, который может как дополнять традиционные механизмы социализации, так и частично замещать их.

М.С. Чванова приводит следующие факторы интернет-социализации современной молодёжи: участие в социальных сетях; использование ресурсов облачных технологий; подписка на новости медийной интернет-среды (СМИ); использование досуговых сервисов (в том числе компьютерные игры); участие в онлайн - форумах, чатах; использование научных сетей; регистрация и использование электронных библиотек; применение электронного правительства для решения профессиональных и социально бытовых проблем; применение для перевода денежных средств онлайн-банкинга [3].

Видеоблогинг как фактор погружения детей и подростков в интернет-среду не упоминается. Но если проанализировать основные функции и структуру данного явления, то становится очевидным его комплексность. Видеоблогинг включает в себя характеристики большинства медийных сервисов популярных среди современных детей и молодёжи. Его популярность, среди множеств интернет - ресурсов и средств интернет-коммуникации обусловлено содержанием визуального компонента. Вероятнее всего, именно с этим связан постоянно возрастающий интерес подрастающего поколения к относительно новому явлению в интернет-среде – видеоблогингу.

По мнению экспертов агентства «Полилог», интерес к видеоблогингу в целом идёт именно от детской аудитории. Помимо того, что видеоблогинг, как часть интернет-пространства, несет ряд явных функций (коммуникация, поиск информации, самопрезентация, обучение и пр.), есть риски и отсроченные эффекты этого нового социального явления, которые нуждаются в изучении и анализе [4].

Видеоблогосфера является той частью виртуального пространства, в котором максимально сконцентрированы кумиры современного детства. При этом видеоблогосфера не просто является транслятором информации о кумирах, об их жизни и творчестве, она является непосредственно площадкой для их создания. Это делает видеоблогосферу максимально привлекательной для юного поколения. Именно в этой среде ребенок или подросток получает возможность к реализации такого психологического механизма как подражание или копирование примеров и образцов поведения окружающих людей. Ребенок начинает идентифицировать себя с другими людьми. Данные психологические механизмы (подражание и идентификации) присущи и реальной жизни ребенка. В условиях информационного общества образцы для подражания и отождествления юные пользователи все чаще находят именно в виртуальной среде [3].

Такой психологический механизм социализации как экзистенциальный нажим или овладение языком и усвоение норм общественного поведения также присущ социализации в видеоблогосфере. Любая виртуальная социализация способствует формированию собственной электронной культуры, где возможно выделение элементов: язык, нормы и традиции.

Такого рода социализация подразумевает примитивизацию (или оптимизацию) языка через использование упрощенных языковых форм [3].

Следует сразу отметить особенность рассматриваемого вида интернет-социализации, которая заключается в аудио-визуальном способе восприятия информации. Текстовая интернет-коммуникация способствует упрощению языковых форм, что может иметь определенные негативные последствия в процессе развития навыков коммуникации в реальной жизни. Специфика же видеоблогинга как коммуникативного процесса заключается в том, что автор видеоблога, подготавливая видеоматериал представляет зрителям максимально удачный вариант. Авторы видеоблога стремятся сделать свой контент более интересным и разнообразным, не сводя его к примитивизации транслируемой информации.

Специфика видеоблогинга как процесса заключается в том, что упомянутые выше психологические механизмы не сводятся только к перениманию ребенком поведенческих норм или ценностных установок, но и способствуют его активной созидательной деятельности.

Авторское исследование, проведенное на территории Приморского края, показало, что около 30 % детей и подростков, не просто являются зрителями видеоблогов, не только потребляют информацию, транслируемую этой частью глобальной сети, но и становятся самостоятельными авторами видеоблогов. Результаты исследования отражают и тот факт, что многие дети-авторы стараются подражать своим любимым видеоблогерам. Юные интернет-пользователи воспринимают процесс создания видеоблога как определенный вид творчества [5].

Можно сделать вывод о том, что современное интернет-пространство уже стало неотъемлемой средой развития ребенка как личности, т.е. средой его социализации. Новые реалии информационного общества диктуют ему новые правила поведения и новые правила адаптации в изменчивом мире. Видеоблогосфера, как неотъемлемая часть глобальной сети, является достаточно новой, но, тем не менее, очень популярной средой времяпрепровождения современных детей и подростков. Как и все интернет-пространство, видеоблогосфера содержит определенные риски и ресурсы для потенциального развития юных интернет пользователей. Это требует дальнейшего изучения. Однако, уже на современном этапе становится очевидно, что видеоблогинг как процесс является стимулом для развития у детей определенных личностных качеств, которые не могут не оказывать влияние на процесс социализации в целом.

Библиографический список:

1. Асмолов А. Синдром Вельда, или Поколение, ушедшее в виртуальный мир. URL: <http://www.psyh.ru/rubric/7/articles/29/> (дата обращения: 14.02.2018); Шурбе В.З. Поколение хай-тек и “новый конфликт” поколений? // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 100-106; Серр М. «Девочка с пальчик», 2016.

2. Чистяков А.В. Социализация личности в обществе интернет-коммуникаций: социокультурный анализ: дис. ... д-ра соц. наук. Ростов н/Д,

2006. 278 с.; Янковская Л.В. Виртуальная социализация личности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки. Новополоцк, 2012. № 7. С. 169-176; интервью с членом-корреспондентом РАО, д. п. н., профессором Анатолием Викторовичем Мудриком. URL: http://homocyberus.ru/mudrik_intervyu (дата обращения: 14.02.2018).

3. Чванова М.С. Влияние интернета на социализацию молодежи / М.С. Чванова // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. - 2017. Т. 22, вып. 5 (169) с. 23-35.

4. Российский видеоблогинг 2015. Роль и значение в коммуникациях в цифровой среде: Видфест. М., 2015. URL: <http://www.polylog.ru/a/pdf/2015-06-09-vlogging-analysis.pdf> (дата обращения: 14.01.2018).

5. Филипова А.Г. Videоблогинг и современные подростки: опасности интернет-пространства / А.Г. Филипова, А.Ю. Ардалянова, Е.Е. Аброимова // Теория и практика общественного развития. 2017. № 8. С. 9-13.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВМЕСТНОЙ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ ТОСЭР КОМСОМОЛЬСК

Адашова Т.А., кандидат географических наук, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (г. Москва, Россия)

Машикина И.В., почетный работник общего образования, учитель географии, муниципальное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа №37 (г. Комсомольск-на-Амуре, Россия)

E-mail: pushik73@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются этапы реализации совместного проекта студентов РУДН (г. Москва) и школьников (г. Комсомольск-на-Амуре) по изучению вопросов экономики города. Особое внимание уделяется возможностям организации дистанционной работы, результатом которой стало открытие профильного социально-экономического класса в МОУ СОШ №37 г. Комсомольска-на-Амуре.

Ключевые слова: проектная деятельность, Территория опережающего социально-экономического развития, Комсомольск-на-Амуре

Abstract. The article examines the stages of the implementation of the joint project of students of the Peoples' Friendship University of Russia (Moscow) and schoolchildren (Komsomolsk-on-Amur) to study the issues of the city's economy. Particular attention is paid to the possibilities of organizing distance work, achieved after the opening of the profile socio-economic class in the school № 37 in Komsomolsk-on-Amur.

Keywords: Project activity, Territory of advanced socio-economic development, Komsomolsk-on-Amur

Практически в каждом методическом издании, посвященном ФГОС второго поколения, адресованном учителю географии, говорится о том, что «Специфика географии – ее естественно-общественная сущность». Указываемый перечень решаемых предметом задач обширен. Однако вследствие сокращения в учебном плане часов на изучение географии, регулярными изменениями КИМов ЕГЭ и увеличением численности учеников в классе, учителя все чаще задаются вопросом, каким образом при сложившихся условиях можно полноценно дать знания по географии учащимся. Хорошее подспорье и эффективный инструмент для решения данной проблемы – метод проектов – неотъемлемая часть системно-деятельностного подхода, на идеях которого базируется ФГОС ООО [4].

Проектная деятельность на уроках географии – это особая форма учебной работы, направленная на овладение школьниками предметной и метапредметной составляющими программы. Она интегрирует изучение теоретических вопросов, практические исследования, умение взаимодействовать с другими участниками проекта, давать оценку своей деятельности. Кроме этого, проектная деятельность, базирующаяся на краеведческом материале, способствует воспитанию гражданина-патриота и может оказать основополагающее влияние на выбор дальнейшего профессионального пути [5].

Идея совместного проекта возникла благодаря заинтересовавшему учеников 8-го класса МОУ СОШ №37 г. Комсомольска-на-Амуре вопросу «Что такое ТОСЭР, слово с которым связывают имя родного города – Комсомольска-на-Амуре?». Начался кропотливый сбор сведений о территориях опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) Хабаровского края. Анализ полученной информации позволил сформулировать проблему, с которой школьники обратились к студентам 3 курса Экономического факультета РУДН. Это ребята – обучающиеся профиля «Экономика города». В рамках своей специализации они осваивают не только базовые компетенции (изучают геоурбанистику, экономику недвижимости, городскую логистику, экономику ЖКХ, государственное и муниципальное управление, государственные и муниципальные финансы, правовое обеспечение экономического развития города), но и современные, инновационные технологии управления (Smart city, ГИС в управлении городским хозяйством, брендинг города и т.д.). Обладая крепкими знаниями в области решения вопросов управления городскими финансами и хозяйством, разработки стратегических документов развития муниципальных образований, они выступили своеобразными экспертами, помогающими учащимся иначе посмотреть на развитие своего города.

Общаясь в социальных сетях, и в частности, в «ВКонтакте», ребята нашли страницу группы «Экономика города» и обратились к ним в своем видеобращении: «Мы учимся в 8 классе. Очень скоро нам предстоит выбирать, куда пойти учиться, какую специальность выбрать, в каком городе учиться, жить и работать? В последнее время в нашем городе сложилась такая тенденция – выпускники школ выезжают для учебы в центральные

районы страны для получения образования и, как правило, уже не возвращаясь в свой город. Но в 2015 году постановлениями Правительства Российской Федерации создана территория опережающего социально-экономического развития "Комсомольск". В ходе ее реализации предполагается создание более 6,5 тыс. рабочих мест. Вот мы и задумались, а изменит ли создание ТОСЭР наш город к лучшему или создаст новые проблемы? Какие перспективы это открывает для нашего города и для его жителей? И как это может отразиться на нас как будущих студентах и специалистах?». Это стало началом совместного проекта студентов РУДН и школьников из Комсомольска-на-Амуре «ТОСЭР Комсомольск: проблемы и перспективы развития». Исследователи поставили перед собой цель: изучить возможные перспективы для территории опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке на примере г. Комсомольска-на-Амуре. Участниками проекта решались задачи:

- изучение природных, социальных, экономических особенностей города, определение перспектив его развития;
- разработка методики изучения города;
- формирование навыка ведения диалога у студентов и школьников, умения формулировать и аргументировать свою точку зрения;
- формирование навыков анализа и синтеза информации при ее обработке, навыка работы с географической литературой, географическими картами.

В ходе совместной деятельности в период с ноября 2015 г. по март 2017 г. реализовывалась разрабатываемая студентами РУДН программа по изучению города Комсомольска-на-Амуре. Уникальность ситуации в том, что будущие специалисты профиля «Экономика города» никогда не посещали лично изучаемый город. Используя имеющиеся знания и навыки, студенты предлагали выполнить задания, решения которых помогло бы оценить дальнейшие перспективы развития города и дать ответ на волнующий школьников вопрос.

Задания, разработанные студентами профиля «Экономика города» были составлены таким образом, что по итогам каждого из них учащиеся получали промежуточный продукт проекта, конкретный измеримый результат затраченных усилий (видеоролик, результаты социологического опроса, презентация, запись интервью и т.п.), что способствовало формированию у школьников когнитивных, личностных, регулятивных, метапредметных универсальных учебных действий [2]. Студенты же помимо составления заданий активно занимались изучением Комсомольска и его проблем посредством литературы и СМИ.

Результатом работы совместного проекта стало проведение на базе Экономического факультета РУДН семинара "Территория опережающего социально-экономического развития «Комсомольск-на-Амуре»: проблемы и перспективы развития", в ходе которого учащиеся и студенты пытались ответить на вопрос, поставленный школьниками: «А изменит ли создание

ТОСЭР наш город к лучшему?» В результате анализа представленных данных, обсуждения выступлений ребята пришли к следующим выводам.

Несомненными плюсами создания ТОСЭР являются:

- Приток инвестиций в город;
- Развитие существующих и создание новых промышленных предприятий;
- Развитие малого бизнеса;
- Создание новых рабочих мест;
- Улучшение инфраструктуры города.

Но есть и риски. Вполне возможно, что на новые рабочие места будут привлекаться граждане иностранных государств или других регионов. На площадке «Амурск» планируется восстановление целлюлозно-картонного комбината, а это грязное производство, не будет ли этим нанесен вред окружающей среде? Изменения в рамках ТОСЭР «Комсомольск» коснулись, прежде всего, социальной сферы нашего города – ремонт дорог, реконструкция набережной и драмтеатра, строительство и ввод в эксплуатацию спортивного комплекса. Пока не очень активно ведутся работы по созданию новых промышленных предприятий, и, как следствие, – рабочих мест. Начато строительство дороги к площадке Парус, но пока сама площадка (впрочем, как и площадка Амурлитмаш) не изменилась. Одной из причин мы считаем недостаточную заинтересованность резидентов ТОСЭР во вложении средств именно в площадки ТОСЭР Комсомольск (при анализе источников СМИ было установлено, что резиденты охотнее вкладывают средства в площадки ТОСЭР Хабаровск).

Значение данного проекта для школьников и студентов трудно переоценить. Студенты познакомились с новой для себя территорией, а школьники смогли посмотреть на город другими глазами, увидеть его необычность, уникальность, оценить его значимость для нашей страны. Кроме этого, проект помог школьникам определиться с дальнейшим профилем обучения, т.к. в ходе его реализации учащиеся попробовали себя в разных видах деятельности: работа с литературой, работа на местности (практическая проработка виртуального маршрута), создание видеороликов и презентаций, интервьюирование, проведение и обработка данных социологического опроса, представление результатов своей работы. На протяжении всего проекта проводилась диагностика профессионального самоопределения школьников, были организованы экскурсии в краеведческий и художественный музеи, на промышленные предприятия (КнААЗ), в учебные заведения города. Был составлен справочник абитуриента. А также по результатам проекта был определен профиль 10 класса – социально-экономический.

Библиографический список:

1. Адашова Т.А., Ковалев В.В. Комсомольск-на-Амуре // География. 2002. №3. С. 5 - 13.

2. Беловодова, Е.А. Формирование универсальных учебных действий. Методическое пособие. 5-9 классы / Е.А. Беловодова. Москва: Вентана-Граф, 2013. 224 с.

3. Лаппо, Г.М. География городов / Г.М. Лаппо. М.: ВЛАДОС, 1997. 480 с.

4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / Москва: Просвещение, 2011. 47 с.

5. Середя, Л.А. Метод проектов – путь к творчеству: рекомендации по практическому применению метода проектов / Л.А. Середя, Е.Г. Серенко, Э.Ч. Цой, А.С. Чуланникова. Комсомольск-на-Амуре: изд. ООО «Агора», 2010. 52 с.

Нормативные документы ТОСЭР:

6. Федеральный закон № 473 –ФЗ "О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации"

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 390 г. Москва "О порядке передачи управляющей компании, осуществляющей функции по управлению территорией опережающего социально-экономического развития, на праве собственности или аренды находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков, зданий, строений и сооружений, расположенных на территории опережающего социально-экономического развития, и порядка распоряжения такими земельными участками, зданиями, строениями и сооружениями, а также объектами инфраструктуры территории опережающего социально-экономического развития".

8. Приказ Минвостокразвития России от 02.04.2015 № 42 "Об утверждении формы заявки на заключение соглашения об осуществлении деятельности на территории опережающего социально-экономического развития, примерной формы бизнес-плана, критериев и методики оценки заявки и бизнес-плана".

9. Видеоприветствие группы профиля «Экономика города» [Электронный ресурс]: https://vk.com/econgorod?z=video10833263_171536285%2Fd0057_d76104f6d3_e93%2Fpl_post_-90052009_81 (дата обращения 13.04.2018).

10. Видеообращение школьников 8 классов к студентам профиля «Экономика города» [Электронный ресурс]. https://vk.com/econgorod?z=video303022584_171779999%2F6ed710899e25cb3b1b%2Fpl_post_-90052009_92 (дата обращения 13.04.2018).

11. Видеоролик школьников 8 классов [Электронный ресурс]: https://vk.com/econgorod?z=video303022584_171782277%2F022455712dec8843ea%2Fpl_post_-90052009_96 (дата обращения 13.04.2018).

12. Интервью школьников с учителем истории МОУ СОШ №37 Власовой Г. А. [Электронный ресурс]: https://vk.com/video303022584_171935371 (дата обращения 13.04.2018).

КОМПЕТЕНТНОЕ ДЕТСТВО: УМЕНИЕ БЫТЬ РЕБЕНКОМ

Арпентьева М.Р., доктор психологических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Югорский государственный университет (г. Калуга, г. Ханты-Мансийск, Россия)

E-mail: mariam_rav@mail.ru, arpentevamr@tksu.ru

Аннотация: Социальная одаренность ребёнка, «компетентное детство» – характеристика, наименее изученная, в том числе в таком аспекте, как умение быть ребенком. Кроме того, она не является ни предметом научной рефлексии, ни объектом специального внимания в процессе воспитания и обучения, что затрудняет понимание ребенком окружающего его мира и самого себя. В цели работы Семейной академии входит не только «компетентное родительство», но и «компетентное детство».

Ключевые слова: социальная одаренность ребёнка, умение быть ребенком, кризис, развитие, становление собой, становление партнером, Семейная академия, компетентное родительство, компетентное детство.

Abstract: Social giftedness of the child, "competent childhood" is a characteristic that has been least studied, including in such an aspect as the ability to be a child. In addition, it is neither an object of scientific reflection, nor an object of special attention in the process of education and training, which makes it difficult for the child to understand the world around him and himself. The purpose of the work of the Family Academy is not only "competent parenthood", but also "competent childhood".

Keywords: social giftedness of the child, ability to be a child, crisis, development, becoming yourself, becoming a partner, Family Academy, competent parenthood, competent childhood.

Социальная одаренность ребёнка, «компетентное детство» – характеристика, наименее изученная, в том числе в таком аспекте, как умение быть ребенком. Кроме того, она не является ни предметом научной рефлексии, ни объектом специального внимания в процессе воспитания и обучения, что затрудняет понимание ребенком окружающего его мира и самого себя. Современное кризисное общество прилагает, как кажется колоссальные усилия для того, чтобы ребенок так этому и не научился и не узнал: тотальное отвержение ребенка в семье и школе, попытки лишить ребенка времени и места на развитие и подмена развития «воспитанием» или сведением к «обучению», разрушительно сказываются на становлении маленького человека собой, партнером, на учебной и, в будущем, профессиональной деятельности [1; 2; 3; 4; 5]. Помочь решить эту проблему призвана Семейная академия, в цели работы которой входит не только «компетентное родительство», но и «компетентное детство». Программа предназначена для разных семей, но, особенно, для семей замещающих: там, где умения быть родителем и ребен-

ком подвергаются серьезным испытаниям и , вместе с тем, гарантируют само существование семьи. Умение быть ребенком предполагает понимание и принятие своих возможностей и ограничений, ролей и функций в семье, школе, клубе /кружке по интересам и т.д. на разных этапах онтогенеза. Конечно, данное умение должно обеспечиваться и поддерживаться родителями, тьюторами, педагогами и обществом в целом, однако, ребенок также может и способен внести вклад в формирование и развитие этого умения.

Цель Семейной академии - способствовать гармонизации детско-родительских отношений в приемных (замещающих) семьях, включая профилактику и помощь в период кризисов, профилактику и преодоление проблем в развитии ребенка профилактику вторичного сиротства и разрушения семей, развитию служб сопровождения приемных семей и их взаимодействия с замещающими семьями [6; 7; 8; 9]. Под термином «приемная или замещающая семья» понимается семья, принявшая ребенка на воспитание в любой форме устройства, предусмотренной законом (усыновление (удочерение), принятие под опеку или попечительство, принятие в приемную семью либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью) [10; 11; 12; 13]. Данная цель осуществляется в рамках системы образовательных и консультативно-психологических услуг через систему четырех школ: Школы для родителей, основной целью которой является помощь родительской подсистеме, «воспитание родителей»; Школы для супругов, основной целью которой является помощь супружеской подсистеме, гармонизации взаимоотношений в супружеской паре как основного источника благополучия приемных и кровных детей; Школа для детей, основной целью которой является помощь детям в осмыслении и освоении ими своих места и ролей в семье, осмыслении их функций в гармоничных семейных отношениях; Школа психосоциальных работников (специалистов сопровождения замещающей семьи), целью которой является организация методической и супервизорской помощи специалистам центров социального обслуживания семей и детей, центров содействия семейному устройству детей-сирот и т.п.

Школа специалистов сопровождения выполняет функции супервизорско-методической и психолого-психологической помощи специалистам, работающим с замещающими семьями а) в режиме активного сопровождения и б) в режиме организации групп и форм самопомощи членов замещающих семей. В качестве дополнительного аспекта проекта выступает организация курсов повышения квалификации специалистов, работающих в службах по сопровождению замещающих семей, а также осуществление «второго уровня» подготовки слушателей семейной академии – «Школы замещающей семьи», развивающая позицию, знания и навыки, необходимые для профессионального родительства.

Содержание работы «Школы для детей» с одной стороны, тесно перекликается с содержанием работы иных школ, но детям предлагается адаптированный к их возрасту перечень форм и содержаний индивидуальной, групповой, семейной и общинной работы . Приведём основные тематиче-

ские блоки работы с детьми, реализующиеся преимущественно в лекционно-игровой и тренинговой формах. Начало работы связано с лекционно-диагностическим занятием «Мама и папа: для чего они мне?» . Далее идут занятия на темы: «Что делать, когда мама и папа ссорятся...», «Кого я люблю сильнее? Обоих!», «Чем бабушка и дедушка похожи и отличаются от мамы и папы», «Я стал сиротой... я уже не сирота», «Я — хочу быть!», «Прощать родителей: как и зачем», «Внимание или поддержка родителей», «Верю миру – верю себе», «Мир полон тайн: самовоспитание и самообучение», «Как воспитывать родителей: тайны родителей, которые должны знать дети», «Я – наследник семейных традиций», «Если папа и мама разводятся: что делать мне?», «Новый папа и новая мама: мой мир увеличивается...», «Хочу быть взрослым: посоветуйте!», «Я расту: растет и мой мир», «Помогать и уважать родителей», « Чужие взрослые: что с ними делать и не делать», «Родители: мое будущее, настоящее, прошлое», «Мои сестры и братья: любить или бежать?», «Другие дети – просто другие», «Уметь слушать: слова и тело», «Уметь слушаться» В заключение работы и в течение работы организуются тематические индивидуальные и групповые психологические консультации , в том числе по запросу детей и по запросу самих родителей. Компоненты данной программы прошли апробацию в рамках работы центра «Содействие» в Калуге и центра «Милосердие» в Обнинске Калужской области в 2009-2017 годах, в том числе в рамках «Школы замещающего родителя», а также в работе психологов центров с детьми и взрослыми. Результаты работы оценивались на основе отзывов детей и родителей о росте гармонии семейных отношений, включая преодоление условно-негативных поведенческих форм реагирования (замещающее реагирование, сопровитвление и агрессия, пассивность и отчужденность, ревность и зависть и т.д.). По данным опросов более 90 % респондентов (родителей и детей) отметили , что «им стало легче» в общении и отношениях друг с другом, что они чувствуют себя более уверенно и компетентно.

Библиографический список

1. Арпентьева М.Р., Рожкова Н.Г. Жизненные перспективы замещающих семей и их сопровождение в центрах социальной поддержки. Научная монография // Профессиональная библиотека работника социальной службы. – М.: ООО Изд-во «Социальное обслуживание», 2014. №6. 256 с.
2. Арпентьева М.Р., Рожкова Н.Г. Жизненные перспективы замещающих семей: изучение, особенности, социальная поддержка. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2016. 450 с.
3. Арпентьева М.Р., Алексеечкина К.В., Головашкина А.В., Рожкова Н.Г., Чикалов Н.А. Социальная адаптации и благополучие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Коллективная монография / Под общ. ред. М.Р. Арпентьевой // Профессиональная библиотека работника социальной службы. М.: ООО Изд-во «Социальное обслуживание», 2015. №12. 256 с.
4. Боулби Д. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 477 с.

5. Браун Дж., Кристенсен Д. Теория и практика семейной психотерапии. СПб.: Питер, 2001. 352 с.
6. Гарифулина Э.Ш. и соавт. Школа принимающих родителей: Методическое пособие. М.: ООО Издательство «Проспект», 2010. 206 с.
7. Гуслова М. Семейные клубы и реабилитация семьи // Социальное обеспечение. 2000. №1. С. 26-29.
8. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер. 1999, 651 с.
9. Barker R. Z. Social work dictionary. NASW, Silver Spring. Md, 1987. 320p.
10. Ослон В. Н. Психологическое сопровождение замещающей профессиональной семьи // Вопр. психологии. 2001. № 4. С. 39-52.
11. Ребенок должен жить в семье. Информационно-методический сборник / Под ред. А.В. Головашкиной, М.В. Гордеевой, М.Р. Минигалиевой и др. – М.: Фонд поддержки детей НТЖС, ООО «Малый бизнес», 2013. 120 с.
12. Munro E. Effective child protection. SAGE Publications, 2002. 179p.
- Triseliotis J. Borland M., Hill M. Delivering Foster Care. London: BAAF, 2000. 250 p.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ГЛАЗАМИ РОДИТЕЛЕЙ

Белоусов К.Ю., кандидат социологических наук, доцент кафедры социально – педагогических измерений, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: beloysovkonstantin@gmail.com

Лебедева Л.Ю., преподаватель кафедры социально – педагогических измерений, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: lyuba.lebedeva@gmail.com

Максимцова Т.А., ст. преподаватель кафедры социально – педагогических измерений, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: tam23@bk.ru

Матюшкина М.Д., доктор педагогических наук, зав. кафедрой социально – педагогических измерений, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: mdmatyush@gmail.com

Аннотация: В материале приводятся некоторые результаты опроса родителей, чьи дети посещают учреждения дополнительного образования в Санкт-Петербурге. Полученные данные позволяют говорить о высоком уровне доверия со стороны родителей и школьников к образовательным учреждениям дополнительного образования и ко всей системе дополнительного образования детей в целом.

Ключевые слова: Дети, родители, дополнительное образование, Санкт-Петербург.

Abstract: The material adduces a number of results of the polls among parents whose children take extracurricular activities at specialized Saint Petersburg institutions. The data provides evidence of high level of trust of parents and school children in EAA institutions and the extracurricular education system as a whole.

Keywords. Children, parents, extracurricular education system, Saint-Petersburg.

Проблемы качества образования и, соответственно, его оценки, остаются одним из приоритетов государственной политики в области образования. Также значимы и вопросы экономики образования, эффективности планирования государственного заказа к образованию на различных его ступенях, а также планирования разнообразных платных образовательных услуг, предоставляемых гражданам. В связи с этим в школах, дворцах творчества детей и молодежи, домах и центрах детского творчества актуальна задача выявления насущных потребностей населения в дополнительном образовании, а также оценки удовлетворенности спектром и качеством оказываемых услуг.

Для планирования и эффективной реализации образовательной деятельности каждая организация, оказывающая услуги дополнительного образования детей, должна ответить на следующие ключевые вопросы: какова удовлетворённость населения услугами, ею оказываемыми, соответствуют ли запросы и ожидания потребителей (родителей и детей) реальным предложениям рынка и, в частности, предложениям данной организации? Кроме того, немаловажно выявить степень взаимопонимания и возможности взаимодействия потребителей услуг системы дополнительного образования (прежде всего, родителей учащихся) непосредственно с теми организациями, которые их оказывают. Важно также дать оценку потребностям детей по различным направлениям, и описать наиболее востребованные творческие объединения, в которых занимается ребенок во внеурочное время, в том числе с учетом финансовой составляющей (бюджетная/платная основа обучения). В целях решения поставленных проблем сотрудники кафедры социально-педагогических измерений СПб АППО провели опрос среди потребителей услуг системы дополнительного образования детей Санкт-Петербурга. Принимая во внимания факт, что дети, посещающие творческие объединения системы дополнительного образования в силу возраста, интеллектуального уровня, эмоционального фона и ряда других факторов не всегда могут быть надёжными информантами, опрос был ориентирован на их родителей, которые дают более взвешенные оценки и чьё мнение может быть более объективным, чем мнение детей и подростков. Поэтому в качестве основных потребителей услуг дополнительного образования и, соответственно, основных респондентов опросного исследования выступали именно родители.

В силу требований организаторов конференции к представляемым материалам, авторы тезисов ограничиваются представлением обобщенных результатов и выводами исследования.

Отметим, что история прикладных исследований системы дополнительного образования, по крайней мере, в Санкт-Петербурге, еще не знала, такого массового опроса. В проведенном нами исследовании приняли участие 10138 респондентов, и, дополнительно опираясь на экспертные интервью с сотрудниками общеобразовательных учреждений и учреждений дополнительного образования детей (далее – ООУ и УДОД), личный опыт и наблюдения за их работой, мы можем увидеть вполне определенные тренды и дать достаточно объективную оценку удовлетворенности пользователей спектром и качеством оказываемых ими услуг. Характеризуя процедурную сторону исследования, отметим, что анкетный опрос был проведен с использованием электронного сервиса Google forms. Ссылка на анкету, сформированную с помощью указанного сервиса, была предоставлена сотрудникам 58 принявших участие в исследовании образовательных учреждений (школ, дворцов творчества детей и молодежи, домов и центров детского творчества и т.п.), и через них также предоставлена родителям, чьи дети посещают секции, кружки, клубы в данных организациях. Непосредственный сбор данных осуществлялся в марте-апреле 2016 года. Описывая выборочную совокупность, заметим, что наиболее активными респондентами являются женщины, прежде всего мамы и бабушки, которые оказываются вовлеченными в образовательную, воспитательную и досуговую жизнь детей в большей степени, чем представители мужской части семьи. Таким образом, женщины, принявшие участие в опросе, составляют 81,9 %, а мужчины – 18,1 %. Большинство опрошенных родителей (64,9 %) имеют высшее образование, 20,2 % – среднее специальное. По количеству детей семьи респондентов распределились следующим образом: один ребенок – у 39,4% респондентов; два ребенка – у 48,8 %; три и более детей – указали 11,8 % респондентов.

Характеризуя полученные данные, скажем, что, по мнению родителей, основным ориентиром при выборе детского объединения дополнительного образования (секции, кружка, клуба и т.п.) является не его престижность и не его практическая польза (например, польза для здоровья), а интерес ребёнка, стремление заниматься тем, что ему нравится. В качестве дополнительных значимых причин выбора ООУ или УДОД респонденты отмечают близость учреждения к дому, желание развить способности и раскрыть творческий потенциал детей, а также возможность занять их свободное время.

Изучая список основных направлений, которые предоставляют учреждения дополнительного образования детей для занятий во внеурочное время, хотелось бы отметить очевидных лидеров. Так, чаще всего респонденты указывали, что их дети посещают (1) объединения, представляющие направление «Художественное творчество» (танцы, пение, игра на музыкальных инструментах, цирковое искусство, театральное творчество и др.), а также (2) кружки и клубы, связанные с декоративно-прикладным и изобразительным искусством, дизайном. Популярны и физкультурно-спортивные секции (3).

Несмотря на очевидное лидерство объединений из профиля художественного творчества, можно было бы усомниться в их истинной популярности на том основании, что спрос порождается предложением, и вполне вероятно, что родители, а вместе с ними и дети подчас выбирают не то, что хотелось бы, а то, что им предлагает образовательное объединение. Однако полученные нами данные говорят об обратном. Сегодня Санкт-Петербургская система дополнительного образования детей предоставляет достаточно широкий спектр возможностей для реализации самых разных потребностей ребёнка, и 83,8 % родителей удовлетворены разнообразием дополнительных общеобразовательных программ (при 2,6% ответивших «нет»), которые реализуются в объединения общеобразовательных учреждений и учреждений дополнительного образования детей. Таким образом, можно полагать, что полученные данные отражают реальные потребности детей. Безусловно, можно по-разному объяснить популярность кружков и секций художественной направленности и одна из возможных трактовок связана с чрезмерной загруженностью школьников. Сегодня учеба требует больших усилий как физических, так и умственных, поэтому детям и подросткам требуется определенная разрядка после занятий, которую могут предоставить прежде всего такие объединения, участие в которых не требует специальных навыков или умений, где результат можно получить довольно быстро не затрачивая времени, где присутствует двигательная активность и много возможностей для яркого самовыражения, что так важно для подрастающего поколения. Очевидно, что выбор, который делают дети есть не что иное как альтернатива школе, методам её работы и контроля. Думается, что кружки и секции художественного и декоративно-прикладного творчества своеобразная попытка разнообразить часто не веселые школьные будни.

В целом оценка родителей различных аспектов деятельности учреждений дополнительного образования положительна. Образовательные организации имеют высокий уровень доверия со стороны потребителей их услуг, и это касается как удовлетворенности разнообразием, так и удовлетворенности содержанием и качеством услуг. Так, у 76,9 % респондентов не вызывают какого-либо возражения формы отчетных мероприятий в системе дополнительного образования, их вполне устраивает уровень учебной нагрузки детей на занятиях (79,8 %), который ими описывается как «нормальный» (лишь 1,8 % сообщают о слишком высокой в целом нагрузке). Весьма позитивно родителями оцениваются и произошедшие за последнее время изменения в учреждении, где обучается ребёнок. Конечно, такие результаты не могут не радовать, ведь положительные оценки родителей являются предметом гордости педагогов, они свидетельствуют о высоком уровне работы специалистов системы дополнительного образования детей в Санкт-Петербурге. Абсолютно положительная тональность полученных ответов является предметом для обсуждения в рамках проектов по реформированию системы дополнительного образования. То, что оценивается так позитивно родителями и детьми, необходимо сохранять, а если и проводить какие-то преобразования, то очень осторожно. Вместе с тем, возможно, полная удовлетворенность родителей

разными сторонами деятельности объединения общеобразовательных учреждений и учреждений дополнительного образования детей представлена и иначе. По нашему мнению, организации дополнительного образования получили бы поддержку в любом случае, даже при наличии там явных проблем, например, нехватке материально-технических средств, недостаточной компетентности педагогов, неудобном расписании занятий и т.п. По-видимому, сам факт включенности ребенка в просоциальный коллектив, его созидательная, позитивная, творческая занятость не может родителями оцениваться негативно, а через положительную оценку деятельности ребёнка удовлетворительно оценивается работа самого учреждения, которое, возможно, и не приложило для этого должных усилий. В силу этого мы считаем, что проведение опросов среди пользователей услуг учреждений системы дополнительного образования в будущем целесообразно дополнять экспертными интервью специалистов, которые непосредственно включены в эту систему, знают её болевые точки и проблемы, хорошо понимают структуру и перспективы развития. Родители часто оказываются просто удовлетворены самим фактом участия ребенка в дополнительном образовании, и ждать от них четко артикулированных запросов относительно содержания образовательных программ, профессиональных предложений по улучшению работы системы в целом или её отдельных частей вряд ли стоит, хотя мнения не-специалистов в категориях «нравится – не нравится» тоже важны. Думается, что сегодня, в условиях реформирования системы дополнительного образования детей, нельзя ориентироваться только на мнения потребителей услуг, а необходимо продолжить исследование качества дополнительного образования, привлекая специалистов-экспертов, которые должны дать свои оценки сложившейся ситуации.

НОВЫЕ УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ

Бердик Е.А., старший преподаватель кафедры культурологии и политологии, аспирант кафедры социальной работы, Социально-теологический факультет имени Митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), Белгородский национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)
E-mail: k_berdik@inbox.ru

Аннотация: В статье актуализируется проблема рискогенности интернет-коммуникаций подрастающего поколения. Перечисляются вызовы и угрозы, которые пока не нашли своего отражения в документах стратегического планирования Российской Федерации и научных исследованиях.

Ключевые слова: информационная безопасность детей, информационно-коммуникативные риски, интернет-коммуникации

Abstract: The problem of young generation Internet communications riskiness is actualized in the article. Lists the challenges and threats that have not yet been

reflected in the Russian Federation strategic planning documents and scientific research.

Keywords: the children's information security, information and communication risks, internet communications

Экспансия сетевых медиа-технологий становится сегодня существенным фактором рискогенности, обуславливая малопрогнозируемость социальных процессов и нестабильность общественного развития. В этой связи все острее стоит проблема сохранения межпоколенческой преемственности и воспитания подрастающего поколения, что обусловлено, в первую очередь, становлением глобального сетевого информационно-коммуникативного пространства и сетевой культуры, появлением альтернативных агентов социализации в виртуальной среде, преобладанием объемов транслируемой информации над возможностями ее усвоения и переработки.

Анализ различных аспектов пребывания подрастающего поколения в Сети осуществлен в работах И.А. Гарасюк, О.А. Гримова, С.А. Данилова, С.А. Кравченко, И.В. Мирошниченко, С.С. Носова, С.И. Самыгина и др. В рамках социально-психологического направления обозначенную проблему исследуют А.Е. Войскунский, Е.П. Белинская, С.П. Бондаренко, А.Е. Жичкина, Г.В. Шукова, Т.Д. Марцинковская, А.А. Морозова, Г.У. Солдатова и др.

В целом, на основании проведенных в этой области исследований были выделены следующие группы рисков и угроз, с которыми сталкиваются несовершеннолетние в процессе интернет – коммуникаций [1, 2]:

- 1) технологические – вирусное ПО, утечка персональных данных, взломы аккаунтов и т.д.;
- 2) экономические – несанкционированное снятие денежных средств, финансовое мошенничество, вирусный маркетинг;
- 3) психофизиологические – расстройства памяти, сна, низкая физическая активность, интернет-зависимость и т.д.;
- 4) когнитивные – расщепленность внимания, трудности с запоминанием, пониманием, прочтением текстовой информации;
- 5) контентные – материалы явно содержащие незаконную, деструктивную информацию;
- 6) манипулятивные воздействия – материалы, скрыто содержащие информацию для воздействия на мотивацию и поведение пользователей;
- 7) негативная коммуникация – нежелательные контакты «кибербуллинг» или кибертравля, киберпреследования, «груминг» или сексуальные домогательства в Сети;
- 8) самоизоляция – отказ от социальной жизни.

Следует отметить, что проблемы обеспечения информационной безопасности российских детей отражены в политико-правовых документах Российской Федерации. Так в 2010 г. был принят Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 29.06.2015)), а затем «Концепция информационной безопасности детей и подростков», утвержденная

Правительством 02.12.2015 Указанные документы базируются на психологическом подходе, позволяющем выделить различные виды информации, знакомство с которой имеет деструктивный эффект на определенном этапе взросления.

Вместе с тем, необходимо обозначить новые вызовы и угрозы информационной безопасности детей, которые не нашли своего отражения ни в документах стратегического планирования Российской Федерации, ни в научном сообществе. К ним можно отнести следующие:

1) переход от «социального Web» (Web 2.0) к «когнитивному Web» (Web 3.0), в котором действуют когнитивные агенты - роботы, обладающие знаниями, способностью к самообучению, а также характеризующиеся человекоподобным поведением в Сети;

2) использование технологий Big Data, которые позволяют осуществлять анализ пользовательских данных в виртуальном пространстве для сегментации пользователей по моделям поведения, что открывает новые возможности для маркетингового, политического, ценностно-идеологического воздействия на пользователей через персонализированную рекламу;

3) распространение технологий дополненной реальности, которые осуществляют внесение цифрового контента в реальный мир в режиме реального времени (к примеру, в Китае и Японии набирают популярность среди подрастающего поколения поющие голограммы - «вокалоиды»);

4) использование технологий трансмедийного повествования, которые позволяют рассказывать истории с помощью различных медиаплатформ, стирая тем самым грань между вымышленными и реальными событиями;

5) распространение «интернета вещей», благодаря которому различные предметы могут быть объединены между собой в сеть и иметь выход в Интернет (в том числе игрушки, часы, радионяни и т.д.)

Обозначенные выше новейшие технологические процессы требуют своего гуманитарного осмысления в контексте участия в них подрастающего поколения, а также влияния на физиологическое, психологическое, когнитивное и социокультурное развитие детей. Особое внимание необходимо уделить данному вопросу при реализации проектов типа «умный город», на базе которых происходит объединение нескольких из указанных выше технологических нововведений.

Библиографический список:

1. Морозова А. А. Основные виды рисков медиапотребления в социальных сетях (на примере «ВКонтакте») [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elar.ufrj.br/bitstream/10995/38269/1/journ_staff_2016_30.pdf (дата обращения 20.05.2018).

2. Солдатова В.Н., Шляпников М.А., Журина Г.У. Эволюция онлайн рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн» [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2015, № 3. С. 50-65. Режим доступа: https://psyjournals.ru/files/78574/mpj_2015_n3_Soldatova_Shlyapnikov_Zhurina.pdf (дата обращения 20.05.2018).

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Березецкая М.И., аспирант, кафедра социологии факультета философии и социальных наук, Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь).

E-mail: berezeckaya.mary@gmail.com

Аннотация: В статье изучается влияние средств массовой коммуникации на формирование представлений детей о правильном поведении в обществе, о нормах и ценностях, господствующих в нем. Актуальность темы связана с возрастанием роли СМК в современном быстроразвивающемся обществе – с одной стороны, и с особой восприимчивостью детей к информации, которая их окружает повсюду – с другой.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, мультфильмы, дети, детская субкультура

Abstract: This paper examines analysis of the effects of mass media on the formation of children's ideas about norms, values and correct behavior in society. On the one hand, the relevance of the topic is connected with the growing role of mass media in today's rapidly developing society, and on the other hand – with the special sensitivity of children to the information surrounding them everywhere.

Keywords: mass media, cartoons, children, children's subculture

В современном обществе средства массовой коммуникации присутствуют в жизни как взрослых, так и детей практически повсеместно. Под их влиянием дети познают окружающую действительность, а также формируют представления о должном поведении в обществе. Вместе с развитием общества, развивается и само медиа-пространство – в последние годы доступных для детей средств массовой коммуникации стало значительно больше, а современные дети уже не могут представить себе жизнь без интернета, телевидения и мультфильмов. С начала двадцатого века дети создали свою идентичность и сформировали свою собственную культуру (детскую субкультуру) из тех символов, образов и историй, которые предлагали им средства массовой коммуникации.

Важно отметить, что среди всех половозрастных групп населения дети в наибольшей степени подвержены влиянию СМК, так как в силу своего малого опыта они не способны оградить себя от лишней и вредоносной информации. Исходя из этого, особую актуальность приобретает изучение влияния средств массовой коммуникации на формирование детской субкультуры.

Средства массовой коммуникации представляют собой совокупность каналов неличной коммуникации, оказывающих воздействие на массовую потребительскую аудиторию, и включают в себя печатные издания (в Бе-

ларуси: «Вясёлка», «Кважды Ква», «Маленькі рыцар Беззаганнай» и другие), радио (в Беларуси нет детских радиостанций, для сравнения, в России есть только одна радиостанция «Детское радио»), телевидение (в Беларуси нет собственных детских каналов, однако кабельными операторами транслируются каналы Карусель, Мультимания, Мульти, JimJam, Nick Jr., Nickelodeon, Детский, Детский мир), интернет (наиболее популярные сегменты в нем – это игры и социальные сети), фильмы и мультфильмы (дети их могут смотреть по телевидению, в кинотеатрах, а также в интернете) [1, с.485].

В данной работе мы сконцентрируем свое внимание на изучении влияния мультфильмов (как одного из элементов СМК) на формирование ценностей и установок, правил поведения и форм общения в детских сообществах, т.е. на формирование детской субкультуры.

Для изучения воздействия мультфильмов на детей нами было проведено исследование, в ходе которого изучались основные ценности, а также наиболее распространенный образ семьи, транслируемые в мультфильмах. Исследование проводилось методом контент-анализа наиболее кассовых полнометражных мультфильмов 1991-2016 годов выпуска. Самые кассовые мультфильмы со всего мира (топ-50) были отобраны по версии сайта BoxOfficeMojo (www.boxofficemojo.com). Список основан на суммах, заработанных мультфильмами с продажи билетов в кинотеатрах, так как прибыль от продажи билетов свидетельствует о посещаемости мультфильма, а следовательно – о его популярности.

При изучении списка самых кассовых мультфильмов было выявлено, что все популярные мультфильмы в данном топе произведены в США (студии DreamWorksAnimation, Pixar, WaltDisneyAnimationStudios), что свидетельствует о высоком уровне технического развития и умения, достигнутого в этой стране, а также об актуальности мультфильмов и их попадании в реалии «сегодняшнего дня». Однако такие результаты показывают и то, что через просмотр мультфильмов белорусские дети могут воспринимать популярные ценности западного и американского образа жизни, что, в свою очередь, может привести к отрыву детей от национальной культурной среды. Таким образом, очень важно изучить мультфильмы отечественного производства и проследить, какие ценности в них демонстрируются. Первоначально предполагалось изучать белорусские полнометражные мультфильмы, однако наш научный интерес не был реализован, так как первый и пока единственный белорусский полнометражный мультфильм «Приключения Нестерки» вышел только в 2013 году, одного мультфильма не достаточно для сравнительного анализа, поэтому было принято решение обратиться к изучению российских полнометражных мультфильмов, ведь Россия и Республика Беларусь являются не только странами-соседями, но и близкими по культурному основанию, истории и традициям.

Таким образом, нами были проанализированы следующие полнометражные мультфильмы западного производства: «Красавица и чудовище»

(1991), «Алладин» (1992), «Король Лев» (1994), «Покахонтас» (1995), «Горбун из Нотр-Дама» (1996), «Приключения Флика» (1998), «История игрушек-2» (1999), «Динозавр» (2000), «Корпорация монстров» (2001), «Ледниковый период» (2002), «В поисках Немо» (2003), «Суперсемейка» (2004), «Мадагаскар» (2005), «Лесная братва» (2006), «Шрек-3» (2007), «Кунг-фу панда» (2008), «Вверх» (2009), «Гадкий я» (2010), «Секретная служба Санта-Клауса» (2011), «Монстры на каникулах» (2012), «Холодное сердце» (2013), «Пингвины Мадагаскара» (2014), «Головоломка» (2015), «Зверополис» (2016). Среди мультфильмов российского производства изучались следующие: «Незнайка на Луне» (1997), «Новые бременские» (2000), «Карлик Нос» (2003), «Алеша Попович и Тугарин Змей» (2004), «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» (2006), «Про Федота-стрельца, удалого молодца» (2008), «День рождения Алисы» (2009), «Гадкий утенок» (2010), «Иван Царевич и Серый Волк» (2011), «Снежная королева» (2012), «Белка и Стрелка: Лунные приключения» (2013), «Три богатыря: Ход конем» (2014), «Крякнутые каникулы» (2015), «Три богатыря и Морской царь» (2016).

В ходе контент-анализа перечисленных мультфильмов было определено, что чаще всего, как в западных, так и в российских мультфильмах, демонстрируются ценности личной безопасности (86,3% – западные, 100% – российские), веры в себя, взаимоотношений, доверия и дружбы (представлены в 100% мультфильмов). На втором месте находятся ценности заботы и ответственности – 86,3% и 91,6% – в западных мультфильмах и по 100% – в российских. Ценность семьи находится на третьем месте – представлена в 86,3% западных и в 83,3% российских мультфильмов.

В западных и в российских полнометражных мультфильмах чаще всего демонстрируется однодетная, нуклеарная семья с эгалитарной структурой власти и лидерства, что соответствует существующим тенденциям в области брака и семьи. В российских мультфильмах чаще демонстрируется традиционная ролевая структура семьи, в то время как в западных – традиционная и современная структура представлены в равной степени. Образ семьи с благоприятным психологическим климатом представлен как в западных, так и отечественных мультфильмах, что подтверждает ценность и значимость семьи. Также в ходе контент-анализа было определено, что наиболее часто в семьях выполняются: хозяйственно-бытовая, коммуникативная, эмоционально-психологическая и рекреационная функции, а реже всего – репродуктивная функция. Тем самым формируется представление о том, что рождение детей – это не обязательное и не главное условие существования семьи.

Важно отметить, что демонстрация того или иного образа семьи формирует у детей соответствующие представления, и в будущем, при построении собственной семьи, они с большей вероятностью воспроизведут те модели, которые чаще всего демонстрировались в мультфильмах.

Отдельно хотелось бы отметить, что в течение нескольких последних лет наблюдается тенденция изображать в мультфильмах меньше стерео-

типных сюжетов. Так, в мультфильме 2016 года «Зверополис» действия разворачиваются вокруг персонажа Джуди Хопс – это первая в истории Зверополиса крольчиха-полицейский, к тому же – девушка. Вместе с развитием сюжета, мы наблюдаем, как она каждый раз доказывает окружающим, что может справиться с работой сильных мужчин-полицейских, она говорит зрителю – нужно следовать своим принципам, упорно работать и тогда все получится. В отечественных мультфильмах также заметна данная тенденция, к примеру, в серии мультфильмов о богатырях мы видим не только жен-домохозяйек, но и успешную журналистку (Аленушка).

Основываясь на результатах, полученных в этой статье, мы пришли к выводу, что средства массовой коммуникации оказывают особое влияние на формирование личности ребенка и его представлений о приемлемом поведении, нормах, ценностях, а также о том, какой должна быть семья. Кроме этого важно отметить, что персонажи мультфильмов часто становятся любимыми героями детей, которым они впоследствии стараются подражать, а на основе сюжетов из мультфильмов могут создаваться новые формы досуга детей (новые сюжеты для игр, коллекционирование персонажей мультфильмов и т.д.), детская речь может обогащаться новыми словами (взятыми из мультфильма), а также под влиянием того или иного мультфильма могут изменяться правила и нормы поведения в конкретном детском сообществе. Основываясь на рассмотренной в данной работе информации, можно сделать вывод о том, что родителям необходимо сознательно подходить к выбору мультфильма и всегда продумывать, какие могут возникнуть последствия от просмотра того или иного мультфильма.

Библиографический список:

1. Саган, Г.В. Детство как социокультурное пространство: факторы формирования / Г. В. Саган // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. 2013. № 19. С. 483-490.

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ВОССТАНОВЛЕННЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ СЕМЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ

Бессчетнова О.В., доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Балашов, Россия)
E-mail: sharon_oksana@rambler.ru

Аннотация: В статье раскрываются особенности оказания социальных услуг восстановленным биологическим семьям в России и за рубежом на основе анализа эмпирических данных.

Ключевые слова: восстановленная биологическая семья, родители, дети, социологическое исследование.

Abstract: The article dwells to the peculiarities of social rehabilitation technologies, used with reunified biological families in Russia and abroad, based on the empirical social data.

Keywords: reunified biological family, parents, children, sociological research.

В соответствии с Указом Президента РФ, период 2018-2027 гг. объявлен Десятилетием детства [1], в связи с чем, особое значение имеют приоритетные направления в сфере защиты и охраны прав и интересов детей. Целями государственной социальной политики защиты детства являются: формирование условий, способствующих осуществлению прав детей; содействие их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию; воспитанию в духе патриотизма и гражданственности в соответствии с достижениями российской и мировой культуры; защита детей от факторов, негативно влияющих на их развитие [2].

По мнению известного специалиста по изучению детей и детства в нашей стране С.Н. Майоровой-Щегловой, «детство одновременно выступает и как социальное, и как индивидуальное явление... [оно] пронизано социально-классовыми, семейно-брачными, гендерными, возрастными, этническими, территориально-поселенческими, религиозными, культурными и другими измерениями» [3, с.59].

Воспитание детей в условиях семьи (биологической или приемной) является приоритетом государственной социальной политики. Вместе с тем, выделение материальных средств на развитие семейных форм устройства детей-сирот, в частности, возмездной опеки, приемных семей, не снимает ответственность с государственных институтов по оказанию помощи биологическим семьям, попавшим в трудную жизненную ситуацию и социально опасное положение, по ранней профилактике семейного неблагополучия с целью сохранения родственных связей, дальнейшей социализации детей после достижения совершеннолетия.

В качестве примера приведем статистические данные по выплатам замещающим семьям в Саратовской области за 2016 г.: выплаты приемным родителям на содержание 1133 приемных детей – 107,3 млн. руб.; вознаграждения 416 приемным родителям – 96,2 млн. руб.; региональные единовременные денежные пособия при усыновлении 109 детей – 1,03 млн. руб. Для сравнения региональные выплаты на детей в малообеспеченных биологических семьях ранжируются от 300 до 600 руб. в месяц (в зависимости от типа семьи) и за год составляют соответственно 36-72 тыс. на ребенка [4].

Основными причинами лишения родителей родительских прав, по мнению отечественных и зарубежных исследователей, являются алкоголизм/наркомания (36 % - 79 %); семейное насилие (40 %); психологические проблемы (свыше 25 %) [5, с. 432]. Отдельно выделяют объективные социальные причины: бедность, отсутствие жилья или его неудовлетворительное состояние, криминальное поведение, здоровье.

В целом ряде зарубежных исследований, посвященных изучению причин изъятия детей из семьи (n=158), было установлено, что в 96 % случаев доход семьи не превышал прожиточный минимум [6]; были зафиксированы проблемы с жильем у 40 % семей (n=289), чьи дети временно проживали в приемных семьях, 30 % респондентов сообщили о состоянии бездомности в течение последнего года [7]; 11 % матерей отбывали наказание [8].

По данным американских исследователей, только 40 % родителей восстанавливают свои родительские права в течение года после изъятия детей из семьи [8]. Анализ зарубежной практики позволяет выявить наиболее эффективные технологии работы с родителями, восстановившими родительские права: семейные центры, тренинги по нормализации детско-родительских отношений, лечение различных видов аддикций.

В отечественной социальной практике процедура реабилитации семьи начинается с заключения договора и разработки совместного с родителями плана мероприятий. Несмотря на то, что договор не является юридическим документом, в нем содержится информация об обязательствах сторон, направлениях деятельности, сроках исполнения. Специалист социальной работы осуществляет контроль за исполнением плана, оказывает организационную и информационную помощь семье.

Одной из причин низкого уровня восстановления родительских прав в нашей стране является несоответствие количества обязательных видов социальных услуг для родителей, лишенных прав, но желающих их восстановить, с количеством реально предоставленных услуг. По статистике, количество фиксируемых случаев семейного неблагополучия заметно выше, чем количество услуг, оказываемых семьям по их преодолению.

В ходе исследования, проведенного в 2016 году на территории Белгородской, Саратовской областей и Забайкальского края при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-03-00057), родителям, желающим восстановить родительские права (n=350), в ходе анкетирования был предложен закрытый вопрос: «Получали ли Вы какие-либо из перечисленных видов социальных услуг за прошедший год?». В результате было установлено, что около 38 % респондентов отметили необходимость получения тех или иных видов социальных услуг (психологическое/юридическое консультирование, лечения от алкогольной/наркотической зависимостей, социально-педагогическое просвещение, сопровождение), которые по ряду причин не были ими получены в полном объеме (удаленность места проживания, сменный график работы, наличие малолетних детей, состояние здоровья, отсутствие денежных средств).

В процессе продолжения исследования, в 2017-2018 гг. в ходе взаимодействия с органами опеки и попечительства, отделами образования, социально-реабилитационными центрами, центрами помощи семье и детям указанных территорий было установлено, что родители, восстановившие родительские права, в среднем получали 7,5 видов социальных услуг в рамках выполнения индивидуальной программы реабилитации (количе-

ство услуг ранжировалось в пределах от 4 до 9). В результате, около 70 % родителей получили те или иные виды социальных услуг, что позволило им восстановить опеку над детьми.

Вместе с тем, встает вопрос о целесообразности назначения тех или иных видов услуг в каждом конкретном случае. Все ли они действительно необходимы или действия специалистов обусловлены некими многолетними стереотипами? Не умаляя роли специалистов и их деятельности в процессе реабилитации семей данной категории, необходимо обратить внимание на ряд моментов, связанных с определением оптимального количества социальных услуг с учетом факторов низкого материального уровня родителей, необходимости поиска работы в ситуации безработицы, изыскания дополнительных временных ресурсов на получение тех или иных услуг, заботы о других членах семьи и т.д. При определенных условиях более интенсивное социальное обслуживание может привести к обратному результату – затруднению или прекращению процесса восстановления родительских прав, что требует проведения дополнительных исследований и экспертиз.

Таким образом, оказание качественного социального сопровождения играет существенную роль, как в процессе восстановления родительских прав, так и в поствосстановительный период, что подтверждается результатами отечественных и зарубежных исследователей, специалистов-практиков. Однако необходимо обратить внимание на количество и качество рекомендованных социальных услуг на основе индивидуальной, адресной помощи.

Библиографический список:

1. Об объявлении в российской Федерации десятилетия детства [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 29.05.2017 г. № 240-ФЗ. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: 12.04.2018).
2. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 14.04.2018).
3. Майорова-Щеглова С.Н., Митрофанова С.Ю. Детство в социогуманитарной перспективе: методологические и технологические основы создания научно-прикладного тезауруса // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 2. С. 57-73.
4. Отчет губернатора о результатах действия Правительства Саратовской области за 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.opotchet_gubernatora_2016.pdf (дата обращения: 14.04.2018).
5. Marcenko, M.O., Lyons, S.J., & Courtney, M. Mothers' experiences, resources and needs: The context for reunification // Children and Youth Services Review. 2011. № 33. Pp. 431-438.
6. Wells, K. & Shafran, R. Obstacles to employment among mothers of children in foster care. Child Welfare. 2005. № 84(1). Pp. 67-96.

7. Amy, C. D'Andrade & Chambers, R. Parental problems, case plan requirements, and service targeting in child welfare reunification // Children and Youth Services Review. 2012. Vol. 34. № 10. Pp. 2131-2138.

8. Needell, B., Webster, D., Armijo, M., Lee, S., Dawson, W., Magruder L. & Nuttbrock, A. Child Welfare Services Reports for California, 2012. URL: http://cssr.berkeley.edu/ucb_childwelfare (дата обращения: 15.04.2018).

ГЕОГРАФИЯ ДОБРОВОЛЬНОЙ БЕЗДЕТНОСТИ

Бухтиярова И.Н., кандидат педагогических наук, старший преподаватель социологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, (г. Москва, Россия)

E-mail: Ira_irina@mail.ru

Кошелева А.А., студент социологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, (г. Москва, Россия)

E-mail: kosheleva_nasya@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена вопросам добровольного отказа от рождения детей, выявлению причин поддержки репродуктивного поведения childfree, а также анализу его географического и регионального распространения.

Ключевые слова: добровольная бездетность, childfree, репродуктивное поведение, деторождение.

Abstract: The article is devoted to the issues of voluntary refusal of birth of children, identification of reasons of support of reproductive behavior of childfree, and also analysis of its geographical and regional distribution.

Keywords: voluntary childlessness, childfree, reproductive behavior, childbearing.

В современном мире происходит переоценка ценности родительства в связи с тем, что семейный образ вытесняется образом всесторонне развитой, успешной личности. В результате формируется идеология бездетности – откладывание деторождения на более поздние сроки или полный отказ от детей. Истоки её происхождения берут начало в США, где первое сообщество добровольно бездетных (childfree) появилось в 1992 году, именовавшееся объединением «не-родителей». Большая часть представителей этого движения – женщины, мужчин же среди них меньше трети. В России оно оформилось в 2004 году в качестве виртуального сообщества численностью 500 человек.

Проблема пока не носит в России остро выраженный характер в связи с малой долей приверженцев данной идеологии среди населения и отрицательным отношением к ним в обществе. Однако демографическая ситуация в России (снижение рождаемости с 1991 года, снижение продолжительности жизни и т.д.) требует повышения среднего коэффициента рождаемости с 1,75 ребенка на одну женщину до 2,58, что обеспечит хотя бы простое замещение

поколений. В ситуации, когда более 50 % семей в стране должны иметь трех детей, распространение добровольной бездетности может иметь губительные последствия для численности населения страны.

Наибольшее распространение идеология чайлдфри получила в Москве, но может распространиться и на другие регионы [1]. Согласно данным переписи населения 2010 года, в России насчитывалось 11,5 % бездетных женщин в возрасте 35-39 лет, в Москве их 17,15 %. Перепись населения 2002 года сообщала лишь о 7,4 % добровольно бездетных в России и 10,7 в Москве, что свидетельствует об увеличении числа чайлдфри. Вдобавок растет также и доля окончательно бездетных людей старше 45 лет – по различным оценкам экспертов их в России около 7-8 % [2].

Причин выбора индивидами и, в первую очередь, женщинами добровольной бездетности множество. Это – и желание беспрепятственно продвигаться по карьерной лестнице, и желание избежать материальных трудностей, связанных с содержанием детей (экономический кризис только усугубляет ситуацию), и негативный опыт собственного детства, и отсутствие надежного партнера, и многое другое. Относительно России можно сказать, что основными факторами выбора позиции «чайлдфри» являются экономическая ситуация, одиночество и возраст на границе репродуктивного. Причем в Москве ситуация немного отличается: к основным факторам прибавляется уровень образования и убеждения в родительской семье, а также её состав. В масштабе всей страны образование играет не столь важную роль, как и количество детей в семье. Добавочным фактором выступает отношение к браку в Москве, точнее к необходимости его регистрации и узакониванию отношений. Жители столицы в наибольшей степени склонны к пренебрежению регистрацией брака.

Рисунок 1 наглядно отражает отношение респондентов в Москве и по всей России к совмещению рождения детей и возможностей самореализации.

Рис. 1 – Отношение респондентов к совмещению деторождения и профессиональной деятельности

Бирюкова С.С. делает вывод, что добровольной бездетность является скорее в столице, по всей России же она «вынужденная» [1]. С учетом того, что остальные регионы стараются равняться на Москву и перенимать ее модные тенденции, не исключено, что в регионах уровень добровольно бездетных может повыситься.

Если обратиться к более современной статистике, можно заметить, что в целом граждане России все еще склоняются к модели семьи с двумя

детьми (40% опрошенных ВЦИОМ в 2018 году) [6]. Более того, наметилось некоторое увеличение респондентов, которые считают идеальной трехдетную модель семьи (28 %) и даже с четырьмя детьми (14 %). Но такая установка не гарантирует реализации своих убеждений на практике, так как по результатам опроса 79 % респондентов, уже имеющих детей, не считали себя готовыми к тому, чтобы завести еще одного ребенка. В целом и общем численность «чайлдфри» составляет, по результатам исследования ВЦИОМ в 2018 году [6], 6 % от общей численности населения России.

После анализа тенденций распространения добровольной бездетности в России следует обратиться к опыту зарубежных стран. Для этого стоит рассмотреть термин «линия Хаджнала», возникший в исторической демографии в XIX веке. Её условно проводят по Европе: от Финляндии до итальянского Триеста через Санкт-Петербург. К востоку от этой линии обязательный брак и дети считались нормой [4]. Сейчас особенных изменений не произошло, и в развивающихся странах, где очень важна роль религии, быть добровольно бездетным весьма сложно. В православной традиции, например, такую практику без осуждения обществом можно осуществить, только уйдя в монастырь. В Африканских странах даже среди образованных слоев населения наличие детей в семье считается обязательным (а ведь образование нередко считают одним из главных факторов выбора позиции чайлдфри).

Те, кто жил к западу от линии, вступали в брак позже в связи с тем, что сначала нужно было обеспечить себе стабильное материальное существование, совсем бедные семьи воздерживались от деторождения. Соответственно, в Европе значительно больше приверженцев движения за отказ от рождения детей и в наше время.

Чтобы подробнее изучить процесс формирования движения чайлдфри в странах Европы, обратимся к масштабному исследованию, проведенному учеными в Нидерландах в 2005-2006 годах, в ходе которого решили выяснить отношение к добровольной бездетности и выявить факторы, которые повлияли на взгляды людей. Исследование основывалось на выборке, состоящей из представителей 25 европейских стран (см. рис.2).

В ходе исследования наиболее высокий уровень добровольной бездетности был выявлен в Северной Европе (Дания, Нидерланды), довольно большим он был и в ряде других стран, таких как Великобритания, Германия, Испания, Португалия, Швеция и т.д., хотя доля нейтральных ответов была выше. Средние позиции в данном рейтинге занимали Австрия, Польша, Словения и Франция. Самым высоким уровнем неодобрения добровольной бездетности был в Эстонии, странах Восточной Европы (Болгарии, Украине), и, что не удивительно, в России, так как у нас движение чайлдфри оформилось сравнительно недавно.

Исследователи также выявили главные факторы, влиявшие на выбор респондентами позиции добровольной бездетности. Одним из решающих стал фактор «гендерного равенства», то есть равенства между мужчинами и женщинами (например, в Скандинавии, он довольно значим).

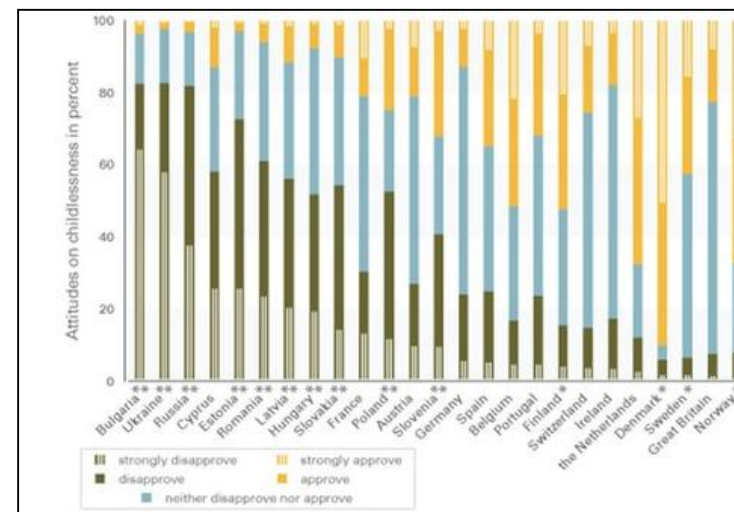

Рис. 2 - Долевое распределение европейских респондентов в зависимости от отношения к добровольной бездетности [4]

Если говорить о США, в которых движение и возникло, там идеи чайлдфри получили соответствующее распространение. К 2008 году численность добровольно бездетных женщин в стране составляла 1,9 млн. человек, число живорождений же упало на 9%. В данной стране на выбор добровольной бездетности главным образом влияют получение женщинами образования и их интеграция в трудовую деятельность. Вместе с тем, среди женщин был обнаружен существенный рост числа владельцев домашних животных.

Подводя итог, следует сказать, что тенденции распространения добровольной бездетности, заложенные много лет назад, действуют и по сей день. Развитые страны лидируют по количеству чайлдфри среди населения, в развивающихся же странах этому препятствуют религия, традиции, низкий уровень образования населения и зависимое положение женщин. Что касается России, только в Москве отмечен явный рост приверженцев движения по аналогии с развитыми странами, в регионах же ситуация характеризуется относительной стабильностью.

Библиографический список:

1. Biryukova S., Tyndik A. Who prefers zero? Attitudes towards childlessness in Russia and in its capital city. European Population Conference 2014. Transitions: Opportunities and Threats. Budapest: EAPS, 2014.
2. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 10.03.2018).

3. И.И. Белобородов. Чайд-фри: добровольно и принудительно. Аналитический обзор [Электронный ресурс]: Научный интернет-журнал «Семья и демографические исследования». Аналитическая серия «Доказательная демография». Москва, 2016 (дата обращения: 20.03.2018).

4. Чайдфри [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://postnauka.ru/longreads/75296> (дата обращения: 20.03.2018).

5. ВЦИОМ, Пресс-выпуск №3567: «ТОП-7 главных социальных фактов о россиянах в январе» [электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116663> (дата обращения: 20.03.2018).

6. ВЦИОМ, Пресс-выпуск №3560: «Рождаемость в России: меры и мнения» [электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116649> (дата обращения: 20.03.2018).

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА ДЕТЕЙ-ДОШКОЛЬНИКОВ

Винокурова А.В., кандидат социологических наук, доцент, доцент департамента социальных и психологических наук, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)

E-mail: vinokurova77@mail.ru

Сафонова А.С., стажер, Администрация Находкинского городского округа (г. Находка, Россия)

Аннотация. В данной работе рассматриваются вопросы, касающиеся проблем в сфере организации досуга дошкольников. Основное внимание уделено роли семьи в контексте организации свободного времени детей дошкольного возраста. Также представлены результаты разведывательного социологического исследования, проведенного авторами.

Ключевые слова: досуговая деятельность, семья, рекреационная функция семьи, дети, дошкольный возраст.

Abstract. In this work the questions concerning problems in the sphere of the organization of leisure of preschoolers are considered. The main attention is paid to the role of the family in the context of the organization of free time of preschool children. The results of a sociological survey conducted by the authors are also presented.

Keywords: leisure activities, family, recreational function of the family, children, preschool age.

Семья – это особая система организации социальной жизнедеятельности индивида. В историческом контексте семья считается предтечей базовых институтов общества, она связывает своих членов общим бытом и ответственностью за социализацию подрастающего поколения.

Семья как социальный институт представляет собой ценностно-нормативный комплекс отношений, регулирующий поведение членов семьи (супругов, родителей, детей, братьев, сестер, других родственников) и опре-

деляет свойственные им социальные статусы и роли [1, с. 75]. В то же время, несмотря на присущие ей стабильность и постоянство, семья трансформируется под влиянием как внешних условий экономического, правового, социокультурного характера, так и в силу внутренних процессов своего развития. Все это отражается на ее способности выполнять присущие ей функции.

Под функциями семьи мы понимаем конкретные действия по реализации семейных потребностей и интересов. Функции семьи традиционно разделяются на две основные категории: специфические и неспецифические. В числе неспецифических (дополнительных) функций семьи особо следует обозначить рекреационную функцию.

Значение рекреационной функции семьи в настоящее время возрастает. В условиях ускоряющегося темпа жизни, роста социальных и психологических нагрузок, увеличения количества стрессовых ситуаций семья принимает на себя особую терапевтическую роль. К этому можно добавить, что семья способна обеспечивать личностное чувство безопасности и комфорта, эмоциональную поддержку. Кроме того, рекреационная функция важна в контексте организации рационального досуга и отдыха.

Как показывают результаты исследований, проведенных российскими исследователями в разных регионах, в современной семье дети как объект и вид деятельности стоят на первом месте среди других форм проведения свободного времени (общение с друзьями, спорт, общение с родственниками) [см. подробнее: 2; 3; 4; 5; 6]. В то же время отечественные авторы говорят о снижении возможностей для полноценного осуществления рекреационной функции семьи. В частности, отмечается, что 76% детей не имеют дома условий для занятий спортом; 54% не выезжают из дома в каникулярное время; 31% не имеют снаряжения для активного отдыха; 26% никогда не празднуют свой день рождения; 8% не имеют дома книг, соответствующих возрасту [7, с. 289].

Получается, что недостаточность времени для семейного общения приводит к тому, что семья не может в полном объеме выполнять функцию «психологического убежища», приводит к дистанцированию между родителями и детьми.

Именно поэтому нам представилось целесообразным проведение исследования, выявляющего проблемы и перспективы организации досуга детей дошкольного возраста. Исследование проводилось в 2017 году в рамках разведывательного стратегического плана на территории Находкинского городского округа. Выборочная совокупность – целевая, объем выборки – 137 человек (56 мужчин и 81 женщина), в семьях которых есть хотя бы один ребенок дошкольного возраста.

Первичные результаты исследования показали следующее. Подавляющее большинство респондентов высказали мнение, в соответствии с которым в городе недостаточно современных, хорошо оборудованных мест, где можно провести свободное время с детьми. Такая позиция характерна для 65% опрошенных. 30% отметили, что, в целом, обеспеченность неплохая и лишь 5% указали, что в Находке имеется достаточное количество мест, где можно с пользой провести время с ребенком.

Следовательно, для муниципальных властей проблема внедрения конкретных мер, направленных на улучшение сферы организации досуга детей-дошкольников, не теряет своей значимости. Это подтверждается и результатами ответов на вопрос: «Как Вы думаете, что необходимо сделать для того, чтобы досуг детей был более разнообразным и полезным?». Самой простой и действенной мерой, по мнению респондентов, является увеличение количества современных, хорошо оборудованных детских площадок в непосредственной близости от дома. Этот вариант выбрали 41% опрошенных. Также в своих ответах наши респонденты указывали на то, что необходимо приобщать детей к труду и творчеству и т.п.

В ходе исследования также было установлено, что стоимость услуг, предоставляемых детскими развлекательными центрами довольно высока. Простой частотный анализ показал, что при одновременном посещении детских развлекательных центров всего лишь 3% опрошенных тратят в пределах от 150 до 299 рублей; 19% – 300-499 рублей; 32% – 500-800 рублей; 22% воздержались от ответа; 24% респондентов тратят на одно посещение детского развлекательного центра более 800 рублей. При этом женщины более экономно расходуют денежные средства, предпочитая не превышать лимит в 500 рублей. Что касается мужчин, то их траты в детском развлекательном центре начинаются от 400 рублей.

Были выявлены и другие формы проведения досуга детей дошкольного возраста. Среди них наши респонденты отметили: прогулки во дворе собственного дома (30%); просмотр кинофильмов, телепередач (27%); 19% респондентов указали на то, что они стараются посещать со своими детьми выставки, цирковые представления, выезжать на природу, заниматься рукоделием, читать книги и т.п. Мужчины на первое место ставят прогулки с ребенком во дворе собственного дома, второе место занимает просмотр телепередач и кинофильмов. Женщины же, наоборот, предпочитают проводить время с ребенком в развлекательных центрах, нежели чем гулять во дворе собственного дома или просматривать кинофильмы.

В целом, можно заключить, что в семье подрастающее поколение получает первый социальный опыт, который затем расширяется и углубляется по мере включения формирующейся личности в другие, более широкие общности. Следовательно, для современной семьи особое значение имеет ее «внутреннее содержание», включающее эмоциональные отношения между членами семьи и семейное общение. При этом одна из основных общественных задач должна состоять в создании благоприятных экономических и социальных условий для организации рационального досуга детей дошкольного возраста.

Библиографический список:

1. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Политиздат, 1979. 368 с.
2. Сидорова Н.П., Салтыкова В.Е. Досуговые предпочтения как фактор стратификации молодых семей // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 3 (64). С. 150–154.

3. Собкин В.С., Скобельцина К.Н., Иванов А.М. Влияние социальных факторов на семейный досуг дошкольников // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 62–70.

4. Кудренко Т.В. Социально-культурные особенности формирования ценностных приоритетов семейного досуга // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 20. № 11 (151). С. 73.

5. Мамченко Т.В. Семейный досуг как средство укрепления внутрисемейных отношений // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2016. № 1. С. 246–250.

6. Купряшкин И.В., Купряшкина Е.А., Филипова А.Г. Взрослый взгляд на детские мобильности в городской среде: кейс г. Владивостока // «Жизнь на чемоданах»: мобильность семьи и социальное благополучие: сб. науч. ст. по итогам Всероссийского научно-практического семинара (Владивосток, 26–27 апреля 2018 г.) / отв. ред. И.Г. Кузина, А.В. Винокурова. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2018. С. 158–168.

7. Дементьева И.Ф. Факторы риска развития детства в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 2. С. 285–294.

ВОПРОС ОТНОШЕНИЯ К ВАКЦИНАЦИИ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ НА СЕМЕЙНОМ ОБРАЗОВАНИИ, В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Власова А.А., студент, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: a.siveren@gmail.com

Аннотация: Тезисы аналитического обзора научной литературы раскрывают зарубежный опыт изучения отношения к вакцинации родителей детей, находящихся на семейном образовании. Обозреваются различные исследования зарубежных авторов, включая спорное исследование Э. Мусона. Отмечается разница между родителями детей, находящихся на семейном образовании, и родителями детей на других формах обучения.

Ключевые слова: семейное образование, хоумскулинг, социология образования, социология детства, социология здоровья, отношение к вакцинации.

Abstract: This scientific literature review reveals the foreign experience of studying the homeschooling parents' attitudes towards vaccinations. Various studies of foreign authors are reviewed, including a controversial study by A.Mawson. The difference between homeschooling parents and parents who chose other forms of education is highlighted.

Keywords: home education, homeschooling, sociology of education, sociology of childhood, sociology of health, attitudes towards vaccinations.

Семейное образование (домашнее обучение, хоумскулинг) — процесс получения образования в семье при минимальном участии школы — является относительно новым явлением в России. Причиной перевода детей на семейное образование часто становится нежелание и страх семей выполнять требования формальных институтов школы [1]. Это может свидетельствовать также о страхе перед другими институтами — например, медицины, — и процедурой вакцинации, в частности, из чего поднимается проблема изучения отношения приверженцев семейного образования к вакцинации. Научные работы в данной сфере крайне малочисленны, как в зарубежной, так и в российской научной среде, где в принципе отсутствуют исследования по данной теме.

Школьная система часто служит механизмом принуждения к вакцинации с помощью законов об образовании [2]. Американский эпидемиолог Элиссон Кеннеди предположила, что занимающиеся семейным образованием менее подвержены влиянию существующих в образовательной системе правил и убеждений относительно вакцин. Проведя вторичный анализ данных 5845 респондентов из ежегодного опросника по здоровью под названием HealthStyles, Кеннеди выявила, что «хоумскулеры» крайне обеспокоены вопросом безопасности вакцин, а также обладают почти в три раза большим недоверием к политике федерального правительства относительно детской вакцинации, чем родители, выбравшие другую форму образования [3].

Еще одно исследование того же автора с группой других исследователей обнаружило, что родители хоумскулеров, по сравнению с родителями, сделавшими другой образовательный выбор, меньше верят в важность вакцинации и менее готовы прививать своих детей, если это не обязывается законом [4].

Элизабет Торп, американская исследовательница, в 2010 году провела пилотажное исследование убеждений и практик родителей, чьи дети находятся на семейном образовании [5]. Для изучения отношения семьям хоумскулеров было разослано 707 онлайн-опросов, на которые ответило 134 родителя (в основном, женщины). Родителей также спросили о мотивах перевода детей на семейное образование. Ими стали желание родителей проводить время со своими детьми, беспокойство о негативном влиянии сверстников, а также желание дать своим детям религиозное образование. Почти половина респондентов считает, что вакцины обладают опасными побочными эффектами; еще больше опрошенных не учитывают при лечении рекомендаций своего врача. Была обнаружена очень сильная корреляция между мнениями о безопасности вакцин и статусом вакцинации ребенка. В целом, результаты отразили то, что отношение родителей детей, находящихся на семейном образовании, довольно схоже с отношением всего населения, однако с большим недоверием к работникам сферы здравоохранения и организациям [5, 6]. Авторы признают недостатки своей работы, которые состоят в малом размере выборки и недостатке данных по тому, какие именно вакцины недолюбливают «хоумскулеры». Милтон Гейтер, один из самых известных исследователей семейного образования

за рубежом, подчеркнул, что наверняка вышеупомянутое исследование игнорировалось теми приверженцами семейного образования, которые совершенно не доверяют институтам здравоохранения, а заполнялось, напротив, теми, кто яро поддерживает хоумскулинг и обеспокоен вопросом вакцинации [6].

Отдельно от описанных выше работ стоит недавнее сравнительное исследование, посвященное здоровью привитых и непривитых американских школьников авторства Энтони Моусона [7]. Опросив онлайн 415 матерей детей-хоумскулеров младшего школьного возраста, автор обнаружил, что привитые дети имеют большее количество аллергий различного типа и расстройств неврологического развития, чем непривитые. Snopes.com, сайт проверки фактов научной предвзятости, опубликовал журналистское расследование, которое предоставило доказательства вовлеченности Моусона в антипрививочное движение [8]. Помимо этого, один из соавторов, Брайан Рэй, является сторонником семейного образования и президентом-основателем Национального института исследования домашнего образования (NHERI) [9, 10]. Сбор данных для исследования подразумевал помощь NHERI в рекрутировании добровольцев. Это может быть причиной изначального предвзятого отношения к предмету исследования, как авторов, так и респондентов. Кроме предвзятости исследование имеет множество процедурных недочетов.

Обзор литературы по теме выявил несколько работ с менее значимыми аспектами, которые, тем не менее, содержат важные детали и заметки. Например, исследование американки Алиссы Корднер не упоминает отношение к вакцинации родителей детей-хоумскулеров напрямую, но на основе приведенных данных можно сделать некие предположения. Так, результаты показали, что дети-хоумскулеры реже проходят ежегодные медицинские осмотры, чем дети-школьники. Меньшее количество девочек, обучающихся на дому, прививались от ВПЧ, однако прививки от менингита и столбняка хоумскулеры делали так же часто, как и родители обычных школьников [11].

Исследование доктора медицинских наук Мэтью Джонсона совместно с другими учеными описало два случая столбняка среди детей, находящихся на семейном образовании, которые чуть не привели к трагическим последствиям. После оказания медицинской помощи эпидемиологи провели интервью с семьями пациентов и собрали данные по причинам вспышки болезни. В первом случае мать утверждала, что ее ребенок был привит, но подтверждения в медицинских документах не было найдено. Во втором случае мать сообщила, что ни один из ее 10 детей не был привит из-за недостаточной информированности о прививках. Исследователи ставят под сомнение правдивость слов опрошенных, возможно, матери целенаправленно отказывались от прививок ранее [12].

Работа Доньи Кхалили и Артура Каплана главным образом изучает законодательный компонент вакцинации и семейного образования в Соединенных Штатах, однако включает параграф, посвященный убеждениям

и отношению родителей-приверженцев семейного образования. К примеру, автор включает принадлежность к какой-либо религии как один из факторов, влияющий на отказ от вакцинации, так как некоторые религии не рассматривают прививки как форму приемлемой медицинской помощи [13]. Наконец, великобританская исследовательница Кэтрин Моран, изучающая сомнения по поводу вакцинации, включает в интервью вопрос: обучаются ли дети на дому. Она также изучает мнение родителей по этому поводу, но в результатах диссертационного исследования не приводит никаких данных, связанных с вопросом [14].

Результаты данного обзора помогут обеспечить теоретическую базу для российских исследователей семейного образования, помогая им проводить дальнейшие исследования с опорой на опыт их зарубежных коллег. Продолжение изучения представленной темы также может быть полезно для работников здравоохранения и политиков.

Библиографический список:

1. Яшина М.Н. Портрет российских семей хоумскулеров: результаты онлайн-опроса в социальных сетях / М.Н. Яшина // Общество: социология, психология, педагогика. Хорс. 2016.
2. West R. L. The Harms of Homeschooling // Philosophy & Public Policy Quarterly. 2009. 29(3/4). С.7.
3. Kennedy A. M., Gust D. A. Parental Vaccine Beliefs and Child School Type // Journal of School Health. 2005. 75(7). С.276-280.
4. Kennedy A., Brown C., Gust D. Vaccine Beliefs of Parents Who Oppose Compulsory Vaccination // Public Health Reports. Май-июнь 2005. 120. С.252-258.
5. Thorpe E. L., Zimmerman R. K., Steinhart J. D., Lewis K. N., Michaels M. G. Homeschooling parents' practices and beliefs about childhood immunizations // Vaccine. 2012. 30(6). С.1149-1153.
6. Gaither M. Homeschoolers and Vaccinations // Homeschooling Research Notes. 2012. URL: <https://gaither.wordpress.com/2012/04/30/homeschoolers-and-vaccinations/> (дата обращения: 10.07.2017)
7. Mawson A. R., Ray B. D., Bhuiyan A. R., Jacob B. Pilot comparative study on the health of vaccinated and unvaccinated 6- to 12-year-old U.S. children // Journal of Translational Science. 2017. 3(3). С.1-12.
8. Kasprak A. 'First Ever' Study Comparing Vaccinated and Unvaccinated Children Shows Harm from Vaccines? // Snopes.com. 20 мая 2-17 года. URL: <http://www.snopes.com/2017/05/17/vaccine-study-autism/> (дата обращения: 11.07.2017)
9. Gaither M. Brian D. Ray and NHERI, part 1 // Homeschooling Research Notes. 2008. URL: <http://gaither.wordpress.com/2008/09/30/brian-d-ray-and-nheri-part-1/> (дата обращения: 10.07.2017)
10. Kunzman R., Gaither, M. Homeschooling: A Comprehensive Survey of the Research // Other Education: The Journal of Educational Alternatives. 2013. 2(1). С.4-59.

11. Cordner, A. The health care access and utilization of homeschooled children in the United States // Social Science & Medicine. 2012. 75(2). С. 269-273.

12. Johnson M. G., Bradley K. K., Mendus S., Burnsed L., Clinton R., Tiwari T. Vaccine-Preventable Disease Among Homeschooled Children: Two Cases of Tetanus in Oklahoma // Pediatrics. 2013. 132(6). С.1686-1689.

13. Khalili D., Caplan A. Off the Grid: Vaccinations Among Homeschooled Children // The Journal of Law, Medicine & Ethics. 2007. 35(3). С.471-477.

14. Moran C. L. Needling doubts: a sociological examination of parental resistance to childhood immunizations: диссертация д-ра социологических наук / C.L. Moran. University of New Hampshire. 2004. 168 с.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ РЕБЕНКА В БЕДНОЙ СЕМЬЕ

Воронова К.А., старший преподаватель кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)
E-mail: voron55555@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются актуальные социологические тенденции, связанные с бедными семьями в современной России. Описываются причины увеличения бедных семей с детьми. Выявляются особенности и последствия социализации детей в бедных семьях, отличающихся специфической культурой.

Ключевые слова: бедность, бедная семья, культура бедности.

Abstract: The author of the article analyzes the sociological trends of the change of poor families in modern Russia, describes the reasons for the increase in poor families with children. According to the author, the results of the socialization of children in poor families are associated with a specific culture of poverty.

Keywords: poverty, poor family, culture of poverty.

Проблема бедности остается одной из важнейших для современного общества. За последние годы в России наблюдается тенденция увеличения слоя бедного населения. Об этом свидетельствует официальная статистика, согласно ее данным, растет число людей с доходами ниже прожиточного минимума. Так в 2016 году к этой группе относилось 13,4 % населения (19,6 млн. чел.), тогда как в 2012 году аналогичный показатель составлял 10,7 % (15,4 млн чел.) [1]. Существенный рост был зафиксирован в 2014 году (см. табл. 1), который стал для российской экономики периодом испытаний в связи с введением санкций, снижением цены на нефть и ростом курса валют. Официальная статистика традиционно оперирует данными по абсолютной бедности, измеряемой в нашей стране соотношением уровня доходов с установленным уровнем прожиточного минимума. Однако су-

существуют еще исследования относительной и субъективной бедности. Так, по оценкам исследователей, около четверти населения чувствует свою ограниченность в возможностях удовлетворения основных потребностей в товарах и услугах [2]. Социологи в ходе опросов фиксируют также высокий процент населения, считающего, что бедных людей в нашей стране много – 82% [3]. Аналогичные опросы в 1990 г. показывали, что так думали только 69 % респондентов [3].

Понятие бедности наиболее часто определяется как состояние нужды и недостатка средств и имущества. Так, в словаре Д.Н. Ушакова представлено такое определение бедности – «нужда, недостаток» [4], в словаре С.И. Ожегова – «жизнь в нужде, состояние того, кто постоянно нуждается» [5]. Современные социологические, экономические и юридические словари включают в интерпретацию понятия бедности недостаточный уровень потребления [6] и неспособность самим оплачивать «стоимость необходимых благ» [7].

Таблица 1 - Динамика численности населения России с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума за последние 5 лет

год	млн. чел.	% от общей численности населения
2012	15,4	10,7
2013	15,5	10,8
2014	16,1	11,2
2015	19,5	13,3
2016	19,6	13,4

Понятие бедной семьи в настоящее время проходит этап институционализации и содержательно характеризуется состоянием нехватки различного рода ресурсов, недостаточным уровнем потребления в сравнении с социальными стандартами, конфликтным характером отношений между ее членами, уязвимостью и незащищенностью детей. Бедная семья обладает целым рядом признаков, среди которых основными являются: низкий уровень дохода и недостаточный уровень потребления. Зачастую для бедных семей характерны и другие признаки: многодетность, неполный состав семьи, сложности со здоровьем и инвалидность, подчиненный и наемный труд, усредненная самоидентификация, неблагоприятные условия жизни.

Среди современных бедных семей в России преобладают семьи с детьми до 16 лет, при этом за последние шесть лет эта тенденция возрастает [1]. В то же время количество домашних хозяйств без детей, находящихся за чертой бедности, за последние годы сокращается (см. рис. 1). Это говорит о том, что семьи с детьми более уязвимы и сложнее справляются с кризисными явлениями. Это обусловлено целым рядом факторов: наличие детей приводит к увеличению запросов семьи и одновременно большой иждивенческой нагрузке, снижению трудовой активности и оплаты труда для женщин, уменьшению времени отдыха и ухудшению состояния здоровья, низкой социальной мобильности и трудностям повышения образовательных и квалификационных компетенций.

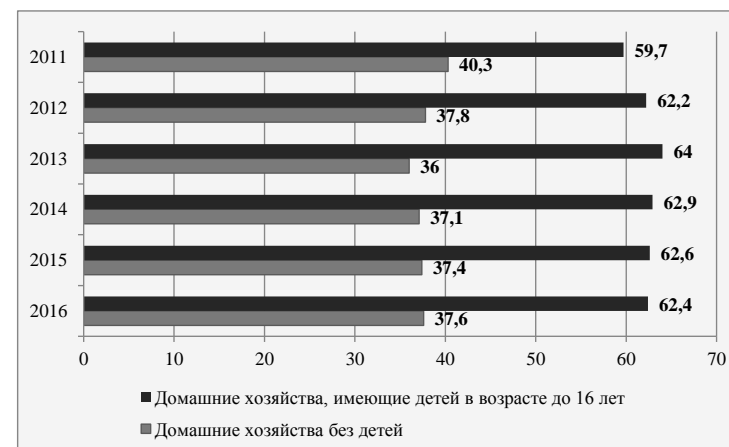

Рис. 1 - Распределение малоимущих домашних хозяйств по наличию детей

Статистические данные показывают, что больше всего число бедных растет среди многодетных семей, в которых воспитывается трое и более детей [1]. Это обусловлено более значительными расходами и большей нагрузкой, которая ложится на родителей, причем наиболее уязвимы при этом женщины-матери. В то же время число бедных семей, имеющих только одного ребенка, за последние годы снижается, т.е. они обладают более устойчивым социально-экономическим положением (см. рис. 2).

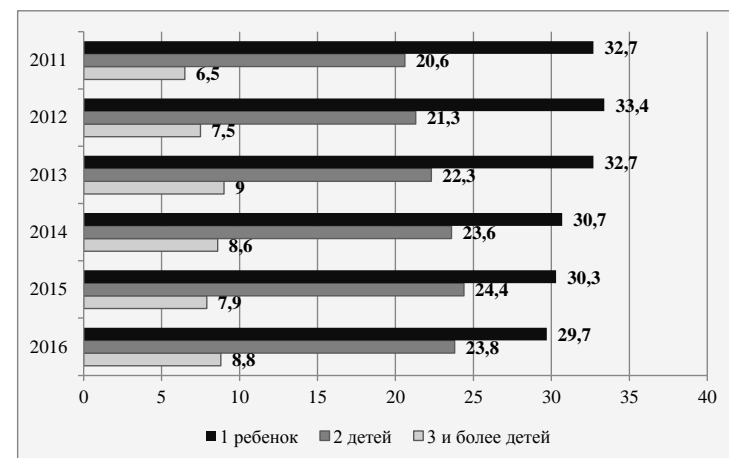

Рис. 2 - Распределение малоимущих домашних хозяйств по количеству детей

Основной проблемой при социализации детей в условиях бедной семьи является воспроизводство «культуры бедности». Это понятие было

введено во второй половине XX века О. Льюисом [8], он исследовал образ жизни мексиканских семей за чертой бедности и пришел к выводу, что существует «гетто бедных» со своими ценностями, нормами, моделями поведения, чертами характера. Для «субкультуры бедности» характерны следующие социально-психологические особенности: недостаток воли, откладывание, уязвимость, зависимость, неполноценность, пассивная реакция, уход в негативную девиацию, нарушения репродуктивного поведения, соперничество и низкая привязанность к близким, а также исключенность из социальных институтов, низкий уровень образования, небольшой круг социальных связей, экстернальный локус контроля или перекладывание ответственности за свою жизнь на внешний мир.

Бедная семья является первичной группой для ребенка, в ней он проходит основополагающий этап социализации, усваивает важнейшие нормы, ценности, модели поведения, мотивы. Референтная группа в социологии выступает в качестве некоего образца, ориентира. Бедная семья также может выполнять роль референтной группы, прежде всего, для детей, выступать в качестве основного примера в течение жизни. Последствиями принадлежности к бедной семье как малой группе, социализации в условиях бедной семьи как первичной группы и ориентации на бедную семью как пример, является целый комплекс неблагоприятных последствий, среди которых: замкнутость и состояние социальной изоляции, санкционирование выхода из группы, нарушение групповой динамики, психоэмоциональный дискомфорт, социальное напряжение и давление, возникновение конфликтов, проблемы ведения домашнего хозяйства, усвоение негативных моделей, закрепление негативного сценария, формирование иждивенческой установки, восприятие бедности как нормы, низкая мотивация выхода из бедности.

Таким образом, в современной России семьи с детьми, особенно многодетные, подвержены высоким рискам, связанным с их социально-экономическим положением и попаданием за черту бедности. Социализация детей в бедных семьях проходит в неблагоприятных условиях, порождая воспроизводство в следующих поколениях субкультуры бедных. Это обусловлено дисфункциональностью бедных семей и трудностями социально-экономической, психологической, культурной и ролевой адаптации детей в ходе взросления.

Библиографический список:

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 05.05.2018).
2. Тихонова Н. Е. Гетерогенность бедности в современной России // Бедность и бедные в современной России. М.: Весь Мир, 2014. С. 13-34.
3. Леконцев И. П. Бедность в России: официальная статистика и результаты социологических опросов ВЦИОМ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 116.
4. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Ушакова. М.: ТЕРРА - Книжный клуб, 2007. 752 с.

5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. 736 с.

6. Экономика. Толковый словарь. М.: ИНФРА-М, 2000. 840 с.

7. Социологический словарь /Отв. ред.: Г.В.Осипов, Л.Н.Москвичев. М.: Норма, 2008. 608 с.

8. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом ВШЭ. 2012. 526 с.

ОХВАТ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ ДЕТЕЙ В РОССИИ

Высоцкая А.В., и.о. зав.кафедрой информационных систем, ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет» (г. Комсомольск-на-Амуре, Россия)

E-mail: al-w-buaa@rambler.ru

Антоненко Е.Г., студент, ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет» (г. Комсомольск-на-Амуре, Россия)

E-mail: antonenkoliza@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос охвата детей дополнительными образовательными программами. Проводится оценка доступности дополнительного образования в различных регионах страны с учетом возрастного состава и плотности населения. Доступность обеспечивается как за счет создания и размещения новых организаций, так и за счет эффективного планирования сети, использования имеющихся ресурсов, особенно в малых и сельских населенных пунктах.

Ключевые слова: дополнительное образование, доступность, охват

Abstract. The article deals with the issue of enrolling children with additional educational programs. An assessment is made of the availability of supplementary education in various regions of the country, taking into account the age composition and population density, both through the creation and deployment of new organizations, and through effective network planning, the use of available resources, especially in small and rural settlements

Keywords: additional education, accessibility, coverage

В 90-е годы в условиях ухудшения экономической ситуации и при отсутствии конституционных гарантий общедоступности и бесплатности дополнительного образования детей в России произошло сокращение сети организаций дополнительного образования (ДО), количества кружков и секций в общеобразовательных организациях, имел место отток квалифицированных кадров и невостребованность инфраструктуры дополнительного образования детей. Однако с начала 2000-х гг. наблюдается увеличение спроса населения на различные услуги дополнительного образования

детей, снижение среднего возраста начала участия в дополнительном образовании, а также рост расходов населения на платные услуги в этом секторе. Усиливается и общественный интерес к использованию потенциала ДО детей в их воспитании, профессиональной ориентации, развитии компетенций, востребованных на новом этапе технологического развития.

Оценка доступности дополнительного образования для российских детей затрудняется особенностями статистического учета, когда фиксируется количество услуг, при этом более активные дети могут получать более одной услуги одновременно, как в общеобразовательной организации, так и вне школы. Это может исказить картину общей доступности услуг дополнительного образования.

Согласно данным Росстата за 2016 год, общий охват детей ДО по всей стране в возрасте от 5 до 18 лет составил 67,7 % от общей численности детей соответствующего возраста (13,5 млн. детей) [1]. Доля детей, охваченных дополнительными общеобразовательными программами, выросла с 45,5 % в 2005 году до 67,7 % в 2016 году (рисунок 1) [2].

Заметим, что общая численность детей по России, занятых ДО в возрасте от 5 до 18 лет снижалась до 2012 года, а затем начала расти, вплоть до 2016 года. Это можно объяснить тем, что сегодня дополнительное образование детей актуально и востребовано. Именно ДО помогает раннему самоопределению, даёт возможность полноценно прожить детство, реализовать себя, решая социально значимые задачи.

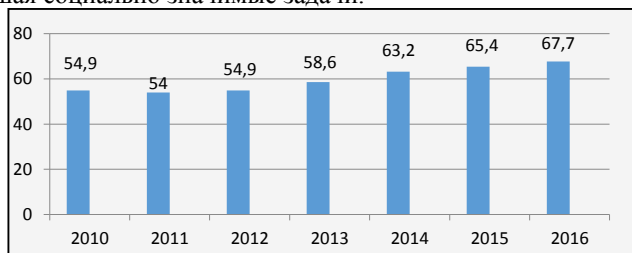

Рис. 1 - Доля детей в возрасте от 5 до 18 лет, охваченных программами ДО (процент от общего числа детей данного возраста)

Показатели охвата существенно варьируются между субъектами Российской Федерации: есть как регионы, которые уже демонстрируют достижение показателей, установленных Указом Президента России, так и регионы, не достигшие охвата половины детей в указанном возрасте. К регионам-лидерам по обеспечению доступности можно отнести Москву, а также Тюменскую, Белгородскую и Калининградскую области, к аутсайдерам – Республики Ингушетию, Дагестан, Калмыкию и Забайкальский край. Отмеченный на рисунке 1 рост показателя охвата ДО детей в целом по России происходит, в основном, именно за счет регионов-лидеров, в то время как показатели охвата в «отстающих» субъектах практически не меняются.

С целью актуализации информации о ситуации с доступностью ДО на начало 2017-2018 учебного года Минобрнауки России в сентябре 2017 года провел сбор данных о доступности реализации дополнительных общеобразовательных программ всех 85 субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования (таблица 1) [1].

Таблица 1 – Охват детей дополнительным образованием в регионах РФ

Федеральный округ	Средний охват обучающихся дополнительными общеобразовательными программами, %	Регионы с наибольшей долей охвата ДО	Регионы с наименьшей долей охвата ДО
ЦФО	74,91	Белгородская, Ивановская область	Тульская область
СЗФО	77,58	Новгородская область г. Санкт-Петербург	Республика Коми
СКФО	69,47	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Карачаево-Черкессия
ЮФО	71,96	Астраханская область	Волгоградская область
ПФО	75,73	Кировская область	Республика Чувашия
УФО	73,3	Тюменская область	Ханты-Мансийский авт. округ – Югра
СФО	76,15	Иркутская область, Красноярский край	Республика Бурятия
ДФО	73,75	ЕАО	Чукотский авт. округ

В соответствии с законодательством, дополнительные общеобразовательные программы могут реализовываться образовательными организациями различных типов, однако основной охват в настоящее время, обеспечивается общеобразовательными организациями [4].

По данным статистики, в возрастной структуре контингента обучающихся в отделении дополнительного образования детей (ОДОД) преобладают дети 10 – 14 лет и 5 – 9 лет (44 % и 37 % соответственно). Доля учащихся старших классов составляет 14,4 % (рисунок 2).

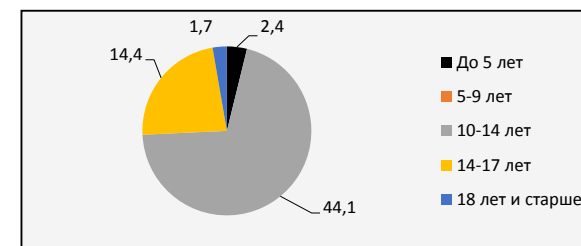

Рис. 2 - Возрастная структура контингента обучающихся в ОДОД в 2016 году

Из рисунка 2 видно, что сокращение участия старшеклассников в программах ДО объясняется завершением частью из них долгосрочных программ (школы искусств, спортивные школы), а также концентрацией на подготовке к государственной итоговой аттестации (ЕГЭ). При этом отмечается и дефицит предложения программ, соответствующих актуальным

запросам представителей данной возрастной группы. Дополнительные общеобразовательные программы в 2016 году реализуют 44,9 тысяч организаций, в том числе 24,6 % – как основной вид деятельности.

На уровне субъектов Российской Федерации в 2016 году сокращение числа ОДОД наблюдалось в 56 регионах. При этом в 11 из них отношение числа организаций к значению предыдущего года составило менее 90 %. В 15 субъектах число организаций за год увеличилось. Еще в 14 регионах России число организаций дополнительного образования за год не изменилось.

Мониторинг, проведенный в августе 2017 года региональными отделениями общероссийского народного фронта, показал, что в общей сложности в России за 2016 г. и первую половину 2017 г. оказались закрытыми почти 60 организаций дополнительного образования.

В итоге, возможности выбора организаций ДО по месту жительства, исходя из данных исследований, снижаются. По данным мониторинга экономики образования, доля родителей детей, обучающихся в организациях дополнительного образования, отметивших, что у них не было выбора (данная организация является единственной в данном населенном пункте по данному виду деятельности) увеличилась с 7,5% в 2013 г до 11,6% в 2017 году.

Прогнозируемая трансформация рынка труда, системы профессий, изменения мотивов и интересов семей и детей обуславливают задачу расширения спектра дополнительных общеобразовательных программ. Особое внимание государство уделяет увеличению охвата детей ДО технической и естественнонаучной направленностей. Приоритетный проект «Доступное дополнительное образование для детей» предусматривает, что доля детей в возрасте от 5 до 18 лет, охваченных программами данных направлений вырастет до 18% к 2020 г. [4].

Далее представим распределение учащихся по направлениям дополнительных общеобразовательных программ в 2016 году по России. Наиболее популярными в России являются программы в области искусств (34% всех учащихся суммарно по общеразвивающим и предпрофессиональным программам) и физической культуры и спорта (25% суммарно). Третье место занимают программы социально-педагогической направленности (21% контингента). Программы технической направленности охватывают 7% учащихся.

В сельской местности у школьников преобладают занятия спортом, военно-патриотической деятельностью и туризмом, но наблюдается недостаток в занятиях иностранными языками, наукой, исследовательской деятельностью – это может быть связано с недостатком кадровых ресурсов, слабой материальной базой учреждений ДО, отсутствием социальных партнеров и развитой инфраструктуры учреждений, а также неразвитостью транспортной инфраструктуры. В школах крупных городов отмечается больше возможностей для дополнительных занятий иностранными языками, городские дети также больше вовлечены в занятия техническим творчеством и наукой.

Жители столицы и других городов-мегаполисов с населением более 1 млн. человек чаще всего занимаются изучением в ОДОД иностранных

языков, в то время как жители малых городов, ПГТ и сел посещают занятия данного профиля почти в 2 раза реже. В то же время дети, проживающие в ПГТ и селах, наиболее часто включены в такие направления, как спорт и физическая культура (половина детей, жителей сельской местности, посещающих дополнительные занятия, занимаются спортом), ремёсла. Техника (в том числе конструирование и моделирование) и занятия наукой в ОДОД пользуются наибольшим спросом среди жителей малых городов с населением менее 100 тысяч человек.

Анализ охвата детей программами различной тематики в зависимости от ступени обучения показывает, что среди дошкольников наиболее распространенными являются занятия по подготовке к школе, а также занятия различными видами искусства. Чаще всего занятия по искусству посещают также ученики начальной школы, при этом доля детей, посещающих занятия по данному профилю, снижается при переходе к средней и старшей школе. Занятия спортивного профиля примерно в равной степени распределены среди учащихся младшей, средней и старшей школы. Наиболее востребованными среди учащихся младшей и средней школы также являются занятия по таким профилям, как техника, ремесла, научно-исследовательская деятельность. Для старшей школы наиболее актуальны подготовка к поступлению в вуз, изучение иностранных языков, туризм и военно-патриотическая деятельность.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 4 декабря 2014 года было указано на недопустимость свертывания системы дополнительного образования детей. Письмом Минобрнауки Российской Федерации от 11 июня 2015 года в субъекты Российской Федерации направлены методические рекомендации о недопустимости свертывания системы организаций дополнительного образования детей [5]. Анализ показывает, что, к сожалению, данные рекомендации не стали руководством к действиям на местах. В большинстве регионов не сформирована политика развития сети организаций, реализующих дополнительные общеобразовательные программы. Сохраняется проблема разобщенности действий ведомств в отношении сети, приводящая к снижению эффективности использования ресурсов.

Библиографический список:

1. Аналитический доклад о состоянии системы дополнительного образования детей в Российской Федерации в условиях реализации Концепции развития дополнительного образования детей [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://rcvrrt.ru/upload/iblock/16f/16f21dbacd03f4919d9aa5b9cf205076.pdf> (дата обращения: 27.04.2018).

2. Методика расчета показателя «Численность детей в возрасте от 5 до 18 лет, занимавшихся по дополнительным общеобразовательным программам для детей» [Электронный ресурс]: Официальный сайт Федеральной службы статистики URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/Methodika.pdf (дата обращения: 30.04.2018).

3. Отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы российской федерации «развитие образования» на 2013 – 2020 годы в 2015 году [Электронный ресурс]: Официальный сайт министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <https://минобрнауки.рф/документы/8257/файл/7627> (дата обращения: 30.04.2018).

4. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2018 года [Электронный ресурс]: Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2974> (дата обращения: 30.04.2018).

5. Послание Президента Федеральному Собранию 04 декабря 2014 года [Электронный ресурс]: Официальный сайт администрации Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 28.04.2018).

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И УСЛОВИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ МАЛОЧИСЛЕННЫХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА НА ТЕРРИТОРИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Гареева И.А., доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и психологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск, Россия)

E-mail: gar_ia@mail.ru

Заксор О.В., студент, Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск, Россия)

Аннотация: В статье анализируются проблемы коренных малочисленных народов Севера, условия социализации детей КМНС. Выявляются факторы, негативно влияющие на процесс социализации детей.

Ключевые слова: коренные, малочисленные народы Севера, социальные проблемы, социализация, социальные проблемы, национальная культура

Abstract: The article analyzes the problems of indigenous minorities of the North, the conditions for the socialization of children of the indigenous people. Factors that negatively affect the process of socialization of children are revealed.

Keywords: indigenous, small nationalities of the North, social problems, socialization, social problems, national culture

На территории Хабаровского края проживают восемь коренных малочисленных народов: нанайцы, негидальцы, нивхи, орочи, удэгейцы, ульчи, эвенки, эвены. Национальная культура коренных малочисленных народов Приамурья неповторима и оригинальна и включает в себя целый комплекс искусств, промыслов, обрядов и традиций, верования и фольклор.

Национальная культура любого народа передается и усваивается в процессе социализации. Дети являются тем субъектом, который мог бы со-

хранить и развивать уникальную и неповторимую культуру коренных народов. Однако в настоящее время дети коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока оказываются наиболее уязвимыми в социальном и культурном отношении [3].

Численность малочисленных коренных народов Севера (КМНС) в Хабаровском крае составляет 1,7 % от общего числа жителей. В 2010 году общая численность КМНС составила 22 861 человек, но и для этой группы жителей характерна убыль населения по естественным причинам. Самая многочисленная народность нанайцы - 48,2 %, удэгейцев, негидальцев и орочей соответственно 2,7 %, 2,1 % и 1,9 %.

Социальный портрет коренных малочисленных народностей Севера выглядит следующим образом: в основном это сельское население, проживающее в 59 пунктах края; 62,4% составляет экономически активное население, из этой группы 78% работающее и 21,6 % неработающее население; 45,8% мужчины и 54,2% женщины. Полтора процента коренных народностей Севера ведут кочевой образ жизни. Возрастной состав КМНС выглядит следующим образом: от 0-14 лет – 25,8%, 15-34 лет – 36,1%, 35-54 – 26,4%; 55 лет и старше – 11,7%. Можно сказать, что для КМНС Хабаровского края характерен прогрессивный тип населения.

За последнее время среди коренных народов Дальнего Востока наблюдается падение уровня рождаемости и изменение структуры смертности. Основной группой риска стали люди экономически активного, а чаще репродуктивного возраста. Причинами смерти стали травмы, несчастные случаи, отравления алкоголем и самоубийства. Наблюдается процесс сокращения средней продолжительности жизни у коренного населения. Низкая рождаемость и высокая преждевременная смертность заставляют предполагать пессимистические прогнозы в отношении коренных малочисленных народов. Сокращение коренного населения ведет к потере своих корней, утрате культурных знаний и традиций.

Проблеме сохранения численности малочисленных коренных народов Севера в России всегда уделялось особое внимание. Еще в 1822 году Уставом о жизни инородцев гарантировались права на самоуправление, землю, культурную самобытность. В советское время, в результате экономических, социальных и культурных преобразований коренным народностям Севера приходилось покидать привычные места обитания. Переселение и патерналистическое отношение со стороны государства привели к утрате обычаев, традиций, в некоторых случаях и языка.

Молодые люди КМНС не знакомы с основами этнических ценностей своего народа, нарушена преемственность исторической памяти народа и его духовной культуры, и это приводит к необратимым негативным процессам.

Кризис ценностей народов Севера проявляется в социальной дезадаптации подрастающего поколения, в особенности подростков, отражающейся в девиантном поведении, слабой ориентированности на образование, низком уровне мотивационно-личностной сферы, отсутствии трудовых навыков, ранней алкоголизации.

Одна из причин такого положения коренных народов заключается в том, что традиционный механизм их привычной жизни, быта, культуры оказался утраченным.

Основными проблемами малочисленных коренных народностей Севера являются:

- идентификация национальных меньшинств;
- особые права национальных меньшинств, существенно отличающиеся от прав основного населения;
- самоопределение [2].

Кроме того, существует ряд проблем, которые влияют на качество жизни коренных малочисленных народностей Севера:

- высокий уровень безработицы, связанный с тем, что КМНС проживают в сельской местности, где трудно найти работу. Так уровень безработицы среди КМНС Хабаровского края в 1,5-2 раза превышает средний уровень по Российской Федерации;
- низкие доходы населения, КМНС исключены из традиционного жизнеобеспечения – оленеводства, морского, рыбного, охотничьего промыслов, что позволяло иметь постоянный доход;
- высокий уровень заболеваемости социально значимыми болезнями и высокая смертность. Более чем в два раза возросла смертность от алкогольных отравлений. В 1.8 раза выше среднероссийских показателей среди коренных народов уровень младенческой и детской смертности;
- ухудшение здоровья и низкая продолжительность жизни. Так, до пенсионного возраста доживает только 8,5 % КМНС. Показатели заболеваемости в 1,5 раза выше среднероссийских. Наблюдается значительный рост социально значимых и других заболеваний, таких как туберкулез, вирусный гепатит, кожные и паразитарные заболевания.

Большое количество современных законодательных актов направлено на реализацию прав КМНС. Международные законодательные акты, такие как Декларация о правах коренных народов, Декларация о языковых меньшинствах, Конвенция № 169 о племенных народах, носят декларативный характер и направлены на стимулирование благоприятного отношения к этническим меньшинствам.

Законодательные акты РФ «О гарантиях прав коренных народов России», Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока включают комплекс мер, направленных на сохранение исконной среды обитания, образа жизни, модернизацию хозяйственной и социальной сфер жизни. Государство гарантирует КМНС меры социальной, финансовой, имущественной, информационной поддержки [1].

Закон «О поддержке коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, проживающих в Хабаровском крае» гарантирует защиту природной среды обитания, сохранение самобытной культуры, повышение качества жизни, развитие здравоохранения и образования.

Для сохранения самобытности КМНС необходимы определенные условия социализации детей малочисленных народов. Это, прежде всего,

формирование осознанного отношения к ценностям национальной культуры, сохранение физического и духовного здоровья детей КМНС, обновление национального самосознания. Школьные программы и педагогические методы, используемые при обучении детей КМНС, должны учитывать языковые, культурные, исторические особенности коренного населения.

Создание и развитие этнокультурных центров, национальных музеев, творческих коллективов, школ прикладного национального искусства, молодежные центры по изучению и сохранению национальных обычаев и культуры коренных народностей позволяют знакомиться, изучать и постигать основы традиционной и современной культуры коренных малочисленных народов Приамурья.

Библиографический список:

1. О государственной поддержке коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Хабаровском крае: закон Хабаровского края от 23.04.2014 № 358.
2. Развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Хабаровском крае: Государственная программа Хабаровского края, утвержденная постановлением Правительства Хабаровского края от 14.09.2011 № 303–пр.
3. Концепция государственной политики Хабаровского края в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Хабаровском крае, на 2015 – 2020 годы,
4. О порядке предоставления субсидий из краевого бюджета бюджетам муниципальных районов края на реализацию мероприятий гос. программы Хабаровского края (Развитие КМНС и ДВ РФ, проживающих в Хабаровском крае): постановление Правительства Хабаровского края от 17.06.2013 № 161-пр.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ И СОБЛЮДЕНИЯ ИХ ПРАВ

Гареева И.А., доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и психологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск, Россия)
E-mail: gar_ia@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются права ребенка на охрану здоровья, получения своевременной медицинской помощи при вакцинации. Анализируются возможные варианты нарушения прав детей. Приводятся данные социологического опроса.

Ключевые слова: Ребенок, права детей, права родителей, медицинские и социальные службы, региональные особенности

Abstract: The article deals with the child's right to health protection, receiving timely medical assistance during vaccination. Possible variants of violation of children's rights are analyzed. The data of the sociological survey are given.

Keywords: Child, children's rights, parents' rights, medical and social services, regional characteristics

Права ребенка в Российской Федерации регламентированы Конвенцией о правах ребенка, Декларацией прав ребенка, Конституцией РФ, ФЗ «Об основных гарантиях права ребенка в Российской Федерации», Семейным кодексом РФ. Права ребенка – это права человека применительно к несовершеннолетнему. Согласно Конвенции о правах ребенка, несовершеннолетние - это лица, не достигшие 18 лет.

Декларация прав ребенка устанавливает девять принципов, которые касаются вопросов благополучия и здоровья ребенка. Так, в своем содержании принципы нацелены на обеспечение законом и другими средствами специальной защиты возможностей и благоприятных условий, которые позволяют ребенку развиваться физически, умственно, нравственно, духовно в социальном отношении здоровым и нормальным путем в условиях свободы и достоинства. Ребенок, в соответствии с принципами Декларации, должен пользоваться благами социального обеспечения. Ему должно принадлежать право на здоровый рост и развитие, специальный уход и охрану. Ребенку должно быть обеспечено право на надлежащее питание, жилище, развлечения и медицинское обслуживание. Ребенок должен расти на попечении и под ответственностью своих родителей.

Российское законодательство гарантирует ребенку все права и свободы человека и гражданина. В соответствии со ст. 10 закона № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 21 июля 1998 г., ребенок имеет право на охрану здоровья, оказание бесплатной медицинской помощи, включая оздоровление, профилактику, диспансерное наблюдение, в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения.

Являясь правоспособным от рождения, дееспособным ребенок становится только после достижения совершеннолетия. Все законодательные акты в отношении прав ребенка содержат норму об обязанностях родителей защищать права несовершеннолетнего до достижения им совершеннолетнего возраста.

Однако, регуляция прав родителей и прав детей, на практике, сталкивается с трудностями применения. Это может быть связано с нарушением преювенции законодательных актов, с целями применения законодательных актов, критериями эффективности, спецификой принятия решения по вопросам прав родителей и детей, полномочиями и ответственностью служб, как медицинских, так и социальных.

При оказании и получении медицинской помощи родители, как представители несовершеннолетних, и дети могут столкнуться с проблемой нарушения их прав. В настоящее время в стране набирает мощь госу-

дарственная кампания «Вакцинация – здоровье нации». Это связано с тем, что все чаще медицинские работники сталкиваются с отказами родителей от вакцинации детей. Национальный календарь прививок включает в себя тринадцать обязательных вакцинаций. Вакцинация детей в Российской Федерации начинается с первых дней жизни и продолжается до шестнадцати лет для мальчиков и семнадцати лет для девочек.

Быстрое распространение информации через сайты социальных сетей и Интернет способствует формированию негативного отношения к вакцинации среди родителей, имеющих несовершеннолетних детей. Отношение среди родителей к вакцинации варьируется от амбивалентности и выборочного отношения к вакцинам до тотального отрицания и решительного противостояния.

Исследование об отношении к наказанию за отказ от обязательной вакцинации детей, проведенное ВЦИОМ в сентября 2017 г., продемонстрировало следующее: 64 % россиян оставляют за собой право на отказ от обязательных вакцинаций детей, входящих в перечень Министерства здравоохранения РФ; 59 % россиян, имеющие несовершеннолетних детей, выступают против того, чтобы государство наказывало за отказ вакцинации.

В качестве аргумента в пользу этой точки зрения родители выдвигают свое законное право и ответственность за здоровье детей. Однако, право детей на жизнь, здоровье со стороны родителей не учитывается.

По мнению российских экспертов, в России за 2017 год благодаря вакцинации предотвращено 2000 случаев детской смертности.

В некоторых европейских странах, таких как Германия и Франция, обязательная вакцинация детей не предусмотрена, однако более 90% детей вакцинированы. В других странах при отсутствии вакцинаций ребенку могут отказать в приеме в детский сад, школу, в наблюдении педиатром. В Бельгии родителям, которые отказываются от вакцинации ребенка, отказывают в бесплатном медицинском обслуживании и предлагают платные медицинские услуги в случае заболевания ребенка. В Сингапуре за отказ вакцинации родителей могут заключить в тюрьму на срок до шести месяцев или наложить большой штраф. Однако, при отказе родителей от вакцинации ребенка, права ребенка нарушаются как минимум дважды, со стороны родителей при отказе от вакцинации, и со стороны государства, в случае наказания родителей за отказ.

В детских муниципальных поликлиниках г. Хабаровска в марте 2018 года был проведен опрос родителей для выявления отношения к вакцинации детей. Было опрошено 63 респондента, 60 женщин и 3 мужчины. Респондентами были родители, пришедшие на прием к участковому педиатру со своим ребенком. Возраст респондентов 25-37 лет. 61 % респондентов склонны признать, что вакцинацию детей проводить необходимо, однако 42 % считают, что риск заражения какими-либо инфекциями, от которых делается вакцинация ребенку, в настоящее время минимизирован, 47 % имеют прочное убеждения, что вред последствий гораздо больше, чем польза от вакцинаций, 13 % боятся отдаленных последствий, 30 % убежде-

ны в неэффективности отечественных вакцин. Все родители, и те кто «за» и те кто «против» вакцинаций, считают, что при любом подходе они соблюдают важный родительский принцип «снижение вреда ребенку».

Проблемы охраны здоровья детей и их прав имеют региональный аспект. Так, дальневосточный регион, относится к территориям с низкой плотностью населения. Многие населенные пункты с небольшой численностью населения в целом, и детского в частности, лишены возможности получать медицинскую помощь по месту жительства. Для обследования, лечения, профилактического осмотра необходимо отправляться в соседний населенный пункт, где имеется фельдшерский пункт. Дети в сельской местности могут не получить своевременную вакцинацию по объективным причинам. Структурно-организационным стандартом предусмотрены выездные медицинские бригады, которые призваны оказывать все виды помощи детям в северных и отдаленных населенных пунктах Хабаровского края, но по погодным условиям, при отсутствии специалиста в выездной бригаде, право ребенка на получение своевременной медицинской помощи может быть нарушено.

Таким образом, для обеспечения прав детей в сфере охраны здоровья в законодательном пояснении нуждаются те нормы, которые определяют:

- цели охраны прав детей в сфере здоровья;
- критерии охраны прав детей в сфере охраны здоровья;
- специфику осуществления решений в сфере охраны здоровья детей;
- полномочия и ответственность родителей и медицинских учреждений в сфере охраны здоровья детей.

МЕНТАЛЬНОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ОЦЕНКИ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

Глазков К.П., аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)
E-mail: glazkov.konst@gmail.com

Аннотация: Работа использует метод ментального картографирования района образовательного комплекса (ОК), чтобы изучить территориальные аспекты интеграции его структурных подразделений (СП). После административного объединения старых школ в одну остается вопрос, воспринимают ли ученики ОК как единое целое. Мы выявили, что ученики присоединенных школ продолжают игнорировать главное подразделение, редко отмечают его на картах или упоминают в негативном свете.

Ключевые слова: ментальные карты, интеграция, образовательный комплекс

Abstract. The paper investigates the territorial aspects of the integration between structural units of one educational complex by using mental mapping. Af-

ter the administrative merger of the old schools into one the question remains whether the students of the educational complex perceive it as a single whole. We found that the students of the affiliated schools continue to ignore the main unit, rarely mark it on maps or mention it in negative categories.

Keywords: mental maps, integration, educational complex.

Феномен образовательного комплекса требует контекстуального рассмотрения. А именно, не стоит подходить к его изучению с позиций, что он вырван из окружающей городской среды, находится в некоем вакууме. Напротив, на наш взгляд, на имеющиеся в комплексе механизмы интеграции и коммуникации (не) работает и сложившееся окружение, и тот набор внешкольной активности, который есть в районе. Поэтому перед нами была поставлена задача изучить один образовательный комплекс (ОК) на окраине Москвы с точки зрения интеграционных возможностей, заложенных в городском пространстве. На периферии Москвы, где находится ОК, подразделения остаются во многом разъединены попросту из-за разных и удаленных друг от друга объектов инфраструктуры (например, продуктовых ("жвачных") магазинов), к которым "прикреплены" здания школ. Одним словом, сама среда может сближать учеников из разных подразделений, облегчая протекание процессов коммуникации и интеграции. В этом заключалась наша базовая гипотеза. Так ли это? Предстоит выяснить.

Чтобы ответить на наш вопрос, мы провели исследование образовательного комплекса с помощью метода ментального картографирования в конце 2015 года. Классический вариант использования этого метода, изложенный в работах Кевина Линча [1], Стенли Милграма [2] и Роберта Голледжа [3], дополнен комбинацией двух методических приемов. Во-первых, в задании к школьникам мы сформулировали правило, по которому синей ручкой они отмечали положительно окрашенные для них места в районе школы, а карандашом – негативно окрашенные, что само по себе очень напоминает приём, описанный в работе Ваджхала [4]. Во-вторых, мы обратились к идее, представленной в работе Суони [5], в рамках которой респондентам предлагалось расположить объекты по отношению к дому на разных расстояниях в зависимости от количества времени, затраченного на дорогу до них. В нашем случае мы адаптировали этот приём, предложив школьникам расположить внутри окружности, которая была первоначально нанесена на лист задания, те объекты, которые находятся близко по отношению к школе, а за её пределами – те объекты, которые находятся далеко. Понятно, что соотношения «положительно – негативно» и «близко – далеко» в исполнении респондентов обретают исключительно субъективный смысл, что сказывается на геометрии и топологии полученных карт. При анализе нас в первую очередь интересовали не субъективные отклонения и особенности, а общая картина закономерностей, которая проявлялась по мере обобщения единичных портретов местности.

Описание процедуры ментального картографирования

Перед тем, как перейти к результатам нашего сравнительного исследования, изложим в деталях саму процедуру ментального картографирования, которая была реализована в рамках конкретного проекта.

Перед заданием респондентам выдавалась половина чистого листа А4, на котором с одной стороны по центру была окружность радиусом 9 см. В рамках задания давались следующие инструкции по выполнению:

- 1) В одном из уголков листа подпишите номер Вашей параллели.
- 2) У Вас есть два цвета: синяя ручка – ей Вы будете обозначать те места, к которым Вы питаете положительные чувства (нравится там бывать), карандаш – места, к которым у Вас негативные чувства (стараясь избегать этих мест).
- 3) На листах изображена окружность. Всё, что внутри окружности располагается близко к Вашей школе, всё, что за пределами окружности – далеко от Вашей школы.
- 4) Эти два правила вступают в силу. Обозначая какие-либо места на карте, старайтесь их подписывать.
- 5) Теперь нарисуйте в центре листа Вашу школу.
- 6) Нарисуйте Ваш дом. В скобках укажите улицу, на которой располагается Ваш дом.
- 7) Теперь за оставшиеся 5 минут вспомните как можно больше положительных и отрицательных мест в районе Вашей школы.

Результаты

(1) Категории описания района образовательного комплекса

Для многих жителей района, которые слабо погружены в школьные дела, структурная реформа, объединившая несколько школьных зданий под одной шапкой «номер школы» (ОК), затрудняет восприятие и навигацию на местности. Встреча с муниципальным депутатом, избирательный участок, линейка на 1 сентября – все эти события потеряют место проведения, если все здания называть, используя номер новой школы. О внутренней организации людям извне ничего неизвестно. Разделение на различные подразделения (СП1, СП2 и СП9) – административный инструмент. Сами ученики ими иногда пользуются, но чаще обращаются к более чувствительному различению: «старшая», «младшая», «основная».

Для повседневной коммуникации ученики пользуются старыми номерами школ. Однако некоторые номера старой школы уже потеряли свою различительную силу.

(2) Содержательные характеристики мест сопричастности и разрозненности

Ключевыми точками притяжения, которые являются общими для учеников старших классов из разных СП, являются: торговый центр и каток, аквапарк, лесопарк, футбольные площадки. Среди этих объектов лишь последние имеют отношение к школьной территории. Аквапарк довольно удален от зданий. Лесопарк носит абстрактный характер. Из доступных и спланированных остается лишь торговый центр и каток, который, кстати, послужил площадкой для одного из самых знаковых событий в совместной

истории объединенных школ – фигурному катанию после общей школьной дискотеки в конце 2014 года.

Напротив, принципиальным различием, которое ликвидирует шансы на случайные пересечения, являются разные продуктовые магазины пешей доступности, к которым «прикреплены» СП1 и СП9. Для первых – это магазин «Кладовочка», для вторых – магазин «Перекресток».

(3) Представленность идеи «комплексности» на картах и её эмоциональная окрашенность

Важно отметить, что в ментальных картах среди учеников из главного подразделения (СП1) чаще наблюдается идея «комплексности», то есть наличия нескольких зданий в рамках общего образовательного комплекса. В 30 % карт СП1 отражены другие здания комплекса, тогда как в картах СП9 они встречаются не чаще, чем в 8 % случаев. При этом связь с другой школой («основной») не всегда положительная. Иногда это нелюбимое место, от которого хочется дистанцироваться (за пределами окружности «близко»).

В рамках нашего исследования перед нами стояла задача показать, как пространственное и смысловое измерение района школы включено в коммуникационные и интеграционные процессы, протекающие в едином образовательном комплексе. Для этого мы обратились к изучению обобщенных образов района одного образовательного комплекса на окраине Москвы.

Нами был выявлен эффект обратной комплексности, который встречается при слабой интеграции между разными СП, когда в рамках комплекса есть подразделения с полным набором ступеней обучения. В этом случае ученики из присоединенной школы испытывают негативные чувства по отношению к главной школе, что получает выражение в виде большей доли карт с отображенными на ней разными СП. В то же время школьники из главного СП предпочитают игнорировать другие здания, входящие в состав комплекса, тем самым подчеркивая значимость и закрытость своей школы.

Библиографический список:

1. Линч К. Образ города. М., 1982.
2. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. 336 с.
3. Golledge R.G. Cognitive maps // Encyclopedia of Social Measurement. Vol. 1. 2005. PP. 329-339.
4. Vajjhala S.P. Integrating GIS and Participatory Mapping in Community Development Planning // Paper for the ESRI International User Conference, Sustainable Development and Humanitarian Affairs Track, San Diego, July 2005.
5. Soini K. Exploring Human Dimensions of Multifunctional Landscapes through Mapping and Map-making // Landscape and Urban Planning. 57. 2001. PP. 225-239.

ДЕТСКИЙ МИР СИБЛИНГОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ

Голубева И.Г., магистрант, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (г. Нижний Новгород, Россия).

E-mail: golube.in@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается зарубежный и отечественный опыт по изучению сиблинговых отношений в зависимости от различных параметров. Включенность в сиблинговую подсистему позволяет ребенку усваивать несколько ролей, характер социализации отличен от условий воспитания и взросления единственного ребенка. Горизонтальные родственные связи в течение жизни могут терять значение, могут снова становиться актуальными в силу жизненных обстоятельств (развод / смерть родителей, личные или материальные проблемы). Именно в детстве закладывается тип взаимоотношений между детьми, основанный на поддержке и сотрудничестве либо ревности и соперничестве.

Ключевые слова: сиблинговые отношения, близость, соперничество, ревность, включенность родителей.

Abstract: The article deals with foreign and domestic experience in the study of sibling relationships depending on different parameters. The involvement in the sibling subsystem allows the child to learn several roles, the nature of socialization is different from the conditions of developing in family with the only child. Horizontal family relationships during life may lose value, may become relevant again due to life circumstances (divorce / death of parents, personal or material problems). It is in childhood that the type of relationship between children is laid, based on support and cooperation or jealousy and rivalry.

Keywords: sibling relationships, intimacy, rivalry, jealousy, involvement of parents.

Современная семья характеризуется вариативностью как в супружеской, так и в родительско-детской сферах. По результатам исследования К. Росса, М. Мартин, К. Данлеви [1], родительский стиль воспитания (авторитарный, плюралистический, попустительский) влияет на характер общения между сиблингами, что в свою очередь, определяет степень открытости и доверия друг к другу.

Сиблинговые отношения могут зависеть от пола, возраста, разницы в возрасте, степени родительского участия, опосредовано от типа семьи, материального благополучия. Основные сиблинговые позиции:

- 1) самый старший ребенок;
- 2) самый младший ребенок;
- 3) средний ребенок;
- 4) близнецы: двое, трое, т.д. [2; 32]

Сиблинговые отношения динамичны, поэтому в детстве старший брат/ старшая сестра может восприниматься как взрослый, а в подростковом как друг, поэтому сиблингам доверяют больше, чем родителям. Напротив, если в детстве дети боролись за внимание родителей, конфликт может обостриться, привести к дистантным отношениям между сиблингами.

Исследования, проведенные за рубежом, касающиеся, например, влияния типа семьи (повторные браки, сожительство) на благополучие детей, показывают, что в семьях с повторным браком, отношения между ее членами характеризуются нестабильностью, оказывают негативное воздействие на психическое здоровье детей, подростков [3]. Сводные сиблинги чаще всего испытывают отрицательные эмоции по отношению друг к другу, конфликтуют, не воспринимают друг друга как членов одной семьи.

В зарубежной социологии при изучении сиблинговых отношений используются как количественные (анкетные опросы, вторичный анализ данных Национальной статистики), так и качественные методы. Например, S. Punch [7] в своем исследовании использовала метод эссе, респонденты - дети в возрасте 7-14 лет, проинтервьюировала 90 школьников для анализа опыта сиблинговых отношений. В результате, автор говорит, что старшим сиблингам приходится добиваться авторитета среди младших братьев /сестер.

Отечественные исследования сиблинговых отношений превалируют в области психологии, но и в социологии изучается этот аспект в рамках семейного взаимодействия в различных типах семей. Например, И.О. Шевченко, изучая семьи после развода, приходит к выводу, что появление у отца новой семьи и других детей может оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на детей от первого брака. Для подростков отец особенно необходим в переломные моменты их жизни – взросление, окончание школы [4]. Развод родителей может восприниматься каждым сиблингом по-разному, поэтому не только родители, но и дети могут настаивать на том, чтобы кто-то жил с матерью, кто-то с отцом. В таком случае не только супружеские, но и сиблинговые отношения утрачивают значимость.

Еще одной темой для исследований в отечественных социальных науках является вопрос о влиянии состояния здоровья на особенности взаимодействия между братьями и / или сестрами. В совместной работе А.М. Шишкова, В.В. Бочаров, И.Ф. Карловская приходят к выводу, что у детей, страдающих наркотической зависимостью, наблюдается состояние дезадаптации и отчуждения от семьи [5]. Им необходима поддержка со стороны родителей и сиблингов, которые чаще всего отстраняются от брата/сестры.

Похожая позиция может наблюдаться в семьях, где один ребенок страдает хроническими заболеваниями или у него есть инвалидность. Старшим детям приходится заботиться о младшем сиблинге наравне с родителями, не всегда они готовы брать эту функцию на себя [5]. Если дети небольшого возраста, они могут страдать от недостатка внимания, т.к.

взрослые заняты с сиблингом с инвалидностью, поэтому могут симулировать болезнь, проявлять агрессию к брату/сестре.

В авторском исследовании, проведенном в школах Нижегородского района города Нижний Новгород, методом незаконченных предложений, было опрошено 72 школьника в возрасте 13-15 лет. Отмечается, что 41% респондентов на вопрос «Я хочу, чтобы мой брат/ моя сестра...» ответили: «был рядом», близкие отношения наблюдаются, даже если старший брат/ ая сестра живет отдельно. Несмотря на то, что для подростков характерно возрастание роли внесемейных отношений, сиблинги могут быть значимы в течение многих лет. Стоит сказать, что 20 % опрошенных готовы посвятить своему брату/сестре вне зависимости старший/младший свое свободное время, а 5 % - жизнь. Для анализа данной позиции можно в дальнейшем провести интервью, которое позволит раскрыть важные аспекты межличностного взаимодействия.

При анализе опыта исследований сиблинговых отношений, стоит обращать внимание на тот факт, что в зарубежной социологии представлено больше работ на данную тему, в отечественной науке тема набирает актуальность. У западных ученых больше возможностей для проведения лонгитюдных исследований сиблинговых отношений. В России пока существуют отдельные направления, чаще на микроуровне, изучается влияние сиблинговых связей на личностное развитие, на макроуровне - размер домохозяйств и число детей в семье. Сиблинговые отношения влияют на развитие личности, социальных навыков, как в детстве, так и во взрослой жизни.

Библиографический список:

1. Rocca K., Martin. M., Dunleavy K. Siblings' Motives for Talking to Each Other / Kelly A. Rocca Matthew M. Martin, Katie Neary Dunleavy // The Journal of Psychology, 2010, 144(2), pp.205–219.
2. Лукьянченко, Н. В. Социально-психологические особенности сиблинговых отношений как значимый фактор становления и жизненного пути зрелой личности / Н.В. Лукьянченко // Психологическая наука и образование, 2010. № 1. С. 32-40.
3. Manning W. D. Cohabitation and Child Wellbeing // Marriage and Child Wellbeing Revisited, 2015, V.25. N.2. Pp.51-88.
4. Шевченко И.О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования. 2015. №3. С. 70-77.
5. Шишкова, А.М., Психологические особенности сиблингов пациентов, страдающих героиновой наркоманией / А.М. Шишкова, В.В.Бочаров, И.Ф.Карловская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология, 2013. Т.3. №.4 С. 113-121.
6. Взгляд со стороны / ред.кол. : Герберт Вольхюттер и [др.], под общ. ред. Е. Г. Титовой. Минск: А.Н. Вараксин, 2012. 32 с.
7. Punch, S. The Generationing of Power: A Comparison of Child-Parent and Sibling Relations in Scotland // Sociological Studies of Children and Youth, 2005. Volume10. Pp. 169-188.

ПОДРОСТКИ О ФЕНОМЕНЕ ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ЭССЕ)

Гончарова С.В., кандидат социологических наук, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

E-mail: goncharova.sv@dvfu.ru

Осмачко Н.В., кандидат социологических наук, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)

E-mail: nv.o@mail.ru

Аннотация. В статье описаны и проанализированы представления о детстве, его значении для становления личности школьников 15-17 лет, участников Международной олимпиады «Океан знаний – 2018», дана характеристика понимания школьниками сущности понятия, условий обеспечения благополучного положения детей в обществе.

Ключевые слова: детство как феномен; семья; благополучие детей; самооценку детства; уважение к детству.

Abstract. The article describes and analyzes notions about childhood, its significance for the formation of personality students 15-17 years participants in the International Olympiad «Ocean of knowledge – 2018», the characteristic of understanding of essence of concept, conditions of maintenance of a favorable position of children in a society is given.

Keywords: childhood as a phenomenon; family; the well-being of children; self-value of childhood; respect to the childhood.

В социологических исследованиях детства участвующий подход, базирующийся на принципах субъектности, социальной компетентности детей, позволяет вовлечь последних в процесс получения данных [1], [2]. Рассматривая ребенка как социального актора, обладающего опытом и способностью его понимать, мы обратились к личным документам, созданным старшеклассниками – участниками Международной олимпиады «Океан знаний – 2018». Средний возраст участников составил 16 лет. Уже сам факт включения подростков в интеллектуальное состязание свидетельствует об их активности, достигнутой мотивации; они в большой степени заинтересованы показать высокий уровень компетентности в выбранной сфере, в данном случае – общественности. Поэтому сочинения-эссе, которые написали старшеклассники на заочном этапе олимпиады, с одной стороны, отразили результат рефлексивного осмысления акторами собственного жизненного опыта, с другой стороны, продемонстрировали освоение (и присвоение) ими теоретических знаний в процессе философствования по заданной тематике.

В нынешнем году подросткам (всего 96, из них 74 девушки и 22 юноши) были предложены десять тем, касающихся феномена детства. Заметим, современное детство плюралистично, проживается по-разному; со-

циокультурный контекст детства в России описывается исследователями следующим образом: «противоречивость и неоднородность, неопределенность, незащищенность, отсутствие значимых для ребенка общепризнанных ценностей в социуме, депривационность, фрустрационность, уход образования из сферы влияния на воспитание ребенка... усиление отчужденности детей и взрослых [3, с. 15].

И, как следствие, обращение к сочинениям-эссе позволило ответить на вопрос, как представляют и оценивают дети (в нашем случае – подростки) заинтересовавшие их аспекты детства (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Распределение предпочтений подростков в выборе тем эссе

Темы, выбранные учащимися	Распределение, %
"Мне кажется, что одна из самых больших удач в жизни человека - счастливое детство." (А. Кристи)	21,9
"Детству следует оказывать величайшее уважение." (Д.Ю. Ювенал)	18,8
"...наши дети - это наша старость. Правильное воспитание - это наша счастливая старость, плохое воспитание - это наше будущее горе, это наши слезы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной." (А.С. Макаренко)	15,6
"Детство - чужая страна: говоря на одном и том же языке, родители и дети нередко совершенно не понимают друг друга." (Б. Кауфман)	14,6
"Все мы родом из детства." (А де Сент-Экзюпери)	13,5
Остальные (5 тем)	15,6
Всего	100

Анализ текстов эссе осуществлялся путем осевого кодирования в рамках качественной стратегии (А. Страус). В результате, высказывания школьников были сгруппированы по нескольким смысловым темам.

Во-первых, представления о феномене «детство». Размышляя над выбранным афоризмом, подростки чаще рассуждали о детстве как категории психологической, социальной и культурной:

- «...детство – самая важная ступень в формировании характера и мировоззрения. В детстве у человека закладываются такие черты, как доброта, коммуникабельность, целеустремленность. Важное значение для формирования характера имеет трудовая деятельность. В ней закладывается трудолюбие, аккуратность, добросовестность, ответственность, настойчивость»;

- «...детство – это период человеческого развития, когда человек учится понимать окружающий мир, тренирует необходимые навыки, усваивает культуру своего общества. И именно в этот период в сознании человека закрепляются его взгляды на жизнь, понятие добра и зла и т.д.».

Главные ценности детства по-прежнему связаны с родителями, семьей, безопасностью существования, игрой, детской субкультурой, стремлением к взрослости, к определенности ценностных ориентаций и правил игры:

- «...чтобы детство было счастливым, нужны не только конфеты, да игрушки, праздники да подарки, но еще нужна любящая, большая семья: мама, папа, бабушки, дедушки, много братьев и сестер (не только родных), тети и дяди»;

- «...для детей все вокруг удивительно. Эта безмятежная пора жизни. В детстве можно всё: верить в сказочных волшебников, ждать чудо каждый день и просто быть самим собой»;

- «...для ребенка крайне важно понимание и искренний интерес родителей к его увлечениям»;

- «...рядом всегда была защита и поддержка, уверенность в будущем, покой и уют»;

- «...в глазах детей взрослые выглядят свободнее, чем они сами».

Второй тематический блок суждений можно обозначить как «условия обеспечения благополучия детей в обществе».

Во-первых, школьники чаще всего называли благоприятные атмосферу, принципы и методы воспитания ребенка в семье: «...одним из факторов успешного воспитания является положительный пример родителей...»; «Нет ничего дороже родительского внимания. Говорите, играйте, рисуйте вместе с ним...»; «...понимая возрастные особенности ребенка, необходимо именно с детства прививать ему важные общественно-полезные качества...»; «под понятием «счастливое детство» я понимаю жизнь и воспитание ребенка в любящей и благополучной семье...».

Во-вторых, нередко упоминались материальные ресурсы на микроуровне (семьи), необходимые «для содержания детей и обеспечения их психологического, физического и духовного развития»; но также и на макроуровне: «в масштабах страны и мира необходимо рассматривать материальное положение детей, доступность образования... Только обеспеченные всеми необходимыми благами дети будут развивать свои способности».

Третий тематический блок включает проблемы, которые, по мнению старшеклассников, препятствуют нормальному протеканию детства как важного этапа в жизни человека: «Родители все меньше проводят время со своими детьми, перекадывают процесс их воспитания на образовательные учреждения, во многих семьях, зачастую не совсем благополучных, царят разногласия и непонимание, в целом широкое распространение получили явления алкоголизма и наркомании»; «ведь в наше время легче дать гаджет ребенку, чем дать ему хоть немного своего времени. Родители уже не воспитывают детей, они финансируют их»; «Немало примеров, когда родители живут сами по себе, а дети сами по себе»; «не все дети проходят социализацию в семьях. В современной России количество детей-сирот больше, чем после окончания Великой Отечественной войны, хотя и наметилась тенденция к их снижению. Причем большую часть их составляют социальные сироты... Существует большое количество неблагополучных семей, где дети не получают надлежащей заботы, любви и внимания, подвергаются насилию...».

Размышления старшеклассников о счастливом детстве континуальны: от трактовки детства, единственная цель которого – взрослость («У меня было счастливое детство, и, я уверена, это поможет мне стать успешным человеком. Ведь из счастливых детей вырастают счастливые взрослые»), до понимания самооценности детства, когда «ребенок признается суверенным индивидом, имеющим свои права, защищаемые социумом в соответствии не только с его природными, возрастными особенностями, но и в соответствии с неповторимостью его присутствия в мире.» [4]. В частности, подростки пишут: «детство – это настолько драгоценная пора, что долгом каждого взрослого, прожившего этот этап жизни, должна стать защита и обеспечение достойного и счастливого детства для любого ребенка. Детство – период для самоопределения...»; «родители всегда стремятся навязать ребенку определенную линию поведения, которая наиболее соответствует их принципам и идеалам.. Дети не могут во всем потакать родителям, так как каждый человек индивидуален и имеет право на свою точку зрения.». И, если «государствами, мировым сообществом и обычными гражданами» признаются и реализуются «права и свободы несовершеннолетних», то можно говорить об уважении к детству.

В целом, представления подростков о детстве как феномене разные: многоплановые и упрощенные, стереотипные. Неизменно подчеркивается роль семьи, родителей в обеспечении счастливого детства. Однако взаимоотношения взрослых и детей нередко оцениваются старшеклассниками в негативных терминах, что актуализирует проблему изменения позиции взрослых в отношении детства: не как объекту воздействия, а как субъекту взаимодействия [5].

Библиографический список:

1. Митрофанова С.Ю. Участвующий подход в «новой» социологии детства // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 6038-6043.
2. Филипова А.Г., Ракитина Н.Э., Гончарова С.В. Практики преодоления социального неравенства детства в городской среде // Казанский педагогический журнал. 2016. №4 (117). С. 199-201.
3. Широких О.Б. Детство в образовательном пространстве меняющегося мира // Образовательное пространство детства: исторический опыт, проблемы, перспективы: сб. науч. статей и материалов III Международной научно-практической конференции (Коломна 1-3 июня 2016 года) / под общ. ред. О.Б. Широких. Коломна: ГСГУ, 2016. С. 10-18.
4. Кислов А.Г. Оправдание детства как феномен культуры: философский анализ [Электронный ресурс]: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Екатеринбург: Уральский госуд. ун-т, 2002. URL: <http://www.doc.knigi-x.ru/22pedagogika/67980-1-opravdanie-detstva-kak-fenomen-kulturi-filosofskiy-analiz.php>. Дата обращения: 28.04.2018.

5. Куруленко Э.А. Детство как социокультурный феномен [Электронный ресурс] // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2012. т. 14. № 2(3). URL: КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/detstvo-kak-sotsiokulturnyy-fenomen> (дата обращения: 28.04.2018).

ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ПОМОЩЬ ДЕТЯМ

Гребеникова Ю.А., старший преподаватель, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (г. Белгород, Россия)
E-mail: Grebenikova@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается и анализируется российский опыт оказания помощи различным категориям социально уязвимых детей.

Ключевые слова: социально ориентированные некоммерческие организации, социальная помощь, дети-сироты, дети с ОВЗ, дети «групп риска».

Abstract: The article examines and analyzes the Russian experience of providing assistance to various categories of socially vulnerable children.

Keywords: socially oriented non-commercial organizations, social assistance, orphans, children with HIA, children of "risk groups".

Понятие «социально ориентированные некоммерческие организации» в законодательстве Российской Федерации впервые появилось в 2010 году. В западноевропейских странах подобные организации принято называть «организациями общественной пользы», поскольку их деятельность направлена на развитие институтов гражданского общества, развитие и популяризацию идей добровольчества и благотворительности, оказание социальной помощи нуждающимся, в том числе и различных детей, которые нуждаются в особой заботе и внимании не только со стороны государства, но и со стороны общественности. При этом в данной работе термин СО НКО трактуется расширенно, то есть подразумевает обзор практик не только официально зарегистрированных СО НКО, но и иных некоммерческих организации, инициативных групп, реализующих инициативы по поддержке различных категорий детей.

Обобщая данный опыт, следует отметить, что практики социальной помощи различным категориям детей условно можно разделить на несколько направлений.

Целевую аудиторию «детских» НКО условно можно разделить по признаку наличия или отсутствия у детей семьи.

Организации, оказывающие помощь детям-сиротам и центрам социализации и развития, чаще всего ведут работу по содействию в семейном жизнеустройстве таких детей (посредством популяризации родительства,

семейных ценностей, организации «Школ приемных родителей»), социальной адаптации и постинтернатном сопровождении, сбору финансовых средств и поиску спонсоров для обеспечения нужд центров социализации и развития.

Так, например, в этом направлении интересен опыт благотворительного фонда «Арифметика добра» [2], реализующего ряд программ, направленных на помощь детям-сиротам, среди которых:

- программа «Наставник», которая предполагает помощь в раскрытии личностного потенциала, подготовке к самостоятельной жизни с помощью поддержки наставника – авторитетного и успешного взрослого;

- программа «Компас» помогает ориентироваться во взрослой жизни посредством организации тренингов, профориентационных экскурсий, игровых программ, моделирующих ситуации «взрослой жизни» (планирование расходов, оплата обязательных платежей, планирование времени и т.п.);

- программа «Шанс»- это крупнейшая на сегодняшний день в России дистанционная программа обучения детей-сирот, которая включает в себя уроки по 12 школьным дисциплинам, помогает подготовиться к выпускным экзаменам и поступить в средние и высшие учебные заведения.

Помимо этого фонд работает и с приемными родителями (в том числе и с потенциальными). Функционирует консультационный центр «Всегда рядом», сотрудники которого оказывают профессиональную юридическую, психологическую помощь приемным семьям и потенциальным усыновителям. Для тех, кто готовится к усыновлению (удочерению) организована школа приемных родителей. А с целью формирования сообщества приемных семей, обмена опытом между состоявшимися и потенциальными приемными родителями работает клуб «Азбука приемной семьи».

Подобные программы реализует множество организаций в различных регионах РФ. Например, в г. Санкт-Петербург сопровождением и обучением приемных родителей, поддержкой приемных семей и семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, более 15 лет занимается благотворительный фонд «Родительский мост», в Екатеринбурге – НКО «Аистенок».

Профилактика отказов от детей - одно из приоритетных направлений работы Благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам», выросшего из волонтерского движения «Отказники». Также фонд оказывает содействие детям, которые находятся в больницах и сиротских учреждениях, в сотрудничестве с органами опеки содействует семейному устройству сирот (за четыре года в семьи устроено более 500 человек) [1].

Еще одним направлением помощи детям со стороны НКО является помощь детям с особенностями (заболеваниями). Существует множество НКО, специализирующихся на помощи детям с отдельными заболеваниями.

Например, Фонд «Выход» создан группой частных лиц для помощи людям с расстройствами аутистического спектра в России. Благодаря Фонду во многих регионах РФ появились ресурсные классы для детей с аутизм-

мом, организованы группы кратковременного пребывания по подготовке детей с тяжелыми формами аутизма в «АВА-класс», разработаны программы комплексной поддержки, методические рекомендации по работе с данной категорией детей [3]. Следует отметить, что диагноз «аутизм» официально признан в России с 2012 года, поэтому деятельность НКО в этом направлении особенно важна и актуальна.

Благотворительный фонд «Добросердечие» оказывает помощь в лечении и реабилитации детей с диагнозом ДЦП (детский церебральный паралич) на территории г. Москвы и Московской области. Фонд занимается не только поддержкой учреждений и организаций, занимающихся лечением детей с ОВЗ, но и методической поддержкой семей, воспитывающих детей с ДЦП, сбором добровольных пожертвований. В Белгороде помощью детям с ДЦП занимается благотворительный фонд «Река добра», в Волгограде – БФ «Дети-цветы жизни».

Существует множество НКО, специализирующихся на оказании помощи детям с конкретными диагнозами.

Например, фонд «Обнаженные сердца» ставит своей целью помощь в становлении инклюзивного общества, открытого людям с особенностями развития, реализуя при этом программы поддержки детей с ОВЗ, программы содействия семейным формам жизнеустройства, строительства игровых площадок в различных регионах России. На сегодняшний день на счету Фонда – 190 игровых объектов, из них 186 - в 140 городах России и стран СНГ [4].

Множество организаций занимается сбором средств, необходимых для лечения детей с различными заболеваниями. Пожалуй, самой крупной и известной на сегодняшний день в РФ является БФ «Подари жизнь», основанный в 2006 г. актрисами Диной Корзун и Чулпан Хаматовой [5]. Фонд занимается не только сбором средств на лечение и реабилитацию детей с онкологическими и гематологическими заболеваниями, но и помощью гематологическим и онкологическим клиникам, популяризацией безвозмездного донорства крови, оказанием психологической и социальной помощи больным детям. Также фонд поддерживает развитие волонтерского движения (волонтеры-медики, больничная клоунада), арендует амбулаторные квартиры для детей и их родителей, оказывает содействие в проведении ремонта в больничных отделениях, осуществляет сбор средств на приобретение незарегистрированных в России лекарств.

Таким образом, можно сказать, что помощь со стороны социально ориентированных общественных организаций различным категориям детей весьма разнообразна, как разнообразны и потребности детей. Очевидно, что в масштабах нашей страны существует ряд некоммерческих организаций и благотворительных фондов, которые являются наиболее крупными и узнаваемыми, но при этом в последние годы активно развиваются и региональные общественные организации во всех субъектах РФ, которые работают с учетом ситуации в регионе и при поддержке регионального общества.

Библиографический список:

1. Социально ориентированные НКО: лучшие практики / Практическое пособие. М.: Агентство социальной информации, 2011. 224 с.
 2. БФ «Арифметика добра» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.a-dobra.ru/> (дата обращения: 07.05.2018).
 3. Фонд «Выход» [Электронный ресурс]. URL: <http://outfund.ru/category/about/> (дата обращения: 07.05.2018).
 4. БФ «Обнаженные сердца» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nakedheart.org/ru/> (дата обращения: 07.05.2018).
- БФ «Подари жизнь» [Электронный ресурс]. URL: <https://podarizhizn.ru/main/node/2> (дата обращения: 07.05.2018).

**ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ В ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ:
ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА**

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ
в рамках проекта №16-06-00792-ОГН18,
«Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус»

Губанова А.Ю., кандидат социологических наук, научный сотрудник, Российская государственная детская библиотека (г. Москва, Россия)
E-mail: alexandra.gubanova@gmail.com

Аннотация: В статье описываются результаты I этапа сетевого исследования «Событийность детства поколения Z». Рассматриваются вопросы включенности современных информационных технологий в жизнь детей и подростков в конце XX – начале XXI веков с учетом поселенческих особенностей мест проживания респондентов в детстве.

Ключевые слова: дети, подростки, детство, Интернет, информационно-коммуникационные технологии, поселенческая специфика

Abstract: The article describes the results of the first stage of the network research “The Occurrence of Childhood of Generation Z”. The issues of the inclusion of modern information technologies in the lives of children and adolescents in the late XX - early XXI centuries are considered, taking into account the settlement peculiarities of the respondents' living places in childhood.

Keywords: children, teens, childhood, Internet, information and communication technologies, settlement specificity

Современное детство представляет собой сложный, многоаспектный, неоднозначный социокультурный феномен, который приобрел наибольшее значение в условиях урбанизации, постиндустриализации и информатизации общества [1]. На детей оказывает влияние совокупность целого ряда факторов: кризис семейных ценностей, малоэффективная социальная семейная политика, процессы информатизации и виртуализации, формирование потребительских моделей поведения, индустрии детства и т.п. [2: 150].

В 2018 г. в образовательную, профессиональную сферы входят представители нового поколения Z, которые отличаются, по мнению многих исследователей, доминированием иного формата используемых социализационных ресурсов в детском возрасте, в том числе связанного с территориальными ресурсами [1: 58-77].

На основе материалов I этапа сетевого исследования «Событийность детства поколения Z» (N=490; метод онлайн анкетирование) представим значение информационно-коммуникационных технологий в жизни российских детей.

Исследования последних лет показывают, что аудитория Интернета постоянно молодеет: наблюдается тенденция к снижению возраста вхождения в Интернет и в мире, и в России [3: 79]. И несомненно, что освоение детьми технологий ведется активнее, чем их официальными «проводниками» в мир информатики [4].

По данным Еврокомиссии, в среднем в Европе в 2008 г. Интернетом пользовались всего 34% детей в возрасте 6-7 лет, тогда как спустя всего четыре года, в 2012 г., число дошкольников, выходящих в Интернет, по данным различных исследований, составляло 60-87% [5]. В 2009 г. в России самостоятельно в Интернет выходил лишь 1% детей в возрасте от 0 до 3 лет, и ещё 14% детей данного возраста пользовались Интернетом под присмотром взрослых [6]. В 2013 г. уже 42% детей 2-3 лет пользовались Интернетом при участии взрослых [7: 75]. Исследование, проведенное в конце 2016 г. компаниями «Google» и «Ipsos» показало, что 65% россиян используют интернет ежедневно, тогда как, если речь идет о молодом поколении, эта цифра вырастает до 98%, четверть респондентов в возрасте от 13 до 24 лет проверяют информацию в социальных сетях каждые 30 минут [8].

С целью выяснения и фиксации данных характерных особенностей нами были выделены и проанализированы ответы на вопросы об использовании/неиспользовании в детстве информационных технологий представителями поколения Z.

Важной тенденцией, выявленной настоящим исследованием оказался переезд в города-миллионники и большие города (столица области, края, республики), которую позволили установить вопросы о том, где проходило детство респондента и где он проживает в настоящий момент. Так, 36% респондентов в возрасте от 18 до 20 лет включительно на момент опроса проживали в городах-миллионниках, 39% – в больших городах, почти четверть опрошенных указали, что проживают в настоящее время в небольшом городе, и лишь 1,4% ответили, что сейчас живут в сельской местности. В то же время, на вопрос о том, где они проживали в детстве, 19% указали сельскую местность, 36% – небольшой город, 24 % проживали в большом городе и 21% – в городах-миллионниках.

Условно вопросы могут быть разделены на две категории: «компьютерные», относящиеся к деятельности, практикам, связанным непосредственно с компьютером, и «интернет-практики», предполагающие непосредственное использование Интернета. Так, респондентам предлагалось

указать возраст, в котором у них появились собственный телефон и/или компьютер, возраст, в котором они впервые играли на компьютере в игры, начали искать информацию на компьютере, смотреть мультфильмы, фильмы, видеоролики. Ко второму блоку относились вопросы о появлении собственных гаджетов, позволяющих выходить в Интернет (планшет, смартфон, букридер и т.п.), создании собственного аккаунта в Сети, а также вопрос об опыте участия в тестированиях, экзаменах, олимпиадах или каких-либо других испытаниях, проводящихся по Интернету.

Среди тех, кто проживал в детстве в городах-миллионниках и больших городах наибольшее число респондентов получили свой телефон в возрасте 7 и 8 лет – 26,9% и 16,7% и 26,4% и 16,1% соответственно. Та же тенденция сохраняется и для небольших городов: в возрасте 7 лет свой телефон появился у 18,9% молодых людей, в возрасте 8 лет – у 19,7%. Тогда как в сельской местности возраст получения первого собственного телефона позже – 10 лет (21,1%), у седьмой части опрошенных – 11 лет, в 7 лет свой телефон появился у 12,7%, в 12 лет у 11,3 %.

В городах-миллионниках и сельской местности компьютеры у большинства появились в возрасте 12 лет (17,9% и 15,5%), в больших и небольших городах в 10 лет (18,4% и 10,6% соответственно).

Искать нужную информацию на компьютере начинали в более раннем возрасте респонденты, в детстве проживавшие в больших и небольших городах – в 10 лет согласно ответам (19,5% и 20,5% соответственно). В городах-миллионниках и сельской местности первый опыт поиска информации на компьютере происходил в возрасте 12 лет (24,4% и 19,7%). Играть в компьютерные игры опрошенные молодые люди начинали рано – в возрасте 3-4 лет, однако большинство указало возраст 10-12 лет. Стоит отметить, что значительная часть респондентов, чье детство прошло в небольших городах и сельской местности указали, что не играли в игры на компьютере до 18 лет (12,9% и 12,7%).

Жители небольших городов, также как и городов-миллионников и больших начали смотреть мультики, фильмы, ролики на компьютере в возрасте 12 лет, тогда как в сельской местности возраст оказался выше – 14 лет.

Планшет (другой гаджет) в личном пользовании появился у респондентов, проживавших в детстве в городах-миллионниках раньше, чем у других – в 12 лет, тогда как в больших, небольших городах и сельской местности чаще всего гаджеты появлялись у детей в 14 лет. Стоит отметить, что девочкам гаджеты покупались раньше, чем мальчикам – 11% девушек указали, что первый планшет появился у них в 10 лет, тогда как в этом же возрасте он появился у 9,6% юношей. В то же время, 11,2% опрошенных указали, что у них не было планшета или другого собственного гаджета в детстве.

Появление собственного аккаунта в сети Интернет, будь то создание электронной почты, регистрация на форуме или в социальных сетях – важный этап в освоении современного информационного пространства. Предварительные результаты исследования показали, что освоение Интернета детьми начиналось в миллионниках и больших городах раньше – в 12 лет у

большинства респондентов появились свои аккаунты в Сети, тогда как в небольших городах и сельской местности – в 13 лет. Среди тех, кто в детстве проживал в сельской местности не было тех, у кого интернет-аккаунт не появился бы в детстве, тогда как в городах-миллионниках и больших городах процент тех, у кого он отсутствовал был 1,3% и 3,4%, соответственно.

Говоря о собственных фотографиях с друзьями отметим, что также как и в случае с регистрацией интернет-аккаунта среди респондентов, проживавших в детстве в сельской местности не было тех, у кого не появились бы такие фотографии в детстве. Тогда как в больших и небольших городах процент тех, кто не имел фотографий составил 6,9 и 6,1, соответственно, а в городах-миллионниках – 5,1%.

Заключительным вопросом данного блока являлся вопрос о прохождении испытания по Интернету. Такая технология активно используется в рамках современного использования Интернет-контента в образовательных целях [9]. Опрошенные молодые люди активно пользуются возможностью участия в дистанционных тестированиях, экзаменах, олимпиадах – лишь десятая часть указала, что никогда не проходила подобных испытаний по Интернету. Девочки чуть более активны в освоении образовательных интернет-технологий, чем мальчики – самый ранний возраст прохождения испытания по Интернету среди них – 6 лет, среди мальчиков – 7. Интересно, что респонденты, проживавшие в детстве в небольших городах и сельской местности, начали принимать участие в испытаниях по Интернету раньше, чем те, кто жил в больших городах и городах-миллионниках: 15 лет (20,5%), 14 лет (21,1%) и в 16 лет (14,9% и 20,5%). Также стоит отметить, что самый низкий процент среди тех, кто не принимал участие в дистанционных тестированиях, экзаменах, олимпиадах, проживал в детстве в сельской местности – 8,5% против 14,9% и 16,7% детей-жителей больших городов и миллионников и 15,2% респондентов, проживавших в небольших городах.

Подводя итоги I этапа сетевого исследования «Событийность детства поколения Z» можно сказать, что бытующее в обществе мнение об отставании в освоении современных технологий жителями сельской местности не подтверждается – представители молодого поколения, входящие во взрослую, сознательную жизнь в последние годы, активно осваивали современную технику и Интернет в детстве и, если и уступают жителям городов в освоении отдельных компьютерных и интернет-практик, быстро сокращают разрыв и адаптируются к современным условиям жизни, неотъемлемой частью которой является использование всего диапазона компьютерных и информационных технологий в своей жизнедеятельности.

Библиографический список:

1. Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: коллективная монография / научн. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2017. 203 с.1 CD ROM.
2. Гуркина О. А., Колосова Е. А. К вопросу об актуальности изучения детства в социологии // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2013. № 2 (103). С. 149-157.

3. Солдатова Г. Новые образовательные и воспитательные технологии. Использование цифровых устройств детьми дошкольного возраста / Г. Солдатова, В. Шляпников // Нижегородское образование. 2015. № 3. С. 78-85.

4. Майорова-Щеглова С. Н. Особенности адаптации школьных учителей к ценностям информатизации // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 115-121.

5. Holloway, D. Zero to eight. Young children and their internet use [Электронный ресурс] / D. Holloway, L. Green, S. Livingstone. London: EU Kids Online, 2013. URL: http://eprints.lse.ac.uk/52630/1/Zero_to_eight.pdf. (дата обращения: 16.04.2017).

6. Байдин В. В. Дети до 14 лет в Интернете: результаты онлайн-опроса [Электронный ресурс] // Дети в информационном обществе. 2009. Вып. 1. С. 32. URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/1/journal-1.pdf>. (дата обращения: 24.04.2017).

7. Печерская Э. П. Первые шаги детей в Интернете / Э. П. Печерская и др. // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 74-80.

8. Новое поколение интернет-пользователей: исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/insights-trends/user-insights/novoe-pokolenie-internet-polzovatelei-issledovanie-privyчек-i-povedeniia-rossiiskoi-molodezhi-onlain/>. (дата обращения: 24.11.2017).

9. Губанова А. Ю. Медиаконтент для детей как элемент образовательного процесса // Медиаобразование. 2017. № 2. С. 152-169.

ДЕТИ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ СУПРУЖЕСТВ

Егорова Н.Ю., кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: nadegorova@yandex.ru

Аннотация. На материалах общероссийских и нижегородских социологических исследований, данных статистики описываются характеристики различных типов супружеств, выделяются возможные проблемы детей в семьях разных типов.

Ключевые слова: Супружество, сожительство, повторная семья.

Abstract. Based on the data from Russian research and Nizhny Novgorod study, demographic statistics the paper defines the characteristics of different types of marriages, the possible problems of children in families of different types.

Keywords: Marriage, cohabitation, stepfamily.

Трансформации семейно-брачной сферы, наблюдаемые демографами, социологами в последние десятилетия, в том числе в России, посте-

пенно высвечивают новые характеристики основных семейных субинститутов: супружества и родительства. Главной чертой последних становится многообразие реализуемых практик [1]. Так, С.И. Голод подчеркивал, что супружество и, как следствие, современная семья функционируют «...в двух модификациях – моногамной и последовательно полигамной» [2; с.117] или безразводного пожизненного супружества и повторного брака. Более того, обозначая, супружество как «личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое имманентными ему ценностями», допускал неинституциональный характер связи [3; с.85]. Брак, по его мнению, «утрачивает свою монополию на... легитимацию партнерских и семейных отношений. Сегодня «парой» фактически признается любой союз, где двое людей говорят, что они образуют единое целое, независимо от их семейного статуса... а «семьей» считается любая пара, имеющая детей, независимо от того, зарегистрированы ли их отношения и воспитывают ли детей в одном или двух домохозяйствах [4; с.32]. Это достаточно четко определяет новые возможные формы супружества: первобрачное/ повторное, зарегистрированное (брак)/ незарегистрированное (сожительство).

Статистические данные и результаты социологических исследований убедительно показывают, что современное супружество разнообразно. Так, согласно материалам последней микропереписи населения (2015 г.), супружеские отношения 12,5 % пар не были зарегистрированы [5]. Результаты Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ дают нам представление о распространенности и других типов супружеств [6]. Нормативной и наиболее распространенной формой супружества пока остается первобрачная модель. Согласно данным 2015 г., 70 % респондентов-супругов состоят в первом зарегистрированном браке. Тем не менее, почти треть выстраивают близкие отношения в других типах супружества: у 12 % - брак повторный; остальные живут без регистрации в первых (9 %) или повторных (9 %) союзах. Вариативность моделей супружества обуславливает вариативность родительства: дети могут воспитываться родителями, имеющими различный брачный статус. Результаты того же исследования показывают, любой тип супружества допускает рождение ребенка/детей. Так, родители, состоящие в первом браке в среднем имеют 1,68 ребенка, в повторном чуть выше – 1,83. Наименьшее число детей имеют сожители, ранее не состоявшие в браке, – 0,56; супруги, живущие в повторных, но незарегистрированных отношениях имеют в среднем – 1,63 ребенка.

Многообразие форм супружества/ родительства потенциально предопределяет разнообразие, несхожесть, особость семейных ситуаций, проблем, потребностей. Немногочисленные отечественные социологические исследования уже указывают на специфичность проблем, особенность положения детей в различных типах семей. Рассмотрим некоторые из них.

В незарегистрированных союзах вполне могут воспитываться дети, несмотря на то, что сожительство – наименее детная форма супружества.

Например, по результатам исследования «Ценность детей. Межпоколенные отношения» [7], около 10 % матерей воспитывали детей в незарегистрированных отношениях. Более того, среди участвующих в опросе женщин половина жили совместно с партнером более 10 лет, 25 % – 5-9 лет, и лишь четверть имели непродолжительный стаж супружеских незарегистрированных отношений – менее 4 лет. Все женщины воспитывали родных детей, кроме одной, для которой ребенок являлся усыновленным. В большинстве случаев (58 %, или 36 пар) партнер женщины был биологическим отцом ребенка, в остальных – хотя бы один из детей не был ему родным. Исследование выявило специфику таких семей. Значимость социально-статусных мотивов рождения детей для женщин, живущих в сожительстве, была ниже, чем для женщин в браках, другими словами, ориентация на мужа/партнера при принятии решения о рождении ребенка выражена слабее, что может говорить об отличиях в сравнении с браками супружескими отношениями в сожительстве. Интересным является и тот факт, что матери в незарегистрированных союзах чаще недовольны отношениями с партнером, чем матери в брачных союзах. Однако, удовлетворенность семей высока в обеих подгруппах.

Анализ данных уже упоминавшегося мониторинга ВШЭ, позволяет говорить о разнице социально-демографических характеристик состоящих в сожительстве и браках, особенно если в рамках союзов воспитываются дети. Среди живущих без регистрации проще оказаться представителям низкостатусных групп: с невысоким уровнем образования, небольшим доходом, без постоянной работы и т.д. Наиболее существенной разницей параметров, определяющих социальный статус (включая доход), становится при сопоставлении семейных групп (зарегистрированных и нет), воспитывающих детей [8]. Можно предположить, что положение детей, их благополучие в сожительстве и браках отлично.

Проблемными могут быть и повторные семьи, особенно при наличии детей от предыдущих союзов. До недавнего времени считалось, что такая семья в силу схожести структуры с первобрачной семьей мало чем от нее отличается. Сегодня можно говорить, что различия существенны. Специфика фиксируется и в сфере супружеских, и в сфере родительно-детских отношений, отмечается более высокий уровень физического и психологического насилия в сводных семьях, в частности, сексуального насилия со стороны отчимов [9, 10]. Зарубежные исследования указывают и на сильные стороны сводных семей. Дети имеют больше образцов для подражания и идентификации, дополнительных родственников, более высокий материальный уровень в сравнении с неполной и незарегистрированной семьями, счастливых родителей, но это только в случаях удачно складывающихся отношений, что не всегда возможно и легко.

Распространение/ утверждение новых моделей супружества требует более пристального внимания к положению в них детей, их благополучию. Приведенные исследования уже указывают на специфичность проблем и ситуаций, связанных с типом супружества, и, следовательно, на необходи-

мость учета таких семей при выстраивании социальной политики, развитие новых форм и технологий социальной работы, обеспечивающих успешность развития и социализации детей в различных типах семей.

Библиографический список:

1. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Курамшев А.В. Мир внутрисемейного взаимодействия // Жизненные миры современной семьи: монография / З.Х.Саралиева, В.А.Блонин, Н.Ю.Егорова [и др.]. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. С. 20-113. ISBN 978-5-91326-338-4.
2. Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. №2. С. 106-119.
3. Голод С.И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. №9. С.74-87.
4. Голод С.И. Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 2. С. 20- 38.
5. Рассчитано автором по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/vpn/vpn_popul.htm/
6. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>). Рассчитано автором.
7. Егорова, Н.Ю. Родительно-детские отношения в браках и сожительстве // Женщина в российском обществе. 2008. №3. С.23-30. Науч. руководитель проекта – проф. Б.Наук (Германия). Руководитель российской части исследования – проф.З.Х.Саралиева. Здесь анализируются две подвыборки указанного исследования: матери с маленькими детьми (число опрошенных – 261 человек) и матери с детьми-подростками (число опрошенных – 287 человек).
8. Егорова Н.Ю., Воронин Г.Л. Модель определения формы супружества: социально-демографические факторы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия Социальные науки. Выпуск 3(47). 2017. С.71-78.
9. Гурко, Т.А. Развитие личности подростков в различных типах семей / Т.А.Гурко, Н.А.Орлова // СОЦИС. 2011. №10. С.99-108.
10. Отчет национального исследования причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь / С.Н.Бурова и др. Минск «В.И.З.А. ГРУПП», 2009. С. 202-209.

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННЫХ ДЕТСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Захаренко Н.П., студент, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)

E-mail: nata_27_11@bk.ru

Царикова Е.М., старший преподаватель, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)

E-mail: kat_ts@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются временные детские коллективы. Анализируются их особенности и воспитательные возможности. Пребывание детей в подобных условиях является одним из наиболее популярных видов летнего отдыха. В результате анализа автор приходит к выводу, что влияние временных детских коллективов на социализацию и развитие личности ребенка является неоспоримым.

Ключевые слова: детский коллектив, летний отдых, социализация

Abstract. In article temporary children's collectives are considered. Their features and educational opportunities are analyzed. Stay of children in similar conditions is one of the most popular types of summer holiday. As a result of the analysis the author comes to that influence of temporary children's collectives on socialization and development of the identity of the child is indisputable.

Keywords: children's collective, summer holiday, socialization

Пребывание в летних лагерях является одним из самых популярных вариантов отдыха для детей и подростков в России. Это место, где непосредственно образуется временный детский коллектив. В России детские лагеря в силу своей популярности оказывают значительное влияние на воспитание детей, на формирование их норм и ценностей.

Практика детских оздоровительных лагерей в России берет свое начало из СССР. В советское время именно пионерские лагеря позволили большей части детей страны отдохнуть вне дома во время школьных каникул, обеспечивали воспитательную, образовательную, оздоровительную и идеологическую работу. По данным «Положения о загородном пионерском лагере» от 1978 года, пионерский лагерь считался оздоровительным внешкольным учреждением, организуемым для пионеров и школьников советами и комитетами профсоюзов совместно с предприятиями, учреждениями, организациями на время зимних и летних каникул. На территории Советского Союза организовывалось до 1100 пионерских лагерей и 540 выездных загородных детских садов и яслей [1].

В настоящее время детские оздоровительные лагеря отличаются от создаваемых в советское время пионерских лагерей тем, что направлены на реализацию познавательных интересов личности ребенка через свободный выбор различных форм деятельности, организованный досуг с учетом

потребностей различных слоев общества, детских и юношеских организаций различной направленности, с тесным сотрудничеством с предприятиями, организациями, учреждениями науки и культуры.

Основа детского лагеря – это временный детский коллектив.

Временный детский коллектив – это не стихийно возникающая общность, а педагогически управляемое явление, внутри которого межличностные отношения опосредуются содержанием совместной деятельности и специально организованного общения, одновременно отражающие и общественно, и личностно значимые цели и ценности [2]. Как и у любого коллектива у временного детского коллектива есть свои особенности, которые оказывают влияние на формирование личности ребенка в рамках детского лагеря и его социализацию в новом коллективе. К таким особенностям можно отнести [3]:

- кратковременность функционирования, то есть такая длительность существования коллектива, при которой не происходит значительных возрастных изменений в личности. Такая характеристика обуславливает интенсивность формирования воспитательной среды, ускорение процессов адаптации, самопроявления, стимулирования реализации общих целей и индивидуальных интересов членов коллектива; дети в итоге могут увидеть результаты своего личного труда и труда всего коллектива. Кратковременность существования объединения ускоряет все процессы развития коллектива и индивидов, позволяет богатству ролей и статусов проявиться во всем многообразии и тем самым способствовать саморазвитию личности;

- сборность, коллектив составлен из представителей различных постоянных групп и коллективов, которые прежде не знали или почти не знали друг друга. Это существенно влияет на поведение юношей и девушек, на организацию жизни коллектива, его функций и воспитательные возможности, поскольку в таком коллективе подросток отрывается от прежних связей, отношений и зависимостей, его деятельность и общение протекают в новой социальной среде. Новый коллектив, в котором еще не сложились деловые и личные связи и отношения, актуализирует проявление всех внутренних потенциалов личности;

- автономность существования коллектива характеризуется временным ослаблением прямого влияния на личность школьника семьи, классного коллектива, дворовой компании и других постоянных групп [4].

- коллективный характер деятельности, общения, познания, досуга (высокая интенсивность межличностного общения). Любой поступок, действие личности осуществляется в коллективе. Эта особенность временного детского коллектива настолько сильно выражена, что некоторые педагоги высказывают озабоченность по поводу возникающей психологической напряженности. Сами подростки эти трудности мало замечают. Их привлекает возможность 24 часа в сутки находиться в обществе сверстников, равных по опыту, знаниям, багажу ошибок и умений;

- своеобразная завершенность деятельности и развития временного детского коллектива (цикличность). За определенное время коллектив со-

вершает законченный цикл: от рождения до своего «конца». На этой дистанции происходят качественные изменения во взаимоотношениях, сплочённости, нравственных ценностях. Подросток видит результаты своей деятельности. Коллектив имеет в этих условиях чёткую завершённость всех этапов и циклов.

Особенности временного детского коллектива, выделенные выше, наделяют его рядом воспитательных возможностей для процесса развития личности ребенка, в том числе и для развития лидерских качеств.

Можно выделить следующие воспитательные возможности временного детского коллектива:

1) в изменении позиции школьника. Изменение позиции школьника – важнейшая воспитательная возможность временного детского коллектива, оказывающая влияние на многие другие. Включаясь во временный детский коллектив, подросток в определённой мере освобождается от установившихся представлений, мнений, оценок со стороны семьи, класса, приятельской компании. Временный детский коллектив освобождает подростка от установившихся мнений и оценок привычного окружения, от стандартных ожиданий и требований к его поведению. Вступление во временный детский коллектив открывает перед ребёнком реальные возможности выразить себя по-новому, попробовать утвердиться в новой общности сверстников, испытать себя в новом качестве.

2) создание нового коллектива сопровождается интенсивным формированием деловых и личностных взаимоотношений его участников.

Также интенсивно формируются нормы и правила, регулирующие взаимодействие детей. Как показывает практика, в начале объединения подросток до какой-то степени маскирует те свои черты и свойства, которые могут вызвать отрицательное отношение, и стараются показать себя новому окружению с максимально положительной стороны. Поэтому преобладающими в поведении большинства участников временного детского коллектива оказываются социальные одобряемые формы. Своевременно поддержанная педагогом норма может быть закреплена, и, таким образом, создаётся благоприятная в воспитательном отношении модель поведения.

3) разносторонность и насыщенность деятельности, многочисленность разнообразных коллективных дел выступают важным условием реализации активности подростка, создают предпосылки для его самореализации.

4) во временном детском коллективе особым динамизмом и интенсивностью отличается общение. Интенсивное общение способствует быстрому формированию межличностных отношений. Увеличивается и время общения педагога с воспитанниками. Это способствует формированию более близких и доверительных отношений между взрослым и ребёнком.

5) временный детский коллектив позволяет подростку быть активным участником формирования специфических оттенков подростковой субкультуры данной общности [5].

Нельзя не отметить, что такой вид детского отдыха очень популярен. В Приморском крае летом 2017 года действовало более 600 лагерей. Очень

многие лагерей располагаются возле моря, что вносит свои особенности в организацию смены. Лагеря в Приморье бывают нескольких видов:

1. Тематические – языковые, обучающие, туристические, оздоровительные, культурно-познавательные, экологические или спортивные.

2. По типу отдыха детские лагеря делят на стационарные, выездные, палаточные и пришкольные.

Таким образом, можно сделать вывод о специфическом влиянии детских лагерей на развитие и социализацию личности в силу их особенностей. Детские лагеря – очень важная часть детства, это не только навыки и способности, приобретенные и развитые в лагере, но и новые друзья и знакомые.

Библиографический список:

1. Гримова А.А., Степанова Т.М., Рачков С.А. Педагогика летнего отдыха. Минск: БГПУ им. М. Танка, 1996. 230 с.

2. Куприянов Б.В., Ручко Л.С. Работа с начинающими вожатыми. Москва: «ГОУДОД ФЦРСДОД», 2006. С. 3 – 24.

3. Кулаченко М.П. Учебник для вожатого. – Ростов на Дону: «Феникс», 2008. – 256 с.

4. Григоренко, Ю.Н. Планирование и организация работы в детском оздоровительном лагере. – Москва: «Пед. о-во России», 2003. – 157 с.

5. Кругликова Г.Г., Линкер Г.Р. Теория и методика организации летнего отдыха детей и подростков: Учебное пособие. – Нижневартовск: «Нижневарт. гуманитар. ун-т», 2011. 236 с.

«БЕЗОПАСНОСТЬ» И «ДОСТУПНОСТЬ» В ЭПОХУ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ
в рамках проекта № 18-311-00348

Захаркина Т.Н., кандидат социологических наук, ассистент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: otdelkina.t@mail.ru

Аннотация: В статье описаны федеральные и региональные программы, позволяющие обезопасить детей - пользователей глобальной сети от негативного влияния информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, а также программы, обеспечивающие доступность компьютерных и Интернет технологий для старшего поколения в условиях информатизации общества.

Ключевые слова: Интернет, безопасность, доступность, информационные технологии, компьютерные технологии, цифровое поколение, дети, старшее поколение

Abstract. The article describes federal and regional programs that make it possible to protect children - users of the global network - from the negative impact of information that is harmful to their health and development, as well as programs that ensure the availability of computer and Internet technologies for the older generation in the context of informatization of society.

Keywords: Internet, security, accessibility, information technology, computer technology, digital generation, children, older generation

В условиях информатизации и гаджетизации общества в жизнь каждого человека прочно вошли интернет-технологии, и теперь представить повседневную жизнь без использования смартфона, компьютера или интернет-ресурсов практически невозможно. Безусловно, развитие информационных технологий и внедрение их практически во все сферы жизнедеятельности, в том числе в каждую семью, не может не повлиять на внутри-семейное и межличностное взаимодействие. И эти изменения относятся ко всем возрастам и поколениям. В данном контексте возникает вопрос: «Насколько использование в повседневной жизни семьи современных информационных, компьютерных технологий является доступным и безопасным?».

Сегодня дети зачастую более умело и быстро осваивают компьютерные технологии и Интернет в отличие от более старшего поколения. Они быстро и охотно погружаются в разнообразные информационные, социальные, игровые пространства глобальной сети и начинают проводить там значительную часть своего свободного времени, тем самым перемещая фокус социализации в интернет-среду. Определяя современных детей как «цифровое поколение», можно говорить, что это позволяет им быть более многозадачными, инновационными, креативными, информированными из-за постоянной включенности в поисковую деятельность в условиях глобальной сети. Однако подобное положение имеет и обратную сторону, а именно информационную перегруженность, невозможность формировать знания и пользоваться ими [1]. Огромное интернет-пространство содержит в себе большое количество информационной продукции, которая может оказать негативное влияние на ребенка, и относится к так называемому противоправному контенту. Для снижения риска подобного влияния информации в глобальной сети реализуются федеральные проекты: линия помощи «Дети онлайн» и «Безопасный интернет». Согласно Федеральному закону «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 №463-ФЗ, информационная безопасность детей определяется как состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию [2]. Линия помощи «Дети онлайн» представляет собой службу телефонного и онлайн консультирования для детей и взрослых по таким вопросам противоправного контента, как сексуальная эксплуатация несовершеннолетних, груминг (вовлечение детей в сексуальную деятельность), расизм, национа-

лизм, пропаганда и оправдание терроризма, киберунижения, кибертравля, насилие над детьми, пропаганда и распространение наркотиков.

На региональном уровне проект «Безопасный Интернет» осуществляется подведомственными учреждениями Министерства социальной политики Нижегородской области совместно с Министерством внутренней политики Нижегородской области и Нижегородским областным общественным фондом помощи детям-сиротам. В Нижегородской области данный проект направлен на детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Согласно результатам опроса детей и взрослых, проведенного в социально-реабилитационных центрах г. Н. Новгорода, 60% несовершеннолетних имеют свободный доступ к Интернету и только 14% родителей используют программу родительского контроля; 52% детей указывают в группах и чатах свои настоящие имена и фамилии, 24% – номер мобильного телефона, 14% – домашний адрес и 40% детей выкладывают фотографии; 22% детей готовы встречаться один на один с виртуальным знакомым [3]. Подобные данные подтверждают необходимость внедрения проекта, позволяющего привить навыки безопасного использования интернет-ресурсов.

В 2013 г. данный проект начинал реализацию на 4-х пилотных площадках - центр помощи семье и детям г. Арзамаса, социально-реабилитационный центр г. Арзамаса и социально-реабилитационные центры Автозаводского и Ленинского района г. Н. Новгорода. Сегодня более 300 детей ежегодно получают практические навыки социальной, программной, психологической безопасности при выходе в глобальную сеть на базе 14 учреждений социальной сферы Нижегородской области и г. Н. Новгорода.

Для успешной социализации старшего поколения в условиях информатизации общества в регионе действует программа «Доступный Интернет», направленная на повышение компьютерной грамотности и обучение навыкам работы в сети Интернет людей пожилого возраста. Приобщение старшего поколения к компьютерным технологиям позволяет сократить разрыв в цифровых знаниях между поколениями путем вовлечения молодежи в процессе обучения. Популяризация компьютерных технологий и сети Интернет среди пользователей старше 55 лет реализуется в учреждениях для граждан пожилого возраста, подведомственных Министерству социальной политики Нижегородской области, школах, общественных организациях. Сотрудники Областного центра социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов констатируют высокий интерес и популярность среди их клиентов курсов компьютерной грамотности.

Таким образом, развитие информационных и компьютерных технологий имеет как положительные, так и негативные аспекты. Увеличение риска возникновения угроз информационно-психологической безопасности детей в Интернет сети, к которым можно отнести интернет-зависимость, виртуализацию личности, нарушения эмоционального и поведенческого характера, а также разрыв в цифровых знаниях поколений вызывает необходимость реализации на федеральном и региональном

уровне программ и проектов, обеспечивающих доступность и безопасность использования интернет-ресурсов и компьютерных технологий.

Библиографический список:

1. Palfrey J., Gasser Urs. Born Digital. Understanding the first generation of digital natives. N. Y., 2008. URL: http://pages.uoregon.edu/koopman/courses_readings/phil123-net/identity/palfrey-gasser_born-digital.pdf (дата обращения: 03.04.2018).

2. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 №463-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/(дата обращения: 3.04.2018).

3. Статистические данные Министерства социальной политики Нижегородской области. URL: <http://www.minsocium.ru/index.php/sotsialnoe-obsluzhivanie/family/945-deti-024> (дата обращения: 03.04.2018).

ДЕТСТВО В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ

в рамках проекта № 18-311-00348,

«Родительство, трансформация детско-родительских отношений, семейное взаимодействие, межпоколенные отношения, информатизация общества, IT-технологии»

Захаркина Т.Н., кандидат социологических наук, ассистент кафедры общей социологии и социальной работы Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: otdelkina.t@mail.ru

Исакова И.А., кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)

Аннотация. Рассмотрено влияние информатизации общества на процесс социализации подростков, в том числе, на взаимодействие детей и родителей. Выделены формы взаимодействия детей на основе интернет-технологий и противоречия в действиях родителей в вопросах использования компьютера и Интернет.

Ключевые слова: детство, родительство, компьютер, интернет-пользователь, кибербуллинг, конфликт

Abstract: The influence of informatization of society on the process of socialization of adolescents, including interaction between children and parents, is considered. Forms of interaction of children based on Internet technologies and contradictions in the actions of parents in the use of computers and the Internet are singled out.

Keywords: childhood, parenthood, computer, Internet user, cyberbullying, conflict.

Общество XXI века часто называют информационным, что связано с трансформацией роли информации в жизни каждого человека. Получение информации и сама коммуникация сейчас чаще всего опосредствуется всемирной сетью Интернет, благодаря ей значительная часть межличностных и межкультурных контактов перемещается в виртуальную реальность. Сложилась определенная инфраструктура новых интернет-медиа, предоставляющих новые способы взаимодействия, обмена, потребления и даже создания информации. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2017 г. среди молодежи 18-24 лет практически ежедневно заходят в Сеть около 90 %.

Сегодня Интернет является неотъемлемой частью культуры общества, одним из основных элементов развития цивилизации, информатизация общества приобретает значительные масштабы. Доля интернет-пользователей в России растет с каждым годом: если в 2011 г. (по данным за 1 кв.) она составляла 51 %, то в 2017 г. – уже 75 %. Отключение интернета станет серьезным событием для четверти россиян (27%): 22 % признались, что их жизнь существенно изменится, однако они смогут приспособиться, 5 % – что они не представляют повседневности без возможности выйти в Сеть (среди 18-24-летних такие ответы дали 37 % и 10 %) [1].

Увеличение количества пользователей Интернета, разработка новых программ виртуального общения, с одной стороны, и отсутствие комплексных профилактических мероприятий по обеспечению безопасного использования Интернета, с другой, привело к росту интереса исследователей к проблемам трансформации отношений в семье в условиях использования компьютеризированной техники.

Согласно результатам исследования «Лаборатории Касперского», в категории 13-15 лет происходит резкий скачок количества детей, проводящих значительную часть свободного времени в Интернете. [2] Сходные данные получены и в ходе анкетирования, посвященного сравнительному анализу вовлеченности подростков старшего школьного возраста в глобальную сеть Интернет, проведенного на базе школы Батыревского района Чувашской Республики в 2015 году (n=100), а также на базе школы г. Нижнего Новгорода в 2016 году (n=100).

Причем длительность времяпрепровождения в сети – сам по себе интересный показатель: опрошенные школьники в среднем используют Интернет 5,5 часов в сутки (около 330 минут). Нижегородские подростки отметили, что проводят в сети более двух часов в день – 35 %, более пяти часов в день – 50 %, а чувашские – 39 % и 43 % соответственно. Однако и 5 часов не окончательный показатель, поскольку 67% нижегородских и 89% чувашских подростков, увлекшись интернет-серфингом, проводят в сети больше времени, чем изначально предполагали.

Возможность и доступ в Интернет детям дают родители: опрошенные нами учащиеся имеют возможность использования от 2 до 5 устройств, при помощи которых они могут осуществить выход в Интернет, то есть каждый подросток имеет личный компьютер и телефон. При этом у

36% опрошенных нижегородских школьников и 43 % опрошенных чувашских – возникали конфликты с родителями, учителями, друзьями по поводу долгого времяпрепровождения в Сети: примерно треть подростков отмечают, что они скрывают от своих родителей некоторые выходы в Интернет. Возникает противоречие: родители обеспечивают ребенку от 2 до 5 видов гаджетов, а потом начинают «отбирать на время», становясь участниками конфликтов из-за чрезмерного их использования.

Другим противоречием является, с одной стороны, осознание родителями, что в сети ребенок получает, кроме полезной и негативную информацию, а, с другой, – пренебрежение программами родительского контроля или «Безопасный Интернет». В 13-15 лет родители подростков чаще всего замечают что-тостораживающее на страницах своих детей в социальных сетях: жестокий контент в публикациях друзей или одноклассников, увлеченность онлайн-играми, случаи кибербуллинга. Почти каждый пятый опрошенный получал приглашение дружить от незнакомых взрослых в социальных сетях. Чуть меньше половины респондентов случайно попадали на сайты для взрослых. И, несмотря на это, функция родительского контроля настроена лишь у 36% родителей. В основном она включена на компьютерах и ноутбуках, мобильные же устройства, с которыми дети проводят большую часть своей жизни, чаще всего остаются незащищенными [2].

В противоречие вступает желание родителей ограничить времяпрепровождение детей в сети Интернет и то, что сами взрослые проводят в социальных сетях значительную часть своего свободного времени. Уже в 2013 г. больше трети пользователей Интернета (36 %) признавались, что проводят в Сети (причем по личным, а не рабочим нуждам) слишком много времени. В выходные до 1 часа проводил в Сети каждый пятый (21 %), а треть (35 %) сидела за компьютером от 1 до 3 часов. В Москве каждый пятый (19 %) готов признать, что страдает интернет-зависимостью, в крупных городах (с численностью жителей более 1 миллиона) – четверть (26 %), в сельской местности – 46 % [3]. Все это составляет пример, который родители подают своим детям, при этом ожидая от них иного поведения: почти треть взрослых (29 %) признались, что в их семьях случаются конфликты, основным поводом, для которых становится время, которое ребенок проводит в сети (83 %) [2]. При этом свое время в сети Интернет родители контролируют плохо.

Таким образом, существует несколько стратегий поведения родителей в отношении использования детьми сети Интернет: при первом варианте – родители стараются контролировать доступ ребенка, ставят программы ограничительного контроля или даже отнимают компьютер, запрещают выходить в Интернет; другой вариант – когда родители сами часто и активно используют интернет-сети, не контролируя и своего ребенка (то есть ребенок перенимает манеру работы с компьютером от родителей, не осознавая опасность его чрезмерного использования); третий вариант – когда родители, обучают ребенка навыкам безопасного общения и пользо-

вания современной компьютерной техникой. Однако представленные стратегии не являются исчерпывающими. В целом, отметим, что между родителями и детьми не существует полного доверия и взаимопонимания по поводу использования Интернета. Большинство родителей беспечны в вопросах контроля и безопасности ребенка, и это говорит о том, что необходимо проводить социально-педагогическую работу с семьями по тематике smart-родительства в XXI веке.

Библиографический список:

1. А если без интернета?! // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения – Пресс-выпуск № 3346 – 07 Апреля 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116148> (дата обращения: 01.04.2018 г.).
2. «Лаборатория Касперского» выяснила, в каком возрасте дети наиболее уязвимы для киберугроз // Официальный сайт АО «Лаборатория Касперского» [Электронный ресурс] – URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2018_kaspersky-safe-kids-report (дата обращения 20.04.2018).
3. Интернет-зависимость. Если бы интернета не было... // Официальный сайт Фонда Общественное Мнение. 29 Марта 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/10872> (дата обращения 20.04.2018).

СОЦИАЛЬНОЕ РАНЖИРОВАНИЕ ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ ОБРАЗА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ПОДРОСТКОВ

Зубова О.Г., кандидат политических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

E-mail: zubovaoksana@bk.ru

Бухтиярова И.Н., кандидат педагогических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

E-mail: Ira_irina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению социального самочувствия подростков в городском пространстве и отражает результаты авторского социологического исследования.

Ключевые слова: география детства, городская среда, мегаполис, социология детства, подростки.

Abstract: the article is devoted to the study of the social well-being of teenagers in the urban space, and reflects the results of the author's sociological research.

Keywords: the geography of childhood, the urban environment, a megapolis, the sociology of childhood, teenagers.

В современных социально-антропологических исследованиях для понимания проблем организации и качества городского пространства активно используется социальное картирование индивидуальных и групповых образов [1]. Для получения информации успешно применяются глубинные интервью, проективные методики и средства визуализации.

Особую категорию в исследованиях представляют дети младшего школьного возраста и подростки, выступающие носителями уникальных знаний и представлений о территориях. Их отображение городской среды позволяет конструировать пространство с точки зрения опасности или безопасности, пригодности для времяпрепровождения или его отсутствия; наличия альтернативных возможностей для реализации различных видов деятельности. Кроме того, можно проанализировать существующее нематериальное символическое пространство городов и населенных пунктов различных масштабов и их значения с точки зрения возрастного, гендерного и территориального признаков.

Данные направления исследований имеют практическое значение, связанное со стимулированием социально-экономической и культурной привлекательности территории для жизни семей с детьми разного возраста, улучшения пространства с целью дальнейшего роста и развития.

В нашем исследовании при работе с подростками 10-12 и 13-15 лет мы использовали методику составления рейтингов с последующим интервьюированием. Это позволило, во-первых, мотивировать подростков к участию в исследовании, учитывая их возрастные особенности; во-вторых, создать оптимальные условия для работы и комфорта респондентов; в-третьих, получить значимую информацию, которую можно соотнести с данными других документов и статистики, а также провести сравнение и ранжирование по выбранным критериям.

В энциклопедических словарях рейтинг интерпретируется как степень популярности людей, мест и других явлений, посредством изучения общественного мнения.

Нами рейтинг рассматривался не только как количественный, но и как качественный показатель, отражающий субъективную оценку и значимость различных мест городского пространства с точки зрения формирования ментальной социальной карты, позволяющей увидеть город глазами подростка. Для повышения надёжности в ходе исследования применялись глубинные интервью, анализ различных документов, связанных с описанием территории.

Для создания рейтингов применялась проективная методика. Участникам исследования предлагалась следующая инструкция: «представь, что к тебе в город приехал друг/подруга из другого города, тебе нужно составить для гостя топ-10 своих любимых мест в городе, в которых стоит побывать. При этом присвой, пожалуйста, каждому месту какой-то статус - например, самое современное, самое лучшее для развлечений и т.д., т.е. дай краткую характеристику этому месту».

Всего в исследовании приняли участие 17 подростков, в т.ч. 10 в возрасте 10-12 лет и 7 - 13-15 лет. Все респонденты – жители двух городов – Москвы и Домодедово.

Москва – столица Российской Федерации, город федерального значения, административный центр Центрального федерального округа, крупнейший по численности населения город России — 12 506 468 чел. [2], входит в первую десятку городов мира по численности населения с развитой городской средой, благоустроенными историческими и культурными местами отдыха, микрорайонами и парковыми зонами.

Домодедово - город в РФ на юге Московской области, находящийся в 37 км от центра Москвы. Население города в 2018 году составляет 127 850 человек, а округа — 172 113 человек [3]. Город является привлекательным для инвестиций в новостройки, что привлекает семьи с детьми для постоянного места жительства. Городское пространство расширяется за счет постройки новых жилых комплексов и возникновения целых микрорайонов.

Подростки при составлении рейтингов выделяют в пространстве города значимые для них по интересам досуговые, образовательные и спортивные объекты, а также общественные места, включающие парки, площадки, торговые комплексы.

Результаты применения методики использовались двояко: с одной стороны, группировались места, выделяемые подростками, а с другой – анализировались присваиваемые этим местам «статусы». Анализ «статусов» помог в интерпретации значений выделяемых подростками мест. Присвоенные статусы в целом совпадают с выделенными группами городских мест – места для общения с друзьями («самое атмосферное», «самое романтичное»).

Мы сгруппировали выделенные места по их направленности.

В городе Домодедово, как и в Москве, в первую группу входят общественные места для развлечения и отдыха. В Москве среди ответов подростков такие места представляют – Парк Культуры и отдыха (ЦПКиО), ВДНХ, Воробьевы Горы, Манеж, Арбат, Сокольники, Царицыно и др. Как и в других городах, парковые зоны являются значимым местом для проведения семейного досуга (характерен для младших подростков) и досуга с друзьями.

В рейтингах парк входит в тройку самых популярных мест городского пространства для различных форм активности и является любимым местом встреч, занятий спортом и праздников, вне зависимости от времени года. В г. Домодедово все опрашиваемые выделяли Парк Ёлочки как место для развлечений, прогулок и отдыха. Еще был выделен экологический парк "Пространство детской мечты", но он находится далеко от города и прийти сюда самостоятельно подростки не могут, также здесь действуют свои правила и ограничения посещения. Самым необычным является выделение лесной зоны, как места привлекающего для прогулок как в летний, так и в зимний периоды. Но эта территория только обустроивается, по-

этому ряд респондентов выделил эту зону как небезопасную для посещения без родителей, особенно в категории 10-12 лет, а вот для старшей группы такие места, как стройка, лес становятся более популярными и привлекательными для прогулок с друзьями, по результатам исследования этой зоне присваивается статус «игры с друзьями», «зимние развлечения», «прогулки без взрослых».

Для подростков все более популярными становятся торговые центры, совмещающие в себе разные функции – общения с друзьями, шопинга, просмотра кинофильмов, питания и др. В Домодедово – это торговый комплекс «Квартал», где есть шопинговая зона, развлекательная зона (кинотеатр, игровые автоматы, детский уголок), зона фастфуда. Как место встреч с друзьями, пространства в котором можно организовать настольную игру, отметить День Рождения обозначена Додо Пицца. Подростки, проживающие в Домодедово, выделяли также торговые центры с комплексами фастфуд, где можно «посидеть и пообщаться с друзьями» - Авеню, РИО, МакДональдс, Бургер Хирос, Андерсон-кафе, расположенные в пределах микрорайона проживания. Самый необычный рейтинг связан с домодедовским рынком, где можно погулять и что-то купить. Среди московских респондентов таких мест обозначено не было (это возможно связано со скандальными историями, связанными с московскими рынками).

Специфика г. Москвы заключается в наличии большого количества мест для образовательно-развлекательного времяпрепровождения детей и подростков, в которых происходит популяризация науки. В столице в последние годы наблюдается тенденция создания подобных научно-развлекательных центров в каждом досуговом или торговом комплексе. Но особо выделяются такие как Экспериментаниум, Эврика-Парк, Кидбург, Планетарий, Дарвиновский музей, Фестиваль науки в Академии наук, ТЦ «Ривьера», Детский Мир на Лубянке, Москвариум.

В Домодедово респонденты-подростки говорят об открытии новой школы. Такой интерес связан с благоустройством новой школьной территории, техническим оснащением и образовательными возможностями школы. Подростки г. Домодедово к значимым местам относят также детский морской Центр «Альбатрос», Дом детского творчества «Лира», хоровую музыкальную школу, библиотеку.

Еще одна группа городских мест, выделяемых подростками, – это спортивные объекты. Все большую популярность приобретает у подростков посещение спортивных матчей, соревнований, ледового катка, бассейнов, фитнес-центров. Лидерами в этой группе в г. Домодедово стали Ледовый дворец «Легенда» городской стадион «Авангард», Дворец культуры и спорта «Мир», в Москве же это – батутные центры, Панда-парк, Аквапарк «Мореон», Воробьевы горы, Парк Культуры, Поклонная Гора, ВДНХ и Рампа для скейтинга и прогулок на самокатах и велосипедах, для зимних видов спорта - дворовые катки, каток на Манежной площади, в Парке Культуры и ВДНХ.

Отдельно можно выделить группу городских достопримечательностей. В Домодедово их не так много - памятники и Обелиск Славы. Однако для подростков – это не места, связанные с исторической памятью, а пространства, где можно покататься на роликах, съесть вкусное мороженое, принять участие в разных мероприятиях. В Москве подростки выделяют Красную площадь, Кремль, Старый Арбат, Тверской бульвар, Третьяковскую галерею, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Смотровую площадку на Храме Христа Спасителя, Геологический музей им. В.И. Вернадского, Храм Василия Блаженного (подчеркивалась интересность, «прикольность места»), Храм Архангела Михаила в Тропарево, Успенский Собор в Кремле.

Отдельную группу городских объектов составляют площадки и придомовая территория. К сожалению, в большинстве рейтингов они отмечаются как непопулярные места, используемые только для того, чтобы «поиграть в мяч и покататься на велосипеде». Это объясняется тем, что придомовая территория – это пространство для маленьких детей, в котором подросткам сложно найти свое место [4].

Таким образом, в рейтингах не было выявлено значительных отличий по полу, но были незначительные отличия по возрастным категориям. Факторы, оказывающие влияние на формирование образа своего городского пространства связаны с семейными ценностями, хобби, увлечениями, диапазоном возможностей выбора, предоставляемого территорией.

Библиографический список:

1. Скаблан И.А. Социальное картирование как метод анализа социально-территориального пространства // Журнал исследований социальной политики, том 10, №1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialnoe-kartirovanie-kak-metod-analiza-sotsialno-territorialnogo-prostranstva> Дата обращения (23.04.2018).
2. Мосгостат [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://moscow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/statistics/population/ (дата обращения 23.04.2018).
3. Государственный статистический комитет. Численность населения по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_region/ru/statistics/population/ Дата обращения (23.04.2018).
4. Филипова А.Г., Купряшкина Е.А., Темин Д.В, Задорин А.С. Есть ли «свое» пространство у детей в городе? Пилотажное исследование с использованием метода проектов // Многомерные статистические модели и их применение в социологических исследованиях детства: Материалы Всероссийской молодежной научной школы-конференции. Владивосток, 6-8 июня 2017 г. С. 170-176.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ УСПЕШНОСТИ

Истюфеева Ж.Н., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики ИЕСЭН, руководитель Центра дополнительного профессионального, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, Россия).
E-mail: jannist@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются психологические аспекты детской субкультуры в пространстве образовательной организации в контексте профессионально-педагогической успешности. Автор представляет взгляд на решение проблемы создания психологически комфортного, безопасного пространства детства в любой образовательной организации, что отражается и на достижении профессионально-педагогической успешности.

Ключевые слова: образовательное пространство, педагогическое сознание, детская субкультура, профессиональная успешность педагога.

Abstract. This article deals with the psychological aspects of the child's subculture in the space of the educational organization in the context of professional and pedagogical success. The author presents a look at the solution of the problem of creating a psychological comfortable, safe space for the Childhood in any educational organization, which is reflected in the achievement of professional and pedagogical success.

Keywords: educational space, pedagogical consciousness, children's subculture, professional success of the teacher.

Современное образовательное пространство, а конкретно, пространство образовательного учреждения, строится, в основном, по «законам взрослой жизни», т.е. с точки зрения специалистов сферы образования: учителей, методистов, руководителей. Данная ситуация отражает реальную «расстановку сил» во взаимоотношениях Взрослый-Ребенок. Но если учитывать широко обсуждаемый, пропагандируемый и отчасти реализуемый на практике личностно-ориентированный подход при обучении, воспитании и развитии ребенка, то вполне закономерен вопрос о роли этой самой личности в создании собственного «мироустройства». Речь идет не о выборе ребенком образовательного пути (в особо «продвинутых школах педагоги смирились и допустили детей в «святая святых»), а о возможности построить свой мир там, где он растет и развивается. А то, что ребенок, взрослея, большую часть своей жизни проводит в стенах образовательного учреждения (школа, детский сад, институт) – ни для кого не секрет. Следовательно, там же он и решает все свои насущные, жизненные проблемы

взросления. Именно решает, а не только ждет возможности пойти домой, к друзьям по двору и т.д. Хотя, очевидно, дети зачастую активно рвутся из образовательной организации «на волю», т.к. она не создает адекватных условий для реализации глубинной потребности в «своем мире» везде, где бы ребенок ни находился.

Для эффективного решения психолого-педагогических проблем, связанных с воспитанием подрастающего поколения, педагогу важно определиться по отношению к самобытному миру детства как культурному феномену, детской субкультуре, понять ее специфику и механизмы включения в образовательное пространство.

Как отмечает В.В. Абраменкова, детская субкультура создает ребенку «психологическое укрытие», защиту от неблагоприятного вмешательства взрослого мира, т.е. выполняет психотерапевтическую функцию, а степень погруженности ребенка в детскую субкультуру – своеобразный показатель его гармоничных отношений с другими людьми [1].

Новорожденный человек становится частью сложнейшей системы сложноорганизованных, пересекающихся, иерархически выстроенных друг над другом миров. Некоторые из миров отчетливо видны, другие – как, например, мир психической жизни, – будучи незримым, воплощается в материале других миров, становясь, таким образом, зримым, чувственно воспринимаемым.

Для того чтобы научиться жить и успешно действовать в мире, человеку, входящему в жизнь, необходимо осознать представший перед ним многомерный мир как понятное целое, по отношению к которому он будет самоопределяться, искать в нем свое место и прокладывать свои пути. Это невозможно в отсутствии важнейших пространственных и смысловых ориентиров, обобщающей схемы мироздания и представления о месте своего нахождения в ней.

Любая человеческая культура обязательно несет в себе модель мира, созданную данной этнокультурной общностью людей. Эта модель мира воплощена в мифах, отражена в системе религиозных верований, воспроизводится в обрядах и ритуалах, закреплена в языке, материализована в планировке человеческих поселений и организации внутреннего пространства жилищ. Каждое новое поколение осваивает определенную модель мироустройства, которая является опорой для построения индивидуальной картины мира каждого человека и одновременно объединяет этих людей как культурную общность [3].

Образовательное учреждение по своей сути и является моделью современного мира, что находит свое отражение в видах взаимодействия взрослого мира с миром детства, в ценностях, отраженных в правилах жизни в образовательной организации, в реальной организации пространства с учетом специфики жизнедеятельности взрослых и детей. Многие современные дети живут в образовательной организации вчерашнего дня.

М.В. Осорина, изучая становление модели мира ребенка, выделяет три главных фактора его формирования:

1. Влияние «взрослой культуры», активными проводниками которой являются, прежде всего, родители, а затем и другие воспитатели;

2. Личные усилия самого ребенка, проявляющиеся в разных видах его интеллектуально – творческой деятельности;

3. Воздействие детской субкультуры, традиции которой передаются из поколения в поколение детей и чрезвычайно значимы в возрасте между пятью и двенадцатью годами для понимания того, как освоить мир вокруг [2].

Таким образом, ребенок получает модель мира, с одной стороны, от взрослых, активно усваивает из культурно – предметной и природной среды, с другой стороны, активно строит сам, в определенный момент, объединяясь в этой работе с другими детьми.

Построение модели мира начинается с осмысления ребенком устройства собственного телесного «Я». Тело – это исходная точка отсчета, необходимая для ориентации человека в окружающем его физическом мире, главный измерительный прибор, который все люди используют в процессе освоения физического пространства.

Образовательное учреждение является уникальным «физическим», материальным пространством, которое приходится осваивать ребенку. И этот путь начинается с переживаний собственного тела (тепло, удобно, свободно, безопасно).

Чтобы пространство стало «своим», а это необходимо для нормального развития и самоощущения, ребенок по-особому «вживается» в него. Он начинает его «метить», используя не всегда одобряемые способы, например, рисуя рисунки на партах, царапая слова на стенах. Также дети могут устанавливать в образовательной организации (в классе, группе, коридоре, около школы) место для сбора «своих» людей, ревностно охранять собственный стол, стул, кабинку, кровать, чашку и т.д. от использования другими людьми, изготавливать «секреты» и «тайники». Дети дают понять всем, «что есть мое, наше, а что нет» и т.д. Чем младше ребенок, тем активнее он использует свое тело для вживания в пространство: везде заглядывает, все трогает, везде посидит, на всем повалится. Подростки выбирают более «интеллектуальный» вид самоутверждения в физическом мире: обведут ручкой рисунок или подрисуют что-нибудь где-нибудь. Эти поведенческие стратегии отражают стремление ребенка укрепить, обозначить факт своего присутствия в этом мире, позволяют почувствовать себя включенным в процесс жизнедеятельности образовательной организации.

Важным условием доступности для внешнего восприятия модели мира любого человека является ее опредмеченность, материальность в виде словесного, изобразительного или поведенческого текста (рассказа, песни, стиха, картины, модели поведения и т.п.). Именно созданные ребенком или взрослым определенные культурные символы, знаки являются особым продуктом социализации, ориентиром для людей, взаимодействующих с индивидуальной моделью мира.

Особое значение имеют вещи-символы. Они помогают подчеркнуть значение того или иного человека. Это твоё место – никто не может его занять, это твой стул – его не отдадут другому человеку. Реальность такова, что ребенок в государственной образовательной организации не имеет ничего своего, т.к. вся мебель – общая, вся посуда – общая и т.д., поэтому ему сложно почувствовать собственную значимость через определенный предмет. Но необходимо учитывать, что вещи-символы позволяют структурировать пространство образовательной организации, где взаимодействуют разные люди. Через закрепление положения вещи за конкретным человеком, усиливается эффект его присутствия, что может наладить отношения с другими людьми.

Мир ребенка в образовательном учреждении – это всегда сплав предметно-пространственной среды, отношений в коллективе со сверстниками и педагогами, собственных переживаний и фантазий, привязанных к вещам и людям. Трудно предположить, что именно в мире образовательной организации окажется для ребенка наиболее важным, обеспечит ему психологически безопасное пространство, сохранится в его памяти и повлияет на дальнейшую жизнь. Но наверняка это будет то, что связано с глубокими переживаниями личного и мировоззренческого характера, уровнем его социального положения в межличностной структуре учебной группы.

В требованиях к устройству современного образовательного пространства на первое место выходит наличие уклада образовательной организации. Именно он помогает ребенку научиться организовывать пространство вокруг себя и свое время, создает предпосылки для развития внутренних психических структур. Образовательная организация, по большому счету, должна быть для ребенка «ресурсным местом», вторым домом, т.е. психологически давать внутреннюю опору личности, быть источником ее уверенности в себе и душевной силы. Тогда ребенок любого возраста сможет справиться с непредсказуемостью и случайностью многих событий, будет готов активно осваивать окружающий мир.

Следовательно, можно говорить о значимости, во-первых, осознания педагогом специфики детской субкультуры, которой он руководствуется в профессиональной деятельности, а, во-вторых, о стремлении педагога к объективизации представлений о детской субкультуре в пространстве образовательной организации как о конкретном воплощении современного мира Детства для того, чтобы выбрать адекватную педагогическую стратегию и создать настоящее культурное образовательное пространство в образовательной организации детей для достижения профессионально-педагогической успешности.

Библиографический список:

1. Абраменкова, В. В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре / В. В. Абраменкова. М.: Москов-

ский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 416 с., (Серия «Библиотека школьного психолога»).

2. Осорина, М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 1999. 288 с.: (Серия «Мастера психологии»).

3. Фельдштейн, Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избранные труды / Д. И. Фельдштейн. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. 672 с.

ИНДИКАТОРЫ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Каминский Д.А., студент, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

E-mail: lookparey@gmail.com

Научный руководитель: Костина Е.Ю., кандидат социологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: в данной статье рассмотрены проблемы качества жизни населения, представлены основные показатели, характеризующие уровень жизни населения. Целью социальной политики является повышение благополучия населения, повышение уровня и качества жизни людей.

Ключевые слова: качество жизни, социально – экономическое развитие, обеспеченность жильем, доходы населения.

Abstract: This article discusses the problem of quality of life of the population, presents the main indicators characterizing the standard of living of the population. The goal of social policy is to improve the well-being of the population, increase the level and quality of life of people.

Keywords: quality of life, social and economic development, housing security, population incomes.

Для определения уровня и качества жизни используются системы индикаторов, причем, для каждого понятия выделяется своя система. Среди российских социологов бытует два направления касательно качества жизни: одни определяют духовную составляющую как главный критерий, другие – связывают его с понятием благосостояния. Так, например, Б.В. Бойцов, разрабатывая категорию качества жизни, акцент делает на его системном характере и определяющем значении духовности [4]. В свою очередь Р.С. Могилевский связывает понятие качества жизни с понятием благосостояния, которое, по его мнению, должно отражать степень удовлетворенности людей всей совокупностью условий жизни и служить важным качественным показателем благосостояния народа [8]. Большинство социологов определяют понятие качества жизни следующим образом: «каче-

ство жизни — это совокупность показателей общего благосостояния людей, характеризующих уровень материального потребления (уровень жизни), а также потребление непосредственно не оплачиваемых благ».

Качество жизни населения определяется не только уровнем жизни. Несмотря на то, что комфортность условий жизни людей в значительной степени зависит от показателей уровня жизни, последний является лишь одним из определяющих параметров, особенно, учитывая то, что уровень жизни определяется по большей части экономическими показателями [3].

Поскольку понятие «качество жизни» является субъективным показателем благосостояния населения, основные определяющие его критерии относятся скорее к духовной сфере, нежели чем к экономической. Так, согласно статистике, качество жизни зависит от духовных параметров на 60%. Под этим понимаются такие факторы, как социальная справедливость, чувство собственной безопасности, а также, система морально-нравственных ценностей в обществе. От экономических параметров качество жизни зависит на 40%, что, безусловно, немаловажно, однако, показывает, что развитая экономика является средством достижения общественного прогресса, но никак не целью.

Говоря об обобщающих индикаторах качества жизни, пожалуй, стоит выделить [2]:

- коэффициент жизнеспособности населения;
- человеческий капитал на душу населения;
- индекс интеллектуального потенциала населения;
- индекс развития человеческого потенциала.

В первую очередь стоит отметить такой индикатор качества жизни, как индекс развития человеческого потенциала. Данный индикатор представляет собой среднеарифметическое трех индексов — уровня образования, ожидаемой средней продолжительности жизни и ВВП по паритету покупательной способности на душу населения [1].

Одним из важнейших индикаторов является индекс интеллектуального потенциала населения - показатель состояния науки и уровня образования в стране. Индекс интеллектуального потенциала представляет собой расчет таких показателей как уровень образования взрослого население, процентное отношение студентов, научных сотрудников и прочих граждан, занятых в сфере науки к общей численности населения, а также, долю расходов на науку и образование в ВВП [5].

Как один из индикаторов можно выделить человеческий капитал на душу населения. Данный индикатор отображает расходы государства, граждан и предприятий на различные отрасли социальной сферы, такие как образование, здравоохранение и т.д. Это является важным показателем экономической ситуации в стране, поскольку, чем больший процент от ВВП затрачивается на человеческий капитал, тем, соответственно, выше будет уровень экономического развития.

Одним из индикаторов также является коэффициент жизнеспособности населения. Данный индикатор отражает способность населе-

ния сохранять генофонд и уровень интеллектуального развития в условиях проводимой государством социально-экономической политики.

Понятия «уровень жизни» и «качество жизни» неразрывно связаны между собой. Сам по себе уровень жизни при формировании социально-экономической политики государства, то есть при выборе ее направлений и приоритетов, является самым важным критерием. Также уровень жизни отражает качество жизни населения. Интегральными индикаторами уровня жизни являются [6]:

- реальные доходы на душу населения;
- реальная заработная плата населения;
- поступления доходов от вторичной занятости;
- реализация продукции личного подсобного хозяйства, дивиденды (по акциям и облигациям);
- проценты по вкладам населения,
- пенсии, пособия, стипендии.

Данные индикаторы позволяют изучать и прогнозировать динамику, структуру и уровень доходов населения из различных источников.

Необходимо помнить, что важной основой для социального благополучия выступает социальная безопасность, которая в свою очередь является результатом деятельности органов государственной, региональной и муниципальной власти, ведь именно она позволяет выбрать стратегию взаимодействия государства и человека, государства и общества. Ответственность за социальное благополучие и социальную безопасность делят между собой: человек, общество и государство [7, С. 96].

Библиографический список:

1. Айвазян С.А. Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях / С.А. Айвазян. М.: ЦЭМИ РАН, 2000. 117 с.
2. Андреева О.Н. Способы оценки уровня и качества жизни населения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. №2, С. 112-120.
3. Бобков В., Мстиславский П. Качество жизни: сущность и показатели // Человек и труд. 1996. № 6. С. 76 - 79.
4. Бойцов, Б.В. Системная целостность качества жизни / Б.В. Бойцов, Ю.В. Крянев // Стандарты и качество. 1999. № 5. С. 20–27.
5. Зубкова С.П. К сбалансированию политики доходов населения // Российский экономический журнал, 2004 № 11-12. С.45-43.
6. Капелюшников Р.И. Основные направления реформы трудовых отношений в Российской Федерации // Вопросы экономики. 2001 №2. С.73.
7. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социальные индикаторы благополучия человека в современном обществе // Социосфера. 2015. № 3. С. 93-97.
8. Могилевский Р.С. Проблемы качества жизни крупного города. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1987, 141 с.

ПРОФОРИЕНТАЦИЯ В ШКОЛЕ КАК ФАКТОР ВЫБОРА ВУЗА В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

Коган Е.А., кандидат социологических наук, доцент, Московский авиационный институт (г. Москва, Россия).

E-mail: kogan2502@yandex.ru

Шукина А.А., студент, Московский авиационный институт (г. Москва, Россия).

E-mail: shchukina_ana@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты исследования, проведенного среди школьников старших классов с целью выяснения критериев выбора вуза и профессии. В ходе исследования была выявлена роль профориентации в выборе специальности и вуза. Выяснилось, что на данном этапе она не оказывает существенной помощи абитуриентам.

Ключевые слова: критерии выбора вуза, профориентация, выбор вуза, престиж.

Abstract: The article is presented results of research conducted among high school students to find out the criteria for choosing a university and the profession. The study identified the role of guidance in the choice of profession and the university. It turned out that, at this stage, it does not provide substantial assistance to the applicants.

Keywords: university selection criteria, career guidance, university selection, prestige.

В современных условиях у выпускников школ имеются широкие возможности выбора вузов и направлений подготовки. Особенно это касается крупных городов. При этом очень важно, чтобы этот выбор был сделан не импульсивно, под влиянием случайных факторов, а осознанно, с учётом своих возможностей и склонностей, чтобы в дальнейшем не разочароваться в своей профессии. Исследователи отмечают, что отрицательное влияние на выбор вуза могут оказать субъективные факторы, такие как отсутствие интереса к выбираемому роду деятельности, ориентация на моду или престиж [1, с.114], а также факторы удобства и комфортности – близость к дому, наличие друзей, поступающих в этот вуз.

В связи с этим интересно было выяснить, что влияет на выбор вуза, когда абитуриенты принимают решение о поступлении в конкретное учебное заведение, и какую роль в этом процессе играет профориентация в школе.

В ходе исследования, проведенного в марте 2018 года, были опрошены школьники, обучающиеся в 11 классах 2-х средних образовательных учебных заведений г. Москвы. Всего было опрошено 130 учеников.

В равной доле среди опрошенных респондентов представлены те, кто определился с местом, куда будут поступать (48 %) и те, у кого есть

несколько вариантов для поступления (46 %). Лишь 6% опрошенных пока не определились, что показывает уверенную тенденцию к грамотному и осознанному принятию решений.

Когда школьники начинают строить планы на свое будущее образование? Опрос показал, что больше трети опрошенных (35 %) задумывались о выборе вуза еще до 10 класса, причем пятая часть из них еще раньше - до 9 класса. В 10 классе начала размышлять об этом выборе еще треть опрошенных (33 %). Оставшиеся 31 % обратились к этому вопросу только в 11 классе, причем 10 % из них в самом конце обучения в школе. Таким образом, можно выделить три разные группы абитуриентов с точки зрения рациональности и осознанности выбора вуза. Первая группа – те, кто долго и тщательно выбирает вуз, взвешивает все факторы, последняя группа включает тех, кто осуществляет этот выбор спонтанно. Вторая группа представляет собой нечто среднее между первой и второй группами.

В ходе исследования также были выявлены критерии, влияющие на выбор высшего учебного заведения.

Главными критериями при выборе вуза являются его престижность (19 %), наличие специальности, востребованной на рынке труда и, соответственно, позволяющей найти работу с высоким заработком (17 %), а также наличие бюджетных мест (16 %).

Во вторую группу критериев, менее значимых, входят следующие: соответствие вуза склонностям и интересам абитуриента (10 %), возможности обрести связи для будущей карьеры (9 %), близкое расположение вуза к дому (7 %). Остальные критерии менее значимы для респондентов.

В рамках опроса важным было узнать, как школьники оценивают влияние профориентации на их выбор, является ли она полезной для них. Большинство опрошенных (64 %) считают проведение профориентационных работ незначимым процессом для выбора вуза и профессии. Доля школьников, которые считают профориентацию в школе важной, составила 36%.

Лишь 15 % старшеклассников отметили, что мероприятия по профориентации и советы психологов действительно помогли им выбрать вуз и профессию. Это обусловлено тем, что профориентационные мероприятия в исследуемых школах проводятся нерегулярно. По оценкам учеников, они часто являются скучными, однообразными и непонятными. Как показал опрос, в основном профориентация заключается в проведении психологических тестов. Данные школы не являются исключением. Исследования, проведенные в Московском регионе, а также в других регионах, показывают, что профориентационная работа является несовершенной и пока еще не выполняет свою главную функцию помощи выбора специальности и вуза [2-5].

В ходе исследования было выявлено, что большинство школьников (62 %) выбрали вуз и специальность с помощью родителей, родственников и знакомых. Около 20% старшеклассников приняли это решение самостоятельно. Подобные тенденции были выявлены и в других исследованиях, проведенных в Московском регионе [3].

Также было выяснено, какими источниками информации старшеклассники пользуются при выборе вуза, и какие из них являются приоритетными.

Главным информационным источником для старшеклассников является сайт вуза – каждый четвертый в первую очередь обращается к нему при выборе вуза. Около 20% опрошенных посещают дни «открытых дверей» для школьников, которые дают возможность задать лично интересующие вопросы; около 10% школьников получают информацию о ВУЗах через рекламу в Интернете (9,7%), запросы в поисковых системах (9,4%) и на форумах (9%). Остальные источники – получение информации из справочников (7,6%), рейтинги ВУЗов в Москве (5,8%) – востребованы в меньшей степени.

Для реализации образовательных намерений, то есть успешного поступления в выбранный вуз, большинство старшеклассников проходили дополнительную подготовку: обращались к репетиторам (45,4%), занимались самостоятельно (26,9%), посещали дополнительные курсы в вузе (13,4%) или в школе (12,6%). Такие цифры говорят о том, что и родители, и школьники, по-видимому, ощущают необходимость в дополнительной подготовке и проведении индивидуальных занятий. При этом репетиторство, по данным опроса, является наиболее популярной и наиболее эффективной формой дополнительной подготовки старшеклассников к поступлению в вуз.

Таким образом, данный опрос показал, что важными критериями выбора вуза являются его престижность и статус, а также наличие специальности, которая даст возможность в будущем успешно трудоустроиться.

Профориентация в школах, к сожалению, пока еще не является фактором, помогающим старшеклассникам выбрать специальность и вуз, сориентироваться в тех многочисленных возможностях получения образования, которые предлагаются абитуриентам в больших городах.

Библиографический список:

1. Абдрахманова Л.В., Никонова Э.И. Основные факторы, влияющие на выбор вуза абитуриентом//Вестник экономики, права и социологии. 2017.№ 3.С. 113-116.
2. Батырева М.В., Семенов М.Ю. К вопросу об эффективности профориентационной работы в современной образовательной школе // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2014. № 8. С. 50-56.
3. Коган Е.А. Профориентационная работа со школьниками: проблемы и пути их решения//Социология образования. 2018. № 2. С. 4-11.
4. Тесленко И.В. Некоторые вопросы профориентации школьников Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития 2013. том 11 № 2. С. 57-60.
5. Шикина Е.А. Особенности профессиональной ориентации выпускников школ: проблемы и решения// Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. 2012. № 6.

СКОЛЬКО ДЕТЕЙ БУДЕТ В РОССИИ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ И ГОТОВА ЛИ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ К НОВЫМ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ВЫЗОВАМ? РЕЗУЛЬТАТЫ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПРОГНОЗОВ НАСЕЛЕНИЯ

Козлов В.А., кандидат экономических наук, доцент, Национальный Исследовательский Университет Высшая Школа Экономики (г. Москва, Россия)
E-mail: vakozlov@hse.ru

Аннотация: Данная работа посвящена прогнозу изменения численности населения детей в России по различным демографическим сценариям в целом, а также контингентов дошкольных и образовательных учреждений. В тексте также рассматриваются основные вызовы и перспективы изменения численности для системы образования

Ключевые слова: демографические и функциональные прогнозы, образовательные учреждения

Abstract: The paper is devoted to the projections of the Russian population at the childhood age by different demographic scenarios, and the number of children enrolled in the pre-school and school institutions. It also discusses the main challenges and opportunities for these changes at the system of education.

Keywords: population and functional projections, education system and institutions

Исследования, связанные с детством в любой стране мира невозможно представить в отрыве от демографических и функциональных прогнозов. В то же время большой проблемой принятия решений, в том числе и в системе образования в РФ, является недоучет влияния демографического фактора на развитие как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде. Целью данной работы является оценка демографических изменений, которые будут происходить в Российской Федерации в ближайшие 15 лет, на численность детей определенных возрастов и на структуру спроса на образовательные услуги дошкольных и общеобразовательных учреждений.

Так как количество детей и охват их образовательными учреждениями в России в первую очередь зависит от изменения показателя рождаемости, то при построении вариантов демографического прогноза, можно опираться на 3 различных сценария изменения данного показателя, в то время как миграция и смертность (другие демографические процессы, которые оказывают непосредственное влияние на численность населения) будут зафиксированы на среднем уровне.

1) Вариант со средней рождаемостью: суммарный коэффициент рождаемости – далее СКР (число детей, рожденных одной женщиной) растет линейно и к 2036 году достигнет величины 1,92. Далее в тексте этот

средний вариант демографических изменений обозначается аббревиатурой МММ.

2) Вариант с низкой рождаемостью (СКР снижается и к 2036 году достигает показателя 1,56), средней продолжительностью жизни и средней миграцией. Обозначается аббревиатурой LMM.

3) Вариант с высокой рождаемостью (СКР растет, но чуть более быстрыми, чем при среднем варианте темпами и к 2036 году достигает показателя 1,96), средней продолжительностью жизни и средней миграцией. Обозначается аббревиатурой НММ.

Для определения численности детей будет использован прогноз Института демографии НИУ ВШЭ по однолетним возрастным группам. В итоге численность детского населения в возрасте от 0 до 15 лет будет, согласно трем сценариям, изменяться так, как показано на Рисунке 1.

Из данного рисунка видно, что различия между низким и высоким и средним вариантами прогноза по рождаемости через 30 лет достигнут фактически 6 млн. человек. Данные различия и колебания надо учитывать для определения последствий проведения семейной политики.

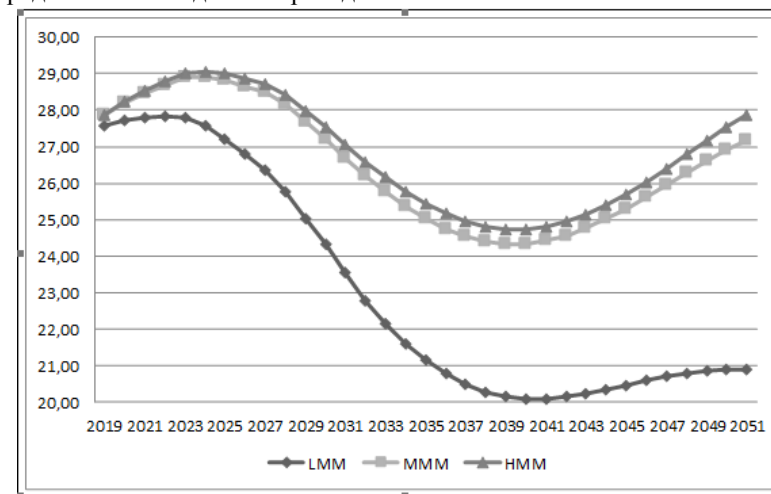

Рис. 1 - Изменение численности детей по 3 сценариям демографического прогноза, млн. на начало года

Отметим, что достижение показателей рождаемости, которые взяты за основу как высокого, так и среднего прогноза, возможно при довольно больших объемах финансирования демографической политики, поэтому они являются, скорее, желаемыми величинами.

В реальности численность детей в изучаемый период, скорее всего, будет находиться между средним и низким сценариями. Таким образом, достижение максимальной численности детей в России возможно в ближайшие 5-7 лет, после чего последует длительный спад, вызванный в

первую очередь структурными особенностями российского населения, который, однако, может быть сглажен относительно высокими показателями интенсивности рождаемости. К концу 2030-х гг. спад должен окончиться, а восстановительный рост во многом зависит как от рождаемости в настоящее время (сколько потенциальных матерей появится на свет), так и в те годы.

Количество обучающихся в различных образовательных учреждениях в России изменяется под воздействием двух основных факторов. С одной стороны, на контингенты образовательных организаций влияют демографические процессы, изменяющие численность и структуру населения страны. Именно данный аспект и будет являться предметом нашего исследования. С другой стороны, кроме непосредственного демографического влияния, на количество учащихся будут оказывать воздействие ещё и изменения в системе образования, которые должны отразиться на охвате населения тем или иными ступенями образования и, следовательно, на прогнозную численность контингентов, однако в данной статье мы это опустим и будем опираться на неизменность охватов. Нас будут интересовать в первую очередь дошкольники и учащиеся общеобразовательных учреждений. Отметим, что традиционно охват российских детей школьным обучением является очень высоким, по данным Министерства образования с 8 до 14 лет он находится на уровне 95 % и выше. Охват дошкольными учреждениями рос в середине 2010-х гг., при этом в возрастах 3-6 лет он в 2015-16 году превышал 80 %, что, скорее всего, близко к максимально возможному показателю, правда с возрастом 1-2 года (ясельным) ситуация была значительно хуже.

В рамках среднего варианта прогноза численность дошкольников будет возрастать примерно до начала 2020, после чего начинается быстрое сокращение (местами до 150 тыс. ежегодно), которое замедляется к 2033 году, что связано с неизбежным снижением числа рождений, из-за структуры населения, которое будет происходить в ближайшее время. Всего к 01.01.2036 по сравнению с 01.01.2017 сокращение контингента составит порядка 19 %.

В случае с оценкой сценариев высокой и низкой рождаемости видно, что разница в численности дошкольников уже после 8 лет прогнозного периода превысит 0,5 млн., а в 2032 году (точке максимального расхождения) составит 1189 тысяч, к концу прогнозного периода немного опустившись до 1145 тысяч.

Контингент учащихся общеобразовательных учреждений будет расти до 2028 года (добавив почти 4 млн. к текущей численности школьников), после чего начнется его сокращение, однако при этом численность контингента в 2036 году будет выше текущего примерно на 12 % (то есть от максимального значения сокращение составит около 2 млн.)

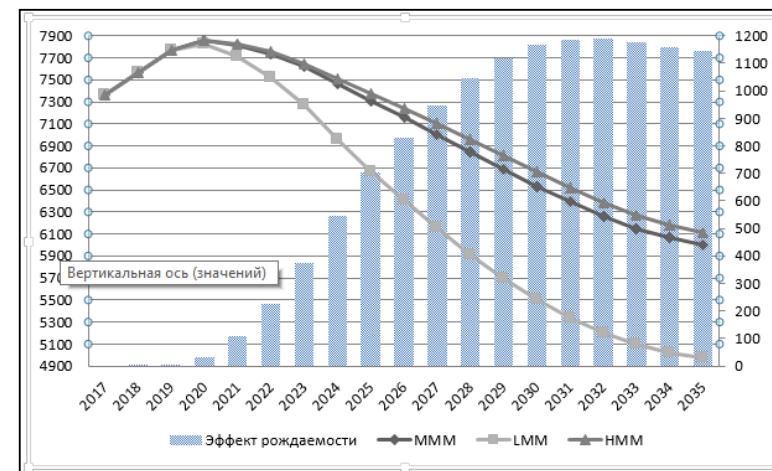

Рис. 2 - Численность учащихся дошкольных учреждений, тыс. чел. (шкала справа – эффект от более высокой рождаемости – разница между высоким и низким сценариями)

В то же время очевидно, что из-за снижения численности детей в возрасте до 6 лет, автоматически будет возрастать охват дошкольными учреждениями. В то же время для детей в возрасте 3-6 лет он уже и так приближен к максимальному, а особенности расселения не дадут его увеличить. Скорее всего, через несколько лет часть учреждений будет перепрофилирована, например, в центры дополнительного образования или раннего развития. Тогда очень важно, чтобы в сложившихся условиях нашлось необходимое число специалистов для их комплектования и внедрения апробированных программ, нельзя также закрывать данные учреждения, так как, учитывая волнообразный характер демографических изменений в России, через пару десятилетий спрос на них снова появится (см. Рисунок 2).

В случае с общеобразовательными учреждениями разница составит к 2036 году почти 2,5 млн. человек. При этом в условиях низкой рождаемости численность учащихся общеобразовательных школ к 2036 году будет ниже текущей, хотя спад начнется с 2027 года (при высокой рождаемости с 2029 и будет более плавным). Аналогично дошкольным учреждениям к середине 2030-х гг. будет вставать вопрос о низкой интенсивности использования школьных зданий и учителей, поэтому во избежание механического сокращения затрат и квалифицированных кадров, необходимо принимать превентивные меры.

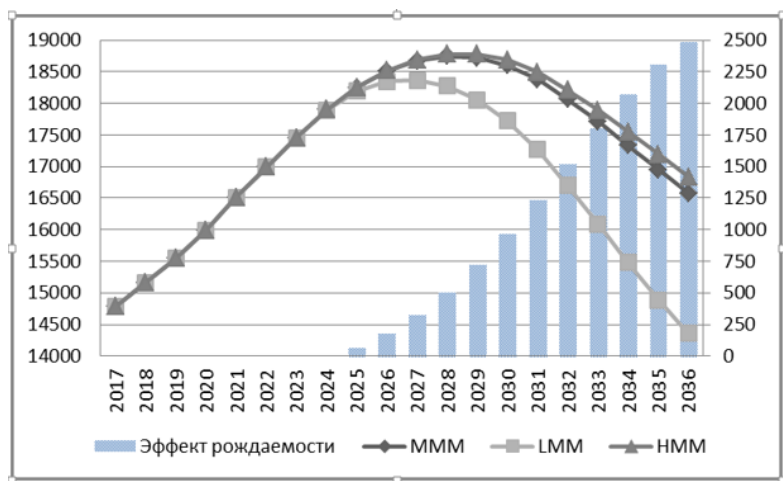

Рис. 3 - Численность учащихся общеобразовательных учреждений, тыс. чел. (шкала справа – эффект от более высокой рождаемости – разница между высоким и низким сценариями)

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДЕТЕЙ ПОКОЛЕНИЯ Z: ВОЗРАСТНЫЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 16-06-00792 ОГН\18, «Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус»

Колосова Е.А., кандидат социологических наук, доцент, заведующая отделом социологии, психологии и педагогики детского чтения Российской государственной детской библиотеки, доцент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва, Россия)
E-mail: the_shmiga@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности потребительского поведения поколения Z в контексте возрастного и территориального анализа. Выявлены некоторые закономерности прохождения стадий потребительской социализации детей, рожденных в конце 1990 – начале 2000 гг.

Ключевые слова: потребление, дети, поколение Z

Abstract. The article considers the peculiarities of consumer behavior of Generation «Z» in the context of age and territorial analysis. Some regularities of passing the stages of consumer socialization of children born in the late 1990 - early 2000s were revealed.

Keywords: consumption, children, generation Z

Долгое время проблемы, связанные с потреблением, не входили в спектр интересов обществоведческих и гуманитарных дисциплин. Вместе с тем, сформировавшиеся сегодня социальные, культурные и экономические вопросы, связанные с потреблением, требуют уделить данной проблематике внимание.

3. Бауман писал о том, что способ, которым современное общество «формирует» своих членов, диктует в первую очередь обязанность играть роль потребителей [1]. Таким образом, в современном обществе одну из ведущих ролей играет система потребления, а также формируемые с ее помощью индивиды и продукты производства. Постепенно потребление из чисто экономического явления становится социокультурным, а отношения, связанные с ним, начинают пронизывать все сферы общества.

Ранние публикации, посвященные покупательскому поведению детей, относятся к 1950-м годам, однако систематические исследования начались с середины 1970-х. [2: 138]. Потребительская социализация как процесс касается главным образом поведенческих установок и формирования ценностей в сфере потребления товаров и услуг, посредством которого дети и подростки формируют и приобретают навыки, знания и установки, необходимые для функционирования в качестве потребителя.

Целью потребительской социализации детей является приобретение навыков потребительского поведения и усвоения знаний об экономических понятиях, характеризующих различные аспекты потребления: предмет покупки, место покупки, использование покупки.

Представители нового поколения Z (рожденные в 2000-х) отличаются доминированием иного формата используемых социализационных ресурсов в детском возрасте, в том числе в отношении потребительского поведения.

Далее мы приведем результаты 1 этапа сетевого исследования «Событийность детства поколения Z» (N=490; метод - онлайн анкетирование). Рассмотрена информация об основных изменениях, происходящих в жизни современных детей, зафиксирован возраст важнейших событий включения ребенка в социум в контексте ситуации потребления.

Развитие социально-экономических и инфраструктурных компонентов жизнедеятельности населения расширяет количество социально дифференцирующих признаков для структурирования детской общности [3: 245]. С одной стороны, потребительское поведение детей складывается из наследуемых социально-экономических различий взрослых (родителей) и, соответственно, их паттернов покупательского поведения, с другой, - добавляется индивидуально приобретенный опыт в процессе личной активности и взаимодействия с обществом и его социальными институтами.

Социальные нормы, регулирующие ролевые действия детей-потребителей представляют собой некие нормативные образцы данной роли, правила, регулирующие исполнение роли потребителя детьми, правила поведение детей-потребителей. В соответствии с действующим законодательством, ребенок обладает рядом прав [4, 36-40.]. В соответствии со ста-

тей 28 ГК РФ, в возрасте от 6 до 14 лет ребенок уже имеет право заключать мелкие бытовые сделки, например, покупать хлеб в магазине. От 14 до 18 уже можно покупать и продавать свое имущество, но с согласия законных представителей [5: 124].

На первой стадии потребительской социализации (перцептивной/предоперационной стадии в возрасте 3-7) ребенок фиксирован на своем непосредственном восприятии людей и объектов, а не на абстрактном или символическом мышлении. Познавательная структура детей этой стадии еще слабо организована, речевые навыки еще только развиваются. Родители могут позволить детям этого возраста лишь небольшой потребительский выбор, например, выбор десерта или напитка [6: 145].

В зависимости от степени самостоятельности потребительского поведения детей выделяют следующие методы потребительской социализации: наблюдение (обучение детей потребительскому поведению посредством визуального восприятия поведения других людей); совместный шопинг (совместные походы за покупками родителей и детей); прямой опыт (собственный опыт в качестве самостоятельного покупателя).

Младший школьный возраст определяется вступлением во вторую стадию потребительской социализации (аналитическая/конкретно-операционная в возрасте 8-11) и характеризуется переходом детей к использованию различных форм сравнения признаков объектов для определения отношения к ним и развитием аналитических способностей. У детей формируются более сложные способности применять логическое мышление к конкретным проблемам. На этой стадии социализации дети начинают развивать методы убеждения, которым они учатся у других детей для влияния на своих родителей. Например, сравнение себя с одноклассниками и требование приобрести то, чего у ребенка нет (новая игрушка, смартфон и т.п.).

Большинство детей поколения Z начали получать свои первые карманные деньги на второй стадии потребительской социализации в возрасте 7-10 лет, чуть меньше тех, кто начал получать деньги на карманные расходы в 12 лет.

Первый опыт самостоятельного посещения магазинов с целью покупки продуктов и хозяйственных товаров в среднем для поколения Z приходился в детстве на 7 – 10 лет, в период перехода к аналитической стадии потребительской социализации. Проживание в разных типах населенных пунктов практически не влияет на то, как рано ребенок осваивает данную практику. В данном случае серьезных расхождений не зафиксировано, поскольку в большом городе (столице области, края, республики), как и в небольшом городе и сельской местности наибольшее количество молодежи в детском возрасте первый раз пошли самостоятельно в магазин в 7 лет, а в городе-миллионнике больше тех, кто освоил эту практику впервые в 10 лет.

Мнение ребенка при покупке одежды также учитывалось в основном на аналитической стадии, в основном в возрасте 10 лет у 15% опрошенных,

по 12% ответили, что это произошло в 7 и в 12 лет, соответственно. Что касается различий по населенным пунктам, то в большом городе и городе - миллионнике большинство выбрали возраст 7 лет, для небольшого города и сельской местности одинаковое количество респондентов выбрали 7 лет и 14 лет.

Следующая стадия потребительской социализации - рефлексивная (формально-операционная в возрасте 12-15). На этой стадии развития дети приобретают способность понимать сложные социальные контексты и смыслы, связанные с потреблением. Дети уже имеют более значимые финансовые ресурсы и способности принимать решения по широкому спектру продуктов. Многие из детей этого возраста влияют на родительские покупки, но в большинстве случаев уже самостоятельно осуществляют свои.

Участие детей в покупке крупных вещей для дома, как правило, отодвигается на более поздний период. Большинство респондентов уверяют, что до сих пор не участвуют в этом процессе (20 %). Из тех, чье мнение учитывалось, чаще всего указывали возраст 14 лет на рефлексивной стадии социализации. В этом же возрасте многие участники опроса заработали свои первые деньги (22 %) из них 48 % - жители большого города.

В результате проведенного анализа выяснилось, что потребительское поведение детей, в первую очередь, зависит от возрастных особенностей, а не от места проживания. Рассмотренные стадии потребительской социализации прослеживаются в ответах респондентов, хотя и встречаются некоторые отклонения от разработанных периодов их прохождения. В силу особенностей социально-экономической ситуации в стране некоторые типичные для современных детей практики [7] осуществлялись детьми, родившимися в 2000-е г., значительно позже, а некоторые еще не были осуществлены.

Библиографический список:

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
2. Ребзуев Б.Г., Савельева А.А. Потребительское поведение подростков // Вопросы психологии. №2, 2006. С. 138-147.
3. Бесчастная А.А. Особенности жизни детей в условиях современных российских городов: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.04 / Бесчастная Альбина Альбертовна. Саранск. 2016. 391 с.
4. Щеглова С.Н., Васильева Н.В., Кочнев С.В. Права ребенка на защиту от экономической эксплуатации: социологический анализ. М.: Социум, 2001. 84с.
5. Митрофанова С.Ю. // Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: коллективная монография / научн. ред. С.Н.Майорова-Щеглова – М.: РОС, 2017. – С. с.1 CD ROM.
6. Колосова Е.А. Потребительская социализация детей: подходы и практики // Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые

теории, явления и понятия: коллективная монография / научн. ред. С.Н.Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2017. С. 1 CD ROM.

7. Губанова А.Ю. Электронный контент для детей: риски или новые возможности // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 2 (4). С. 92-98.

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО КАРТИРОВАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Костина Е.Ю., кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия)
E-mail: kostina.eyu@dvfu.ru

Аннотация: Анализируются возможности использования метода социального картирования в делах диагностики социального благополучия населения в социально-территориальных пространствах. В статье определяется сущность основных подходов социального картирования (социально-статистический, социально-антропологический, социально-сетевой и проектный), которые могут применяться в исследовании социального благополучия населения.

Ключевые слова: картирование, социальное картирование, социальное благополучие, карты, объективные методы, социально-территориальное пространство

Abstract: The possibilities of using the method of social mapping in cases of diagnosing the social well-being of the population in social and territorial spaces are analyzed. The essence of the main approaches of social mapping (social-statistical, social-anthropological, social-network and project), which can be applied in the study of the social well-being of the population, is determined in the article.

Keywords: mapping, social mapping, social well-being, maps, objective methods, socio-territorial space

Создание карт сегодня активно используется во всех областях научного знания, так как данный метод позволяет визуализировать собранные данные. В социальных науках данный метод также стали активно использовать в настоящее время, так как при помощи карт можно диагностировать объективно существующие и субъективно воспринимаемые социальные проблемы свойственные для данной территории, выбрать и разработать инструментарий воздействия на нее, а также привлечь субъектов, оказывающих влияние на развитие, к согласованным действиям. Процесс картирования – это не только процедура отображения карты, как верно отмечает И.А. Скалабан, но и все что связано с этим: понимание потребностей

использования карты, ее топографии, закладываемых значений, форм и границ, планирование работ, сбор информации и достижение соглашений [7, 2012 с. 63-64]. Соответственно любая созданная исследователем карта должна соответствовать требованиям к ее визуализации, сформулированными К. Линчем [4, С.21]:

- быть читаемой, чтобы экономить интеллектуальные усилия;
- надежной, то есть содержать некоторую избыточность «ключей», чтобы облегчить различие действия и свести к минимуму риск ошибки;
- обладать открытостью, способностью вместить в себя изменения, давая возможность продолжать исследование и упорядочивая действительность.

Составление карты не только служит источником информации, но и стимулирует социальное воображение (респондентов и исследователей) и служит основой социального конструирования реальности. Таким образом, предметом анализа исследователя может выступать: сама карта, процесс ее построения, порядок нанесения информации, коммуникации в процессе ее построения и т.д.

Н.Б. Барбаш и А.Ю. Крючков определяют социальное картографирование – как создание карт социальных явлений и процессов, притекающих в любой территориально-поселенческой общности [1, с.115]. По мнению А.В. Стрельниковой, картографирование социальных проблем позволяет увидеть, как социальные отношения материализуются в физическом пространстве [8, с. 214], таким образом, в наглядной картографической форме можно представить социальные явления и процессы, существующие в данной территории. При помощи социального картирования можно визуализировать многие социальные явления и процессы, например, социальное благополучие и качество жизни населения.

Социальное благополучие оценивается нами, как многофакторный конструкт, представляющий взаимосвязь социальных, психологических, культурных, физиологических, экономических и духовных факторов, которые позволяют человеку успешно физически, психически, социально и экономически функционировать в обществе [3, с. 93]. Е.А. Попов определяет благополучие как пространство существования человека, которое в большей степени обусловлено вполне реальными показателями экономического и социального общественного развития [5, с. 17], соответственно, это пространство можно перенести на карту, отобразив на ней важные для исследуемой проблемы индикаторы.

И.А. Скалабан предлагает выделять четыре подхода в социальном картировании: социально-статистический, социально-антропологический, социально-сетевой и проектный [7, с. 67]. На наш взгляд, все они могут быть применены в исследовании социального благополучия населения определенного социально-территориального пространства. Так, социально-статистический подход, активно используемый в экономической и социальной географии, позволяет представить количественные данные офици-

альной статистики с учетом пространственных границ распространенности того или иного социального явления.

Данный подход также позволяет создавать комплект карт или «многослойные» карты, позволяющие отразить многофакторный анализ какого либо социального явления, в данном случае, социального благополучия. Анализ исследований в области социального благополучия показывает, что количество социальных индикаторов, которые позволяют человеку оценить своё благополучие не особенно велико, а их основная роль заключается в обеспечении для человека возможности быть активным, здоровым и эффективным. Социальные индикаторы служат источником достоверного знания о реальном положении населения, содержании и динамике социальных процессов [2, 63]. К основным объективным индикаторам социального благополучия населения можно отнести: социально-экономические (уровень бедности, уровень доходов на душу населения, уровень безработицы) и социально-демографические индикаторы (общий коэффициент смертности, рождаемости, коэффициенты смертности от внешних причин (самоубийств/ убийства), продолжительность жизни) [3, с. 94]. Данные, характеризующие эти индикаторы на различных социально-территориальных пространствах, можно получить из данных официальной статистики и нанести на социальные карты.

Стоит отметить, что предметом социального картирования могут выступать и субъективные оценки населением своего социального благополучия, собранные в результате развернутых глубинных интервью. Социально-антропологический подход базируется на изучении повседневных практик в определенном социально-территориальном пространстве и предполагает построение ментальных карт для его отражения. Данный подход позволяет выделить места в пространстве проживания, которые в представлениях и отношениях жителей оцениваются как безопасные, приятные, благополучные или наоборот, опасные, неприятные, неблагополучные. Данный подход позволяет работать над составлением карт как индивидуально, так и в группах, что позволяет организовать социальную дискуссию и выявить проблемы организации и качества жизни в данном социально-территориальном пространстве. Данный подход представляет особую значимость в вопросах городского планирования, которое должно ориентироваться на потребности и повседневные практики людей.

Особый интерес представляет сетевой подход в картировании, так как он позволяет отойти от географического пространства и визуализировать социальные связи людей, а именно они и лежат в основе социального благополучия человека. Ведь именно они составляют основу его социального капитала, который позволит реализовать себя и добиться желаемого социального положения или получить поддержку в трудную минуту. Составление карты социальных сетей конкретного человека позволит оценить на основе силы и числа социальных связей его психологическое и социальное благополучие.

Проектный подход в социальном картировании во многом является методом, позволяющим выявить проблемы и потребности жителей данной территории, а также имеющиеся ресурсы, которые можно привлечь для их решения. Использование данного проекта во многом вызвано распространением проектно-целевого подхода в современной российской социальной политике, позволяющего планировать и оценивать ее эффективность. Большим достоинством данного подхода в картировании является то, что он позволяет получить «вид снизу», то есть выявить проблемы, которые реально стоят перед людьми, а не их оценку сверху. Проектный подход в социальном картировании позволяет не только выявить проблемы и препятствия, но и имеющиеся ресурсы, а, самое главное, привлечь население к деятельности по изменению и развитию пространства [6].

Реализация картирования социального благополучия населения, проживающего в различных социально-территориальных пространствах, дает исследователю ряд возможностей в изучении и разработке технологий управления данным социальным конструктом. А использование данного метода на протяжении нескольких лет позволит увидеть изменения основных индикаторов социального благополучия на конкретной территории.

Библиографический список:

1. Барбаш Н.Б., Крючков Ю.А. Социальное картографирование как способ пространственной организации данных о социально-территориальной дифференциации состава и качества жизни населения // Прогнозные социальные проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М.: Наука, 1994. С. 115-129.
2. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социальное благополучие жителей дальневосточного региона России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016, № 2 (36), С. 61-71.
3. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социальные индикаторы благополучия человека в современном российском обществе // Социосфера. 2015. №3, С. 93-97.
4. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
5. Попов Е.А. Социальное благополучие человека с научным дискурсом // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2010. №2, С.16-23.
6. Ракитина Н.Э., Филипова А.Г. Городская «доброжелательность» к детям: от неравенства к соучаствующему проектированию городской среды (на материалах городов юга Дальнего Востока). Монография. Владивосток: издательство Дальневосточного университета. 2017. 188 с.
7. Скалабан И.А. Социальное картирование как метод анализа социально-территориального пространства // Журнал исследований социальной политики. 2012. Том 10, №1, С. 61-78.
8. Стрельникова А.В. Социальное картографирование: Эволюция метода // Вестник РГГУ. 2013. №2 (103). С. 210-217.

ИНКЛЮЗИВНЫЕ ДЕТСКИЕ ПЛОЩАДКИ

Кравченко К.С., студент, ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет (г. Комсомольск-на-Амуре, Россия)

E-mail: kravchenko.ks98@mail.ru

Высоцкая А.В., и.о. зав.кафедрой Информационные системы, ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет

(г. Комсомольск-на-Амуре, Россия)

E-mail: al-w-buaa@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос создания специализированных детских площадок для детей с ограниченными возможностями здоровья. Анализируются социальные требования, функционально-планировочные решения, а также эргономические стандарты инклюзивных детских площадок.

Ключевые слова: инклюзивные площадки, дети с ограниченными возможностями, городская среда

Abstract. The article discusses the need to open children's playgrounds for children with disabilities. The issue of social requirements, a functional-planning solution, as well as ergonomic standards of inclusive children's playgrounds

Keywords: inclusive sites, children with disabilities, city environment

Создание инклюзивных площадок — часть концепции реализации безбарьерной среды. Эти площадки специально адаптированы для детей с разными возможностями здоровья. Они призваны помочь играть всем детям вне зависимости от их физических ограничений.

В настоящее время в России насчитывается около 655 тыс. детей-инвалидов, что составляет 2 % детско-подросткового населения. По данным федеральной службы государственной статистики (рисунок 1), за прошедшие пять лет численность детей-инвалидов увеличилась более чем на 15 %, и в ближайшее десятилетие Россию ожидает увеличение численности детей с ограниченными физическими возможностями [1,2].

Долевое распределение численности детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, получающих социальные пенсии по субъектам Российской Федерации на 01 января 2018 года по федеральным округам Российской Федерации представлено на рисунке 2.

Именно поэтому в Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 30.11.2010 особое место отведено проблеме помощи, реабилитации и создания полноценных условий для активной жизни детей-инвалидов. Из-за проблем со здоровьем они многого лишены, поскольку в этом мире почти всё создаётся здоровыми людьми и для здоровых людей.

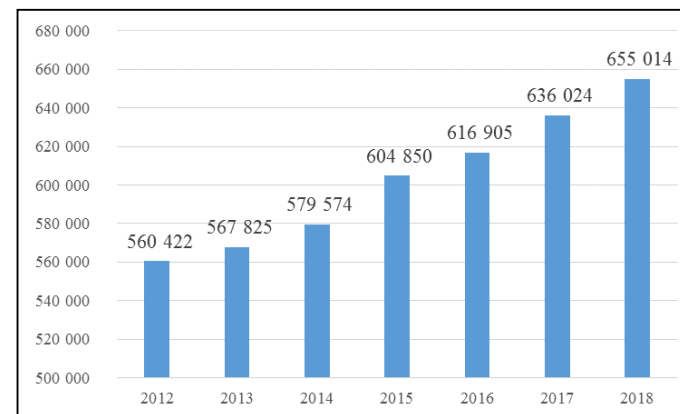

Рис. 1 - Численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, получающих социальные пенсии, чел.

Период индивидуально-личностного роста является особенно важным, поскольку именно в это время происходит формирование основных качеств, умений, знаний и навыков, а также способностей будущего взрослого человека. Развитие потенциала у ребенка происходит в игровой форме и в игровом пространстве, чем и являются детские игровые площадки. Однако в большинстве городов России отсутствует комфортная среда для детей с ограниченными возможностями, соответствующая требованиям и потребностям детей-инвалидов.

«В России инвалидов исключают из общественной жизни, не воспринимают как полноценных людей. В то время как общение со здоровыми детьми является одной из ключевых составляющих реабилитации детей-инвалидов и важным показателем здорового общества» [3]. По словам инициатора программы «Играем вместе» Л. Деревянко, «Создать доступную, адаптированную среду для таких детей не сложно. Игровые элементы на детских площадках позволят детям с ограниченными физическими возможностями влиться в социум. Качели, горки и карусели дадут возможность им играть вместе с обычными ребятами» [4].

Первые игровые площадки, адаптированные для детей-инвалидов, появились в городе Сочи в 2014 году и далее в Москве, Омске, Чите, Новосибирске, Волгограде и Владивостоке. «Многоместные качели, качели-глайдер, специальные экскаваторы, двойная горка, стол с песочницей, сайкл-тренажер оборудованы таким образом, что ими могут пользоваться все дети без исключения. На качалках можно установить и безопасно закрепить инвалидное кресло; горки и другие игровые элементы оборудованы специальными опорами и поддержками; стол-песочница расположен на высоте, позволяющей играть ребенку в коляске или ходунках». Все игровые элементы площадки (лестницы, горки, мосты, интерактивные панели) предназначены для развития вестибулярного и слухового аппаратов, коор-

динации движений и тактильных чувств и нужны для того, чтобы дети с любыми возможностями здоровья могли активно проводить время вместе, учиться и расти. [5].

На данный момент наличие оборудованных детских площадок в больших городах России ограничено, они находятся либо в специально подготовленных помещениях (санаториях, больницах) для детей-инвалидов, либо в коммерческих детских садах. Из этого следует вывод, что семьи, в которых есть дети-инвалиды, лишены возможности помочь своему ребенку социализироваться и чувствовать себя обычным ребенком, ведь общение детей происходит во время совместной деятельности, а также через игру.

Установка детских игровых площадок для детей-инвалидов – не простое дело, которое требует больших усилий, как физических, так и материальных. Инклюзивные площадки должны соответствовать нескольким требованиям, таким как:

- использование безопасных материалов;
- наличие специального покрытия, широких лестниц, удобных сидений для максимального комфорта во время игры;
- наличие игровых элементов со специальными опорами и поддержками;
- наличие подъездных рамп для инвалидных колясок;
- наличие возможности закрепления инвалидных кресел на всех качелях;
- особая высота элементов, позволяющая играть ребенку в коляске или на ходунках.

Массовое открытие площадок для детей с ограниченными возможностями позволит детям не только укрепить физическое и нервно-психическое здоровье, но и поможет снизить эмоциональное напряжение, улучшит самочувствие, научит комфортно чувствовать себя в непривычной обстановке.

Библиографический список:

1. Заседание Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей // Официальный сайт администрации Президента России URL: Режим доступа: <https://tiam.ru/article/174593/chislo-detej-invalidov-v-rt-uvelichilos-na-10-za-poslednie-5-let.x1?mTitle=&mDesc=&mImg=> (дата обращения: 12.04.2018).

2. Официальный сайт Федеральной службы статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.04.2018).

3. На игровую площадку для детей-инвалидов в Ростове средства соберут всем миром // Официальный сайт православного портала благотворительности «Милосердие.ru» URL: Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/news/na-igrovuyu-ploshhadku-dlya-detej-invalidov-v-rostove-sredstva-soberut-vsem-mirom/> (дата обращения 12.04.2018).

4. Для инвалидов должны появиться детские площадки в Одинцовском районе // Негасимый интернет-портал «Одинцово.инфо» URL: Режим доступа: <http://www.odintsovo.info/news/?id=46423> (дата обращения 12.04.2018).

5. В Москве откроется первая площадка для детей с ограниченными возможностями // Официальный сайт Информационного агентства России URL: <http://tass.ru/obschestvo/3658975> <http://tass.ru/obschestvo/3658975> (дата обращения 12.04.2018).

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Крикунова Ю.А., кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология», Тольяттинский государственный университет (г. Тольятти, Россия).

E-mail: julialeo@yandex.ru

Шалова Е.М., студент, Тольяттинский государственный университет (г. Тольятти, Россия).

E-mail: Shh.8@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринят анализ результатов социологического исследования по проблеме отношения родителей к феномену потребления детских товаров, рекламе и брендам.

Ключевые слова: детство, родители, потребление, реклама, бренд.

Abstract. The article analyzes the results of sociological research on the problem of parents' attitude to the phenomenon of consumption of children's goods, advertising and brands.

Keywords: childhood, parents, consumption, advertising, brand.

Начнем с того, что коллективом авторов в феврале-марте 2018 года проведено анкетирование родителей и старшего поколения г.о.Тольятти, имеющих и воспитывающих детей до 12 лет относительно отношения их современному детству, потреблению детских товаров, рекламе, брендам и детскому досугу.

К рекламе детских товаров родители и старшее поколение (бабушки и дедушки) относятся преимущественно нейтрально: по результатам исследования чуть менее трети респондентов (31 %) отмечают, что реклама не имеет для них особого значения, так как качественные товары для детей не нуждаются в рекламе. При этом 23 % опрошенных уверены в том, что реклама необходима потому, что родителям необходимо знать о появлении новой продукции для детей.

В опросе приняли участие и те, кто признается в том, что «иногда я и мой ребенок поддаемся ей и выбираем то, что нам понравилось, а не то,

что нужнее, качественнее, выгоднее» (12 %). И лишь один процент опрошенных прямо заявляет о своей слабости перед воздействием рекламы: «мой ребенок обожает рекламу, он воспринимает ее как приказ к действию, и я вынужден(-а) купить то, что он хочет». Немаловажен тот факт, что треть опрошенных нами респондентов (33 %) отмечают навязчивость рекламы и заявляют о своем умении не обращать внимание на маркетинговые уловки. Уместно здесь привести высказывание Ж. Бодрийяра: «огромное большинство рекламных сообщений никогда не доходит по назначению, тем, кому они направлены, уже безразлично их содержание, преломляющееся теперь в пустоте, ...людей интересует только медиум – носители посланий, выступающие эффектами среды, эффектами, движение которых выливается в завораживающий спектакль» [1; 42-43].

Между тем, интересные данные по потребительской социализации представлены в статье Дж. Риддера. Согласно автору, дети являются важным звеном в системе потребления общества: «В США дети в возрасте от 4 до 12 лет совершают прямые покупки в размере \$ 24 млрд. долларов и оказывают влияние на семейные покупки в размере 188 млрд. долларов» [2; 207].

Безусловно, численность российского населения и покупательские способности россиян, в частности детей, не сопоставимы с возможностями граждан США, но, по результатам нашего исследования, чуть более половины опрошенных (52 %) заявляют о том, что дети принимают активное участие в формировании своего гардероба (одежды, обуви). Кроме того, половина респондентов учитывает мнение детей при покупке игрушек и развивающих игр. 44 % анкетированных отметили, что дети принимают участие в покупке продуктов питания, в частности, сладостей. Позволим себе заметить, что «весьма полезные для здоровья» товары из последней категории располагаются на полках магазинов так, чтобы их смог взять и ребенок, уже умеющий ходить или сидящий в коляске.

Треть респондентов доверяют детям влиять на процесс приобретения детских книг, журналов и канцелярских принадлежностей. Безусловно, приобрести спортивный инвентарь без непосредственного участия ребенка невозможно: так считают 25 % респондентов. Товары для творчества приобретают вместе с детьми 22 % опрошенных. Мебель в детскую комнату и предметы быта выбирают вместе с детьми только 6 % респондентов. При этом 9 % респондентов уверены в том, воспитанию их чада вредит посещение магазинов, в связи с чем они не берут его с собой в торговые центры.

Обратимся к анализу домашнего пространства современных детей. Безусловно, возможности крупнейшего города России, каковым является город Тольятти, в части обеспечения товарами для организации и обустройства детских комнат, вполне разнообразные и позволяют удовлетворить вкусы всех категорий населения. Однако половина респондентов твердо заявляют: «у ребенка есть достаточный набор предметов для жизни, и я не вижу необходимости окружать его комфортом, шиком и гламуром».

40 % респондентов отметили, что детская комната – это пространство, где ребенок может оптимально развиваться: есть спортивный уголок, место для творчества и выполнения заданий, место для отдыха и сна. Оставшаяся часть опрошенных (10 %) отметили, что детская комната их чада – это «отлично спланированный и воплощенный проект красоты, эстетики и модных тенденций дизайна». Таким образом, подавляющее большинство респондентов достаточно «спокойно», без фанатизма относятся к обустройству детского пространства в квартире, возможно, это обусловлено немалой стоимостью соответствующей продукции и скромными финансовыми возможностями самих тольяттинских семей.

Далее нас очень интересовало мнение родителей и старшего поколения о том, как они относятся к тому, что «родители выбирают для ребенка вещь, которая имеет высокую цену и относится к «брендовым». И так, немалая часть респондентов весьма позитивно относится к таким фактам. В частности, 34 % опрошенных не боятся покупать ребенку дорогостоящие вещи и думают, что при условии адекватного всестороннего воспитания ребенка, он не вырастет «шопоголиком». Четверть опрошенных уверены в том, что это объясняется тем, что родители любят своего ребенка и хотят ему самого лучшего, а поскольку могут себе это позволить, то покупают. 13 % считают, что поскольку хорошая, качественная вещь в наше время не может стоить дешево, то просто нет другого выхода, как купить «брендовую».

При этом в опросе приняли участие и те, кто несколько негативно настроены в отношении такого потребительского поведения. Так, 17 % респондентов считают, что родители, выбирающие ребенку дорогую вещь известного бренда, этим только стремятся продемонстрировать обществу свою состоятельность, статус, материальное положение. 11 % респондентов уверены в том, что «дети, чьи родители, гоняются за брендами, растут избалованными потребителями, озабоченными только этим». С точки зрения ряда ученых (Ж.Бодрийяр и пр.): вещь – это, прежде всего, знак, символ, и это значит, что посредством потребления мы можем казаться теми (представителями более привилегированного социального класса и пр.), кем хотим казаться, а не быть. С нашей точки зрения, возвращаясь к детям, чье положение в обществе весьма маргинально, возможно стоит учитывать их временное пребывание в данном статусе и, следовательно, относиться к вещи как к вещи. То есть выбирать вещь для ребенка (к примеру, одежду), учитывая в первую очередь не критерии «гламура» или определенного стиля, а критерии свободы передвижения, удобства, лаконичности и простоты.

Примечательно, что, давая характеристику гардеробу ребенка, 42 % респондентов отметили, что «мы не гонимся за брендами и покупаем ребенку новые вещи, исходя из соотношения цена/качество». 20 % опрошенных утверждают, что «одежда нашего ребенка практичная и удобная, не стесняет движения и «не кричит», спокойных тонов». 13 % респондентов

ответили, что гардероб ребенка состоит из вещей, которые достались по «наследству» от родных и друзей, но изредка приходится что-то докупать.

10 % родителей самостоятельно формируют гардероб ребенка и предпочитают только знаменитые бренды. 8 % респондентов заявили, что «нам дарят родственники совершенно новую одежду и обувь, и мы довольствуемся тем, что есть». Возможно, здесь речь идет о представителях старшего поколения, которые считают своим долгом помогать молодым семьям обеспечивать и воспитывать детей. 4 % респондентов покупают только те продукты/вещи, которые не видели в рекламе. И 3 % опрошенных родителей все необходимое приобретают на специальных сайтах, где продают вещи, бывшие в употреблении (б/у): «ребенок растет, и я не вижу смысла тратить много денег на это».

Далее нас интересовали ответы респондентов на вопрос: «Придаете ли Вы значение тому, что другие люди смотрят и оценивают внешний вид Вашего ребенка?». 41 % респондентов ответили утвердительно: «Стараемся одевать ребенка модно, со вкусом, пусть не очень дорого, но нам важно, чтобы у ребенка не образовался комплекс неполноценности, ведь многие дети в наше время очень хорошо одеты». Чуть менее четверти опрошенных (23 %) ответили, что им неприятно, когда их ребенок, будучи в обществе, был неряшлив, грязен, хуже всех одет. 13 % анкетированных нравится видеть восхищенные и заинтересованные взгляды на их ребенка. Другие 13 % респондентов замечают взгляды оценивающих вид их ребенка людей, но стараются к этому относиться спокойно. И 10 % респондентов не обращают на такие взгляды никакого внимания.

Итак, подведем итоги. По результатам исследования была выявлена некая группа родителей, насчитывающая около 13 %, четко определяемая как «лояльные к брендам», испытывающие удовольствие от рекламы и потребления, не чуждые понятиям шика, гламура, красоты и комфорта. При этом, две другие группы родителей можно условно обозначить как «ситуативно положительно настроенные» (таковых примерно 72 %) и «отрицательно настроенные» (15 %) к рекламе, брендам и демонстративному потреблению.

Библиографический список:

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, 2000. 95 с.
2. Deborah Roedder J. Consumer Socialization of Children: A Retrospective Look At Twenty Five Years of Research // Journal of Consumer Research. Vol. 26, No. 3 (December 1999), pp. 183-213.

ДЕТИ-МИГРАНТЫ, ДЕТИ МИГРАНТОВ, ДЕТИ VS МИГРАНТЫ? НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕТСТВА И МИГРАЦИЙ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ
в рамках проекта № 17-27-10001

Купряшкин И.В., кандидат философских наук, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).
E-mail: kupryashkin.iv@dvfu.ru

Аннотация: Автор формулирует возможные направления научных поисков, возникающих на перекрестке исследований международных миграций и исследований детства. В качестве рамки намеренно используются ограничения языка понятиями «дети» и «мигранты».

Ключевые слова: Миграции, детство, международные мигранты, дети-мигранты, дети мигрантов, беженцы.

Abstract. The author formulates possible directions of scientific research that arise at the crossroads of international migration studies and childhood studies. The limitations of the language are intentionally used by the concepts «children» and «migrants».

Keywords: Migrations, childhood, international migrants, migrant children, children of migrants, refugees.

Не претендуя на авторитетное мнение в социологических исследованиях детства или миграций, попробуем с высоты птичьего полета определить несколько возможных направлений научного поиска, возникающих при взаимном движении навстречу. Разговоры о мигрантах, как и о детях, часто начинаются с цифр. Мы обратимся к количественным данным чуть ниже, а здесь отметим рамки текста. Первым ограничением для нас будет формат тезисов. Вторым – намеренная в данном случае «тюрьма языка», где в нашем распоряжении лишь «дети» и «мигранты». В качестве предположения представим следующие варианты: «дети-мигранты», «дети мигрантов» и «дети vs мигранты». Первое направление включает исследования мигрантов, не достигших совершеннолетия, которые могут перемещаться со взрослыми членами семьи или являться несопровождаемыми. Дети мигрантов разных поколений, остающиеся в принявшей стране, мигрирующие дальше или возвращающиеся в страну исхода, а также остающиеся родителями дома - исследуются в работах, отнесенных нами ко второй группе. «Дети vs мигранты» - может быть общим заголовком к работам, посвященным взаимоотношениям мигрантов и принимающего сообщества, в частности – распространенному дискурсу детской безопасности в условиях неконтролируемой миграции и криминальной деятельности мигрантов. Вдобавок, последним часто приписывается характеристика нелегалов. Стоит сразу отметить, академические исследования в этом

направлении отличаются от публикаций в СМИ и все чаще разоблачают миф о мигранте-злодее.

Дети-мигранты.

Предполагается, что существенная часть из 65 миллионов человек, покинувших родину в 2015 г., были детьми, столкнувшимися с серьезными препятствиями и опасностями в пути [1].

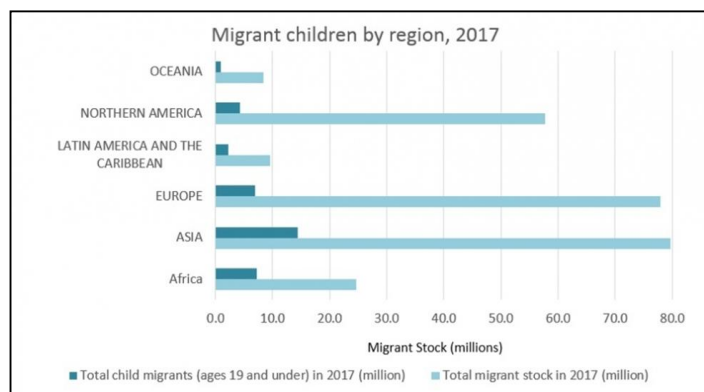

Рис. 1 - Несовершеннолетние среди мигрантов [2]

В отчете ООН 2016 г. впервые были представлены глобальные данные о детях-мигрантах и опасностях, с которыми они сталкиваются в пути [3, с.3]. По состоянию на 2017 год, 30 миллионов детей жили за пределами своей страны рождения по целому ряду причин, включая присоединение к членам семьи, преследование возможностей получения образования или бегство от конфликта, насилия или преследования [4]. В Европе эксперты насчитывают 5,4 млн. детей-мигрантов. Около 7 % из них – внутренние мигранты региона. Отмечается, что каждый четвертый из просителей убежища в ЕС в 2015 г. был ребенком [5]. Число детей, перемещающихся самостоятельно, растет, потому исследователи отдельно отмечают трудности несопровождаемых детей-мигрантов [6]. По данным Евростата, число несопровождаемых несовершеннолетних среди просителей убежища в Европе увеличилось с 10 610 человек в 2010 г. до 95 208 человек в 2015 г., а затем уменьшилось до 63 280 человек в 2016 г. В 2017 г. несопровождаемые дети составляли 9 из 10 человек, прибывавших в Италию, (по другим данным 92 %, а в 2015 году их было 75 %) [7, с.2]. Число несопровождаемых и разлученных детей, ходатайствующих о предоставлении убежища, в странах, не входящих в Европейский союз, увеличилось с 4 000 человек в 2010 г. до 19 000 человек в 2015 г. На границе США - Мексика пограничным патрулем США (USBP) задержано около 69 000 несопровождаемых детей в 2014 г., 40 000 человек в 2015 г. и 60 000 человек в 2016 г. [8]. Не менее 300 000 несопровождаемых детей-мигрантов было зафиксировано в 80 странах в 2015-2016 годах. Это почти в 5 раз больше, чем в 2010-2011 гг.

(66 000). Эксперты уверены, что общее количество несопровождаемых и разделенных уже в пути детей-мигрантов по всему миру, намного выше. Более трех четвертей из 1600 детей в возрасте 14-17 лет, прибывших в Италию по Средиземному морю, стали жертвами торговли людьми или эксплуатировались иначе [9]. В Европе дети-мигранты сталкиваются с множеством проблем [10, с.5]: доступ к образованию, к процедурам предоставления убежища, с назначением опекунов для несопровождаемых или воссоединением семей. Серьезной критике подвергаются методы оценки возраста. Например, детям не верят относительно их возраста, а процедуры оценки возраста часто состоят исключительно из медицинских осмотров.

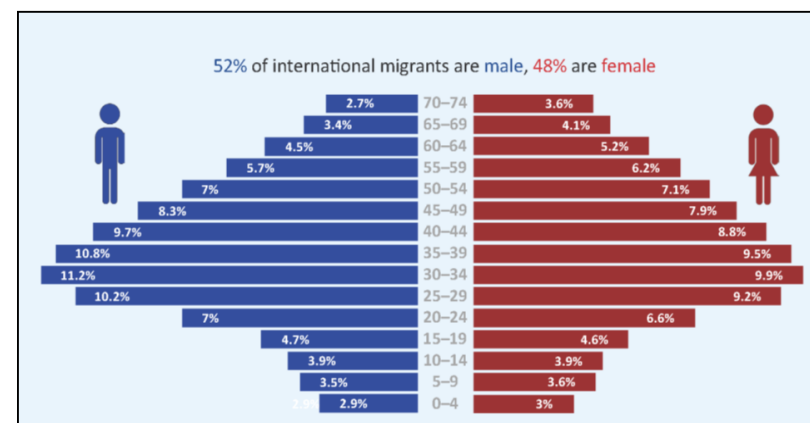

Рис. 2 - Половозрастная характеристика мигрантов [11]

В 2018 г. опубликованы обновленные сведения о масштабах проблем детских перемещений [12]: в мире 1 из 80 детей живет в условиях принудительного перемещения. В 2014 году 28 % всех выявленных жертв торговли людьми были детьми. В мире с 2014 года было зарегистрировано более 26 000 случаев смерти мигрантов. Дети-беженцы в пять раз чаще не посещают школу, чем другие. Только 50 % детей-беженцев зачисляются в начальную школу и менее 25 % подростков в среднюю школу. Только в африканских странах ежедневно перемещаются 15 000 детей. Проблемы доступа детей-мигрантов к образованию и реализация прав ребенка в африканских странах часто становятся предметом беспокойства. Некоторые даже подчеркивают, что европейское представление о детях-мигрантах, используемое во всем мире, расходится с реальным повседневным опытом детей-мигрантов африканского континента [13]. Таким образом, на вопрос «Есть ли у детства география?» можно дать положительный ответ. А на вопрос «Детство – и в Африке детство?» - ответ будет отрицательным. В Восточной Азии Внутренние вооруженные конфликты и межнациональные конфликты, особенно в Мьянме и на Филиппинах, привели к внутреннему и трансграничному перемещению и массовой миграции 1 млн чело-

век, более 55 % из которых являются детьми и подростками [14]. Дети-мигранты и дети-беженцы хоть и относятся к разным группам перемещающихся детей, но они часто испытывают похожие проблемы. В целом, средний возраст беженцев намного ниже, чем возраст мигрантов. Хотя явное большинство мигрантов в мире составляют взрослые, в настоящее время дети составляют половину всех беженцев [15, с.2].

Дети мигрантов.

Один из наиболее известных российских исследователей миграции В.С. Малахов подчеркивает сложности комплексного процесса интеграции. По его мнению, с которым мы согласны, необходим учет четырех аспектов интеграции: социально-экономического, политико-правового, социокультурного и социально-психологического. При этом главным являются условия труда и жилья, а также правовой статус мигрантов [16, с.21]. Ряд исследований миграции посвящен «транснациональным семьям», т.е. вопросам устойчивости и гибкости семьи в борьбе со структурными изменениями, вызванными миграциями во все более глобальном мире [17, с.1]. Результаты исследования в Таиланде показали, что решающим фактором для раннего детства является присутствие матери в семье. Дети, неразлученные с матерью были менее подвержены риску проблем развития. При этом отсутствие отца не играет такой негативной роли. Авторами поднимается проблема большого числа детей, живущих отдельно от матерей, а также долгосрочных эффектов родительской миграции для этого поколения тайских детей [18]. Исследователи часто разоблачают расхожие неверные социальные представления. Например, подтверждено, что, когда мигранты интегрируются в принимающих странах, нормы их рождаемости воспроизводят таковые у коренного населения и первоначальные различия в моделях рождаемости становятся незначительными [19]. Дети мигрантов более подвержены рискам здоровья. Из-за правовой уязвимости незаконных мигрантов и невозможности зарегистрировать рожденных детей, современный мир сталкивается с проблемой появления целого поколения без гражданства [20]. Борьба с дискриминацией мигрантов и их детей составляет сегодня важную задачу для социальных исследований и социальной политики с точки зрения достижения социальной справедливости. В этом состоит ключевой аспект интеграции последующих поколений мигрантов и будущего принимающих и направляющих стран [21, с.13].

Дети vs мигранты.

Мигрантов часто представляют как инородное тело в организме местного общества. Этнические преступные группы молодежи угрожают общественной гармонии, по мнению обывателей. Однако вопреки подобной точке зрения, молодые потомки мигрантов в Европе, в основном мусульмане или выходцы из Африки, не стремятся сохранять культурную или правовую дистанцию. Они хотят стать частью общества, которое все еще отрицает их основные права [22]. Отсюда следует, что протесты молодежи с окраин европейских городов необходимо трактовать прямо противоположным образом. Мы наблюдаем протесты против невозможности

интеграции, а не стремление обособиться. Криминализация миграции, впрочем, представляет серьезную проблему в теории и на практике. Эксперты озадачены не только профилактикой правонарушений, но и общими вопросами последствий криминализации миграции для прав человека [23, с.2-3]. Известно, что рост преступности и этнокультурных конфликтов граждане России в последнее время склонны связывать с трудовыми мигрантами из Центральной Азии, наводнившими регионы страны. Цифры не подтверждают эти представления. Например, когда иммиграция в 2015 г. достигла своего максимума с середины 1990-х гг.: около 600 000 человек (рост на 3 % по сравнению с 2014 г.), то 194 000 или 32 % были из Украины, что на 53 % больше, чем в 2014 г.; выходцев из Узбекистана было 74 000 человек, что на 47 % меньше, чем в 2014 г.; приезжих из Казахстана было 66 000 человек, Таджикистана - 47 000 чел., Армении - 46 000 чел. [24, с.7]. Преувеличением являются также рассказы о «злоупотреблениях» мигрантами социальными пособиями как угрозе устойчивости программ социального обеспечения. В таком ключе оправдывается сокращение социальных расходов многими европейскими правительствами [25, с.13]. Обсуждения миграции сопровождаются бурными эмоциями, непроверенными суждениями и откровенными мифами. В настоящее время за рубежом и в России, ученые стремятся если не полностью разрушить, то серьезно поколебать эти заблуждения [26].

Разумеется, границы между озвученными направлениями научных поисков, обнаруженных нами на перекрестке исследований детства и миграций довольно условны, а проблемы взаимосвязаны. Помимо прочего в качестве дополнения отметим еще два момента для дальнейшей работы, которые также фиксируются с использованием отмеченного ранее языкового приема. Разного рода дискуссии о физиологических и социальных границах совершеннолетия, «онтологии детства», идущие сегодня, приводят нас к формулировке «миграция детства». Качественная сложность современных международных миграций как глобального явления мир-экономики требует отказаться от ориентации на исследование отдельных обществ и использования мир-системной парадигмы для понимания социальных изменений эпохи. Пока человечество не выработало общего понимания миграционных процессов, а степень мобильности в обществе только нарастает, ситуацию можно описать как «детство миграции».

Библиографический список:

1. Bandana Purkayastha, Migration, migrants, and human security // Current Sociology. 2018, Vol.66(2) p. 167–191. DOI: 10.1177/0011392117736302
2. International migrant stock by age and sex. UN DESA, 2017. Accessed 14 February 2018.
3. THE GROWING CRISIS FOR REFUGEE AND MIGRANT CHILDREN. 2016. United Nations Children's Fund (UNICEF). September 2016.

4. A call to action: Protecting children on the move starts with better data. United Nations Children's Fund (UNICEF). February 2018.

5. Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/policies/justice-and-fundamental-rights/rights-child/children-migration_en#childreninmigration

6. Mondli Hlatshwayo, Salim Vally, Violence, resilience and solidarity: The right to education for child migrants in South Africa // School Psychology International. 2014, Vol. 35(3) 266–279. DOI: 10.1177/0143034313511004

7. A child is a child: Protecting children on the move from violence, abuse and exploitation EMBARGOED UNTIL. Executive Summary. 17 May 2017.

8. Режим доступа: <https://migrationdataportal.org/themes/child-migrants-0>

9. A child is a child: Protecting children on the move from violence, abuse and exploitation EMBARGOED UNTIL. Executive Summary. 17 May 2017.

10. Migration to the EU: five persistent challenges. European Union Agency for Fundamental Rights, 2018. February 2018.

11. Миграция и мигранты: глобальный обзор, 2018. Режим доступа: <https://www.iom.int/world-migration-report-2018>.

12. CHILDREN ON THE MOVE: KEY FACTS & FIGURES. DATA BRIEF, United Nations Children's Fund (UNICEF), February 2018.

13. Ingrid Palmary, Stanford Mahati, Using Deconstructing Developmental Psychology to read child migrants to South Africa // Feminism & Psychology 2015, Vol. 25(3) 347–362. DOI: 10.1177/0959353514562806

14. East Asia and the Pacific including Papua New Guinea. Last updated: 26 April 2018. Режим доступа: <https://www.unicef.org/appeals/eapro.html>

15. THE GROWING CRISIS FOR REFUGEE AND MIGRANT CHILDREN. 2016. United Nations Children's Fund (UNICEF). September 2016.

16. Малахов, В.С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России: рабочая тетр. / [В.С. Малахов; гл. ред. И.С. Иванов]; [Российский совет по междунар. делам]. – М.: Спецкнига, 2014. – 24 с.

17. Transnational Labour Migration, Remittances and the Changing Family in Asia. Edited by Lan Anh Hoang And Brenda S. A. Yeoh, 2015.

18. Aree Jampaklay, Kerry Richter, Kanchana Tangchonlatip, Sutham Nanthamongkolchai, The impact of parental absence on early childhood development in the context of Thailand // Asian and Pacific Migration Journal 0(0) 1–22. DOI: 10.1177/0117196818767439

19. Alicia Adserà, Ana M. Ferrer, Wendy Sigle-Rushton, Ben Wilson, Fertility Patterns of Child Migrants: Age at Migration and Ancestry in Comparative Perspective // Annals 643, 160–189. September 2012. DOI: 10.1177/0002716212444706

20. Laura van Waas, The children of irregular migrants: a stateless generation? // Netherlands Quarterly of Human Rights, Vol. 25/3, 437–458, 2007.

21. Anna Zamora-Kapoor, Francisco Javier Moreno Fuentes & Martin Schain, Race and ethnicity in context: international migration, political mobilization, and the welfare state, Ethnic and Racial Studies, 2016. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1080/01419870.2016.1227078>

22. A. Sivanandan, A Suitable Enemy: Racism, Migration and Islamophobia in Europe. Ed. by Liz Fekete, 2009.

23. Valsamis Mitsilegas, The Criminalisation of Migration in Europe: Challenges for Human Rights and the Rule of Law, 2015. DOI 10.1007/978-3-319-12658-6

24. Olga Chudinovskikh, INTERNATIONAL MIGRATION REPORT 2016, OECD Continuous Reporting System on Migration.

25. Anna Zamora-Kapoor, Francisco Javier Moreno Fuentes & Martin Schain, Race and ethnicity in context: international migration, political mobilization, and the welfare state, Ethnic and Racial Studies, 2016. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1080/01419870.2016.1227078>

26. Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности: сб. науч. статей / под ред. В. С. Малахова, М. Е. Симона. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 336 с.

ПРОЕКТНАЯ РАБОТА СО ШКОЛЬНИКАМИ: СБОР ИНФОРМАЦИИ О ГОРОДЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ,
в рамках проекта № 18-511-00019 Бел_а

Купряшкина Е.А., аспирант, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

E-mail: zhenya.gorelowa@yandex.ru

Темин Д.В., студент, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

E-mail: temin.danya@mail.ru

Задорин А.С. студент, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

E-mail: jasonbor@yandex.ru

Научный руководитель: Филипова А.Г., доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: Метод проектов является не только способом обучения школьников, но также приемом сбора эмпирической информации и вовлечения детей и подростков в научно-исследовательскую деятельность. В статье представлены результаты работы со школьниками по проектированию своего места в городе.

Ключевые слова: город, подростки, метод проектов

Abstract. The project method is not only a way of teaching students, but also a method of collecting empirical information and involving children and adolescents in research activities. The article presents the results of working with schoolchildren to design their place in the city.

Keywords: city, teenagers, project method.

В основе метода проектов, ставшего популярным еще в XX в., лежит целесообразная деятельность ученика с учетом его личных интересов и целей, что и сегодня вызывает особый интерес как универсальная технология решения новых образовательных стратегий [1]. Проект понимают как технологию (Е.С. Полат), педагогическую, в том числе (И. Чечель); как метод обучения (А.Н. Щукин, Э.Г. Азимов); как способ организации самостоятельной деятельности обучающихся (З.Х. Ботаева) и др [2].

Проектное обучение – дидактическая система, педагогическая технология, которая предусматривает не только интеграцию имеющихся знаний, но и применение их в конкретных ситуациях, а также приобретение новых знаний [3]. Нами метод проектов интерпретируется не только как дидактический прием работы со школьниками, но и как метод сбора и первичной обработки эмпирической информации.

Рассматривая проект как исследовательский метод, мы выделяем следующие этапы работы: подготовительный этап (изучение социологической литературы, формулирование гипотез); полевой этап (сбор эмпирических данных с использованием методов анкетирования, интервьюирования, анализа фотографий, метода ментальных городских карт); этап конструирования (сбор и оформление идей от участников проектной группы); завершающий этап (графическое оформление идеи, подготовка презентации, обсуждение итогов).

В процессе работы со школьниками из Всероссийского детского центра «Океан» метод проектной работы был использован для сбора эмпирического материала, а также для конструирования своего места в городе для подростков. Необходимо заметить, что данное исследование является продолжением предыдущего, осуществленного на базе лицея ВГУЭС [4-5].

В работе проектной группы участвовали четыре подростка³: Иван, 16 лет, п. Марьяновка, Омская область; Оля, 16 лет, п. Омсукчан, Магаданская область; Света, с.Парабель, 15 лет, Томская область; Лена, 16 л., г. Чита, Забайкальский край.

Целью проектной работы стало конструирование «своего» места для подростков в городской/сельской среде.

Актуальность проектной работы определяется отсутствием в городах и, особенно, в поселках мест для свободного общения подростков:

«У нас нет особо мест, где посидеть, все, в основном, на стадионе... У нас есть кафе. Но там не интересно» (Света)

«когда большие морозы, у нас нет мест, где посидеть, какой-нибудь развлекательный комплекс... Мы дома сидим, у нас даже интернета нет, он очень слабый...максимум What's up, Вконтакте иногда загружается...» (Оля)

Это связано с тем, что места в городах проектируются взрослыми для взрослых и для детей и подростков, при этом архитекторы, ученые, политики не учитывают мнение самих детей и подростков. Однако различные правовые документы международного и российского уровней закрепляют принцип обращения к мнению ребенка: *«Ребенок имеет право на участие в принятии решений, затрагивающих его интересы»* (Конвенция ООН «О правах ребенка»); *«Необходимо внедрение социальных технологий для привлечения детей к участию в жизни местного сообщества, в рассмотрении и экспертизе решений, касающихся прав и интересов детей, на всех уровнях»* (Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-17 гг.).

Групповое интервью «Описание идеального места для подростков в своем населенном пункте» включало вопросы: Что это за место? Где оно находится? Что там есть? Что там можно делать?

Были получены следующие ответы:

- Аккуратный парк с лавочками. За чистотой наблюдают дворник и охранник. Есть летнее и зимнее кафе. В центральном районе. Лотки с мороженым. Качели. (Иван)

- Теплое здание, где можно посидеть. Музыка, фильмы, чай (Оля)

- Караоке, спортивная площадка (Света)

- Кино под открытым небом. Площадка для спортсменов. Танцы, песни, гитара. Парк для велосипедистов. (Лена)

На следующем этапе подростки приступили к проектированию своего места, которое они назвали «Face-to-Face».

Идеи, высказанные участниками проектной группы, позволили обозначить принципы организации этого места:

(1) *универсальность – подходит для разных типов пространств (городских, поселковых) для мальчиков и девочек;*

(2) *доступность территориальная и финансовая – находится в центре микрорайона (района) проживания, бесплатный вход, бесплатный кипяток и бесплатное общение. Заварка и музыка, фильмы на флешке с собой*

(3) *сочетание природного и социального – находится в парковой зоне. Снаружи есть футбольное поле, турники, качели. Внутри – фильмы, караоке, настольные игры, молодежные журналы и книги*

(4) *место без Wi-fi – потому-что главное - общение face-to face, поэтому нет интернету, смартфону, планшету!!!*

(5) *зонирование и трансформация пространств – зоны для общения, танцев, караоке, просмотра кинофильмов легко трансформируются путем перемещения столиков, пуфиков, в летнее время года проектор выносится на улицу и кинопросмотр идет под открытым небом.*

³ В целях сохранения конфиденциальности личных данных имена детей изменены

(б) *доверие и самоконтроль – порядок и чистота поддерживаются самими подростками. Кипятком, настольными играми и музыкальным центром заведуют волонтеры из местной молодежной общественной организации.*

Далее участники проектной группы разработали план-схему своего места, а также поразмышляли на тему потенциальных ресурсов и рисков его организации. Соотношение ресурсов и рисков представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Соотношение рисков и ресурсов проекта «*face-to face*»

Ресурсы	Риски
Помещения	
Наличие разброшенных домов, пустующих квартир	Конкуренция на рынке недвижимости
Социальный контроль	
Самоорганизация подростков района, помощь волонтеров	Вандализм, потеря управляемости
Финансы	
Помощь со стороны администрации, фирм, молодежных организаций	Повышение коммунальных платежей, поиск первоначального капитала
Природа	
Расположение в парковой зоне, иногда благоустроенной и охраняемой	Нахождение в лесопарковой зоне, нуждающейся в благоустройстве

В качестве заключения можно отметить важность включения детей и подростков в соучаствующее проектирование городской среды. С одной стороны, это будет способствовать вовлечению детей в социально значимую деятельность, ответственное отношение к городской и природной среде. А, с другой, - станет одним из вариантов выражения детского мнения и его учета в решении жизненно важных для детства вопросов.

Библиографический список:

1. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / под ред. Е.С. Полат. М., 2005. 272 с.
2. Педагогические технологии: вопросы теории и практики внедрения : справочник для студ. / авт.-сост. А. В. Винеvская ; под ред. И. А. Стеценко. – Ростов н/Д. : Феникс, 2014.
3. Поливанова К.Н. Проектная деятельность школьников: пособие для учителя. 2.-е изд. – М.: Просвещение, 2011. 192 с.
4. Филипова А.Г. Общественные пространства и дети: Владивосток vs Хабаровск // Вестник Института социологии. 2016. № 16. С. 28-41.
5. Филипова А.Г., Ракитина Н.Э. Городская «доброжелательность» к детям: от неравенства к соучаствующему проектированию городской среды (на материалах городов юга Дальнего Востока) . Монография. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2017. 188 с.

ГОРОДСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта БРФФИ
в рамках проекта № Г18Р-241

Лебедева Е.В., кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры технологий коммуникации Института журналистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)
E-mail: Elena_lebedeva_bsu@tut.by

Аннотация: Статья посвящена социологическому анализу параметров городского пространства, определяющих характер и содержание городской социализации. Раскрывается суть термина «городская социализация», перечисляются основные сферы её реализации. Выделяются ключевые параметры, определяющие её содержание (факторы городской социализации): социально-инклюзивный, коммуникативный, событийно-организационный, а также культурно-образовательный потенциал города.

Ключевые слова: город, публичное пространство, городская социализация, факторы городской социализации.

Abstract: The article is devoted to the sociological analysis of urban space parameters that determine the nature and content of urban socialization. The essence of the term "urban socialization" is disclosed, the main spheres of its realization are listed. Key parameters defining its content (factors of urban socialization) are singled out: socially inclusive, communicative, event-organizational, and also cultural and educational potential of the city.

Keywords: city, public space, urban socialization, urban socialization factors.

Городская среда выступает одним из мощных факторов социализации и культурной идентификации человека. Глазычев отмечал уникальную роль «информационного поля города», которое определяет человека гораздо больше, чем прочитанная книга, поскольку город «читают» все, кто живет в нем [1]. По мнению Анри Лефевра [2], преобразование городской территории неизбежно приводит к формированию новых социальных практик, меняя непосредственно личность горожанина. С этой точки зрения любой город можно представить как единство «материального» (*того, что создано человеком* – архитектура, памятные места и городские символы, производственная и политическая подструктуры) и «духовного» (*того, что создаёт человека* - нормы или ценности городской общины, социальная психология городского сообщества, образ жизни и менталитет горожан, межкультурная коммуникация). При этом вхождение в городскую среду («создание человека») не происходит автоматически, по факту рождения или переезда. Необходим длительный процесс освоения определённых социальных практик, включения в существующие системы ценностей, формирования навыков взаимодействия с другими горожанами по исторически сложившимся правилам. Процесс, который может быть обозначен как *городская социализация*.

Как и любая другая, городская социализация реализуется в трёх сферах: в деятельности (усвоение определённых нормативных и поведенческих установок), в общении (расширение круга контактов и обогащение коммуникативных навыков), а также в самосознании (формирование «Я»-образа с привязкой к определённой территории). Точкой пересечения вышеуказанных сфер является городское публичное пространство, которое в данном случае выполняет функцию *агента социализации*. При этом можно выделить ряд параметров публичного пространства, которые влияют на содержание городской социализации, то есть выступают в роли *факторов городской социализации* (определяют, кого именно «создаёт» город).

Во-первых, *социально-инклюзивный потенциал города* – то, в какой мере публичные пространства способствуют интеграции всех жителей в единое сообщество, позволяя формировать определённую городскую идентичность («Я-образ»). Чем более приспособлены городские публичные пространства для категорий горожан, которым сложнее реализовывать своё «право на город» (семьи с маленькими детьми, сами дети, подростки, люди с ограниченными возможностями, пожилые люди), тем выше социально-инклюзивный потенциал города. В таком случае публичное пространство обеспечивает возможность коммуникации между разнородными индивидами и группами, «что создает такой положительный феномен, как космополитизм» [3: 214], позволяет сформировать у горожан толерантность, терпимость, развить межкультурную компетентность. И наоборот, чем больше публичные пространства напоминают «закрытый клуб для избранных» (отсутствие безбарьерной среды, сложные и непрозрачные правила «вхождения», наличие платы за вход и т.п.), тем чаще в поведении горожан проявляются различные формы социальной сегрегации, вплоть до взаимного неприятия и конфликтов на почве отставания «своего места» в городе.

Во-вторых, *коммуникативный потенциал города* – возможность публичных пространств выступать в роли наблюдательной площадки, позволяя индивидам изучать и усваивать социально одобряемые образцы поведения, способствовать расширению круга контактов и обогащению коммуникативных навыков, участвовать в трансляции социального опыта, накопленного существующими городскими сообществами. Особую роль в этом случае играет внешний облик и состояние городских улиц, пешеходных и прогулочных зон (анализ пространственной локализации свободного времени студенческой молодёжи показал, что повседневным жизненным пространством являются городские улицы и прогулочные зоны - 46,2 % опрошенных «обитают» там не реже 2-3 раз в неделю [4: 84]). Ещё в середине прошлого века известная американская урбанистка Джейн Джекобс писала о том, что «тротуары в больших городах служат множеству иных целей, помимо передвижения пешеходов... Если улицы города выглядят интересно, интересным выглядит и сам город; если они выглядят уныло, унылым выглядит и сам город. Если мы говорим, что город представляет опасность, это означает, что опасными нам кажутся городские улицы» [5: 3-8]. Чем лучше городские улицы будут приспособлены для комфортного

взаимодействия индивидов, тем более они будут оживленными, и, следовательно, *более безопасными*, так как «оживленная городская улица, как правило, безопасна, а безлюдная городская улица может таить в себе опасность». С этой задачей может справиться как подходящий внешний вид улицы (наличие уличных кафе, удобных скамеек, безопасных игровых зон и т.п.), так и разнообразная событийная наполненность (выступления уличных музыкантов, работа уличных художников и т.п.). Если же улицы города «захвачены автомобилями», нуждаются в благоустройстве, или по каким-либо другим причинам представляют собой некомфортные, пугающие и безжизненные пространства, то городская социализация, чаще всего, приобретает маргинальный (а в ряде случаев криминальный) характер.

В-третьих, *событийно-организационный потенциал города* – вовлечение горожан в общественную жизнь и формирование чувства ответственности за свой город. Характер социальной активности горожан влияет на специфику восприятия не только родного города, но и себя, как его жителя. Исследование [6] показало, что в небольших населенных пунктах школьники чаще принимают участие в активных формах экологического оздоровления и благоустройства родного города (посадка деревьев, уборка дворов в рамках субботников и т.п.), тогда как в Минске учащиеся чаще занимаются сборами денежных пожертвований на защиту окружающей среды, что является опосредованной формой социальной активности и не позволяет в полной мере ощутить значение собственного труда в преобразовании окружающего пространства. В результате, школьники, проживающие в небольших городах, чаще других интересуются историей своих родных мест, самостоятельно занимаясь поиском информации, а также более уверенно описывают преимущества своего родного города и определяют своё место в нём. Следовательно, стимулирование коллективных решений горожан по созданию и преобразованию публичного пространства (*place-making*) способствует усвоению определённых нормативных и поведенческих установок, таких как способность к самоорганизации, активность, инициативность и ответственность, а также стремление к самосовершенствованию через преобразование окружающей среды.

И, наконец, *культурно-образовательный потенциал города* – возможности для культурно-образовательной деятельности в границах городского публичного пространства. Преобладание культурно-образовательной функции пространства способствует интернализации стратегии непрерывного образования (самотивация к обучению, стремление к постоянному пополнению знаний через смешивание досуга и обучения, самостоятельность в формировании индивидуальных образовательных тактик и т.п.). Если же в характере организации городского публичного пространства доминируют разнообразные «места потребления» (торговые центры, кафе, кинотеатры) и акцентируется его гедонистический аспект (развлекательная и рекреативная функции), это приводит к формированию субъективно-потребительского отношения к городу. Для горожан в данном случае будет характерен индивидуализм, безразличное отношение друг к другу, ослабление чувства личной ответственности и способности к общению, изоляция индивидов, а также утрата идентификации с городом.

Иными словами, социализирующая роль городского публичного пространства заключается в том, что оно, используя такие инструменты, как язык, система символов, обычаев, поведенческих паттернов, способствует формированию и воспроизводству определённого типа личности горожанина. Измерение определённых параметров пространства позволяет сделать предположение о содержании городской социализации – выделить преимущественный тип личности горожанина.

Библиографический список:

1. Глазычев, В.Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008. 219 с.
2. Лефевр, А. Производство пространства. М.: StrelkaPress, 2015. 432 с.
3. Lofland, L. H. The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Social Territory / L. H. Lofland. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2009. 305 p.
4. Лебедева, Е.В. Публичное пространство постсоветского города: возможности для развития социальности и «кризис публичности» / Е.В. Лебедева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. - Том XX. - №1 (98). С. 74-92.
5. Джекобс Д. Назначение тротуаров: безопасность // Логос. 2008. №3. С.3-23.
6. Лебедева, Е.В. Дети и молодежь в современном городе: социологический анализ / Е.В. Лебедева // Социология. 2013. №2. С. 122-131.

ФАКТОРЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ЗАНЯТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ: ДАННЫЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Макарчук В.А., магистрант, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

E-mail: akinorocka@yandex.ru

Научный руководитель: Филипова А.Г., доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет

Аннотация. По результатам группового интервью со студентами ДВФУ (N=13) выделены семь групп факторов, оказывающих разное по силе воздействие на вовлеченность молодежи в занятия физической культурой и спортом.

Ключевые слова: молодежь, групповое интервью, факторы вовлечения в спорт и занятия физической культурой, социология спорта.

Abstract. Based on the results of the group interview with the students of FEFU (N = 13), seven groups of factors have been singled out, with different effects on the involvement of young people in physical education and sports.

Keywords: youth, group interview, factors of involvement in sports and physical culture, sociology of sports.

На современном этапе весьма актуальны исследования, связанные с различными способами включения средств физической культуры и спорта в повседневность современных детей и молодежи [1]. По мнению Л.И. Лубышевой, «физическая культура возникает и развивается как один из первых и наиболее существенных способов воспитания и социализации, а спорт - как средство и форма выявления социального признания высших физических, психических и духовных способностей индивида или команды» [2].

Нами было проведено разведывательное исследование с целью выявления и группировки факторов вовлечения молодежи в занятия физической культурой и спортом.

Методом исследования стало групповое интервью. Респонденты – 13 студентов ДВФУ в возрасте от 21 до 24 лет. Интервью было стандартизированное и включило в себя вопросы, касающиеся факторов и степени вовлечения студентов в занятия физической культурой и спорт, роли школы и ДВФУ в физической подготовке студентов, отношения респондентов к введению норм ГТО, социальной рекламе здорового образа жизни и др.

В завершении интервью студентам было предложено выделить три фактора, в наибольшей степени способствующих вовлечению молодых людей в занятия физической культурой и спортом. Осевое кодирование позволило разделить факторы на семь групп.

Фактор первой группы – поддержание собственного здоровья. Как отмечают участники исследования, сложности со здоровьем становятся стимулом для занятий физической культурой: «Мне поставили бронхиальную астму наследственную в детстве, и я занимаюсь спортом, чтобы не возникло этого. Сезон начинается, мне становится тяжелей дышать. А спорт помогает, сейчас лучше бегаю, например, в команде» (Ж, 21 г.).

Около 40 % опрошенной группы студентов начали заниматься спортом из-за ухудшения собственного здоровья.

Фактор второй группы – самосовершенствование. Среди опрошенных респондентов все без исключения внесли данный фактор в свой список важных факторов, которые влияют на вовлеченность в спорт.

Фактор третьей группы – влияние СМИ, социальных сетей и различной рекламы [3]: «Влияние от СМИ идет, в социальных сетях смотрим фотографии, как девушки ходят в спортзал, правильно питаются и также хочется выглядеть» (Ж, 21 г.).

Фактор четвертой группы – качество инфраструктуры спорта и физической культуры. Респонденты говорят о близости, развитости сети спортивных учреждений, а также о качестве подготовки тренерского состава.

Фактор пятой группы – финансовый. Данный фактор студенты рассмотрели двояко. Одни говорили о недоступности посещения тренировок из-за высокой цены, а другие (профессиональные спортсмены) говорили о том, что их мотивирует заниматься спортивной деятельностью финансовое вознаграждение: «Нас мотивирует то, что мы находимся на ставке, нам платят за то, что мы тренируемся. Это зарплата наша (от 5.000 до 20.000 с

чем-то). Выплата зависит от уровня результатов, которые спортсмены дают после соревнований. ... не пропускают ли тренировки, заполняют дневник по тренировкам». (Ж, 21 г.).

Фактор шестой группы – свободное время, которое, как показывают данные исследования, преобразуется в фактор самоорганизации (управления своим свободным временем).

Фактор седьмой группы – влияние ближайшего окружения. Как показало исследование, личное окружение оказывает значительное влияние на вовлеченность в спорт: у кого-то друзья записались в спортивную секцию и пригласили заниматься за компанию, у других родители – спортсмены, и дети пошли по их стопам. В итоге данный фактор выделили около 70 % респондентов.

Естественно, между выделенными группами факторов существуют корреляции, демонстрирующие первичность одних и производность других. Так, например, выявленное сильное влияние фактора самосовершенствования на вовлеченность молодых людей в занятия физической культурой и спортом, очевидно, стимулирует социальная реклама и ближайшее социальное окружение.

Библиографический список:

1. Филипова А.Г. Российская социология детства: вчера, сегодня, завтра. Проблемы институционализации и перспективы развития. Монография. СПб: Астерион, 2016. 196 с.

2. Лубышева Л. И. Социология физической культуры и спорта. М.: «Академия», 2001. 240 с.

3. Филипова А.Г. Культурно-информационное пространство детства: риски и ресурсы социальной защиты// Вестник Пермского университета. Философия, психология, социология. 2013. № 4. С.188-197.

ДЕТСКИЙ ОПЫТ ГОРОДА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ

Малкова Н.Ю., кандидат философских наук, доцент департамента искусства и дизайна, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)
E-mail: natalya.malkova@gmail.com

Аннотация: для описания детского опыта освоения городского пространства особое значение имеют этнографические методы сбора материала, что в дальнейшем позволит создать теоретическое описание с учетом региональных особенностей.

Ключевые слова: этнографический метод включенного наблюдения, гуманизированная среда, самоорганизация, спонтанное действие, детский опыт.

Abstract. Ethnographic methods of material collection are of special importance for the description of children's experience of urban space development, which in the future will allow to create a theoretical description taking into account regional peculiarities.

Keywords: ethnographic method of included observation, humanized environment, self-organization, spontaneous action, children's experience.

Мы полагаем, что в рамках проблемы производства пространства стоит уделять внимание сообществам, формирующимся на разных основаниях: профессия, место проживания, интересы, образ жизни, можно добавить еще один критерий – возраст. Ключевым в данном случае будет выступать принцип самоорганизации, неформальные отношения, выходящие за пределы внешнего целенаправленного воздействия. Именно незапланированная самопроизвольность для нас будет представлять наибольший исследовательский интерес. Обращение к группе детей связано с одним из трендов современности, который направлен на формирование качественной, комфортной и гуманизированной среды, с одной стороны, а с другой, – дети представляют собой группу, которая в современном городе является наиболее зависимой от внешнего контроля.

Более того, чаще всего под детским опытом понимается не столько формирование опыта внутри детского сообщества, сколько взгляд со стороны взрослого: через модель идеального ребенка или ученика. Современный ребенок – это во многом продукт индустрии детства, целенаправленного формирования потребителя с необходимыми компетенциями, способствующими в дальнейшем поддержанию государства, а также ответ на запрос со стороны родителя – на его ролевую состоятельность.

В данном случае сделан акцент на комплексном изучении современного пространства взросления, которое представлено как исследование практик семейного воспитания в условиях разнообразия моделей родительства, того, как родители организуют жизнь ребенка в условиях широкого набора возможностей (образовательных, досуговых, возможностей выбора помощников в воспитании ребенка). Такой комплексный подход может быть распространен также на социальные сети или «неблагополучные» семьи [3].

Вопросы, которыми в данном случае следует задаться: каковы возможности ребенка в пространстве, организованном взрослыми; как «внешнее» превратить во внутренний, собственный опыт взаимодействия со средой на основе миметических действий; насколько современный город дает возможность детям создавать особые игровые пространства – «отчужденные земли» со своими правилами, особые миры внутри мира, дающие возможность выполнить замкнутые в себе действия [1]; как внутри предложенных взрослыми социальных событий получить доступ к спонтанности, а по сути, к игре как ведущей деятельности ребенка [2].

Хочется подчеркнуть, что представленные тезисы, имеют в большей степени отношение к исследовательской интуиции, носят во многом пред-

варительный характер. Наша цель была обозначить необходимость в дальнейшей работе обратиться к первоначальному этапу многих современных антропологических исследований: дескрипции, сбору материала на основе этнографического метода включенного наблюдения, что будет способствовать теоретическому общению.

Библиографический список:

1. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб: Питер, 2016.
2. Хейзинга Й Homo ludens. Человек играющий. М., 2007.
3. Центр исследования современного детства [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://ioe.hse.ru/modernchildhood/news/keywords/119378583/> (дата обращения 30.04.20018).

ГЕОГРАФИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СОЦИОЛОГИИ ДЕТСТВА

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 16-06-00792-ОГН\18, «Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус»

Майорова-Щеглова С.Н., доктор социологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия)
E-mail: sheglova-s@yandex.ru

Аннотация: В работе обосновывается выбор мультидисциплинарной стратегии при конгломерации социологии детства и географии. Признается недостаточность районированных сравнений, выделяются перспективные исследования детства с учетом географических аспектов: климата, рельефа, ресурсов и пр.

Ключевые слова: социология детства, мультидисциплинарность, методы географии.

Abstract: The choice of a multidisciplinary strategy is based on the conglomeration of the sociology of childhood and geography. The lack of cloud ratings, the maximums of prospective studies of childhood, taking into account the geographical aspects: climate, relief, resources are recognized.

Keywords: sociology of childhood, multidisciplinary, methods of geography.

В этих небольших тезисах представим свое видение применения географических методов исследований современного российского детства.

Сегодня в методологии науки предполагается разделение подходов на междисциплинарные, мультидисциплинарные и трансдисциплинарные [1, 2, 3]. Междисциплинарность – прием решения научных и прикладных задач на пересечении предметных полей двух или более дисциплин с при-

менением когнитивных методов. Попытка создания универсальной отрасли научного знания о детях «педологии», своеобразная унификация и стандартизация знания проводилась в русле именно этого подхода.

Задачи трансдисциплинарности часто берет на себя философия, она стремится обобщить, осмыслить новые фактологические данные на концептуальном уровне, представить новое знание как универсальное.

В наших работах показано, как в современном обществе регулярно возникают «сверхновые» в социальных практиках детства и ученые вынуждены искать им новые понятия, и, при этом ускорении социального времени, знание о мире детства покрывается новыми неизведанными «белыми пятнами или даже материками», ждущими своих первопроходцев, способных «открыть эти территории» [4]. Мы не склонны считать возможным создание отдельной отрасли – социогеографии детства. Но это вдохновляет современных ученых на использование в социологии детства географических методов с применением мультидисциплинарной стратегии, особенностью является привлечение методологии и методических инструментов одной научной дисциплины на «территории» второй науки для проверки вторичных гипотез, углубления анализа социальной реальности. Такая стратегия не должна стремиться к всеобъемлемости и всеохватности, ей не свойственна никакая унификация или стандартизация знания. Сама география использует аналогичным образом ресурсы проективного психоанализа для определения роли сознательного и бессознательного в конструировании опасного и безопасного ландшафта территорий [5]. Мы скорее настаиваем на выделении особого направления в развитии социологии детства. Уже сегодня анализ детства без сравнений по территориям проживания невозможен. Предлагаются некоторые статистические количественные показатели, претендующие на обоснование специализации районов в области детосбережения, в том числе, учет аспектов урбанизации [6; 7]. Все они имеют достоинства, однако недостаточны для того, чтобы считать именно это социогеографическими методами. Например, при анализе моделей семейного, родительского поведения, практик самих детей следует принимать во внимание не только экономические или культурные мотивации, привязанные к характеристикам мегаполис/большой/малый город/сельская местность, но и аспекты, традиционно рассматривающиеся в географии: климат, рельеф, ресурсы и др. Представим некоторые из перспективных тем в этом направлении:

- Влияние особенностей рельефа и климата на планировку и застройку инфраструктуры детства.
- Влияние природных ресурсов на практики питания детей.
- Детская мода в разных климатических и рельефных условиях.
- Использование природных ресурсов в сфере досуга детей.
- Особенности обустройства детских комнат в разных территориях с учетом гео-природного фактора (использования строительных материалов, отопление, планировка и т. д.).

– Как ресурсы территории влияют на профориентационную работу с детьми.

– Животные как механизм детской социализации на разных территориях – разные практики восприятия и отношений.

– Особенности экологической культуры детей (навыки природопользования, навыки озеленения, использование природного материала в играх-манипуляциях и играх на местности).

– Детские традиции и обязанности на дачных и приусадебных участках.

– Детство в топонимии пространства.

– Этническое (и др.) самосознание детей на разных территориях.

Здесь предстоит решить еще один из технологических вопросов: какие методы географии выбрать, которые бы позволили сохранить содержание социологического знания, но при этом получить дополнительные данные.

К важным задачам развития методики социологии детства мы отнесем освоение методов многолетних мониторинговых наблюдений и замеров, методы дневниковых записей исследователей, «прибывающих» из иных территорий (взрослых исследователей) или путешествующих по своему пространству (со-участники - дети), и, конечно, картографический. Применение таких методов заметно повысит практическую эффективность социологических исследований детства, позволит восполнить фрагменты реальности.

В этой же сфере лежит еще один из методологических вопросов: как не перейти границы этнографии детства и истории детства, на наш взгляд, возможное решение - сконцентрироваться на современности и отчасти на прогнозировании будущего.

Библиографический список:

1. Киященко Л. П. Междисциплинарность - область взаимодействия философии и социологии // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 3-11.

2. Лубский А. В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 3-11.

3. Романовский Н. В. Междисциплинарность: взаимодействие естественнонаучных и социально-гуманитарного знания // Социологические исследования. 2016. №2. С. 155–157.

4. Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: коллективная монография / науч. ред. С.Н.Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2017. С.101-132.

5. Рагулина М.В. Проективные подходы в культурной географии: к постановке проблемы. Теория и практика общественного развития. 2015. №22. С.230-232.

6. Бесчастная А.А. Особенности жизни детей в условиях современных российских городов: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.04 / Бесчастная Альбина Альбертовна. Саранск. 2016. 391 с.

7. Филипова А.Г., Ракитина Н.Э. Дети и город: проблема воспроизводства социального неравенства // Социология города. 2016. №2. С. 58-71.

СОЦИОЛОГИЯ ДЕТСТВА В ПРИЗМЕ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Мальцева Я.В., кандидат политических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)
E-mail: yanazdor@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена рождению новой реальности и в ее контексте новых социальных феноменов «детство» и «родительство». Дети и подростки создают в интернет-сети собственное видение мира, которое формирует их отношение к родителям и окружающим – близким, друзьям, незнакомым людям - доводя себя до самоубийств и посягая на жизнь окружающих.

Ключевые слова: социология детства, концепции детства, "группы смерти", суицид, средства массовой коммуникации

Abstract: The article is devoted to the birth of a new reality and in its context of the new social phenomena "childhood" and "parenthood". Children and adolescents create their own vision of the world in the Internet network, which shapes their attitude to parents and others - relatives, friends, strangers - leading themselves to suicide and encroaching on the life of others.

Keyword: sociology of childhood, concepts of childhood, "groups of death", suicide, mass media

В последнее десятилетие XX века и фактически первую четверть наступившего XXI века в мировом информационном пространстве и в его контексте российском, проблемы детства, вопросы воспитания подрастающего поколения, насилия в семьях и в обществе по отношению к детям, а также насилие детей и подростков по отношению к окружающим, суицидальные наклонности детей и подростков получили значительную актуальность.

Конвенция ООН о правах ребенка, принятая 20 ноября 1989 года, стимулировала изменения в законах, политике и практике поддержки и защиты детства. Так, Россия окончательно ратифицировала данный документ 7 мая 2013 года [1]. Учреждение должности уполномоченного по правам ребенка или "детского омбудсмена" произошло в 2009 году по Указу Президента РФ. На данный пост был назначен юрист Павел Астахов. Со временем такие должности появились во многих регионах страны, в част-

ности в Приморском крае. В сентябре 2016 год на должность уполномоченного по правам ребенка в России была назначена Анна Кузнецова, глава исполнительного комитета Пензенского ОНФ (Объединенного народного фронта).

Традиция изучения феномена «детство» связана с историческим развитием гуманитарного научного знания. Проблемы социологии детства рассматривались в трудах отечественных и зарубежных педагогов и психологов XX века. По мнению автора данной статьи, значительный вклад в разработку проблем социологии детства внесли советские и современные российские ученые, такие как И.С. Кон, С.Ю. Митрофанова, М.Ю. Сибирева, С.Н. Щеглова [2].

Вместе с тем, в данной научной статье мы ставим цель через симбиоз научных концепций, представленных в работах русского философа и футуролога Николая Федорова и американского ученого, основателя психоистории детства, Ллойда де Моза [3], провести анализ информационных блоков современных средств массовой коммуникации (в том числе, традиционных СМИ, интернет-площадок, социальных сетей и мессенджеров), которые конструируют новую реальность социальных феноменов «детство» и «родительство» на своих информационных площадках.

С нашей точки зрения, 6 стилей воспитания детей по Ллойд де Мозу со стороны родителей и в целом со стороны взрослого мира в современном информационном пространстве предстают как определенный комплекс. В современном информационном пространстве, сконцентрированном в интернет-мессенджерах и социальных сетях, дети оказываются менее защищенными. Отрицательные образы семей, насилия в семьях попадают в заглавные новости интернет-площадок и получают наибольшее количество просмотров наравне с привлекающими внимание заголовками материалов - "Жуткие детали убийства ребенка: соседи думали, что малышку наказали" или заголовок в печатной версии газеты Московский комсомолец «Я тебя усыновил, я тебя и убью», "Убитые дети России: Попытки и смерти в семейном кругу", "Как убивают детей в России", "Иногда я сволочь" [4].

Определенно можно сказать, что во всех представленных статьях и заголовках продемонстрирован первый тип отношения взрослых к детям по Ллойд де Мозу - "убивающий".

Одновременно «Группы смерти» или подростковый клуб самоубийц, известный в интернет-сети, в социальных группах Вконтакте и Инстаграмм под хештэгами #Синий кит, #Разбуди меня в 4.20, #Я в игре, #Тихий дом, # Море китов, в последние два года стал настоящим проклятием для родителей и самих подростков, попавших в путы этих неформальных организаций. В 2016-2017 годы выявлен всплеск самоубийств, связанных с деятельностью «групп смерти» в социальных сетях. Уходили из жизни дети от 9 до 17 лет, реже молодые люди до 20 лет. Информация о суицидах детей стала множиться в средствах массовой коммуникации со скоростью возникновения самих "групп смерти" в социальных сетях. По данным

МВД России, в 2016 году 720 подростков покончили с собой, и 1% случаев лишения себя жизни был вызван влиянием на несовершеннолетних закрытых сообществ, «манипулирующих сознанием детей». В итоге только в 2016 году было заблокировано порядка 5 тыс. интернет-ссылок, которые содержали информацию о суицидах [5]. Задержано несколько кураторов групп смерти.

Подобные теории породили и альтернативные точки зрения на проблему, которую описывает в своей статье "Запуганные предки" журналист Владимир Тодоров [6]. По его мнению, это выдумка, и гаджеты (новые мобильные устройства) лишь способ ухода от действительности, которой ребенок желает противостоять, отодвинув от себя никчемный мир взрослых [7].

В то же время мы предполагаем, что распространявшаяся информация об этой «болезни» нового поколения в большей степени должна была привлечь внимание родителей, которые если следовать теории Ллойда ДеМоза, проявили "социализирующий" и помогающий тип поведения, не обратив внимание на состояние, в котором находится ребенок, в итоге проявив себя как родители, которые придерживаются первого стиля воспитания ("убийственного"), который приводит к смерти, или, как минимум, «оставляющий». Отметим, что родители, потерявшие детей, вступали впоследствии в подобные "группы смерти" и пытались вывести других подростков из суицидального состояния, а также найти так называемых кураторов «групп смерти». В данном случае может быть вновь зафиксирован социализирующий и помогающий тип воспитания, но уже к своим погибшим детям, или к чужим детям, которых они пытаются спасти от беды [8].

Вместе с тем, нарастающая роль интернет-мессенджеров, где также могут возникать группы разной направленности, являются, с нашей точки зрения, уязвимой частью информационного пространства. Более того, новые игры на планшетах типа «Пони», а также «Фея Винкс», которые дают задания детям и призывают иметь свои секреты от взрослых, и например, без спроса залезть на подоконник, также вызывают большое опасение.

История 16-летней Ренаты Камболиной (известной по странице ВКонтакте как Рина Паленкова) из Уссурийска, в ноябре 2015 года покончившей жизнь самоубийством на железнодорожных путях и ведшей репортаж своего ухода из жизни, разошелся в социальных сетях под хештегом «Ня.Пока», также транслировался через социальные сети, в том числе Вконтакте, и стал интернет-мемом [9].

Как следует из многочисленных материалов, в том числе из интервью с матерью погибшей и обзора существующей страницы девушки в Вконтакте (ее ведет некий молодой человек, желающий привлечь внимание к жизни Ренаты), на место гибели Рины и на место ее захоронения приезжали молодые люди из разных городов. Видео со страницы ВКонтакте с места упокоения Ренаты Паленковой собрало около 26 тыс. просмотров

ров. Посетители расценивали ее поступок как героический, другие сожалели о раннем уходе из жизни.

В целом, можно сделать вывод, что подобное поведение не нашедших себя в этом мире и мечтающих оставить его таким шокирующим способом подростков нашло своих адептов. Отметим, что посмертное видео со страницы ВКонтакте было удалено администрацией сети. Тогда как фото с места трагедии разошлось из интернет-мессенджера WhatsApp (по версии направленной следователем руководителю УВД г. Уссурийска) в глобальную сеть Интернет, и при поисковом запросе на «Рину из Уссурийска» в первую очередь появляется фото расчлененного тела девушки на железнодорожных путях. Полагаем, что служба информационной безопасности поисковых систем и хостингов должны удалить данные снимки из своей базы, как и перекрестные ссылки на подобные фотографии, расценивая их как информацию, вторгающуюся в личную жизнь гражданина и его семьи, а также как фотообъект, пагубно влияющий на психическое сознание аудитории, особенно младшего поколения. Уход от реальности и от родителей, потеря ценности семьи как социума, который окружает нас в течение жизни, а в детском и подростковом возрасте особенно, фактически противопоставлен теории Николая Федорова. Убивая себя, они уничтожают возможность продления рода своих родителей и противопоставляют объединению сынов для воскрешения отцов смерть свою и смерть своего рода. Вместе с тем, уход из жизни путем самоубийства через сформированные взгляды на мир, в том числе с помощью современных СМК, подтверждают вывод Николая Федорова об отрицательной роли прогресса, который выражается в наибольшей мере свободы, доступной человеку и наименьшего единства с родными (а в не наибольшем участии каждого в общем отеческом деле, т.е. продлении жизни в современной интерпретации) [10].

Так называемый «негатив» привлекает аудиторию, и поведение антигероя, транслируемое через традиционные СМИ и интернет-площадки, становятся примером для неокрепшего сознания. "Эффект Вертера" (массовая волна подражающих самоубийств после получения информации из значимых источников), обозначенный американским социологом Дэвидом Филипсом [11], оказывается заразительным. В период с 2017 по апрель 2018 года в российских школах произошло 13 подобных трагедий в учебных заведениях Перми, Челябинской области, Москвы, Комсомольска-на-Амуре, Улан-Удэ и Прикамья.

Начало трагической череды событий было положено в 2014 году, школьник из московского района «Отрадное» открыл стрельбу в классе, убив учителя географии и оказав сопротивление сотрудникам полиции. Примечательна характеристика, которую сформирована адвокатом обвиняемого: подросток занимался самбо («чтобы быть сильным и свободным от людей»), ему нравилось играть в гонки и "шутеры" (это помогало «отвлечься от мира и обид») [12]. Вот цитата одного из единомышленников данного явления, приведенная в статье: "Я знала о «Колумбайне» еще года

два назад, но особо начала фанатеть в начале сентября, возможно, из-за Михаила П. (кивантеевского стрелка)» [13].

В заключении отметим, что индивидуальное и групповое информационное пространство, созданное самостоятельно детьми, подростками и молодежью в виртуальном мире, на основе собственных предпочтений, взглядов на жизнь, антипатий и симпатий, несет в себе такое же число угроз, как и повседневная жизнь, формирует в итоге новый подход к пониманию феноменов "детство" и "родительство". Виртуальное пространство для большого количества современных детей оказывается едва ли не более реальным, чем окружающий действительный мир. Создание системы информационной безопасности, грамотно совмещающей технологии блокировки различных "групп смерти" и информации, подвигающей к убийствам и расправам над детьми, самоубийствам детей, и создание свода рекомендаций для подрастающего поколения и его родителей при пользовании сетью должно стать эффективным ответом на угрозы современного общества.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. N 75-ФЗ "О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/471618/#ixzz5ECvVKsTF> (дата обращения 20.04.2018).

2. Кон И.С. Ребенок и общество [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pseudology.org/Kon/RebenokSociety/1-4.htm> 4-е издание, доп. СПб.: Питер, 2005. – 330 с. (дата обращения: 20.04.2018); М. Сибирева Категория "детство" в истории социологии [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/11/02/1270168067/Сибирева_%202010_N1.pdf (дата обращения 20.04.2018); С. Щеглова Детство как социальный феномен: Концепция социального конструирования детства: дис. ... д-ра социол. наук. М., 1999. 326 с.; Майорова-Щеглова С. Трансформация детства в начале XXI в.: к уточнению концепции социального конструирования детства // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4. С. 173-183.; С. Щеглова. Как изучать детство? [Электронный ресурс]. URL: (https://www.ekimovka-x.ru/files/sociolog/sheglova_kak_izuchat_detstvo.pdf) (дата обращения 20.04.2018); С. Митрофанова Реализация принципов участвующего подхода в современной социологии детства [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipov-uchastvuuschego-podhoda-v-sovremennoy-sotsiologii-detstva> (дата обращения: 20.04.2018).

3. Л. де Моз. Психоистория. Классики психологии XX века. Ростов-на-Дону: «Феникс». 2000. 512 с.

4. Андронникова К. Жуткие детали убийства ребенка: соседи думали, что малышку наказали [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/incident/2016/08/10/zhutkie-detali-ubiystva-rebenka-sosedi->

dumali-chto-malyshku-nakazali.html (дата обращения 25.04.2018); О. Лурье Убитые дети России. Пытки и смерти в семейном кругу [Электронный ресурс]. URL: <https://oleglurie-new.livejournal.com/330495.html> (дата обращения 25.04.2018); "Как убивают детей в России" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/281548> (дата обращения 25.04.2018) "Павел Кочегаров "Иногда я сволочь" [Электронный ресурс]. URL: https://life.ru/t/%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F/1112324/inoghda_ia_svoloch_mat_ubivshuiu_dietiei_v_nizhniem_novghorodie_iskali_pristavy (дата обращения 25.04.2018).

5. Селезнева А. МВД России подсчитало, сколько детей погибло из-за «Синих китов» [Электронный ресурс]. URL: <https://riafan.ru/690068-mvd-rossii-podschitalo-skolko-detei-pogiblo-iz-za-sinih-kitov> (дата обращения 25.04.2018)

6. Тодоров В. Запуганные предки [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/03/07/siniykit/> (дата обращения 25.04.2018)

7. Милкус А. «Группы смерти» - это спецоперация против российских подростков [Электронный ресурс]. URL: https://www.kpsport.ru/daily/26645/3665013/?geo=10&utm_campaign=kpsport (дата обращения 25.04.2018)

8. Чичигина А. Сибирячка после самоубийства 12-летней дочери спасает от «синих китов» чужих детей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26651/3672264/> (дата обращения 24.04.2018); Р. Голованов. За доведение до самоубийства Яровая предложила сажать на 12 лет [Электронный ресурс]. URL: https://www.kpsport.ru/daily/26651/3671701/?geo=10&utm_campaign=kpsport; Группы смерти Г. Мурсалиева [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (дата обращения 24.04.2018); Е. Берг Городская легенда. Что стоит за игрой «Синий кит» и всплеском интереса к «суицидальным пабликам» [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2017/02/17/gorodskaya-legend-a-chto-stoit-za-igroy-siniy-kit-i-vspleskom-interesa-k-suicidalnym-pablikam> (дата обращения 24.04.2018).

9. Кочегаров П. «Ня». Икона суицида» [Электронный ресурс]. URL: https://life.ru/t/rassledovaniya/412546/niya_ikona_suitsida (дата обращения 24.04.2018); Мама Рины Паленковой впервые рассказала правду о смерти дочки и моде на суицид [Электронный ресурс]. URL: <http://ren.tv/novosti/2016-05-22/mama-riny-palenkovoy-vpervye-rasskazala-pravdu-o-smerti-dochki-i-mode-na-suicid> (дата обращения 24.04.2018).

10. Федоров Н. Философия общего дела. М.: Эксмо, 2008. 752 с.

11. David P. Phillips. The Influence of Suggestion on Suicide: Substantive and Theoretical Implications of the Werther Effect [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/277423058_The_Influence_of_Suggestion_on_Suicide_Substantive_and_Theoretical_Implications_of_the_Werther_Effect (дата обращения 01.03.2018).

12. Антонов Е. Стрельба в российских школах: кто и как нападает на учеников и учителей и что с участниками конфликтов происходит сейчас [Электронный ресурс]. URL: <https://paperpaper.ru/school-shooting-russia/> (дата обращения 24.04.2018).

13. Жукова Л. «Те, кто издевается в школе, заслуживают смерти» [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/01/17/columbina/> (дата обращения 01.03.2018); Редакция «УралПолит.Ru». Готовился к нападению несколько месяцев: все, что известно о резне в школе Башкирии [Электронный ресурс]. URL: <http://uralpolit.ru/news/urfo/18-04-2018/137353> (дата обращения 01.03.2018); В. Ващенко, Я. Лысенко. Русский «Колумбайн»: что привело к резне в пермской школе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/01/15/11613800.shtml#> (дата обращения 01.03.2018).

МАРКЕРЫ «ВЗРОСЛОСТИ» И СОБЫТИЯ ДЕТСТВА

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 16-06-00792а,

«Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус»

Митрофанова С.Ю., кандидат социологических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П.Королева (г. Самара, Россия).
E-mail: mit_s@mail.ru

Аннотация: В данной статье поднимается вопрос сопоставления двух противоположно направленных векторов в исследовании детства: первый устремлен в будущее детей, второй – в прошедшее детство. Первый – обозначен на основе авторских исследований 1998 – 2015 гг., второй – на базе исследования под руководством С.Н. Майоровой-Щегловой в 2018 г. На примере изменений информационной среды ребенка приходим к выводу о размывании «определителей» детства и зрелости.

Ключевые слова: детство, векторы в исследовании детства, событийность детства, маркеры взрослости.

Abstract. This article raises the question of comparing two opposite vectors in the studying of childhood: the first is focused on the future of children, the second – on the past of childhood. The first is given on the basis of our researches 1998–2015, the second – on the basis of research under the guidance of S. N. Maiorova-Shcheglova 2018. On the example of changes in the information environment of the child we come to the conclusion of blurring of the determinants of childhood and maturity.

Keywords: childhood, vectors in the study of childhood, eventfulness of childhood, markers of adulthood.

В данной статье предложен ракурс рассмотрения детства с позиции пересечения двух векторов в исследовании последнего. Первый вектор, направленный вверх, – как дети видят свою «взрослость», когда она наступает, что является ее маркерами. Второй вектор направлен вниз - это взгляд в прошлое современных юношей и девушек, тех, кто по возрасту находится на границе детства и зрелости. Через их сопоставление можно понять, насколько размыты или не размыты содержание и границы современного детства.

С.Н. Майорова-Щеглова отмечает, что переход от детства к взрослости – один из важнейших сконструированных элементов социальной реальности детства. В современном обществе, по мнению автора, общественные указатели и личностное самоощущение взрослости не совпадают [1]. Роль ребенка в современном обществе выстраивается, прежде всего, в направлении ее противопоставления роли взрослого, и в обыденном сознании вербализируется в таких формулах, как «ребенок еще не может или не должен делать». В детской среде разрушен нормативный образ взрослого, но некоторые контуры этой модели все еще сохраняются. Взрослый – это тот человек, который имеет паспорт, получил образование, занят на оплачиваемой работе, ведет сексуально активную жизнь, имеет семью и детей, освобожден от опеки родителей, обладает неким психологически зрелым пониманием жизни. С.Н. Майорова-Щеглова подчеркивает, что в наборе «маркеров» взрослости находятся индикаторы, которые в современных реалиях серьезно рассогласованы [2, с.179].

По данным нашего исследования, маркерами «взрослости» у детей 9-10 лет являются, прежде всего, работа или профессия, собственная семья, материальное благополучие (N=65 (1998), N=77 (2001), N=87 (2004), N=68(2012), N=66 (2015), метод – качественный и количественный анализ сочинений). Будущее детей также связывается с их представлениями о животных, увлечениях, друзьях, отдыхе, о том, как будут выглядеть, когда станут взрослыми. Возраст взрослого человека варьируется в анализируемых сочинениях от 14 до 39 лет, он, также является значимым символом зрелости, но чаще дети указывали 20 лет как границу, отделяющую зрелость. Взрослость связывается со службой в армии, учебой, праздниками, с умением водить машину, использованием информационных технологий и гаджетов [3].

Отметим, что сами маркеры взрослости трансформируются. Наиболее очевидна трансформация определителей «взрослости» представлена на примере меняющейся информационной среды ребенка. Так, в сочинениях 1998 г. только один ребенок писал о компьютерах «с диском» или «без дисков». В сочинениях 2012 г. уже звучат «iphone», «ipad», «сенсорное управление».

Сергей К.: «У меня будет iphone и ipad. Для семьи и для меня будет 5-ти комнатная квартира. С сенсорным управлением. Например, я захожу в подъезд, поднимаюсь на свой этаж, подхожу к двери, набираю код, и я захожу. Ну все! До свидания». (2012г.)

Причем сами дети понимают, что все эти «определители» взрослости подвержены изменениям, и это может завести их в определенный тупик в отношении выбора своего будущего. Так, в 1998 г. ребенок задается вопросом о том, кем же он вырастет, если мир вокруг него столь стремительно меняется.

Никита М.: «Я вырасту. Я буду делать игры для компьютеров. Если останутся компьютеры с диском, то буду делать игры на дисках, если они будут без дисков, то буду делать игры к этим. Может, будут только игры виртуальной реальности, и может они будут без дополнительной памяти. А может, не будет ни того, ни другого. Придется тогда подыскать другую работу. А может, я и не захочу возиться с компьютерами. Интересно, кем я буду, когда вырасту?».

В 2015 году у некоторых детей «взрослость» связывалась с «сидением» в социальных сетях, например, третьеклассница написала, что «купит ноутбук» и будет «сидеть в ВК», когда станет взрослой. По всей видимости, дело не только в том, что у кого-то из детей нет своих компьютеров, гаджетов, страниц в социальных сетях и пр. на данный момент, но и в том, что в детстве у некоторых из них отсутствует время, чтобы проводить его в сетях, или этого не разрешают делать родители. Однако факт связи взрослости с возможностью проводить время в социальных сетях не противоречит тому, что дети с самого раннего детства активно включаются в практики информационного общества, и проводят в сетях значительную часть своего времени [4].

Сопоставляя маркеры «взрослости» и события детства, можно отметить, что многими маркерами «взрослости» дети уже обладают, они вписаны в само пространство детства. Об этом свидетельствуют результаты первого этапа сетевого исследования «Событийность детства поколения Z» (N=490; метод онлайн анкетирование, рук. С.Н. Майорова-Щеглова). Это касается, например, возрастов: окончания детства, выбора профессии, самостоятельного передвижения по городу, вождения автомобиля, наличия собственного аккаунта в соцсетях и т.д.

Таблица 1 - Возрастная граница появления своего аккаунта в сети

возраст	3	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
	и													
	<													
%	0,2	0,2	1,3	3,2	5,7	13,1	10,1	14,4	18,4	15,4	7,2	5,1	2,7	3

В возрасте с 10 до 14 лет у большинства респондентов (71,4 %) появляется свой аккаунт в сети, причем были те, у кого он был заведен, когда им было менее трех лет. И вполне возможно, что его могли завести родители опрошенных еще до их рождения.

Таблица 2 - Возрастная граница появления своего аккаунта в сети зависимости от территории проживания в детстве

территория	Большой город	Город-миллионник	Небольшой город	Сельская местность
возраст	%	%	%	%
3 года и менее	0	1	0	0
6	1	0	0	0
7	1	2,1	0,6	2,1
8	1	8,3	3,4	0
9	10,5	8,3	4,0	1
10	12,4	14,6	13,1	12,4
11	8,6	7,3	11,4	12,4
12	19,0	17,7	12,0	10,3
13	17,1	13,5	19,4	22,7
14	11,4	10,4	14,9	25,8
15	9,5	5,2	8,6	4,1
16	3,8	6,3	5,1	5,2
17	1	2,1	3,4	4,1
18	3,8	3,1	4,0	0
Итого	100	100	100	100

Вместе с тем, считать наличие аккаунта в социальных сетях исключительным маркером зрелости или детства, на наш взгляд, не представляется возможным, поскольку данное измерение жизни человека накладывается на ряд других: материальное положение, гендер, территория проживания и т.д. Вместе с тем, таблица 2 показывает, что у тех опрошенных, чье детство прошло в сельской местности, аккаунт появился чуть позже, чем у тех, кто проживает в городах.

На наш взгляд, подобная ситуация невозможности отнесения определенного маркера к определенному возрасту человека характерна для всех упомянутых «маркеров» взрослости, что говорит о размывании содержания и границ современного детства.

Библиографический список:

1. Цымбаленко С., Щеглова С. Какие они, подростки девяностых? // Воспитание школьников, 1996. №1. С. 2-6.
2. Щеглова С.Н. Трансформация детства в современном российском обществе и императивы развития государственной политики в интересах детей // Журнал исследований социальной политики. 2004. том 2, №2, С. 175- 188.
3. Митрофанова С.Ю. Габитус «взрослости» в пространстве детства: монография. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2014. 171 с.
4. Губанова А.Ю. Подростки в Интернет-среде: общение, чтение, поведение // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2013. № 2 (103). С. 184-190.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ МАТЕРЕЙ И ДЕТЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА МАТЕРЕЙ В ДНЕВНИКОВОМ ФОРМАТЕ)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта №16-33-01135-ОГН

Михайлова Я.Я. (Козьмина), младший научный сотрудник Центра исследования современного детства, Институт образования НИУ ВШЭ (г. Москва, Россия).

E-mail: yanayakovlevnam@gmail.com

Аннотация: С помощью DRM (the day reconstruction method) показаны основные повседневные трудности материнства, а также контекстные факторы, их обуславливающие.

Ключевые слова: родительство, география эмоций

Abstract. We show most common parental vexations and its' context using the day reconstruction method.

Keywords: parenting, emotional geography

Нас интересовала тема, популярная для исследований родительства, тема родительской тревожности – нам хотелось получить данные о том, какие ситуации вызывают данную тревогу. В проведенных нами ранее интервью и опросах родителей (например, [1]), они, как правило, довольно часто упоминали о различных трудностях и тяжёлых переживаниях. Однако нас заинтересовал более «повседневный» уровень родительства и способы его фиксации, так как было не известно, насколько точен «самоотчёт» родителей об этой сфере своей жизни, полученный с помощью интервью и опросов. Для этого мы воспользовались дневниковым методом, опросив 300 матерей детей 1 до 6 лет.

Метод. Мы опирались на метод "Реконструкция дня" (The Day reconstruction Method) [2]. Метод предполагает ведение дневника респондентами в течение одного дня, с указанием событий и эмоций, им сопутствующим. Это позволяет, в том числе, зафиксировать типичные "ритмы" - например, как от времени дня зависит уровень усталости.

В нашем исследовании "Один день мамы дошкольника" мы модифицировали данный метод. Мы просили указывать не только:

1. описание события;
 2. время дня;
 3. эмоции;
- Но и:
4. место;
 5. окружение (кто находился в этом месте, помимо самой матери);
 6. эмоции ребёнка.

Также, мы не давали готовый список эмоций, мы просили описать настроение в свободной форме.

Мы не стали давать закрытый список эмоций, и оказалось, что матери крайне редко обозначают своё состояние\настроение как тревога или беспокойство. Гораздо чаще встречались «недовольство», «раздражение», «усталость», «ожидание» (ждала мужа с работы, ждала очереди, ждала окончания рабочего дня)

Около 15% опрошенных мам не давали описаний эмоций (например, одна из мам так отвечала: место – «работа», окружение – «работа», настроение – «работа»).

Метод не позволяет сделать какие-либо выводы об истоках и наличии тревожности у современных матерей – как правило, они описывают события в масштабе одного дня и то, какую реакцию они вызывают («плакала от счастья» на концерте в детском саду, «злилась» в очереди в поликлинике), в отличие от интервью, где описание тревоги связано с размышлением о будущем ребенка, о своей жизни в целом, о выборе принципов питания, места образования и т.п.

Однако метод выявляет эмоциональные ритмы матерей, а также виды настроений и состояний, обычно не упоминаемые в анкетных опросах или интервью, такие как, например, ожидание или недовольство ребёнком.

Основные результаты. Во многом словарь описания собственного состояния и состояния ребёнка совпадает. Как правило, в эпизоде та же категория использовалась и для описания состояния ребёнка (например, радость или усталость). Исключение составляют: отвращение и монотонность (встречается только в описании у взрослых), капризничанье (только у детей).

Присутствие в эпизоде того или иного состояния, как правило, скоррелировано с контекстными факторами (текущими - занятием, местом, окружением, временем дня, и более общими – уровнем здоровья, уровнем благосостояния и т.п.). Например: в поликлинике – злость/гнев, на детской площадке – радость, на работе – концентрация, ожидание, в детском саду – гордость, ожидание.

Наиболее частные из возможно негативных состояний, которые упоминают матери – монотонность, ожидание, усталость, недомогание.

Таблица 1 - Итоговый кодификатор эмоций

код	не указаны	не описано никаких состояний, эмоций
1	гнев (злость)	
2	отвращение	
3	страх	тревога
4	счастье (радость)	удовольствие
5	печаль (грусть)	
6	удивление	
7	интерес	увлеченность
8	волнение (беспокойство)	
9	раздражение	напряженность

10	сомнение	
11	стыд	вина
12	сочувствие	
13	гордость	
14	любовь	
15	обида	
16	капризничание	
17	витальность, бодрость	витальность, бодрость
18	самообвинение	
19	усталость	усталость
21	концентрация	
22	уверенность	
100	отсутствие сильно негативных и позитивных (спокойствие, отдых, расслабленность)	легкость
101	желание поскорее..., ожидание	
200	апатия, равнодушие, вялость	
201	лень	
301	раздражённое ожидание	неприятное ожидание
302	приятное ожидание	
400	монотонность, рутина	
401	скука	
701	недомогание	
702	некомфортное ощущение жары	
703	сонливость	
704	сытость	
705	боль	
706	голод	аппетит
707	жажда	
708	слезы	
800	спит	

Библиографический список:

1. Козьмина Я. Я., Сивак Е. В. Влияют ли на родительскую самоэффективность разногласия с родственниками по поводу правил воспитания и ухода за ребенком? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 81. № 4. С. 65-81.

2. Stone, A. A., Schwartz, J. E., Schkade, D., Schwarz, N., Krueger, A., & Kahneman, D. (2006). A population approach to the study of emotion: diurnal rhythms of a working day examined with the Day Reconstruction Method. *Emotion*, 6(1), 139.

МОБИЛЬНОЕ ГРАЖДАНСТВО ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ
в рамках проекта № 18-011-00290,
"Урбанистическое благополучие инвалидности"

Наберушкина Э.К., доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, Московский государственный гуманитарно-экономический университет (г. Москва, Россия)
E-mail: telana777@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается категория мобильного гражданства людей с инвалидностью, анализируются вопросы формирования инклюзивной культуры в социальных пространствах городов, представлены примеры разных типов реагирования на людей с инвалидностью в российских городах, подчеркивается роль инклюзии в образовании для детей-инвалидов.

Ключевые слова: мобильное гражданство, люди с инвалидностью, инклюзивная культура.

Abstract. The article deals with the category of mobile citizenship of people with disabilities, analyzes the issues of formation of inclusive culture in social spaces of cities, presents examples of different types of response to people with disabilities in Russian cities, highlights the role of inclusion in education for disabled children.

Keywords: mobile citizenship, people with disabilities, inclusive culture.

Сегодня дискурс мобильности является определяющим для современных общественных систем и социальных групп. Дж. Ло [1] и Дж. Урри [2], в своих работах анализировали изменения социальных структур и статусных атрибутов под влиянием глобальных потоков. З. Бауман [3], применяя метафору «текучести» для современной стадии эпохи, сделал вывод о том, что базовыми категориями дискурса социальных страт становится концепт «мобильность». Элиты становятся более мобильными и экстерриториальными, а для групп, находящихся внизу стратификационной пирамиды, социальные блага становятся все более удаленными и недостижимыми. Социальная и физическая мобильность связаны друг с другом, и это особенно заметно на примере людей с инвалидностью. В логике мобильной социологии социальный статус инвалидов может осознаваться как множественные и пересекающиеся системы мобильности. Мобильная социология и парадигма Liquid Modernity З. Баумана позволяют акцентировать движение, мобильность как то, без чего обитание в мире сегодня невозможно.

Предложенная С. Филлипс [4] теоретическая рамка мобильного гражданства позволяет анализировать взаимовлияние физической и соци-

альной мобильности людей с ограниченными возможностями. Дети с инвалидностью наиболее чувствительны к восприятию культурного капитала окружения, в котором они находятся. Социологические и психологические исследования разных лет подтверждали наличие корреляции между школьной успеваемостью и габитусом семьи ребенка-инвалида, между социальной успешностью и культурным капиталом семьи инвалида. Многочисленные жизненные истории людей с инвалидностью подтверждают, что географическая мобильность и возможность ее совершить порой резко меняют не только социальный статус человека, но и открывают новые горизонты, переформатируют картину мира и восприятие себя в этом мире. Примеры многих подростков и молодых людей с инвалидностью показывают, как переезд в Москву из маленького города резко изменил их судьбу. Жизненные истории студентов инклюзивного вуза Москвы (МГГЭУ) показывают, что одни стали членами параолимпийских сборных, хотя не могли предположить, что им будут доступны путешествия по миру, соревнования и полноценная насыщенная событиями жизнь; другие нашли себя в творческой деятельности (танцы на колясках, выступления на телешоу); третьи просто получили возможность не быть привязанными к однообразной рутине своего маленького городка, где без сопровождающего инвалиду на коляске невозможно передвигаться, а вместо этого свободно посещают интересные их мероприятия, перемещаясь по столичному мегаполису с более развитой инфраструктурной доступностью, чем в остальных городах страны.

Социальный статус в современном обществе все меньше связан с политическими правами и все более зависит от возможностей перемещаться, попадать в интересные социокультурные поля, иметь возможность развиваться и усваивать важные для успешной самореализации компетенции (профессиональные и общекультурные). Возникшая популярность концепции мобильного гражданства также обусловлена возросшим интересом к пониманию инвалидности и жизненного мира людей в русле социально-антропологического подхода и феноменологической парадигмы. Возрастает понимание того, что макроструктурный подход слишком неуклюж и малоэффективен, если речь идет о чувствительных и социально чувствительных аспектах жизни человека, детей, ребенка с инвалидностью. Мир людей и семей с детьми-инвалидами не однороден, существуют многочисленные различия особенностей социальной мобильности инвалидов в основных сферах общественной жизни (образование, занятость, семья, практики социального потребления и медико-социального обеспечения). Ограничения в передвижении определяют особенности жизни людей, в том числе, имеющих физические или умственные отклонения.

Мобильное гражданство сегодня тесно связано с концепцией инклюзии. Сегрегационные практики и геттоизация детей и взрослых людей с инвалидностью однозначно противоречат возможностям какой-либо желательной мобильности. Сегодня в значительной степени удалось преодолеть дискурс медиализации инвалидности, легитимированы понятия инклю-

живного обучения, тьюторства, адаптированных для инвалидов образовательных программ и т.д. Однако обозначение концептов в законодательно нормативном поле еще не означает их хабиитуализации и интериоризации. Биографические истории учащихся инклюзивных образовательных структур показывают, что медицинский дискурс еще сильно влияет на установление границ дозволенного/не дозволенного для человека с инвалидностью. Так, многим ныне учащимся в инклюзивных образовательных учреждениях приходилось настойчиво убеждать докторов в возможности продолжение обучения для получения необходимой медицинской справки. Порой единственным действенным аргументом для врача становилось то, что вуз инклюзивный и там уже учатся дети с инвалидностью.

Если в образовательной системе педагоги и преподаватели в большей степени знакомы с идеологией инклюзии, то медицинская сфера, фокусированная на патологиях менее восприимчива к социокультурным и гражданским инновациям. Хотя и среди педагогов с большим стажем работы встречаются те, кто считает, что инвалиды вообще не должны учиться. Ренессанс крайних позиций нетерпимости относительно гражданских прав и мобильности инвалидов происходит в нашем обществе вопреки мейнстримной политики инклюзии. Примечательно, что сами люди с инвалидностью зачастую становятся сторонниками таких установок, считая, что инвалиды должны учиться отдельно, что инклюзия ничего не дает, что ничего не изменится в плане социального гражданства людей с инвалидностью. Однако это скорее позиция отчаявшихся. Инклюзия еще не понятна, не до конца опривычена не только разными профессиональными и социальными группами, но и в разной степени воспринята в российских городах. Столичный мегаполис привык к гетерогенности, доступность архитектурной среды в большей степени позволяет обычным горожанам и людям с особенностями развития быть равноправными участниками городских процессов, посещать одни и те же магазины, музеи, общественные пространства и учиться не удивляться индивидуальным различиям. Малый провинциальный город не привычен к нетипичности, не научился нормально воспринимать людей с инвалидностью целующихся в парке на лавочке, заходящих в общественный транспорт, посещающих кафе и рестораны. Жизненные истории людей с инвалидностью, которые приехали в столицу из маленьких городков подтверждают сделанный вывод. Так, девушка на инвалидном кресле, придя с друзьями в кафе, столкнулась с неожиданной реакцией окружающих (к ней начали подходить обнимать ее, дарить ей мороженное, говорить, что она молодец). Внимание было доброжелательное, однако повышенное внимание не всегда приятно человеку, который просто пришел с друзьями в кафе, а не на мотивирующий тренинг. Романтическое свидание молодого человека и девушки (оба с диагнозом ДЦП) в парке маленького города побудило прохожих давать им конфеты. Другая девушка с диагнозом гипофизарный нанизм (карликовость) покупала электрический чайник в торговом центре маленького городка, к ней подошла женщина и стала настаивать на том, чтобы она за-

брала ее старый чайник и не тратилась на покупку нового. Эти и многие другие примеры из жизни людей с инвалидностью, ситуации, возникающие в российских городах, говорят о том, что мы находимся лишь в начале пути формирования культуры инклюзии для обеспечения социального гражданства, социальной мобильности и нормализации людей с инвалидностью.

Библиографический список:

1. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Law J. After ANT: Topology, Naming and Complexity // Actor-Network and After / ed. by J. Law, J. Hassard. Oxford: Blackwell and the Sociological Review, 1999.
3. Urry J. Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century. L. and N. Y.: Routledge, 2000.
4. Phillips S. D. Disability and Mobile Citizenship in Postsocialist Ukraine. Bloomington: Indiana University Press, 2010.

ЭКСПЕРТНЫЕ СУЖДЕНИЯ О КАЧЕСТВЕ ДЕТСТВА

Нагиба А.А., магистрант, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).
E-mail: nastya-030509@mail.ru

Сыроед Н.С., кандидат социологических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).
E-mail: syroed.ns@dvfu.ru

Аннотация. В данной статье освещаются результаты исследования, проведенного методом опроса экспертов. Цель исследования – изучение мнений экспертов о качестве детства как научной дефиниции и как социального явления. В статье прослеживается связь суждений экспертов, участвовавших в опросе, с основными тенденциями, наблюдающимися в современной науке в области понимания качества детства.

Ключевые слова: качество детства, индикаторы качества детства, интегративный подход к анализу качества детства.

Abstract. Results of a research which was conducted by method of poll of experts are published in this article. The research aimed to receive opinions of experts on quality of the childhood as scientific definition and as about the social phenomenon. In article communication of judgments of experts with the main tendencies which are in modern science in the field of understanding of quality of the childhood is described.

Keywords: childhood quality, childhood quality indicators, integrative approach to the analysis of childhood quality.

Традиционные подходы к анализу детства в отечественной педагогике, психологии, медицине и других науках заключаются в рассмотрении детства как объекта, как той части общества, на которую необходимо воздействовать с целью ее формирования, защиты и подготовки к выполнению социальных ролей в будущем. Развивая и обогащая научные традиции, социологи создали направление исследования в области качества детства и ввели в научный оборот понятие «качество детства».

В рамках данного направления нами проведено исследование по теме, посвященной анализу представлений о феномене качества детства. Метод – экспертный опрос, в ходе которого было выявлено мнение специалистов в области рассматриваемой проблематики.

Экспертная группа участников исследования была сформирована в количестве 10 человек. В ее состав были включены сотрудники, занимающие следующие должности: 1) социальный педагог (стаж работы 20 лет), 2) социальный педагог (стаж работы более 2 лет), 3) специалист по работе с семьей (стаж работы 15 лет), 4) учитель – логопед (стаж работы 10 лет), 5) воспитатель (стаж работы 26 лет), 6) воспитатель (стаж работы 19 лет), 7) воспитатель (стаж работы 6 лет), 8) воспитатель (стаж работы 5 лет), 9) инструктор по труду (стаж работы 20 лет), 10) педагог – психолог (стаж работы 6 лет).

Квалификация, опыт работы и знания в сфере детства являются основой надежности оценок и суждений экспертов в области проблематики опроса.

Основные вопросы, предложенные участникам экспертного опроса, касались их понимания и трактовки категории «качество детства», основных факторов и проблем, оказывающих негативное влияние на качество детства. Экспертам было предложено выделить показатели качества детства и указать методы их измерения.

Типичные ответы экспертов на вопрос «Как бы Вы определили, что такое качество детства?» представляют собой перечень индикаторов, по мнению экспертов, характеризующих качество детства: «стабильность, безопасность и гарантированность умственного, психического и физического развития»; «доступное качественное образование, безопасность (информационная), всестороннее развитие (дополнительное образование), благополучная семья»; «оптимальные условия для развития, образования, социализации, оптимальные условия в семье»; «четкое понимание родителями проблем детства»; «на качество детства влияет информация, исходящая из окружающего мира»; «образование, семья, здоровый образ жизни»; «доступность детских садов, развивающих центров; полная семья, благополучие в семье, любовь родителей; жилье, пища, одежда, место для сна, игровая, развивающая зона»; «наличие полной семьи, внимание, забота, образование, досуг»; «благополучие в семье», «отсутствие трудных жизненных ситуаций».

Ответы на вопрос «Что бы Вы отнесли к показателям качества детства?» по содержанию во многом повторили ответы на предыдущий вопрос, то есть, эксперты отметили практически те же индикаторы.

Большинство экспертов затруднилось ответить на вопрос: «Существуют ли какие-либо методы измерения качества детства в Вашей профессиональной сфере?». Только два эксперта упомянули такие методы, как анкетирование и диагностика.

Анализ суждений опрошенных нами экспертов указывает на то, что термин «качество детства» используется экспертами интуитивно и представляет собой набор показателей, характеризующих положение детей.

Экспертная оценка качества детства в Приморском крае оказалась скорее негативной, чем нейтральной или позитивной. Она также представляет собой набор показателей, таких как массовая алкоголизация родителей и раннее приобщение детей к алкоголю, детская безнадзорность, отсутствие доступа к дополнительному образованию и конструктивному досугу, бедность семей и т.д. И здесь мы видим сходство позиций приморских экспертов с научно-исследовательскими трендами в отечественной социологии, сущность которых сформулирована А.Г. Филиповой. По ее мнению, исследования в области качества детства «связаны с кризисным состоянием детства, они являются своего рода «откликом» на возникшие в обществе социальные проблемы. В результате вместо «нормального» детства в фокусе российских социологических исследований оказываются его девиации» [1, 85]. Считается, что проблематика качества детства обрела актуальность в контексте кризисного состояния современного российского общества, в котором детство «утрачивает благополучные черты, что, в свою очередь, определяет глубокий интерес к проблеме детства в России и необходимость своевременной социологической диагностики благополучия/неблагополучия детства как индикатора будущего социального, духовного и физического состояния российской молодежи» [2].

В целом, помимо явно выраженной тенденции рассматривать детство в контексте социального кризиса и девиации, следует отметить и то, что в отечественной науке, несмотря на декларации о том, что детство – это интегральное целое, пока еще не утвердилась традиция интегративного подхода к анализу качества детства. В качестве исключения можно привести примеры исследования Е.Б. Бреевой, которая определяет качество детства как единство здоровья, образования и духовно-нравственной составляющей [3], и Филиповой А.Г. [1]. Однако подобные исследования и публикации пока не стали ни научной тенденцией, ни научным направлением. Очевидно, данное обстоятельство и определило смысл и содержание суждений экспертов, участвующих в опросе в качестве респондентов.

Библиографический список:

1. Филипова А.Г. Детство в фокусе отечественных социологических исследований. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2016, №1(4).

2. Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х. « Благополучное детство как основа социального здоровья молодых поколений: индикаторы социологического измерения»/Инженерный вестник Дона. №1 (2016).

3. Бреева Е.Б. Исследование качественных характеристик детей в современной России: методологические аспекты: Автореф. дисс. ... д-ра экон. Наук. М., 1997. 40 с.

СОЦИАЛЬНОЕ СИРОТСТВО КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Надток С. А., магистрант, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

E-mail: svetlana999_95@mail.ru

Научный руководитель: Костина Е.Ю., кандидат социологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет

Аннотация. Данная статья посвящена анализу феномена социального сиротства в условиях современного российского общества. В статье вскрываются и описываются причины, обуславливающие существование социального сиротства.

Ключевые слова: сиротство, социальное сиротство, социальная проблема.

Abstract. This article is devoted to the analysis of the phenomenon of social orphanhood in the conditions of modern Russian society. The article reveals and describes the reasons for the existence of social orphanhood.

Keywords: orphanhood, social orphanhood, social problem.

Проблема сиротства всегда активно обсуждалась на уровне государственной власти и простыми гражданами, так как такая категория детей существовала во все времена. И всегда существовало общественное понимание того, что без общественного участия разрешить ее не удастся. В течение последних десяти лет государственные структуры проявляли инициативу и всячески способствовали разрешению такой проблемы, как оставление детей без попечения родителей, то есть появление социальных сирот. Исследователи определяют два типа сиротства. Первое – сиротство обыкновенное, которое произошло вследствие гибели родителей. В целом всех детей, которые при наличии живых родителей в реальности лишены родной семьи и нормального благополучного образа жизни семьи. Второе – социальное сиротство – происходит, когда детей лишили попечения родителей в силу их нежелания или невозможности исполнять родительские обязанности. По определению исследователей Л.Я. Олиференко и Т.И. Шульги, социальные сироты – это дети, оставшиеся без попечения родителей, в том числе дети, родители которых отказались, либо лишены родительских прав, и взятые на полное государственное обеспечение. Со-

циальные сироты – особая социально-демографическая группа детей в возрасте от рождения до 18 лет, лишившаяся попечения родителей по социально-экономическим, нравственным, психологическим и медицинским причинам (сироты при живых родителях)[6]. На фоне происходящей трансформации семьи приобретает особую актуальность в настоящее время когда количественно социальное сиротство преобладает над обыкновенным. Так численность детей, родители которых лишены родительских прав в России составила 41302 тысяч человек в 2016 год и 859 человека в Приморском крае [5]. Стоит отметить, что хоть и происходит ежегодное небольшое снижение данных показателей в России, цифры все равно остаются пугающе большими. Но надо понимать, что каждый из этих детей – это основа будущих семей, генофонда и основа закладываемых семейных ценностей. Важно понимать, что от того насколько адекватным будет их уровень воспитания и развития, в прямом смысле слова зависит будущее страны, города, сообщества, семьи.

Анализ литературы позволяет определить основные причины социального сиротства:

– добровольный отказ родителей. Как правило, это отказ от новорожденного в родильном доме. С юридической точки зрения отказ от ребенка – правовой акт, который официально подтверждается специальным юридическим документом. В течение 3-х месяцев родители (мать) могут изменить свое решение, и ребенок может быть возвращен в семью.

– принудительное изъятие ребенка из семьи в целях защиты его прав, жизни и интересов. Наиболее часто подобной тенденции подвержены семьи, относящиеся к группе риска, в которых родители ведут асоциальный образ жизни. Лишение родителей родительских прав – это также правовой акт, который осуществляется по решению суда и оформляется специальным юридическим документом. Лишение родительских прав производится только по решению суда (статьи 69 и 73 Семейного кодекса Российской Федерации) и только в тех случаях, когда родители уклоняются от выполнения родительских обязанностей; отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома либо из иного лечебного учреждения, а также учреждения социальной защиты; злоупотребляют своими правами; жестоко обращаются с детьми; являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией; совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей или супруга.

Исследователи связывают феномен социального сиротства с семейным неблагополучием, которое ведет к нарушению всего процесса социализации ребёнка. Главной причиной, порождающей социальное сиротство, по мнению исследователей и экспертов, являются процессы развития кризиса дезадаптации в семьях под влиянием внешних факторов или трудной жизненной ситуации и при условии низкого потенциала семьи по преодолению негативных обстоятельств. Работы таких исследователей, как И.А. Алексеев и И.Г. Новосельский показали, что главными причинами, порождающими рост социального сиротства, являются:

- собственный негативный детский опыт родителей.
- злоупотребление алкоголем отцом или матерью (иногда обоими родителями);
- душевные заболевания у родителей;
- негативные особенности личности родителей (снижение интеллекта, инфантильность, эгоцентризм, невротизация);
- низкий уровень социальной адаптации (низкий образовательный уровень, отсутствие профессии или низкая квалификация);
- особенность семьи (многодетность, нарушенные отношения между родителями, хаотичность, спутанность ролей в семье, разобщенность семьи, бедность социальных связей).
- физическое, эмоциональное и сексуальное насилие по отношению к ребенку [1].

Стоит обратить внимание, что не важно, какими были причины отказа от детей, ребенок нуждается в установлении над ним обязательного и постоянного присмотра со стороны взрослых, которые могут и умеют заботиться о них. И.Ф. Дементьева подразделяет семьи по характеру проявления негативных качеств социального риска на асоциальные и семьи с латентными признаками неблагополучия. К числу первых следует отнести алкогольные, наркозависимые и криминальные группы семей. Вторая группа включает менее выраженные факторы неблагополучия: педагогически несостоятельные, дезорганизованные, неполные, семьи с внебрачным ребенком, многодетные, повторный брак, семьи безработных, инвалидов. [2]

Очень важно организовывать профилактические мероприятия в кризисных семьях, так как это позволит не допустить появления социальной патологии, а предотвратить его. На ранних этапах несвоевременного выявления неблагополучных семей, главной мерой по защите прав ребенка становится лишение и ограничение родительских прав. Однако, в настоящее время, одной из задач, которую ставят перед собой органы опеки и попечительства является ее переориентация, а именно — ограничения родителей в их правах. Применение этой санкции к неблагополучным семьям, предоставляет возможность специалистам социальных служб и органов опеки и попечительства провести оперативную работу по выводу семьи из кризиса. Очень важно помочь семье найти ресурсы для преодоления кризиса, помочь ей укрепить свой социальный капитал и самое главное достигнуть социального благополучия как для семьи в целом, так и для отдельных ее членов (в особенности детей). Достижение социального благополучия во все времена было основным и самым мощным мотивом социальной активности человека, а также являлось базовой составляющей в контексте управления общественными процессами, цель которого – создание благоприятных социальных и экономических условий [3, с. 51].

Социальное благополучие общества строится на механизме обеспечения социальных гарантий и ответственности за их исполнение, причем данная ответственность четко распределена между участниками социального

взаимодействия: человеком, обществом, государством. Активное взаимодействие всех социальных субъектов, задействованных в решении проблем детей сирот, вот основа достижения социального благополучия конкретной семьи, находящейся в трудной жизненной ситуации. Всегда стоит помнить, что решить проблему социального сиротства только государственными мерами невозможно, необходимо привлечения общественного внимания и развитие социальных ресурсов самой семьи. Благополучие – это пространство существования человека, которое в большей степени обусловлено вполне реальными показателями экономического и социального общественного развития [4, с.95]. Если семья, в которой проживает несовершеннолетний, признана уполномоченными органами семьей, находящейся в социально опасном положении, то в рамках осуществления профилактической деятельности ребенку и его семье должна быть оказана эффективная качественная поддержка и помощь — направляющего, консультационного, реабилитационного, обучающего или материального характера.

Таким образом, социальное сиротство является одной из наиболее острых социальных проблем современного общества и нуждается в ее научном и прикладном исследовании. Первичная профилактика социального сиротства направлена на сокращение и последующее предотвращение случаев социального и биологического сиротства методами раннего вмешательства с целью профилактики семейного неблагополучия. Первоочередным должно стать для демографической безопасности страны решение проблем семейного неблагополучия, которое провоцирует появление социальных сирот, укрепление семьи и ее воспитательных ресурсов.

Библиографический список:

1. Алексеева, И.А., Новосельский И.Г. Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь: учеб.пособие. М.: Наука, 2010. С. 134.
2. Дементьева, И.Ф. Негативные факторы воспитания детей в неполной семье. М.: Педагогика, 2009. 258 с.
3. Винокурова А.В., Костина Е.Ю. Социальное благополучие населения в контексте регионального развития (на примере Приморского края) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 6. С. 49-53.
4. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социальные индикаторы благополучия человека в современном обществе // Социосфера. 2015. № 3. С. 93-97.
5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/ (дата обращения: 15.03.2018).
6. Хамбалова А. Ф. Социальное сиротство как социально-педагогическая проблема [Текст] // Теория и практика образования в современном мире: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2014 г.). СПб.: Заневская площадь, 2014. С. 379-381. URL <https://moluch.ru/conf/ped/archive/145/6726/> (дата обращения: 15.03.2018).

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «ДЕТСТВЕ» ПО МАТЕРИАЛАМ ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ

Николаева Е.С., студент, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

E-mail: en34495@gmail.ru

Якимова А.Ю., студент, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

E-mail: anna.yakimova.2016@mail.ru

Научный руководитель: Гончарова С.В., кандидат социологических наук, Дальневосточный федеральный университет

Аннотация. В статье рассматриваются представления о категории «детство» и ее значении на материалах глубинных интервью с представителями разных возрастных групп, выявлены качественные характеристики периода детства.

Ключевые слова: детство; социализация; семья; исследование.

Abstract. The article deals with the concept of the category "childhood" and its meaning on the materials of in-depth interviews with representatives of different age groups, the qualitative characteristics of the childhood period.

Keywords: childhood; socialization; family; research.

Несмотря на существование в научных кругах некоторого консенсуса относительно категории «детство», ее происхождения и основных признаков, исследователи отмечают, что единого мнения о возможности ее конструирования и изучения до сих пор не существует [1, с. 167].

Исследованию понятий «дети», «детство» уделяли большое внимание. И.И. Будницкая, А.А. Катаев, К. Девис, Дж. Гарбарينو, Е.Б. Бреева, Н.Н. Суртаев и др. Так, И.И. Будницкая, А.А. Катаев отмечали, что наиболее распространенным является определение категории "дети" как группы населения, находящейся в переходном периоде, цель которого - интеграция и социализация детей в общество "на равных" со взрослыми. К. Девис, Дж. Гарбарينو считали, что дети не являются равноправной частью общества, они лишь готовятся для этого. Е.Б. Бреева полагала, что не следует противопоставлять детей и взрослых как две группы населения, так как каждая из них имеет свои достоинства, свои функции. В своем содержательном определении - это процесс постоянного физического роста, накопления психических новообразований, освоения социального пространства, рефлексии всех отношений в этом пространстве, определения в нем себя, собственной самоорганизации, которая происходит в постоянно расширяющихся, усложняющихся контактах ребенка со взрослыми и другими детьми, взрослым сообществом в целом. В рамках общественной практики «детство» всегда связывалось не только с определенными биологическими характеристиками человека в данный возрастной период, но и

соответствующим социальным статусом ребенка, его правами и обязанностями.

Детство можно определить как «...период, продолжающийся от новорожденности до полной социальной и, следовательно, психологической зрелости; это период становления ребенка полноценным членом человеческого общества» Таким образом, категория детства развивается вместе с социально-историческими изменениями, чья природа зависит от преобладающих представлений, поддерживаемых обществом и им же создающихся» [1, 168].

Нами осенью 2017 года было проведено исследование методом глубинного интервью, посвященное изучению представлений о детстве представителей разных возрастных групп. В нем принимали участие 30 человек. Вероятность выборки: случайная. Методами анализа результатов стали кодирование и группировка.

В исследовании приняли участие 8 женщин в возрастной группе от 18 до 25 лет; 8 - от 26 до 45 лет; 3 - от 46 до 78 лет и 6 мужчин в возрастной группе от 18 до 25 лет; 2 - от 26 до 45 лет; 3 - от 46 до 78 лет, всего 30 человек.

Метод глубинного интервью представляет собой беседу по общей программе, но без уточнения конкретных вопросов, с минимальной детализацией поведения интервьюера. Глубинные интервью основаны на использовании методик, побуждающих респондентов к продолжительным и обстоятельным рассуждениям на определенную тему, о которой в присутствии других людей он не захотел бы говорить. Анализ данных проходит с помощью содержательного анализа. Такой метод сбора информации дает возможность проводить исследование без сценария; общаться с респондентом, используя привычную для его слуха лексику; получить личную информацию, а также выявить субъективное отношение к исследуемому вопросу.

Важнейшая роль детского периода в жизни человека заключается в социализации личности. На дотрудовой стадии социализации ее институтами выступают: в период раннего детства — семья и играющие все большую роль в современных обществах дошкольные детские учреждения. Именно в семье дети приобретают первые навыки взаимодействия, осваивают первые социальные роли. Так, один из респондентов описывал значение своей семьи: «Мне очень нравится вспоминать о своем детстве. «...Я росла в любви и гармонии. Меня воспитывали мама и папа, и еще у меня был старший брат, который всегда стоял за меня горой... Родители часто помогали мне с учебой, когда у меня возникали трудности. Я никогда не гуляла допоздна, потому что мама с папой волновались и не разрешали мне. Я никогда не употребляла спиртные напитки и не курила, я думаю — это благодаря моим родителям. Родители мне ни в чем не отказывали, но я и не была разбалованным ребенком». Эта цитата, на наш взгляд, ярко демонстрирует влияние семьи, в частности, родителей на воспитание респондента и его отношение к детству и жизни вообще. Нередко опрашива-

емые упоминают своих бабушек и дедушек, которые принимали участие в развитии и воспитания ребенка, а, следовательно, и в детстве. Так один из интервьюируемых говорил: «Воспитывали в большей степени меня бабушка с дедушкой, заставляли учиться, всегда говорили как правильно и как нет, за что я готова сказать им спасибо». Этот пример иллюстрирует влияние старшего поколения на формирование личности даже в семье, в которой ребенок рос с обоими родителями. Что касается детского сада, то не все респонденты ходили в детский сад, но те, кто его посещали, говорят о том, что это ассоциируется у них с праздником, например: «...В детском саду должен был проходить утренник – нужно было придумать сказочный образ и подготовить костюм. И вот мама в предпраздничные вечера мастерила мне одеяние... Я за всем этим наблюдал, и мне казалось, что здесь и сейчас происходит настоящее чудо... На следующий день мы отправлялись в детский сад на елку. А там – песни, хороводы, наш веселый детский смех, огни гирлянд, в общем, настоящее волшебство». Одним из важнейших институтов, влияющих на детство, является школа, но большинство опрошиваемых вспоминают про школу не как про учебное заведение. В качестве примера можно привести цитату из интервью: «...В детстве я как-то попросила однажды мою маму купить мне большой пенал с фломастерами. На следующий же день я взяла его с собой в школу, там мы с друзьями пошли разрисовывать стены этими фломастерами. Преподаватель увидела нас и всем написала замечание в дневники, сказав при этом, чтоб на следующем занятии мы все показали мамини подписи под ним... Мне было очень стыдно, и я так не хотела расстраивать маму. Закрыв рукой замечание, я попросила маму подписаться. Я сделала попытку соврать... Этот случай меня научил не врать маме и больше не делать таких вещей».

Характеристика качества детства – это еще один из важных аспектов в формировании человека, так как от увлечений ребенка зависит его будущее. Один из респондентов так описывает свои детские увлечения и игры: «Детство у меня было хорошее, даже, наверно, отличное, по сравнению с нынешней молодежью. У нас не было ни «интернетов», ни телефонов, мы играли в «Казачи-разбойники», играли в «пятнашки» и футбол... Мы бегали на речку тайком от родителей, купались в холодной воде, а потом весь день гуляли, чтоб одежда высохла, и родители не наказали нас...». Многие из опрошиваемых рассказывали о своих спортивных и музыкальных увлечениях, но не все эти воспоминания положительные, потому что не всем удавалось успешно закончить кружки, а те, кто их заканчивал не всегда видели в этом пользу в будущем, например: «В третьем классе начал заниматься ДЗЮДО. Три года занимался. Два года были не очень успешными в плане наград, но были результаты в технике... За три года занятие ДЗЮДО надоело, о чем сейчас, наверно, жалею, потому что мог бы стать мастером спорта...»

К сожалению, не все воспоминания о детстве у информантов были положительными. Среди опрошенных оказались люди, которые негативно высказались о своем детстве. Есть упоминания о своем плохом поведении:

«Воровал в магазинах жвачку, поздно возвращался домой, за что мать всегда меня ругала и грозилась вызвать полицию...». Кто-то очень скромно описывает свое сиротское детство: «Мое детство прошло в детском доме. Я туда попала в возрасте 5 лет. Мама пила, отца я не знала...» У кого-то негативные воспоминания связаны с плохим экономическим и политическим положением в стране: «...Время выпало тяжелое, были девяностые годы, рухнул Советский Союз. Мало того, что в стране был бардак, кризис и безденежье, так у нас еще, в моем округе, был очень нехороший, так скажем, губернатор. У нас не выплачивали зарплату месяцами, даже годами иногда, поэтому это были довольно голодные годы... Помню из своего детства, что в магазинах кроме водки и уксуса не было продуктов. Скажем так, выживали, как могли...» Естественно, это все не могло не отразиться на будущем этих людей.

Итак, в ходе исследования мы выяснили, что во время интервью респонденты чаще всего акцентируют свое внимание на таких социальных институтах, связанных с детским периодом жизни, как семья, детский сад и школа. Интервьюируемые говорили о важности этих институтов и о том, что они являются основой детства и «фундаментом» для всей дальнейшей жизни человека. Почти половина всех респондентов (43 %) выделили роль родителей как основополагающую в их детстве. Также многие респонденты (36%) в ходе интервью рассказывали о своих родственниках, таких как бабушки и дедушки, тети и дяди, братья и сестры. Они говорили о важности родственников в процессе взросления и о навыках, которые они приобрели благодаря этим членам семьи. Половина опрошенных (50 %) сочли нужным рассказать о своих детских увлечениях, таких как спорт, творчество или уличные игры. При этом, 10 из 15 респондентов, упоминавших увлечения и хобби, были моложе 25 лет.

Таким образом, детство является важнейшим этапом в становлении личности. В процессе социализации детей основополагающую роль играют социальные институты. Они способствуют приобщению человека к культуре, созданию условий для индивидуального развития, а также обучению поведению в группах и выполнению социальных ролей. Формирование личности – это очень сложный и длительный процесс. И от того, как этот процесс будет происходить в период детства, зависит вся остальная жизнь человека.

Библиографический список:

1. Сибирева М.Ю. Категория «детство» в истории социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 1. С. 167-177.

РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ НАВЫКОВ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

Орлова Д.А., магистрант, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, Россия)
E-mail: dashik--95@list.ru

Аннотация. В статье раскрывается теоретический аспект развития исследовательских навыков младших школьников на уроках окружающего мира. Рассматриваются понятие исследовательской деятельности, требования, условия, а также этапы и формы её организации в начальной школе.

Ключевые слова: начальная школа, окружающий мир, исследование, исследовательские навыки.

Abstract. In article the theoretical aspect of development of research skills of younger school students at world around lessons reveals. The concept of research activity, the requirement, a condition and also stages and forms of her organization of elementary school are considered.

Keywords: elementary school, world around, research, research skills.

Современное общество ставит перед учителями задачу воспитания гармонично и всесторонне развитой личности, способной открывать нечто новое и совершенствовать старое. В связи с этим, познавательные универсальные учебные действия вызывают особый интерес учителя начальных классов, т.к. включают в себя действия по формулированию познавательной цели, учебных проблем, созданию способов решения проблем творческого и поискового характера.

Исследовательская деятельность в современной школе является одной из самых продуктивных форм обучения. В широком смысле исследовательскую деятельность следует рассматривать как особый вид интеллектуально-творческой деятельности, порождаемый в результате функционирования механизмов поисковой активности и строящийся на базе исследовательского поведения [1]. Говоря об учебно-исследовательской деятельности младших школьников, следует отметить, что это специально организованная, познавательная творческая деятельность учащихся, результатом которой является формирование познавательных мотивов, исследовательских умений, субъективно новых для учащихся знаний или способов деятельности [2]. Основной целью деятельности, носящей исследовательский характер, является развитие интеллектуально-творческого потенциала младших школьников через развитие и совершенствование исследовательских способностей и навыков исследовательского поведения. Для достижения высокого уровня развития исследовательских умений и навыков учитель должен соблюдать ряд требований и обеспечивать необходимые условия: 1) целенаправленность и систематичность (осуществление любой деятельности должно способствовать решению конкретной цели, при этом

работа по достижению цели не должна быть точечной, а должна быть грамотно продумана и включена в образовательный процесс); 2) мотивированность (учащиеся должны быть заинтересованы в реализации исследовательской деятельности, для этого учитель может сочетать различные формы, виды работы, способы, методы и приемы решения исследовательских задач); 3) психологически комфортная атмосфера; 4) творческая среда (помимо психологического комфорта, для учеников важно создать обстановку, способствующую творческому развитию); 5) личность педагога (гуманный подход в обучении должен пронизывать весь образовательный процесс, для организации исследований данное условие особенно актуально – желание открывать что-то новое исчезнет вскоре после нескольких осуждающих взглядов, оскорбительных замечаний); 6) учет индивидуальных и возрастных особенностей (грамотно продуманное исследование, сильное ученикам определенной возрастной группы, будет способствовать высокому уровню сформированности исследовательских навыков).

Цели учебно-исследовательской деятельности учащихся могут быть связаны с установлением эмпирических свойств изучаемых объектов; изучением истории их возникновения и развития; получением конкретных данных об изучаемом объекте на основе широкого круга информации; выявлением возможностей исследуемого объекта (реальных и вымышленных детьми).

Учебно-исследовательская деятельность может состоять из следующих этапов:

- 1) выбор темы;
- 2) постановка цели и задач исследования;
- 3) выдвижение гипотез;
- 4) планирование исследования и выбор методов;
- 5) поиск информации, проведение опытов, опросов, создание графиков и диаграмм;
- 6) формулирование выводов, представление результатов, анализ своей деятельности и самооценка.

На первом этапе осуществляется выбор темы – один из самых ответственных и важных шагов при выполнении исследования. Важно, чтобы тема исследования отвечала возрастным особенностям и потребностям учащихся. Исследование представляет наибольший интерес, когда оно осуществлено с применением широкого круга методов: наблюдение, эксперимент, опыт. На этапе постановки цели и задач исследования ученикам также необходима квалифицированная помощь педагога. Важно сформулировать конкретную, реально достижимую цель и частные задачи, которые будут направлены на достижение цели. При формулировании гипотезы учащимся предстоит обнаружить противоречие, проблему по теме их исследования. Выдвинуть предположение, которое будет доказано или опровергнуто в ходе проведения исследования.

Немаловажен этап планирования исследования и определения методов для его осуществления. Задача учеников – получить как можно боль-

шее количество сведений по проблеме исследования, для этого необходимо задействовать всевозможные методы. Этап поиска информации является ключевым при сборе сведений по теме исследования. Наиболее востребованными методами сбора информации для исследований младших школьников являются изложение собственного жизненного опыта по теме, мнения других учеников, родителей, учителей, родственников и знакомых, изучение литературы (книги, энциклопедии, журналы, газеты, интернет-ресурсы, художественные и документальные фильмы), проведение анкетирования, интервьюирования, организация собственных опытов, экспериментов и наблюдений.

На последнем – заключительном этапе детям предстоит осуществить сложнейшие мыслительные операции – обобщение и систематизацию результатов исследования. Даже при грамотной организации проведения исследования и верно сформулированных выводах, для некоторых обучающихся большую трудность представляет собой публичное выступление с результатами исследования. При организации исследовательского подхода в обучении младшим школьникам становится доступно личностное развитие, формирование познавательных мотивов, субъективно новых знаний, способов действий и исследовательских умений.

А.И. Савенков под общими исследовательскими умениями и навыками предлагает понимать следующие умения: видеть проблемы; задавать вопросы; выдвигать гипотезы; давать определение понятиям; классифицировать; умения и навыки наблюдения; умения и навыки проведения экспериментов; делать выводы и умозаключения; умения и навыки структурирования материала; умения и навыки работы с текстом; доказывать и защищать свои идеи. Также А. И. Савенков считает, что овладение этими важными когнитивными инструментами – залог успешности познавательной деятельности детей [3].

Для развития исследовательских навыков у младших школьников им могут быть предложены следующие формы работы: тренинг (специальные занятия по приобретению учащимися специальных знаний и развитию у них умений и навыков исследовательского поиска); исследовательская практика (проведение учащимися самостоятельных исследований и выполнение ими творческих проектов); мониторинг (содержание и организация мероприятий, необходимых для оценки и управления процессом решения задач исследовательского обучения (мини-курсы, конференции, защиты исследовательских работ и творческих проектов и др.); школьные и районные олимпиады; внеклассные мероприятия, экскурсии; конкурсы, интеллектуальные игры, викторины [4].

Психологи и педагоги сходятся во мнении, что личность развивается в деятельности. Организация исследовательской деятельности в рамках образовательного процесса формирует уверенного в себе человека, способного самостоятельно выходить из затруднительных ситуаций, человека, осознающего конкретные цели в жизни и самостоятельно определяющего свой индивидуальный путь развития.

Библиографический список:

1. Савенков, А. И. Психологические основы исследовательского подхода к обучению / А. И. Савенков. М.: Ось-89, 2006. 480 с.
2. Семенова, Н.А. Организация исследовательской деятельности в начальной школе / Н.А. Семенова // VI Общероссийская межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (15-20 апреля 2002 г.). Томск: ТГПУ, 2003. С. 180-182.
3. Савенков, А. И. Маленький исследователь. Как научить дошкольника приобретать знания / А.И. Савенков. Ярославль, 2002.
4. Савенков, А.И. Этапность учебно-исследовательского поиска ребенка / Под общ. ред. А.С. Обухова // Исследовательская деятельность учащихся в современном образовательном пространстве. М. НИИ школьных технологий, 2006. С. 60-66.

«ДЕТСКАЯ» АНОМИЯ: К ОБОЗНАЧЕНИЮ ФАКТОРНЫХ КОНТУРОВ

Панфилова А.О., кандидат социологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).
E-mail: anna_pl.vl@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается социальная аномия как феномен, способный характеризовать детское и подростковое сознание. Подчеркнуты ее возрастные факторы, отмечено влияние современных форм социальной мобильности в распространении аномии в детско-подростковом сообществе.

Ключевые слова: аномия, девиантное поведение, социальная мобильность

Abstract. The article considers social anomie as a phenomenon which is capable of characterizing the child and adolescent consciousness. Anomie's age factors were emphasized, and the influence of modern forms of social mobility in the spread of anomie in children community was noted.

Keywords: anomie, deviant behavior, social mobility

Одним из следствий аномии – если рассматривать ее в «дюркгеймовской» традиции кризисных и дезорганизационных общественных явлений – является снижение управляемости системой, а также как общая, так и частная неэффективность управления. Это происходит вследствие временного ослабления авторитета ценностно-нормативной системы, утраты социальными нормами своей действенности и силы. В социальном плане аномию характеризуют усиление индивидуальных мотивов и практик и связанная с этим неопределенность и разобщенность нормативных правил

и их связей; релятивизм и изменчивость ценностей, их неустойчивость, быстрая дискредитация сложившегося порядка и т.д.

Подобная ситуация аномии может принимать значительно более выраженные проявления в детско-подростковом сообществе. Будучи частью общесоциальной системы, оно обладает всеми признаками социальной группы, отличается локально-возрастными специфическими характеристиками. Некоторые из последних прямо способствуют различного рода отклонениям во внешнем поведении, деструкциях в сфере социальных взаимодействий и межличностных коммуникаций. К. Левин очень емко писал по этому поводу: «Подросток уже не хочет принадлежать к детской культуре, но еще не способен вступить круг взрослых, сталкиваясь с трудностями со стороны действительности, что вызывает у подростков неопределенность ориентиров, планов и целей. В подростковом возрасте как ступени психического развития включается выход ребенка на новую позицию в социуме, относящуюся к поиску своего места в обществе» [цит. по: 1].

Подросток особенно чувствителен к нормам и правилам референтной группы, способен особенно быстро подстраиваться под ее требования, с легкостью отвергнув прежние. Этот фактор особенно опасен в плане вступления в асоциальное сообщество или группу, в которой практикуются девиантные или делинкветные формы поведения или действий. Нередка ситуация когда, личности, находящиеся в фаворе у подростка, весьма быстро втягивают его в свой род занятий. Повышенный уровень конфликтности с родителями, учителями, утрата последними своего прежнего авторитета и возросшая потребность в самостоятельности с одновременной сложностью ее реализации – факторы, отягчающие социализацию ребенка в этот период жизни. Снижение эффективности прежних мер контроля, возможная девальвация привитых ранее ценностей на фоне новых, более приемлемых, интересных и авторитетных внутри подростковой группы, нежелание и даже противодействие любой попытке управления – моменты, позволяющие указывать на аномию и ее факторное развитие внутри таких сообществ.

Аномия в детской и подростковой среде, в числе прочего, может репрезентироваться кризисными внутригрупповыми коммуникациями, то есть непониманием сверстников, конфликтностью отношений с ними, общим неудовлетворительным уровнем последних. По-настоящему опасный характер это принимает в случаях буллинга – травли со стороны одноклассников. Вообще, следует заметить, что отношения детей и подростков – это постоянная проверка на прочность и «слабину», схожая в этом смысле с борьбой за лидерство в среде животных. Проявления физической слабости, физических несовершенств или проблем (например, с лишним весом), «несовременный» внешний вид, «немодная» одежда, поведение, не соответствующее групповым идеалам – те зацепки, которые могут послужить толчком к конфликтным и даже критическим формам взаимодействия детей.

Соответственно, аномия способна серьезно повлиять на сознание подростка, поколебать его еще не вполне устойчивые опоры, стигматизировать его. Под удар могут попасть важнейшие ценностные конструкты, находящиеся в активной стадии личностного развития – доверие к миру и людям, жизнерадостность, открытость и желание общаться и развиваться, познавать и реализовывать себя в позитивных взаимодействиях с другими.

Наиболее опасными являются различные формы аддиктивного и суицидального поведения, к сожалению, имеющие выраженный проблемный статус в современной детско-подростковой среде. Так, специфическая факторная динамика детских и подростковых суицидов, ранняя наркотизация и употребление алкоголя, курение, сквернословие, правонарушения различного рода – пресловутые девиантные формы, к сожалению, по-прежнему очень выраженные в подростковых поведенческих практиках. Но, помимо «классических» факторов концепции подросткового девиантного поведения и аномии, в современных социальных данных можно отметить и более специфические.

В настоящее время мы имеем дело с особой интенсификацией всех видов мобильности – пространственной, образовательной, информационной и иных. Процессы эти очень обширны, затрагивают, в том числе и самые основы социальной жизни, подчас не просто влияя, но и перекраивая их.

Прежде всего, это – новые уровни индивидуальной мобильности. Последняя в этом смысле означает не просто социальные перемещения, но некие превращенные формы личной свободы, возможности направлять свои устремления в сферы, до этого не открытые и не доступные. В частности, сегодня ребенок как никогда волен и мобилен выстраивать свою самопрезентацию в информационном пространстве, распространять общение в направлениях, интересных и желанных лично ему, иметь свободный доступ к информации, как полезной, так и откровенно запретной и опасной. Анонимность и свобода, предоставляемые Сетью, позволяют получить комфортную, но иллюзорную реальность. Это, в свою очередь, стимулирует отказ от реальных и порой откровенно скучных, нудных и ненужных, по мнению ребенка, требований семьи и иных институтов его окружения. Неудобное и нежелательное, естественно, отодвигается на второй план или вытесняется из сферы активной повседневности. Показательно мнение учителя русского языка и литературы об учениках средних классов, сильно не успевающих как по его предметам, так и по большинству остальных: «Они совершенно неглупы и знают в области компьютерных технологий значительно больше меня, но порой пугают тем, что не в состоянии выполнить задания школьного курса для своего класса... Нередки ситуации, когда они просто не способны применять инструментальные знания, есть подозрения, что их у них и нет...».

Таким образом, можно говорить о факторно «осовремененной» аномии. На наш взгляд, одна из групп факторов связана с новыми возможностями, стимулируемыми современными формами мобильности. Новые

направления личной активности, познавательных и коммуникативных усилий, освобождаемые в виртуальной среде от «ненужной» и лишней там этики, ограничений и обременений; упрощенное поле общения, игнорирование ненужных знаний и обязанностей оказывают свое влияние.

С одной стороны – все раздвигающиеся границы свободы, с другой – ее иллюзорность и одномерность. Знаковым примером в этом плане является подростковое признание успешности и продвинутой субъекта по большому количеству «лайков» в социальных сетях.

Сам по себе феномен патологической вовлеченности ребенка в виртуальное пространство, выявление его индикаторов, границ и последствий – площадка для отдельных научных и общественных дискуссий и исследований. Мы же отметим, что происходящая в ходе виртуализации общения и образа жизни трансформация коммуникативного мира закладывает основу сопряженных с аномией психологических расстройств – отчужденности и одномерности мышления, когнитивных и эмотивных дисфункций, снижения психологической сенситивности и способности к эмпатии, к позитивной интеракции и т.д. Особенно опасно это в детском и подростковом возрасте, когда формируются и отрабатываются навыки эффективного общения, коммуникативной компетентности. Это то, что потом ложится в основу будущей профессиональной и личностной самореализации. Это – проблемное поле, требующее объединенных усилий психологов, педагогов, социологов, антропологов, медиков, то есть широкого круга специалистов.

В свою очередь, такие моменты вносят и новый акцент в извечный конфликт «отцов и детей», задают иные параметры возрастного разрыва и непонимания. Пример тому – японский феномен «хикикомори», то есть одиноко-асоциальный образ жизни подростков и молодых людей, нежелающих и не умеющих жить по социально продвигаемым и одобряемым сценариям, а делающих выбор в пользу сетевых и виртуальных контактов и коммуникаций.

Соответственно, некоторые феномены современности, стремительно вторгшиеся в жизнь современного социума, меняют и привычную карту социальной практики как взрослого, так и детского мира. Знания во многом оказываются фрагментарными и неинструментальными, а действия и практики – алгоритмизированы и предсказуемы. Следовательно, под вопросом оказываются знание в его ценностном восприятии; труд как реализация личностных мотивационных устремлений и профессиональных притязаний; формирование и развитие таких традиционно ценных свойств личности, как упорство, мотивированность, способность к рефлексии.

Библиографический список:

1. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. Избранные психологические труды / Под ред. Д.И.Фельдштейна. Воронеж: МОДЭК, 2001. 349 с.

2. Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: производство «ничто» // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3. С. 17-33.

3. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.

4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2.

ДЕТСКИЕ ИГРОВЫЕ ПЛОЩАДКИ ЗА РУБЕЖОМ

Протасова Е. Ю., доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия)

E-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Аннотация. Дети радуются преодолению вызовов, и детские площадки – естественная среда для открытий, включая движения своего собственного тела и других людей, материалы, социальные отношения. Детские площадки становятся местами приобретения нового знания для родителей, наблюдающих за своим потомством и общающихся с другими взрослыми. Это также пространства для экспериментирования в дизайне и фантазии.

Ключевые слова: детская площадка, опыт детства, социализация, взаимодействие родителей

Abstract. Children enjoy overcoming challenges, and playgrounds are natural environment for discoveries, including the own and the others' body movements, various materials, social relationships. Playgrounds become places of new knowledge acquisition for parents watching their offspring and chatting with other adults. They also are spaces of experience in design and fantasy.

Keywords: playground, childhood experience, socialization, parental interaction

Детские площадки, как и школы и детские сады [1], становятся объектом пристального внимания общественности. Здесь стараются создать среду, свидетельствующую о комфорте в гражданском социуме, об учете потребностей всех его членов. На детских площадках обмениваются опытом и узнают новости представители всех возрастных групп. Специально приспособленные для игры, они становятся полигоном для приобретения различных навыков детьми. Новизна нужна для оттачивания всех умений: употребления слов, измерения расстояний от одного предмета до другого, крупных и мелких движений, использования всех органов чувств, взаимодействия со сверстниками, теми, кто младше, и теми, кто старше. Выходя из привычного пространства, человек уточняет свои знания и переносит усвоенное в новые условия.

Свободное перемещение в радушной среде воспитывает творческий дух, стремление сделать что-то по-другому, сочетать свои желания с возможностями и ограничениями других людей по соседству [2]. Тут можно

либо делиться инвентарем, либо брать то, что доступно всем. Важные социализационные компоненты – умение ждать своей очереди, договариваться о распределении ролей, отслеживание того, что делают другие, сочувствие упавшему и ушибленному, следование за образцом поведения старших, обобщение наблюдений над поведением людей разного пола и возраста и пр.

Многие успели обратить внимание на более тесную, чем раньше, связь семьи и образовательного учреждения [3]. Прежде всего, потому, что огромная часть приобретения знаний происходит вне детского сада и школы благодаря гораздо более чуткому отношению родителей к детям, а также из-за всеобщей интернетизации. Родителями становятся позже; быть взрослым стало менее престижно, чем сохранять юность и настраиваться на детский лад; детству придают огромное значение. Вариативность систем воспитания начинается с антеннатального периода и продолжается достаточно долго. Возраст юности как будто заканчивается к сорока годам – раньше это была уже старость. Родители постоянно пополняют свои знания о различных стратегиях и тактиках воспитания детей, напитьсяваются через социальные медиа сведениями о том, что полезно, что вредно, куда пойти с ребенком, куда отдать учиться, где встретиться с единомышленниками, покупать вещи и меняться ими. Окружающая среда реагирует соответствующим образом: создаются внутренние и внешние пространства, где родители и дети могут быть вместе, осмысленно развлекаться. Это – детские площадки, парки, кафе, поездки, клубы, акции, театры, магазины, музеи, библиотеки и т.п. Молодые семьи везде стали желанными посетителями. В целом в западном мире выше уровень жизни, что не может не сказаться на том, как видоизменяется развивающая среда. То, что было когда-то недодано молодым взрослым, возвращается теперь их детям. На место дворового детства приходят дизайнерские детские площадки, оборудованные в сотрудничестве с психологами. Как ни странно, национальный характер отношения к детям никуда не исчезает: старое правило остается верным, все новое пропускается через сито традиции.

В России детские игровые площадки существуют давно, и интернет-сайты показывают нам, что их основные цели – развитие координации движений, знакомство со сказками, возможность участвовать в ролевых играх, завести себе новых друзей. Все больше становится мест, где можно развлекаться на аттракционах, набор и оформление которых отвечают идеям взрослых о содержании мира ребенка. Испытание собственных возможностей и способностей, природа вокруг, свежий воздух, безопасность, эстетика – все это соединяется в детских площадках. На таких площадках из поколения в поколение передаются знания о детской субкультуре, накапливается опыт использования реквизита. Родители и другие взрослые, собирающиеся вокруг таких мест, могут посмотреть на своего малыша на фоне других детей и сравнить достижения, позаимствовать положительный опыт игр и общения, узнать, где приобрести ту или иную одежду или игрушку, какие книжки сегодня самые интересные и полезные, куда

можно еще пойти с ребенком, в какой кружок записать и в какую школу отдать. Таким образом, площадки становятся местом социализации и для старших членов семьи.

Пройти через практики пребывания в общедоступном социальном пространстве, объединяющем разные поколения, особенно важно для иммигрантов, у которых мало возможностей для коммуникации с местным населением, а соответственно, и знаний о том, как устроено принимающее общество. Здесь они обобщают, как принято разговаривать с младшими и старшими, какие речевые формулы при этом используются, как принято утешать, запрещать, хвалить, какое поведение поощряется, а какое надлежит исправить, как кормят и укладывают спать, если такое случается, когда в семье несколько детей.

Детские площадки становятся, стандартными и безопасными, волшебными и необычными. Для их оформления приглашают лучших художников и архитекторов. Разрабатываются особые материалы – прочные, не портящиеся при разных погодных условиях, позволяющие заниматься с детьми и предоставлять им множество вариантов самостоятельных игр. Внутренний двор, природная среда, общее пространство между домами, участок детского сада, специально выделенное место – все эти условия требуют нестандартных решений.

Окружающая среда кажется дружелюбной, если на детской площадке приятно гулять. Это значит, что в оптимальном случае там должны быть помещения для переодевания и выполнения гигиенических процедур, для подогрева еды, наборы для оказания первой помощи, навесы для гуляния под дождем. Естественно, там находятся песочницы, по возможности, достаточно большие, чтобы можно было осуществлять грандиозные строительные замыслы. Там должны быть качели, карусели, горки, стенки и другие приспособления для лазания, перелезания, лабиринты, разнообразные поверхности, требующие особых навыков для их преодоления, домики, шведские стенки, бревно для удерживания равновесия и паутина, по которой можно карабкаться, тренажеры силы и ловкости. Все эти традиционные занятия оформляются в каком-то определенном стиле.

Выходя с ребенком гулять, нужно проверять, все ли на детской площадке устроено прочно и надёжно. Вертелки, качалки, спуски, брусья, лазилки и т.п. – на каждом снаряде свои опасности. Можно прищемить руку, отдавить ногу, удариться головой, посадить занозу, резко двинуться и стукнуться, отпустив страховку. Нужно приучить детей к тому, что когда они лезут куда-нибудь, в особенности в первый раз, они должны иметь три точки опоры, из которых нестабильной может быть только одна. Едва успеет ребенок научиться преодолевать одни опасности, как тут же возникают другие. Нужно уметь видеть опасность с позиции ребенка – например, присесть на корточки и посмотреть вокруг. Что может привлечь внимание? Куда захочется залезть, что тянет открыть, взять в рот? Исследовательская деятельность и экспериментирование чрезвычайно полезны, но приступать к ним следует с осторожностью. На детских площадках не

должно быть бытовых осколков, другого опасного мусора, остатков еды. Не рекомендуется привлекать, подкармливать, птиц и других животных, которые могут быть переносчиками болезней.

Детские площадки в США обычно не требуют любования природой, они функциональны, некоторые направлены на обучение экспериментированию (например, там есть игры с водой), конструированию (есть большие удобные блоки). В Финляндии оборудование отвечает европейским стандартам, но само пространство обязательно вписывается в лес или парк, заставляет замечать сезонные изменения, учитывать природные или искусственно насыпанные холмы и другие особенности рельефа (в частности, скалы, водоемы). Почти всегда на площадках есть домики, где проводятся музыкальные и спортивные групповые занятия для мам с младенцами или для мам, которые сидят дома с несколькими детьми. Там же есть информация для родителей, организатор осуществляет работу с молодежью. На площадки приходят учащиеся младших классов после учебы, там они могут съесть поддник, сделать уроки под руководством досугового педагога, научиться новым играм в помещении и на свежем воздухе. Во Франции детские площадки традиционно устраиваются в больших парках, и среди предлагаемых, как правило, типичных занятий обязательно наличествует игра в шары. В Дании, как кажется, все решения дизайнерские, уникальные и авторские, заставляющие ощутить себя персонажем сказки, то увеличиться, то уменьшиться в размерах, не просто передвигаться, а участвовать в квесте. Сочетание фабричных и природных материалов вызывает радость узнавания, что откуда взялось и чем стало.

Разнообразные отношения между окружающей средой – родителями – детьми предполагают, что семьи не только пользуются ближайшими местами игры, но и ездят в разные парки, чтобы ребенок попробовал себя в новых условиях. Педагогика пространства играет существенную роль в самопознании.

Библиографический список:

1. Аралова Е. Перепродумать школу. <http://eddesignaward.com/elena-aralova-interview> (дата обращения 14.04.2018).
2. Парамонова Л. А., Протасова Е. Ю. Дошкольное и начальное образование за рубежом: История и современность. М.: Академия, 2001.
3. Протасова Е.Ю. Новые практики взаимодействия с родителями дошкольников и школьников в Финляндии // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 146–158.
4. <https://mel.fm/detskiye-ploshchadki/4607891-playgrounds> (дата обращения 14.04.2018).
5. https://mel.fm/detskiye-ploshchadki/9671452-british_playgrounds (дата обращения 14.04.2018).

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

Прямикова Е.В., доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии. Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург, Россия)

E-mail: pryamikova@yandex.ru

Аннотация. Как сегодня символически определяется образование в небольшом городе, образованном в середине 20 века? Образование в пространстве индустриального города играет различные роли – поставляет кадры для местного завода, является источником воспоминаний о счастливом детстве, предметом гордости за свой город. Особое пространство детства, определяемое как код жизни, сегодня полностью соответствует характеру небольшого города как семейного, «камерного». В статье использованы материалы проекта «Места памяти в молодых уральских городах: особенности построения идентичности».

Ключевые слова: индустриальный город, образование, символический капитал

Abstract. How today is defined education in a small town formed in the middle of the 20th century? Education of industrial town plays different roles. It supplies personnel for a local plant, is a source of memories of a happy childhood, a source of pride for their city. The special space of childhood defined as the code of life. Today it corresponds to the character of a small town as a family, "chamber". In the article are used the materials of the project "Places of Memory in Young Urals Towns: Identity Construction".

Keywords: industrial town, education, symbolic capital

Индустриальные малые и средние города представляют собой сегодня крайне интересный предмет исследования. Во-первых, для поиска путей выхода из индустриальной, часто монопрофильной, «ловушки», когда изначально заданная специализация производства представляется в качестве единственно возможной. Практики жизнеобеспечения населения, его потребности и настроения могут стать важной составляющей преодоления индустриальной «ограниченности». Во-вторых, представляют интерес особенности «производства пространства» (понятие А. Лефевра) в таких городах. Можно предположить, что вариации символического капитала будут отличаться в городах с «короткой» и «длинной» историей.

Социальное пространство, по П. Бурдьё, присваивает и изменяет физическое посредством собственных внутренних процессов различения. В концепции французского историка Пьера Нора формирование территориальной идентичности происходит за счет символического выделения / подчеркивания особых мест.

В ходе реализации проекта «Места памяти в молодых уральских городах: особенности построения идентичности» были выделены такие ме-

ста, и, безусловно, значимым для горожан является образование. В таких поселениях до сих пор сохраняется развернутая система детского дополнительного образования. Результативность работы этой системы высоко оценивается в советском прошлом, подчеркивается в настоящем, и до сих пор является предметом гордости жителей таких городов.

Описывая мнение жителей, мы опираемся на данные исследования «Места памяти в молодых уральских городах: особенности построения идентичности» (поддержано РГНФ и Правительством Свердловской области, № 13-13-660, 2013-2014 гг.). В исследовании участвовали четыре города Свердловской области – Заречный, Качканар, Краснотурьинск, Лесной. Основной метод - мобильное сопровождающее (go-along) интервью, всего опрошено 41 человек в возрасте от 13 до 77 лет. В силу специфики go-along интервью тема образования проявлялась в ходе прогулки или поездки по городу, когда информант сам определял маршрут и конкретные места, демонстрируемые исследователям.

В каждом городе практически все информанты показывали места, связанные с образованием. Истории детства очень часто озвучиваются в связи с упоминанием образования.

«Вот старая спортшкола, я в ней когда-то занимался. Тоже за сборную области бегал на лыжах. А это вот новую построили» (КрМ34).

«Для меня это знаковое место... там моя жизнь, можно сказать, началась... именно школа, вот эта, определила мое будущее. ...Здесь у нас очень много растет барбарисов, со своим специфическим (улыбается) ароматом они здесь. Ну вот я помню, что идешь с художественной школы, несколько веточек нарвешь, так по дороге и слопаешь и маме принесешь, чтобы она чай заварила (ЗЖ21).

Молодые города гордятся своими учреждениями среднего основного и дополнительного образования: «Качканар славен образованием...» (КМ59). В каждом городе, где проходило исследование, мы услышали много рассказов о заслугах образования и победах на различных, прежде всего детских конкурсах.

«А вот это у нас детская школа хореографии с зеленым значком, у меня туда дочка ходит. Они ездят везде; Турция, Болгария, Чехия, Франция – везде были. Все места хорошие, очень она у нас как бы ценится» (ЛЖ43)

Победы детей в конкурсах – предмет гордости за свой город. Но, к сожалению сегодня таких возможностей уже гораздо меньше, что тоже постоянно подчеркивается информантами.

«...мы куда ни ездили, у нас всегда есть призовые места. Даже у нас «Бригантина» клуб, где Ирина Валерьевна ведет. И все она нас постоянно раньше куда-то вывозила. «Уральские зори», всякие сборы международные там. Сейчас, насколько я знаю <...> все это прикрывается. Они, конечно, выезжают, но выезжают уже только те... за свой счет, кто может» (КЖ19).

Школы, как и другие детские образовательные организации, безусловно, можно определить как код жизни (по М. де Серто). В Качканаре жители хвастались завершением еще советского долгостроя средней школы, а в Лесном – не так давно построенным детским садом в виде средневекового замка.

«...Современнейшая школа, бассейн есть такой, приличный бассейн. В городе у нас сейчас стало два бассейна. ...Здесь очень большой актовый зал, такой интереснейший, будем говорить. Вообще школа предназначена для современного обучения» (КМ59).

«...Открыли детский садик «Жемчужина» в новом районе. Ну такой он прикольный, вообще. Он как замок сделан, построен, само здание такое, там ворота, вот как, знаете, как башни сделаны у замка, вот вход. Так здорово, красиво» (ЛЖ41)

Еще более интересным с исследовательской точки зрения представляется разрыв в представлениях о роли и значении среднего профессионального и высшего образования в таких городах. Определение качества образования в филиалах вузов как низкого, по мнению чиновников, явно противоречит подчеркиванию значимости таких мест, повышающих статус города, по мнению его жителей. С точки зрения организаторов образовательной деятельности, вузы малых и средних городов не всегда могут обеспечивать качественное образование, нет условий, преподавателям приходится приезжать на занятия. С точки зрения жителей, наличие вуза в городе подчеркивает статус поселения, создает возможность вертикальной мобильности для тех, кто в силу разных причин не может уехать из города.

Так, в Заречном название вуза – это название микрорайона.

«... это район УПИ

И: это неформальное название, да?

Ну это район УПИ названо, потому что вот - институт рядом.

1: УПИ, да, из-за этого прозвали как бы УПИ, все УПИ, УПИ» (КрЖ17).

«У нас есть теперь уже и высшее учебное заведение.

И: Есть уже?

Да, мы как раз мимо него пройдем. Но изначально это было средне-техническое, вот. Учреждение образовательное, потом уже на базе Белоярского энергетического техникума, просто сделали ВУЗ. Я не помню точно название, по-моему МИФИ НИЯУ<...>Но всё же у нас есть где получить и средне-специальное и техническое высшее образование. Естественно конечно специфика Белоярской атомной, они все технические, то есть это в основном программисты, инженеры» (ЗМ23).

Местный вуз обеспечивает кадрами градообразующее предприятие. И участники исследования подробно перечисляют все варианты получения высшего образования в родном городе.

«...это одно из высших учебных заведений у нас в городе, основное, такое здание фундаментальное – технологический институт, филиал национального ядерного университета Московского инженерно-физического

института, если короче ТИ НЯУ МИФИ... <...>хоть мы и обучаемся в городе Лесном, диплом у выпускников – он московский...

И: Вы здесь учились?

Мы здесь, вот оба учились здесь (речь идет о жене). <...>Здесь три специальности основных – это инженер технологии машиностроения, основное направление на комбинат, потом автоматизация управления, то есть грубо говоря, электроника, электронщик, то есть тоже идет на комбинат, основное направление и экономист.<...>на преддипломную практику пойдешь на комбинат, тебя уже заметят, то есть тебя уже увидят, твои способности, тебя могут куда-то определить... <...>Дальше у нас какие ещё институты есть <...>Институт, филиал УрФУ, по-моему и экономики, управления и права, тоже на экономистов там учат, а дальше...» (ЛМ28)

Ситуация в местных вузах напрямую связывается с экономическим положением градообразующего предприятия.

«Дневное, дневное (подчеркнуто). Сейчас, кажется, вообще постоянно здесь. В мою бытность что-то было было 2 года здесь и 3 года в Екатеринбурге. Как-то вот так. На металлургов учились. Металлурги, турбинисты, строители. Я сейчас просто не могу точно сказать, что осталось, потому что тоже определенные проблемы уже идут, потому что учить-то... Завод закрывают, металлурги уже не нужны» [КрМ34].

Ключевой фразой рассказов о своем городе стали высказывания в духе «молодежь уезжает». Для всех изучаемых городов характерно убывание численности населения, в том числе и для таких экономически благополучных как город Заречный. Способно ли образование остановить эту тенденцию или наоборот является трамплином, предопределяющим исход из родного города?

Образование в пространстве индустриального города играет различные роли – поставляет кадры для местного завода, является источником воспоминаний о счастливом детстве, предметом гордости за свой город. Развивая детей, расширяя пространство их возможностей, фактически закладывает основу для их отъезда в будущем. В то же время, в отличие от советских представлений о таком городе как ячейке индустриального производства, сегодня такое поселение рассматривается как экологически более благополучное (город тихий, зеленый), более камерное (спокойное, все друг друга знают). Особое пространство детства в небольшом городе рассматривается как насыщенное кодами жизни. Такое видение города может стать хорошей основой для поддержания жизнедеятельности таких поселений.

Библиографический список:

1. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

2. Веселкова Н., Прямикова Е., Вандышев М. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Том XVI. №3. С.101-111.

3. Де Серто М. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Том 7. № 2. С. 24-38.

4. Прямикова Е., Веселкова Н., Вандышев М. Детское образование в пространстве молодого индустриального города: смыслы и приоритеты // Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Екатеринбург: 19-21 октября 2016 г.

5. Веселкова Н., Прямикова Е., Вандышев М. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016.

6. Трубина Е. Г. (2013). Примиряясь с упадком: руины 2.0 // Неприкосновенный запас. № 3. С. 175-194.

СПОСОБЫ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ПОДРОСТКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM)

Пупкова Д.А., студент, Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург, Россия).

Аннотация: В данной статье представлены результаты исследования, посвященного обусловленности вариантов самопрезентации подростков в социальных сетях и характеристикам создания виртуального образа.

Ключевые слова: социальная сеть, самопрезентация, виртуальное пространство

Abstract: This article presents the results of a study on the self-presentation of teenagers in social networks. The conditionality of their participation and the significant characteristics of creating a virtual image are considered.

Keywords: social network, self-presentation, virtual space.

Развитие сети Интернет происходит подобно взрыву. Социальные сети занимают все больше места в нашей жизни, растет не только количество пользователей, но и количество различных социальных сетей.

Термин «социальная сеть» был введен в 1954 г. социологом из «Манчестерской школы» Дж. Барнсом в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе». Он дополнил изобретенный в 30-е годы подход к исследованию взаимосвязей между людьми с помощью социограмм, то есть визуальных диаграмм, в которых отдельные лица представлены в виде точек, а связи между ними — в виде линий. Барнс пришел к выводу, что размер социальной сети вокруг одного индивида составляет примерно 150 человек.

Понимание социальной сети с того времени, безусловно, изменилось, немалую роль в этом сыграло развитие технологий, благодаря которым появились онлайн сети. После развития сети Интернет термин «социальная сеть» приобретает другое значение. Социальная интернет-сеть - это интер-

активный многопользовательский веб-сайт, обладающий рядом обязательных качеств:

- сами пользователи являются создателями контента;
- сайт является средой, в поле которой пользователи самостоятельно взаимодействуют друг с другом и создают тематические группы;
- пользователям доступны функции коммуникации с другими пользователями и социальными объектами.

Социальную сеть Instagram мы можем по праву считать своего рода социокультурным феноменом. Появившись в 2010 году она мгновенно приобрела огромную популярность у пользователей со всего света. Именно здесь мы можем обмениваться сотнями фотографий, изменять их как нам угодно. Эта социальная сеть стала платформой для самопрезентации, что немаловажно для подростков. Важная для пользователей черта виртуальных социальных сетей - это невидимость, анонимность. Данное свойство помогает не только немного поправить наш образ в лучшую, по нашему мнению, сторону, но и полностью его видоизменить.

Кардинально меняя свой интернет-образ, мы можем управлять впечатлением, которое производим на собеседника. Виртуальный образ отображает потребность в признании, популярности, он замещает «плохой» реальный образ пользователя.

Не последнюю роль в процессе создания образа играет аватар на странице социальной сети, ведь одна из его основных функций — обратить внимание других пользователей, подать человека в выгодном свете, показать лучшие стороны. Недаром многие фотографии, доступные для просмотра, либо заказывают у профессиональных фотографов, либо долго и тщательно отбирают из фотографий, созданных самим пользователем. Некоторые пользователи остаются верны одному аватару на протяжении многих лет, а бывают и те, кто меняет его согласно настроению, внутреннему состоянию, возрасту и т.д.

Самопрезентация личности в социальных сетях - это целенаправленное или стихийное, сознательное или неосознанное предъявление личности себя, а результатом является сформированное впечатление у собеседника по интернет-общению. Таким образом, становится актуальным выяснение широты возможностей самопрезентации, которые предоставляют социальные сети.

Несмотря на актуальность, существует очень мало исследований, которые бы рассматривали вопросы самопрезентации человека в социальных сетях. Однако все больше и больше исследователей обращают внимание на данную тему. В фокусе нашего исследования - обусловленность вариантов самопрезентации и характеристики создания виртуального образа.

Метод, который был использован для проведения исследования, — фокус-группа, в которой участвовали 8 подростков-девочек.

В ходе исследования было выделено несколько мотивов регистрации подростков в социальной сети Instagram:

1. По примеру родственников и друзей. Это наиболее распространенный вариант, так как в подростковом периоде ярко проявляется потребность в общении, одобрении и принятии в обществе:

«По большей части я зарегистрировалась для того, чтобы следить за какими-то... за жизнью моих друзей, ну и как бы больше знать о них, и для того, чтобы делиться своими фотографиями, чтобы их кто-то видел, оценивал мой профиль»

2. Интерес к чему-то новому:

«Ну, когда я зарегистрировалась, там еще не было такого, что там все мои друзья были зарегистрированы, просто это было что-то новое, интересное. Да и просто узнать, что это такое, просто посмотреть»

3. Для того, чтобы следить за жизнью звезд. Подписавшись на аккаунт любимой звезды, подросток может не только каждый день узнавать о буднях кумира, но и почувствовать себя наравне с ним:

«...Ну есть аккаунт исполнителя, я смотрю его видеоролики, каверы. Там все посвящено его творчеству».

4. Для повышения самооценки. Часто подростки регистрируются в социальных сетях, для того, чтобы доказать себе свою привлекательность, выставляя фотографии и получая лайки, которые стали своеобразной «оценкой красоты»:

«Часто от своей подруги я слышу, что она зарегистрировалась для поднятия самооценки, для самоутверждения, что она многим нравится и значит она красивая».

На основе данных, полученных в ходе фокус-группы, мы смогли выделить несколько аспектов создания подростками виртуального образа в социальной сети:

1. Написание текста

Несмотря на то, что Instagram – это социальная сеть фотографий, в последнее время все чаще можно увидеть, что внимание уделяется не только фотографии, но и тексту:

«Ну, вот инстаблогеры же всегда очень подробно подписывают фотографии и рассказывают о чем-то, делятся. Я считаю, можно и писать такие тексты, а можно и не писать»

«С помощью таких вот текстов небольших мы можем узнать человека, его мысли, о чем он думает, но я думаю, что всего должно быть в меру».

2. Границы дозволенности.

На вопрос о том, должны ли быть границы, и о том, что нельзя выкладывать в Интернете, мнения разделились.

Одни считают, что интернет – это место для творчества, и здесь можно выкладывать все, что захочется:

«Ну, по сути, это открытая площадка, ты можешь делать все, что ты хочешь. Ну как бы если ты открыт, то почему бы нет? Выкладывай все, что тебе нравится, все что... Ну как бы все равно найдутся те люди, которым это будет по душе, и как бы твоя аудитория тебя найдет всегда. И поэтому

не знаю, ставить какие-то рамки, ограничения... Если тебе это нравится, тогда почему ты должен сам себя ограничивать?».

Есть и противоположная точка зрения:

«Ну, конечно, какие фотографии выкладывать в профиль зависит от нравственных границ каждого, но я думаю, что должны быть какие-то ограничения. Допустим... в поведении там, в своих фотографиях ничего не должно такого быть. Или надо закрывать профиль, потому что страничка может оказаться не в тех руках»;

«Я думаю, должны быть рамки особенно для популярных людей, потому что их смотрит большая аудитория. Они могут действовать... на настроение общества, ну, как-то, может манипулировать даже».

4. Обработка фото, использование специальных приемов для съемки (красивый фон, свет и др.), с одной стороны, рассматривается подростками как возможность экспериментировать со своим образом. Но, с другой стороны, все участники фокус-группы отметили, что не стоит увлекаться созданием образа в интернете:

«Я считаю, что если человек, хочет создавать идеальный мир, может выкладывать какие-то красивые фотографии, редактировать их, но слишком сильно в это не углубляться, чтобы люди тоже знали, какой ты на самом деле»;

«Ну, я думаю, что не стоит себя так идеально преподносить, все слишком обрабатывать, что до неузнаваемости, потому что всегда будут люди, которые видят тебя в реальности... ну и они будут знать, что вы из себя какого-то персонажа делаете».

Исследование на тему самопрезентации в социальных сетях вызывает интерес, прежде всего, у самих подростков, им нравится рассуждать, рефлексировать по этому поводу. Анализ данных процессов не только с негативной стороны, но и с позитивной, помогает более конструктивно относиться к увлеченности подростков общением в социальных сетях. Так можно более эффективно найти адекватные формы взаимодействия, способствующие развитию позитивных, социально одобряемых качеств личности.

Библиографический список:

1. Винник В. Д. Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторингу // Философия науки. 2012. №4 (55). С. 110-126.

2. Barnes J. A. Class and Committees in Norwegian Island Parish // Human Relations. New York: Hafner Press, 1975.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТСТВА: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Роготен Н.Н., кандидат географических наук, доцент, кафедра экономической и социальной географии им. акад. РАО В.П. Максаковского, ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет, (г. Москва, Россия)

E-mail: nnrogoten@yandex.ru

Аннотация: Детство – важный период в жизни, во многом определяющий будущее человека, потому оно должно быть полноценным, справедливым и соответствующим возможностям каждого ребенка. Но в реальности положение детей далеко от идеального. Существует целый ряд проблем, присущих тому или иному региону мира, той или иной стране, т.е. имеющих географическую специфику.

Ключевые слова: детство, положение детей, проблемы детства.

Abstract: Childhood is an important period in life, which in many ways determines the future of a person, because It must be full, fair and appropriate opportunities for each child. But in reality, the situation of children is far from ideal. There are a number of problems inherent in a particular region of the world, one country or another, that is, they have a geographical specificity.

Keywords: childhood, situation of children, problems of childhood.

Детством называют период жизни человека, временные рамки которого ограничены рождением и началом взрослой жизни (0-18 лет). Это время, когда дети растут, развиваются, играют, учатся, нуждаясь в любви и поощрении со стороны родителей и других взрослых. И всё это время они должны быть свободными от страха, защищенными от голода, насилия и эксплуатации. Но именно эти проблемы омрачают или лишают детства подрастающее поколение большинства развивающихся стран. Нельзя сказать, что и дети развитого мира полностью благополучны.

Количественные данные о детях в мире предоставляет Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) – структура, которая с момента своего появления в 1946 г. ставила своей целью оказание помощи всем нуждающимся детям. В год образования это касалось примерно 20 млн. детей, проживавших в лагерях для беженцев или в полностью разрушенных войной городах.

На рубеже веков примерно каждый третий житель планеты был в возрасте моложе 15 лет (табл. 1).

Таблица 1 - Динамика численности детей в мире [1, 2]

	2000		2016		2017		2050	
	млрд. чел.	%	млрд. чел.	%	млрд. чел.	%	млрд. чел.	%
Численность населения мира,	6,1	100	7,5	100	7,6	100	9,5	100
Численность детей в возрасте до 15 лет	1,8	29,5	2,7	36	2,85	37,5	2,1	22

В ближайшие десятилетия в мире прогнозируется незначительное увеличение численности детей (0–14 лет) при снижении их доли в общей численности населения. Причина такого положения – демографическая ситуация в Африке и увеличение численности этой группы в странах Северной Америки и Океании. В то же время в остальных регионах мира численность детей и молодежи снижается [2]. Доля детей в разных странах может существенно отличаться. Это объясняется культурными, демографическими, социально-экономическими и иными особенностями.

В ежегодном докладе ЮНИСЕФ в 2016 г. отмечалось, что каждый ребенок от рождения обладает равным неотъемлемым правом на здоровое развитие, образование, безопасное и обеспеченное детство. Но миллионы детей во всем мире лишены своих прав и всего необходимого для того, чтобы вырасти здоровыми и сильными. Никакие другие факторы так пагубно не сказываются на жизни миллионов детей, как страна их рождения, община, гендерная принадлежность или условия, в которых они родились. Трудности обеспечения детей всем необходимым зависят от наличия/отсутствия политической воли и ресурсов конкретного государства, от объединения усилий по устранению несправедливости и неравенства.

Если в политике большинства государств ничего не изменится, то в период до 2030 г. умрет около 69 млн детей в возрасте до 5 лет. И это при условии, что с 2000 г. удалось сократить детскую смертность почти в 2 раза – до 5,6 млн чел., а число погибших детей в 2016 г. было минимальным за всю историю наблюдений. Наиболее высокий уровень детской смертности отмечается в Южной Азии и Тропической Африке – 39 и 38 % соответственно. Страновые антирекорды выглядят так: Индия – 24, Пакистан – 10, Нигерия – 9 и Эфиопия – 3 % [2].

Обеспечение выживаемости детей требует устранения различий в показателях материнского здоровья. До сих пор примерно 30 % детских смертей приходится на роды. А высокая материнская смертность сохраняется, в том числе потому, что до 2030 г. примерно 750 млн. девочек выйдет замуж в детском возрасте, т.е. насильственно. По данным исследования 2016 г. в 44 % случаев замуж отдают девочек в возрасте до 15 лет [2]. Цепочка последствий раннего замужества такова: угроза будущему отдельных детей и увековечивание порочного круга бедности и неравенства, наследование бедности, подрыв стабильности общества.

Другая проблема – это нищета. Усилия государств значительно снизили вероятность жизни в нужде для детей, родившихся в последние годы. У них на 40 % больше шансов дожить до 5-летнего возраста и поступить в школу. Но, вполне возможно, что к 2030 г. в условиях крайней нищеты будут жить 167 млн. детей.

Из всего множества сфер, где дети сталкиваются с неравенством, особое внимание уделяется здоровью, образованию и уровню жизни, точное название проблемы бедности (табл. 2) [3, 4, 5, 7, 8].

Таблица 2 - Характеристика основных проблем современного детства

Проблема и ее содержание	Следствия	Пути решения	География
<i>Здоровье детей:</i> различия выживаемости, доступность квалифицированных специалистов; доступность вакцин и полноценного питания.	Высокая младенческая, детская и материнская смертность; высокая доля родившихся с ВИЧ-инфекцией.	Вакцинация населения (40% детских вакцин предоставляет ООН); гуманитарная помощь.	Африка южнее Сахары; Южная Азия
<i>Образование детей:</i> 25% (130 млн.) детей развивающихся стран не ходит в школу. Большинство из них — девочки.	К 2030 г. более 60 млн. детей младшего школьного возраста не будут посещать школу. Затем они пополнят ряды прекариата.	Раннее образование и равенство полов.	Африка южнее Сахары; Азия, Латинская Америка
<i>Детский труд:</i> в развивающихся странах трудятся 168 – 250 млн. детей (оценка МОТ), в т. ч. 85 млн. заняты на опасных работах. Труд детей применяют в 135 странах.	Детский труд вызывает серьезные психологические и физиологические повреждения: отставание в развитии, профессиональные заболевания, дети включены в рабство, проституцию и порнографию, в вооруженные конфликты.	Государства мира к 2025 г. обязались искоренить все формы детского труда. Система Альбины де Буаструвре (фонд FXB). Выявление детского труда в цепочках поставок товаров и услуг.	Численность работающих детей: Азия - 153 млн., Африка – 80, Лат. Америка - 17. Меньше всего заняты дети стран Персидского залива. В Европе и Центральной Азии - 4,1%.
<i>Детская бедность:</i> Бедность тесно связана с проблемой питания. От задержки роста страдают 155 млн. детей в возрасте до 5 лет (23%), 17 млн. детей подвержены тяжелым формам истощения.	Недоедание и отставание в физическом развитии, увеличивает риск снижения умственных способностей, отставания в школе и в труде, смерти от инфекций.	Программы социальной защиты; сокращение масштабов бедности, повышение уровня доходов населения.	Самая высокая доля истощенных детей: Южная Азия – 15%, Юго-Восточная Азия – 9%. Тропическая Африка – 200 млн. детей
<i>Проблема беженцев:</i> рост числа локальных и региональных военных конфликтов.	Рост числа беженцев в мире – не менее 60 млн. чел., 1/2 из которых составляют дети.	Сокращение числа военных конфликтов.	Афганистан, Ирак, Йемен, Ливия. Сирия, Нигерия
<i>Участие детей в вооруженных конфликтах:</i> появление легковесного оружия сделало возможным использование детей как солдат.	Участвуют в террористических группировках, личных армиях.	Сокращение числа военных конфликтов	Афганистан, Ирак, Ливия. Сирия, Нигерия
<i>Дети в интернет - пространстве:</i> безопасность молодого поколения в мировой паутине.	Отсутствует доступ к образованию (350 млн. подростков в мире не имеют выхода в интернет, например, в Африке 50%). Сексуальные домогательства в интернете.	Увеличение доступности интернета, при повышении защищенности детей в сети.	РФ, США, Канада, Франция и Нидерланды - 92% всех интернет - преступлений на сексуальной почве в мире.

Все проблемы детства развивающихся стран тесно взаимосвязаны. Проблема бедности лишает детей возможности получать образование и вынуждает работать, чтобы выжить. Дети составляют почти 10% всех работающих в мире. Около половины из них выполняет опасные виды работ: опрыскивание пестицидами (более 70% работающих детей заняты в сельском хозяйстве), спуск в шахтные стволы, ныряние для распутывания рыболовных сетей. В списке стран-эксплуататоров детского труда лидирует Мьянма.

Другая логическая схема связана с регионами, пострадавшими от конфликтов, войн и природных бедствий. Результат этих событий – разрушение жилых домов и объектов социальной инфраструктуры и государственных систем социальной защиты. Всё это увеличивает риск детского труда. Дети беженцев и мигрантов рискуют потеряться во время пути, поэтому особенно уязвимы и могут стать жертвами торговли людьми и детского труда. Например, миграционный кризис в Европе привел к пропаже 10 тыс. детей. Оставшиеся без внимания дети вовлекаются в наихудшие формы детского подневольного труда: их заставляют воевать, используют в качестве шпионов, они становятся жертвами торговли органами, сексуальной эксплуатации и насилия.

Последствия изменения климата усугубляют риски наиболее обездоленных детей: свыше 1,5 млрд. детей живут в районах, которые подвергаются наводнениям, а 160 млн. детей живут в засушливых районах. Регион, которому грозит массовый голод – Африка. По прогнозам, здесь могут погибнуть до 19 млн. чел. в 6 государствах – от Малави до Лесото на юге [6].

Проблемы детства в развитых странах и РФ несут совсем иной характер. В прошлом году в нашей стране была зафиксирована максимальная численность детей за последние 15 лет – почти 27 млн. чел. (18,3% населения страны). Самая высокая доля детей отмечается в Тыве и Чечне – более 34% и Ингушетии – 29%. Наименьшие показатели – около 15% у двух столиц. Эксперты связывают увеличение доли подрастающего поколения с ростом рождаемости и притоком мигрантов, которые едут в Россию целыми семьями [9]. В этой связи изучение территориальных различий детства актуально.

Библиографический список:

1. Медицинский портал MedaboutMe «Медицина обо мне» [Электронный ресурс]. URL. : https://medaboutme.ru/mat-i-ditya/publikacii/stati/detstvo/?utm_source=copypaste&utm_medium=referral&utm_campaign=copy_paste (дата обращения 25.04.2018).

2. Изменение возрастной структуры населения и устойчивое развитие. Доклад Генерального секретаря. Пятидесятая сессия 3–7 апреля 2017 года – URL. : www.un.org (дата обращения 25.04.2018).

3. Утман Самир Утман. Социологический многофакторный анализ положения ребенка в современном мире : На примере стран арабского региона : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.06 Социология культуры, духовной жизни. – М., 2002. – 182 с.

4. Миклашевская, А. Более 40 млн. человек в мире живут в рабстве [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 19.09.2017. URL. : <https://www.kommersant.ru/doc/3415336> (дата обращения 25.04.2018).

5. Чмеленко, Ю. И шоколадка может убить детей пестицидами [Электронный ресурс]. URL. : <https://www.pravda.ru/society/how/08-08-2013/1169119-world-0/> (дата обращения 20.04.2018).

6. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире [Электронный ресурс]. URL. : <http://www.fao.org/state-of-food-security-nutrition/ru/> (дата обращения 25.04.2018).

7. Доклад Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) «Положение детей в мире, 2016 год: справедливые возможности для каждого ребенка» [Электронный ресурс]. URL. : <https://www.asi.org.ru/article/2016/07/08/doklad-opolozhenii-detej-v-mire/> (дата обращения 25.04.2018).

8. Доклад Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) о положении детей в мире на 2017 год «Дети в цифровом мире» [Электронный ресурс]. URL. : http://kg.one.un.org/content/dam/unct/kyrgyzstan/docs/Library/SOWC_2017_Russian_SUM_e_book.pdf (дата обращения 25.04.2018).

9. Официальный сайт Комиссии ООН по народонаселению (ЮНФПА) [Электронный ресурс]. URL. : <https://www.unfpa.org/>

10. <http://mosaica.ru/ru/federal/news/2017/10/04/chislennost-detei-v-rossii-dostigla-maksimalnoi-otmetki-za-15-let> (дата обращения 25.04.2018).

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ УСЛУГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ: СТАНДАРТЫ, БАРЬЕРЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Савинская О.Б., кандидат социологических наук, доцент, НИУ Высшая школа экономики (г. Москва, Россия)
E-mail: osavinskaya@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению пространственного конструирования социальных услуг для ребенка и семьи в Центрах социальной помощи семье и детям (Центры) в г. Москве. Делается акцент на развитие услуг, повышающих мобильность маломобильных граждан, в том числе развитие услуг на дому и услуг по сопровождению ребенка по городу.

Ключевые слова: социальная услуга, семьи с детьми, доступность социальной услуги, пространственные характеристики социальной услуги.

Abstract. The study of the spatial construction of social services for the child and the family in the Social Centers in Moscow describe and systematize the spatial barriers faced by children, parents and social workers. The research figured out that the availability to social services for families with limited mobility children (disabled or early age) related to transport accessibility to the place of receiving services.

Keywords: spatial approach to social work, a social service, families with children, accessibility of social services, spatial characteristics of social services.

Пространство осуществления социальных услуг для семей с детьми является частью более широкой городской среды, к качеству которой современные семьи предъявляют все больше требований. Результаты последних исследований свидетельствуют о формирующемся запросе российских семей на дружелюбную городскую среду и пронизанное/открытое, доступное для взрослых с детьми городское пространство. Как отмечают Л. Шпаковская и Ж. Чернова, мобильность и возможность перемещений становится значимой ценностью повседневной жизни современных родителей (в особенности) из городского среднего класса [1: 166]. Эти данные отчасти согласуются с исследованием А. Филиповой и др. [2]: территориальная доступность обозначается родителями, детьми и экспертами в качестве одного из четырех «целевых факторов» «развития городской доброжелательности» к детям (наряду с безопасностью, комфортом и направленностью на развитие).

Новый федеральный закон 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 установил новые принципы предоставления социальных услуг разным категориям граждан, в том числе семьям с детьми. Принятие закона также сопровождалось реинституционализацией системы социального обслуживания, в частности, реформированием сети государственных Центров социальной помощи семье и детям (далее — Центры). Принятый закон и новая практика предоставления социальных услуг для семей с детьми вызвала неоднозначные оценки со стороны специалистов. В частности, критике подвергся сам закон за большую ориентацию на пожилых, и в меньшей степени — на семьи с детьми; и заложивший в него количественный подход к услуге [3].

Содержание критики, раздающейся со стороны государственных и негосударственных организаций, показывает, что при рассмотрении социальной услуги доминирует *статичная концептуальная оптика*, оставляющая за пределами пространственное измерение социальной услуги, которая зачастую оказывается решающей при оценке качества ее оказания. Присоединяясь к мнению ряда социальных исследователей о невозможности игнорирования влияния мобильности и динамичности современного мира и, в особенности жизни в мегаполисах, на конфигурацию и воспроизводство социальных отношений [4], в том числе тех, которые возникают в сфере социальной помощи семье и детям [5], мы заменили традиционный статичный концептуальный фокус *более мобильной, пространственной оптикой* рассмотрения качества социальных услуг семьям и *соответствия этих услуг городскому семейному образу жизни*.

Целью нашего исследования является анализ пространственных характеристик оказания социальных услуг для семей с детьми Центрами социальной помощи, а также барьеров, рисков и возможностей улучшения качества услуг за счет корректировки их пространственных характеристик.

В основе исследовательского дизайна лежит стратегия смешивания методов [6] с применением параллельного триангуляционного дизайна. Первый, качественный, этап исследования был нацелен на прояснение со-

отношений репрезентаций пространства оказания социальной услуги (где, в какое время и как, социальным работникам предписывается предоставлять социальную услугу) с пространственными практиками оказания (где, в какое время и как социальные работники осуществляют социальные услуги) и получения (где, в какое время и как семьи с детьми готовы получать соц. услугу) социальных услуг. Эмпирическую базу, собранную в марте-июне 2016 г., составили 2 фокус-группы с участием 22 специалистов и 47 интервью с детьми и их родителями (или лицами их заменяющими), посещающими Центры. Параллельно для триангуляции и конвергенции качественных данных был реализован второй, количественный этап, в ходе которого было проведено онлайн-анкетирование руководителей и заместителей Центров и их филиалов.

Система социального обслуживания является частью экологического контекста, в котором проживает ребенок и семья. Контекст является многоуровневым, и разные уровни оказывают разное влияние на жизнь ребенка. Самым близким и влиятельным для семьи и ребенка является контекст дома. Именно поэтому предполагается, что оказание услуг на дому оказывает наиболее благоприятное влияние на поведение и самочувствие ребенка и родителей. На сегодняшний день на уровне российского законодательства (442-ФЗ) установлены три формы оказания социальных услуг, отличающихся местом и временем их предоставления: полустационарные, стационарные и надомные. В Центрах г. Москвы оказываются, по преимуществу, первые две формы. Услуг на дому для семей с детьми немного, однако, они востребованы. Такой специалист работает в семье для достижения разных целей и в течение разного срока. Помимо дома, другие пространства, например, школа, детский сад становятся частью естественного контекста, где протекает значительная часть жизни ребенка. Эти пространства также могут оказывать влияние на его интеллектуальное развитие, эмоциональное, психологическое здоровье и благополучие.

Пространство Центра — это еще одно потенциальное место развития ребенка. Полустационарная форма предполагает пребывание ребенка на территории Центра в течение нескольких часов в зависимости от вида социальной услуги и конкретного Центра. Отчасти это напоминает пребывание в школе или детском саду: ребенок вовлечен в групповые виды деятельности с другими детьми и на протяжении этого времени получает присмотр, частично уход и воспитание со стороны специалистов центра. Групповые формы активности детей — психологические, спортивные, развивающие на внимание, память, моторику, навыки и другие — происходят в игровой форме.

Между тем оказание услуг на территории Центров сталкивается с одной проблемой, которая обозначается как «транспортный барьер». Пространственное расположение Центров на карте Москвы демонстрирует неравномерность их распределения в городе. Одним из способов преодоления этого пространственного барьера может стать расширение услуги социального такси или пополнения автопарка Центров. При этом транспортное средство (автомобиль, автобус), как показывают исследования

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИМИДЖЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АГЛОМЕРАЦИИ ВЛАДИВОСТОКА В РАМКАХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Самойленко П.Ю., кандидат политических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).
E-mail: petersam@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы создания демографически-позитивных условий для развития Владивостока как центра делового сотрудничества России в АТР в рамках так называемого «Восточного вектора». В рамках исследования проанализированы социальные, экономические и имиджевые проблемы, влияющие на закрепление населения на территории агломерации столицы Приморья и развитие демографического капитала города.

Ключевые слова: Демография, качество жизни населения, повышение рождаемости, комфортные условия для воспитания детей, детство, Владивосток, «Восточный вектор», АТР, имидж территории.

Abstract: Article deals with the problem of realization so called Eastern Turn of Russian policy at present time in Vladivostok. Author analyses the comfort terms of children upbringing and rise of population in capital of Primorsky region, image of territory and perspectives of solving demographical problems and rise of birthrate as basis of social stability on the Russian Far East.

Keywords: Demography, quality of life, population, childhood, rise of birthrate, Vladivostok, Asia Pacific, territorial image, Eastern Turn of Russian policy, comfort terms of children upbringing.

Современная российская политика «Разворота на Восток» и создания на базе Владивостокской агломерации центра международного делового сотрудничества в АТР напрямую связана с необходимостью решения социальных, экономических и имиджевых проблем, от которых зависит качество жизни населения. Основная стратегическая задача при этом – повышение уровня жизни на территории и обеспечение ее привлекательности как места постоянного проживания, достижения личностного роста и построения карьеры. На сегодняшний день сохраняется тренд на отток населения из региона, который связан, в том числе, и со сложностями воспитания детей [2, 10, 11].

Полноценному развитию детства в рамках Владивостока мешают несколько основных проблем, в числе которых – высокая стоимость жизни, нехватка мест в средних общеобразовательных школах (особенно в начальных классах), нехватка кружков, спортивных и развивающих секций в детских воспитательных и образовательных учреждениях, малая доступность учреждений ясельного типа для детей до 3-х лет. Также Владивосток

Фергюсона [5], может быть не просто «посредником», обеспечивающим пространственную связность между получателем услуги, но становится местом оказания услуги. Специалисты Центров г. Москвы выражают идею о транспортном средстве (в частности, экскурсионных автобусах) как о способе разнообразить социально-педагогические услуги, предоставляя их в таких новых местах как музеи, парки, выставки.

Для того чтобы подтвердить собранные на качественном этапе факты о нераспространенности надомных услуг для семей с детьми, их востребованности и рисках оказания, было принято решение провести опрос среди руководителей и заместителей Центров. В опросе приняли участие 32 человека из 19 учреждений, из них 59,4 % — директора Центров (представляющие все 19 Центров), 21,9 % — заместители директоров, 18,8 % — руководители филиалов Центров. Данные опроса подтвердили данные качественного этапа. Основным местом оказания услуг является пространство Центра, где оказываются в основном полустационарные услуги, среди которых наиболее популярны социально-психологические, социально-правовые и социально-бытовые. Такие услуги как помощник или няня на дому, а также «сопровождающий по городу» только нарождаются и пока связаны с рисками и низким институциональным доверием как со стороны социальных работников, так и со стороны получателей услуги. В тоже время сложившиеся пространственные практики не должны рассматриваться в качестве барьера для расширения пространства оказываемой социальной услуги: внедрение надомных услуг и услуг сопровождения (пешего или посредством социального такси) по городу должно сопровождаться работой, связанной со снижением взаимного недоверия со стороны получателей и социальных работников и риск-менеджментом.

Библиографический список:

1. Шпаковская Л.Л., Чернова Ж.В. Город, дружественный семье: новое публичное пространство для детей и их родителей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2: 160-177.
2. Филипова А.Г., Ракитина Н.Э. Городская «доброжелательность» к детям: от неравенства к соучаствующему проектированию городской среды (на материалах городов юга Дальнего Востока). Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2017. 188 с.
3. Савинская О.Б., Истомина А.Г., Чалых К.В. Новые социальные услуги для семей с детьми в Москве: потребности и практика реализации. Москва: Акварель, 2016.
4. Урри Дж. Мобильности. Москва: Праксис, 2012.
5. Ferguson H. Driven to Care: The Car, Automobility and Social Work // Mobilities. 2009. 4 (2). P. 275–293.
6. Савинская О.Б., Истомина А.Г., Ларкина Т.Ю., Круглова К.Д. Концептуальные представления о стратегиях смешивания методов (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 21-29.

и Приморский край на сегодняшний день оказались в аутсайдерах по проблеме обеспечения жильем детей-сирот, оборудования детских домов [1, 3, 5, 8]. Кроме того, есть жалобы населения на нехватку педиатров в детских лечебных учреждениях Владивостока. Необходимо выделить и общие негативные для всего населения факторы, которые имеют особое значение применительно к детям как наиболее уязвимой категории – это, прежде всего, экологические проблемы агломерации краевого центра, такие как большое количество несанкционированных свалок, загазованность воздуха, периодически возникающая проблема уничтожения «легких» полуострова Муравьева-Амурского – то есть вырубки лесов прямо в черте Владивостока. В целом можно говорить и о том, что пока недостаточно позитивно развит бренд Владивостока с точки зрения имиджа территории, не сформировано устойчивое мнение у большинства населения о том, что город привлекателен для проживания и развития [2, 4, 9].

Проблемы, связанные с развитием агломерации Владивостока в рамках демографических приоритетов развития Дальнего Востока, можно объединить в несколько групп.

Социальные – в основном это проблемы доступности образования, здравоохранения, социальных сервисов, проблемы экологии территории Владивостокской агломерации.

Культурные – это преимущественно возможность интеграции в городскую урбанистическую культуру и среду детей и молодежи в целях их социализации и закрепления на территории.

Экономические – это уровень располагаемых доходов населения в сопоставительном сравнении с уровнем жизни на территории агломерации, возможность роста благосостояния граждан и, соответственно, расширение возможностей по воспитанию детей и формированию молодого поколения приморцев и владивостокцев, ориентированных на жизнь в рамках агломерации как места комфортного и перспективного для проживания.

Имиджевые – это создание устойчивого имиджа территории в формате бренда Владивостока как экономического, культурного и социально-привлекательного места для проживания, что позволит как создать условия для улучшения общей демографической ситуации, закрепить население и добиться пространственно-территориальной социализации детей и молодежи, так и сформировать возможности для качественной миграции в регион граждан с высокими показателями человеческого капитала.

Вместе с тем, анализ указанной проблематики показывает, что устойчивое развитие территории с точки зрения демографии должно основываться на комплексном подходе, то есть на совместном решении всех вышеуказанных проблем. При этом вектор устойчивого развития Владивостокской агломерации должен основываться на естественном приросте населения, социальной пропаганде детства как социальной ценности, создании условий для развития детей и молодежи в рамках городской среды, что позволит стабилизировать количественные показатели населения на территории, создать условия для поступательного пространственного и

экономического развития столицы Приморья как региона, привлекательно для проживания [6, 7].

Нельзя не отметить, что с точки зрения формирования имиджа города, в последние годы во Владивостоке сформировались неплохие условия, поскольку Владивосток кардинально преобразился благодаря подготовке к Саммиту АТЭС 2012 года, продолжается его развитие как места ежегодного проведения Восточного экономического форума с участием высших должностных лиц России и ряда ключевых стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Северо-Восточной Азии.

К числу приоритетных задач с точки зрения демографического развития агломерации Владивостока в настоящее время можно отнести следующие шаги:

- Решение комплекса экономических и социокультурных проблем развития территории города;
- Улучшение экологической ситуации и рациональное пространственное развитие города;
- Создание устойчивого положительного имиджа Владивостока.

Успешность решения данных вопросов, а также грамотной информационной деятельности органов власти по формированию позитивного имиджа Владивостока будет напрямую влиять на решение актуальных демографических проблем территории, в том числе будет способствовать формированию здорового и интеллектуального поколения приморских детей и молодежи.

Библиографический список:

1. Активисты ОНФ выявили системные нарушения при оборудовании территорий детских домов во Владивостоке URL: // Общероссийский народный фронт, официальный сайт. 22.11.2016 <http://onf.ru/2016/11/22/aktivisty-onf-vyyavili-sistemnye-narusheniya-pri-oborudovanii-territoriy-detskikh-domov-vo/>.
2. Василенко И.А. Современный имидж российских регионов: проблемы формирования // «Интеллектуальная Россия». URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m12-2012/17323-sovremennyimidzh-rossiyskiy-regionov-problemy-formirovaniya.html>
3. Взрослые проблемы детских садов Владивостока // «Комсомольская правда на Дальнем Востоке», 04.12.2017 г. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26765/3797050/>
4. Владивосток ищет свой позитивный бренд // «Золотой Рог», 16.07.2013 г. URL: http://www.zrpress.ru/society/vladivostok_16.07.2013_61712_vladivostok-ischet-svoj-pozitivnyj-brend.html
5. Детство без радости: насколько комфортно заботиться о ребенке во Владивостоке. // РИА «PRIMPRESS – новости Приморского края», 07.03.2017 г. URL: <http://primpress.ru/article/12420>
6. Как в Приморье решают проблему социального сиротства // Московский комсомолец во Владивостоке. 25.10.2017 URL:

<http://vlad.mk.ru/articles/2017/10/25/kak-v-primore-reshayut-problemu-socialnogo-sirotstva.html>.

7. Молодые семьи покидают Владивосток из-за нехватки мест в детских садах // РИА «Примамедиа» 11.05.2011 г. URL: <https://primamedia.ru/news/155257/>

8. Мониторинг ОНФ показал, что дополнительное образование остается недоступным каждому третьему ребенку в стране // «Вести Приморья», 12.05.2017 г. URL: <http://vestiprim.ru/news/ptrnews/49768-monitoring-onf-pokazal-chto-dopolnitelnoe-obrazovanie-ostaetsya-nedostupnym-kazhdomu-tretemu-rebenku-v-strane.html>.

9. «Необходимо улучшение имиджа региона» // Конкурент, 15.03.2016 г. URL: <http://vladivostok.bezformata.ru/listnews/neobho-dimuluchshenie-imidzha-regiona/44665910/>

10. Новейший микрорайон, в котором некомфортно жить // За дело – информационный портал Владивостока. 16.01.2018 г. URL: <http://zadelo.site/novejsnij-mikrorajon-v-kotorom-nekomfortno-zhit/>

11. Общероссийский народный фронт запускает проект помощи детям // РИА «Дейта», 04.04.2017 г. URL: <http://deita.ru/news/5193959-obshcherossiyskiy-narodnyy-front-zapuskayet-proekt-pomoshchi-detyam/>

12. Проблема жилья для приморских детей-сирот не решается годами РИА «Приморье 24». 05.08.2015 г. URL: <http://primorye24.ru/news/post/11611-problema-zhilya-dlya-primorskih-detey-sirot-ne-reshaetsya-godami>.

УСПЕШНАЯ СЕМЬЯ КАК МИР ДЕТСТВА

Сарапица З.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: zara@fsn.unn.ru

Аннотация: Вводится понятие успешной семьи как альтернатива традиционному проблемологическому дискурсу, преобладающему в изучении современного состояния данного социального института. Обосновывается тезис о детоцентричности как одной из составляющих успешности семьи.

Ключевые слова: социология семьи, социология детства, успешная семья, социологические исследования семьи и детства.

Abstract: A concept “successful family” is introduced as a alternative of the traditional problem approach dominating in current researches in the sphere of family sociology. A thesis that a successful family is always children-centered family is substantiated.

Keywords: family sociology, sociology of childhood, successful family, sociological researches in the sphere of family sociology.

Семья как значимый структурный элемент любого общества всегда находилась в центре внимания исследователей. Серьезные преобразования, происходящие в семейно-брачной сфере на протяжении последнего столетия, сделали институт семьи одним из основных объектов научного анализа в рамках различных социальных дисциплин, в том числе социологии, социальной работы, социальной политики, создав широкое поле для дискуссий по поводу проблем, интерпретаций изменений и перспектив развития семьи и брака, возможности формирования успешной семейной группы в новых социальных условиях.

Среди отечественных социологов необходимо отметить несколько наиболее значимых имен. Так, в центре кризисной концепции семьи А.И. Антонова и В.М. Медкова [1] лежит изменение ценности детей, семьи, родительства как основы негативных трансформаций в рамках института семьи. С.И. Голод [2], анализируя происходящие в рамках института семьи перемены с позиции трансформационной концепции, подчеркивает возможность появления новых проблемных сфер семейной жизнедеятельности как закономерный процесс становления семьи современного / постсовременного типов.

Сегодня основные траектории изменений семьи становится возможным описать на основании крупных российских / международных проектов. Среди отечественных исследований необходимо отметить социально-демографическое обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенное в 2004 и 2007 гг. (координатор – Независимый институт социальной политики). Авторы рассматривают современные тенденции в развитии семьи, акцентируя внимание на наиболее острых демографических проблемах, анализируют новые государственные инициативы в области демографической политики и представляют оценки их результативности.

Среди зарубежных исследований необходимо выделить крупный кросскультурный научно-исследовательский проект «Ценность детей и межпоколенные отношения», осуществляемый в течение нескольких лет (2001-20013 гг.) в 18 странах, в том числе и в России (основным регионом стала Нижегородская область), инициированный немецкой стороной [3]. В центре внимания – воспроизводство населения и факторы, определяющие этот процесс. Панельные исследования семьи, проводящиеся в разных странах и охватывающие широкий круг вопросов, касающихся формирования семей, репродуктивных установок, распределения функций внутри семейной группы: «Панельное исследование семейных отношений и семейной динамики», реализуемое с 2009 г. университетом г.Хемниц в Германии [4].

Важность семьи в процессе формирования индивида по праву признается ценностным инвариантом. В качестве первичного института социализации семья выступает основным агентом формирования базовых коммуникативных навыков, фундаментальных представлений о нормах поведения, нужном и должном, плохом и хорошем, способах решения проблем и многом другом.

Анализ актуальных исследований в сфере семьи показывает абсолютное преобладание проблемологического дискурса, в котором семья

рассматривается исключительно как кризисный социальный институт, характеризующийся низкой рождаемостью, высокой разводимостью и общей дисфункциональностью. При этом данный макросоциологический подход не позволяет увидеть отдельную семью во всем многообразии ее позитивных проявлений, а сведение благополучности семьи лишь к отсутствию кризисных явлений представляется весьма ограниченным подходом. Успешность семьи в целом складывается из успешности функционирования семейных субинститутов: брака, родительства и иных вариантов межпоколенных отношений, а также взаимодействия между сиблингами.

Успешная семья – ключевое понятие данного выступления, характеризующее как самооценку качества функционирования семьи, так и оценку его результатов социумом. При этом успешность понимается нами с аксиологической точки зрения, что позволяет нам освободиться от ситуативности оценочных суждений и конъюнктуры момента. Суть предлагаемого подхода – в повышении уровня анализа семьи, поиске факторов и условий, делающих возможной исполнение семьей ее функций, оправдывающих само существование данного социального института. Основные индикаторы успешности семьи – здоровье, когнитивная и ценностная структуры личности родителей и детей, их отношение к обучению, трудовой деятельности, взаимодействие с окружающими, доверие в отношениях с родителями и другими родственниками.

Успешная семья – интегральная категория, включающая в себя широкий спектр взаимосвязанных явлений и процессов, предполагающих глубокое и всестороннее изучение. Категория «успешная семья» позволит не только давать аксиологическую характеристику результатов семейного функционирования, но и сформировать новый фокус интерпретации результатов исследований брачно-семейных институтов в России и за рубежом. Учитывая обстоятельство, что сформированные в детстве представления и модели взаимодействия остаются основным ориентиром личности, определяя ее поведение в быту, в профессии и иных социальных сферах, они станут и фактором воспроизводства успешности в последующих поколениях.

Новизна темы данного выступления заключается в том, что в центре нашего исследовательского интереса оказываются не привычные для ученого семейные девиации, как правило, легко распознаваемые, а нормальные варианты развития брачных, межпоколенных и сиблинговых отношений, дискуссия вокруг которых всегда была примером социологического релятивизма. Операционализация и квантификация характеристик успешной семьи должна стать важным шагом на пути формирования успешных практик функционирования семьи и создания необходимых для этого условий на уровне региональной социальной политики.

Библиографический список:

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во Международного университета Бизнеса и Управления, 1996. 304 с.
2. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 269 с.

3. The Value of Children in Cross-Cultural Perspective – Case Studies From Eight Societies. Trommsdorff, G., Nauck, B. (EDS.) 2005. 288 S.

4. Huinink, Johannes/Brüderl, Josef/Nauck, Bernhard, Sabine Walper/Castiglioni, Laura & Feldhaus, Michael (2011): Die erste Welle des Beziehungs- und Familienpanels. In: Brüderl, Josef/Castiglioni, Laura & Schumann, Nina (Hrsg.): Partnerschaft, Fertilität und intergenerationale Beziehungen. Ergebnisse der ersten Welle des Beziehungs- und Familienpanels. Würzburg.

ДЕТСТВО И СРЕДА ОБИТАНИЯ

Семечкин Н.И., кандидат философских наук, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

E-mail: semechkin_nik@mail.ru

Аннотация. В статье речь о том, что стрессоры окружающей среды – физические параметры социальной экологии (среды обитания человека) выступают одним из влиятельных факторов, формирующих у детей как индивидуальные, так и популяционные поведенческо-психологические характеристики.

Ключевые слова. Детство, социальная экология, стрессоры окружающей среды

Abstract. The article states that environmental stressors – physical parameters of social ecology is an influential factor shaping children both individual and population behavioral-psychological characteristics

Keywords. Childhood, social ecology, environmental stressors

Сначала мы создаём свои дома, а затем наши дома создают нас.

Уинстон Черчилль.

В социальной психологии, социологии и этологии уже достаточно давно исследуется проблема влияния окружающей среды (среды обитания) на развитие и поведение человека и животных, на жизнь организмов в целом. В рамках изучения данной проблемы был создан ряд теорий, наиболее известными из которых являются *теория жизненного пространства* Курта Левина, *теория Umwelt'a* Якоба фон Икскюля, *теория средового детерминизма (инвайроментализма)* – её придерживались многие авторы, в частности, Джон Кларк, Джон Стюард, Марвин Харрис, Эмманюэль Ле Руа Ладюри, Эдуард Кульпин и др.

Воздействие на самочувствие и жизнедеятельность людей социальной экологии, а именно так обозначается среда обитания человека, эмпирически исследовалось с точки зрения влияния так называемых *стрессоров окружающей среды*: температуры, шума, загрязнения, освещённости, скученности, запахов и т.д. При этом было выявлено как положительное, так и отри-

пательное воздействие всех этих факторов на физиологическом, когнитивном, эмоциональном, поведенческом, социальном и культурном уровнях.

Но гораздо труднее, по всей вероятности, эмпирически выявить долгосрочное влияние или кумулятивный эффект как названных факторов, так и других, например, природного ландшафта, эстетики культурного пространства, окружающей среды в целом, на социально-психологическое развитие ребёнка, на формирование его характера, ценностей, социальных установок, представлений о прекрасном и безобразном, на его социальное поведение в конечном итоге. Хотя и совершенно очевидно, что мировоззрения человека, выросшего, скажем, в сельской местности («на природе») и в городской, урбанизированной среде, различаются. Должны различаться, видимо, и жизненные ценности, привычки, восприятие жизненного пространства и отношение к нему у людей, проживающих в детстве в различных средах обитания. Согласно теории Umwelt Я. Икскуля организм обладает теми и такими паттернами поведения, которые адекватны особенностям и размерам воспринимаемого им «своего мира», и которые соответствуют возможности существования в этом «своём мире». Проще говоря, организм ведёт себя так или иначе, в зависимости от того, как он воспринимает мир, каким этот мир предстаёт в его восприятии.

Все мы родом из детства – очень удачно в своё время сформулировал обсуждаемую проблему Антуан Экзюпери. И, думается, то, какими мы становимся, во многом предопределяется влиянием не только родителей, учителей, соседей и сверстников, но и ландшафтом, а в более широком смысле, окружающей средой нашего детства, экологическим фоном детского периода нашей жизни.

Иностранцы, приезжающие в Россию, отмечают, как правило, не улыбочность, угрюмость, подозрительность, настороженность и даже враждебность наших сограждан, особенно людей старшего возраста. Начиная с пункта пограничного и таможенного контроля, и далее везде приезжих поражает отсутствие доброжелательности, открытости, непосредственности, вместо этого они сталкиваются с зажатостью, скованностью, зачастую с неприязнью и опасливостью.

Кроме того, и об этом мы знаем сами, россиян отличает неустроенность быта, экологическая неряшливость, которая оборачивается загрязнением среды своего собственного обитания, недисциплинированность, эстетическое безвкусие, неспособность к оценке, а потому равнодушие к последствиям своих действий, безразличие к будущему, то есть, отсутствие заботы о будущем нынешних детей (в том числе и собственных).

Такое положение дел обычно объясняют долгим периодом закрытости страны, бедностью, неуверенностью россиян в завтрашнем дне, пропагандой ксенофобии. Всё это так, но, думается, что в этих объяснениях не учитывается влияние ещё одного фактора – социально-экологического.

Старшие поколения людей, чьё детство пришлось на период советской истории, росли, развивались и социализировались не только в условиях тотальной пропаганды, бытовой бедности и неустроенности (баракы, комму-

налки), неразвитости инфраструктуры (дороги, телефон, радио, отопление, водопровод, канализация), дефицита товаров и продуктов питания, но и в условиях скученности, отсутствия ярких красок, красивых, эстетически привлекательных вещей, предметов, строений, городских и сельских ландшафтов. Достаточно сказать, что одежда, производимая в советское время, за редкими исключениями, отличалась блеклой или тёмной («немаркой», «практичной») расцветкой – все оттенки серого или чёрных, тёмно-синих или тёмно-коричневых тонов. Причём, не только мужская, но и женская, и даже детская.

Автомобили и другая гражданская техника, создававшаяся в СССР – а это в основном грузовые машины, тракторы, строительная агрегаты – как правило, были окрашены в темно-зелёный (маскировочный, камуфляжный) цвет: следствие милитаризации сознания. Сама техника не отвечала ни санитарным, ни эргономическим требованиям. А это уже следствие пренебрежительного отношения и к человеку как к «винтику», и к его здоровью, и к его жизни вообще.

Можно также вспомнить, что в Советском Союзе приветствовались бравурные, маршевые, военные песни и музыка и подвергалась критике и гонениям всё остальное музыкальное творчество, которое объявлялось не соответствующим государственному, официальному канонам и «народным традициям». Музыка, не получившая идеологического признания, в лучшем случае испытывала к себе пренебрежительное отношение. Поэтому вплоть до последнего десятилетия коммунистического правления типичными для советского радио и телеэфира были два вида звукового ряда – либо заунывный («народный» стиль), либо бравурный официоз, призванный олицетворять всевозможные трудовые и военные подвиги.

Ещё одной неблагоприятной приметой социальной экологии советского, ныне российского человека выступает эстетический фон мест его обитания, эстетика социального ландшафта территорий российских поселений. Во времена детства людей старшего и даже среднего возраста, вплоть до эпохи массового строительства «хрущёвок» (60-е годы XX в.), основная масса городского населения проживала, преимущественно в бараках и коммунальных квартирах. Сельские жители, хотя в большинстве своём и имели индивидуальные дома для проживания, но в силу различных причин не имели возможности и желания заниматься обустройством и облагораживанием как жилых строений, так и мест своего проживания. Прежде всего, потому, что они не являлись хозяевами территории собственного обитания.

Кварталы городских барачных, как, впрочем, и сельские барачные поселения, в силу неразвитости инженерных сетей обрастали выгребными ямами, сараями, порою полуразрушенными, общественными туалетами, пребывающими, как правило, в запущенном состоянии, свалками, помойками. Бездорожье и лужи дополняли этот скорбный бытовой пейзаж. Детство большинства россиян старшего и среднего возраста протекало в условиях именно такой социальной экологии. Местами игр для детей служили сараи, свалки, стройки, брошенные котлованы, руины разрушенных барачных и промышленных предприятий, словом, грязная обезображенная территория, типичная для мест российских поселений.

Социальная экология нынешнего детского поколения, конечно, несколько изменилась и отличается от той среды обитания, в которой прошло детство родителей, а тем более, бабушек и дедушек. Но не радикально. Поскольку, например, стандарты барачной (или трущобной) эстетики передаются из поколения в поколение. И старые автомобильные покрышки в качестве цветочных клумб, используемые для «украшения» и декорирования современных дворов или ржавые металлические листы в качестве ограждений – наглядное тому свидетельство. А если вспомнить ещё, что современные российские города, особенно пригороды, превращены, по сути, в бесконечные гигантские свалки мусора и бытовых отходов (Владивосток здесь не исключение, но типичный образец), то можно предположить, что и поведение, отношение к окружающим и эстетические представления нынешних детей мало чем будет отличаться от поведения и ценностей старших поколений.

ГЕОЛОКАЦИОННЫЕ ДАННЫЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОВСЕДНЕВНОЙ МОБИЛЬНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Сивак Е.В., научный сотрудник Центра исследований современного детства, Институт образования, НИУ ВШЭ (г. Москва, Россия)
E-mail: esivak@hse.ru

Аннотация: В работе рассматриваются возможности использования геолокационных данных в социологических исследованиях, их преимущества перед опросными методами и связанные с использованием этих данных ограничения и вызовы.

Ключевые слова: геолокационные данные, GPS, мобильность

Abstract: The paper discusses the possibilities of using geolocation data in sociological studies, their advantages over survey methods along with limitations and challenges associated with the use of these data.

Keywords: geolocation data, GPS, mobility

На протяжении последних 10-15 лет геолокационные данные, получаемые с помощью GPS (спутниковой системы навигации) активно используются в географических исследованиях, исследованиях города, городского планирования и туризма для изучения паттернов мобильности. В социологических исследованиях эти данные пока используются не настолько часто. В целом, в социальных науках отношение к геолокационным данным и другим «цифровым следам» пока скорее настороженное. Обсуждаются связанные с этими данными вопросы формирования выборки, разработки подходящего дизайна исследования, этические проблемы и др.

Геолокационные данные представляют большой интерес в социологии. Во-первых, они дают возможность с меньшими затратами изучать

паттерны мобильности людей на больших выборках, в динамике и с большим «разрешением» (т.е. практически для каждого из моментов времени).

Во-вторых, сбор таких данных снижает когнитивную нагрузку на респондента, которая довольно высока в случае опросов. Например, респондентам может быть сложно вспомнить какие-то места, которые посещаются не каждый день, но и не однократно, и в целом отразиться и описать свою повседневную мобильность, перевести ее в набор мест и маршрутов [1].

В-третьих, эти данные не подвержены некоторым видам смещений, характерных для опросных методов, связанных с ошибками измерения (ошибками респондента, вызванными особенностями памяти и др.). Так, например, в исследовании с использованием данных GPS [2] было показано, что за сутки, которые длился сбор данных, дети провели 76 % времени у себя дома. Также дети заполняли специальный дневник, и дневниковые данные недооценивали время, которое ребенок провел дома (на 17 %) и переоценивали время, проведенное в других местах (в транспорте или где-либо еще вне дома).

Наблюдение имеет преимущества перед опросом, состоящее в том, что мы можем не полагаться на ответы респондента. Однако наблюдение представляет собой реактивный метод: сам процесс наблюдения может менять поведение людей, если они осведомлены о том, что за ними наблюдают [3]. Сбор геолокационных данных относят к неактивным методам, т.к. в этом случае меньше риск изменения поведения людей вследствие измерения.

Геолокационные данные в социологических исследованиях могут быть использованы не только для изучения паттернов мобильности, но и, например, для предсказания социальных связей по схожести паттернов мобильности [4].

Использование геолокационных данных имеет ряд ограничений. Некоторые из них технические и не играют большой роли. Например, то, что GPS не позволяют отслеживать перемещения внутри зданий. Другие ограничения более важны. Во-первых, такие данные нуждаются в существенной предобработке в отличие от данных, полученных опросными методами. По результатам опроса мы в большинстве случаев сразу получаем набор переменных, близкий к тому, который в итоге будет анализироваться (например, среднюю оценку человеком его физической активности, среднее число минут в день, которое человек ходит пешком, самые частые места и пр.). «Сырые» геолокационные данные представляют собой большой набор точек (только за день может быть собрано порядка 300 отметок), про каждую из которых известны ее координаты, высота над уровнем моря, отметка времени, в отдельных случаях примерная оценка средства передвижения (как человек в этот момент передвигался: пешком, в транспорте, на велосипеде и т.д.). Для формирования необходимых переменных нужно разрабатывать и тестировать алгоритмы, которые позволили бы, например, отделять отметки, соответствующие пунктам назначения, от отметок, соответствующих маршруту перемещения, и в целом отделять места друг от друга. Точность современных GPS-приёмников в горизонтальной плоскости со-

ставляет примерно 6—8 метров [12], и поэтому одному и тому же месту может соответствовать целый набор пар географических координат, а не одна пара. Для выявления мест используются специальные алгоритмы кластеризации. «Наивный» алгоритм может состоять в том, что под «местом» мы понимаем такие точки, в которых человек находится не менее определенного времени t (произвольно выбираемого), при этом перемещался в пределах радиуса r (из-за упомянутой погрешности измерения, а также из-за того, что люди могут перемещаться в пределах здания). Если точки ближе друг к другу, чем r , будем считать их за одну. Далее можно отсортировать все точки по времени и осуществить перебор точек: если подряд идут близкие (расстояние между ними⁴ меньше r), они пропускаются, а как только расстояние между точками превышает r – фиксируются крайние метки времени для определения того, сколько по времени человек находился в данном месте. Дальше можно отобразить все точки, время нахождения в которых было не меньше времени t . Таким образом, можно получить набор «пунктов назначения». Для выявления «значимых» мест, т.е. тех мест, которые наиболее часто посещаются людьми, и в которых люди проводят существенное время [5], можно еще раз отфильтровать получившийся набор мест, задав необходимые значения частоты посещения и времени.

Важное ограничение для социальных наук также состоит в том, что с помощью одних геолокационных данных мы не можем понять, какой смысл придают сами пользователи тем местам, которые они посещают. Поэтому геолокационные данные иногда используют в исследованиях, реализуемых «смешанными методами» (mixed methods research), и дополняют сбором данных такими методами, как, например, go-along интервью [6], анкетирование и этнография [7-11].

Библиографический список:

1. Сивак, Е. В., & Глазков, К. П. (2017). Жизнь вне класса: повседневная мобильность школьников. *Вопросы образования*, (2).
2. Elgethun, K., Yost, M. G., Fitzpatrick, C. T., Nyerges, T. L., & Fenske, R. A. (2007). Comparison of global positioning system (GPS) tracking and parent-report diaries to characterize children's time–location patterns. *Journal of Exposure Science and Environmental Epidemiology*, 17(2), 196.
3. Webb, E. J., Campbell, D. T., Schwartz, R. D., & Sechrest, L. (1966). *Unobtrusive measures: Nonreactive research in the social sciences* (Vol. 111). Chicago: Rand McNally.
4. Wang, D., Pedreschi, D., Song, C., Giannotti, F., & Barabasi, A. L. (2011, August). Human mobility, social ties, and link prediction. In *Proceedings of the 17th ACM SIGKDD international conference on Knowledge discovery and data mining* (pp. 1100-1108). Acm.

⁴ Для расчета расстояния между двумя географическими точками по их координатам использовалась формула гаверсинусов (https://en.wikipedia.org/wiki/Haversine_formula). С помощью этой формулы можно определить расстояние на поверхности сферы между двумя точками, у которых известны широта и долгота.

5. Ashbrook, D., & Starner, T. (2003). Using GPS to learn significant locations and predict movement across multiple users. *Personal and Ubiquitous computing*, 7(5), 275-286.

6. Kusenbach, M. (2003). Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, 4(3), 455-485.

7. Christensen, P., Mikkelsen, M. R., Nielsen, T. A. S., & Harder, H. (2011). Children, mobility, and space: using GPS and mobile phone technologies in ethnographic research. *Journal of Mixed Methods Research*, 5(3), 227.

8. Ergler, C. (2011). Beyond Passive Participation: Children as Collaborators in Understanding Neighbourhood Experience. *Graduate Journal of Asia-Pacific Studies*, 7(2).

9. Loebach, J., & Gilliland, J. (2010). Child-led tours to uncover children's perceptions and use of neighborhood environments. *Children Youth and Environments*, 20(1), 52-90.

10. Oliver, M., Mavoa, S., Badland, H. M., Carroll, P. A., Asiasiga, L., Tavae, N., ... & Witten, K. (2014). What constitutes a 'trip'? Examining child journey attributes using GPS and self-report. *Children's Geographies*, 12(2), 249-256.

11. Walker, M., D. Whyatt, C. Pooley, G. Davies, P. Coulton, and W Bamford. 2009. "Talk, Technologies and Teenagers: Understanding the School Journey Using A Mixed-Methods Approach." *Children's Geographies* 7, 107–122.

12. <https://ru.wikipedia.org/wiki/GPS>.

КАЧЕСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Сидоркина З.И., кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Тихоокеанский институт географии ДВО РАН (г. Владивосток, Россия)
E-mail: sidorkina@tig.dvo.ru

Аннотация: Рассматриваются особенности и тенденции занятости населения в регионе. Наличие природных ресурсов не обеспечивает перспективу стать конкурентоспособным регионом. Более эффективной считается политика, направленная на наращивание человеческого капитала. Подчеркивается, что уровень образования является одним из важнейших критериев социального развития и конкуренции на рынке труда. В публикации дан анализ изменения структуры занятости, внутренних проблем образовательной среды. Представлена структурная схема повышения вовлеченности трудовых ресурсов в экономику путем изменения сроков и форм обучения молодежи.

Ключевые слова: занятость населения, качество человеческого капитала, обучение, квалификация, структура занятых.

Abstract: Features of employment of the population in the region are considered. It is characteristic that the complex development of the territory does not depend on the availability of natural resources. More effective is a policy aimed at building human capital. It is emphasized that the level of education is one of the most important criteria for social development. The publication gives an analysis of changes in the structure of employment, internal problems of the educational environment. The structure of employees by level of education, basic social guarantees, incomes and expenses of the population is presented.

Keywords: employment of population, quality of human capital, state of education, employment structure, incomes and expenditures of the population.

Введение в проблему. Сокращение населения Дальневосточного округа одна из долговременных проблем. Большой частью Дальний Восток покидают люди трудоспособного возраста, с образованием и высоким уровнем квалификации. Население высокого социального и профессионального уровня замещается населением с низкими качественными характеристиками. Активно используются иммигранты низкой квалификации, что приводит к ухудшению качества демографического потенциала.

В тоже время определяющее влияние на развитие региона большей частью оказывают мероприятия государственной экономической и социальной, а не региональной политики [1]. Наличие природных богатств, стимулирует развитие политических и экономических институтов, которые также тяготеют к рентоориентированному поведению, что в еще большей степени усугубляет всю систему мотиваций в данном обществе в сторону сырьевых отраслей, не требующих квалифицированных кадров.

Качественный потенциал населения. В структуре занятости в федеральных округах России характер изменений в численности занятых по видам экономической деятельности можно разделить на две группы: 1) округа, где отмечен рост числа занятых (как и в целом по Российской Федерации) и 2) округа, в которых число занятых уменьшилось (например, Уральский и Приволжский федеральные округа). Дальневосточный федеральный округ (ДФО) относится ко второй группе ФО с тенденцией снижения числа занятых в экономике (-78,0 тыс. чел. или -2,3 % от уровня 2005 г.). Среди субъектов Дальневосточного федерального округа фактический прирост числа занятых был отмечен в Республике Саха (Якутия) на 15,0 тыс. чел, что составляет 8,9 %, за счет относительно высокой рождаемости в эти же годы. В целом по региону в 2015 г. за десять лет увеличилась занятость в строительстве, оптовой и розничной торговле, ресторанном и гостиничном бизнесе, в нише по операциям с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг [2, 3].

Более эффективной считается политика, направленная на наращивание человеческого капитала, т.е. ресурсы необходимые для устойчивого развития, это само население, качество человеческого капитала. Использование постиндустриальных источников развития (квалифицированная мобильная рабочая сила, конкурентоспособные технологии) предполагают

приоритетность инвестирования в человеческий капитал. Уровень высшего образования в стране или же в любом ее регионе является также одним из важнейших критериев социального развития, указывающим на увеличивающееся социальное расслоение населения.

Сегодня существует крайне слабая связь между рынком труда и сферой образования. Кроме того, важной из внутренних проблем образовательной среды, стало качество всеобщего образования. Подготовка специалистов в учебных заведениях ведется без учета потребностей работодателей. Практически отсутствует обратная связь между сферой образования и рынком труда. В структуре расходов населения появились новые статьи, которых в советский период практически не существовало – на образование и оплату медицинских услуг. Доля коммерческого образования в вузах доходит до половины от всех обучающихся студентов, что свидетельствует об активном инвестировании населением средств бюджетов семьи в сферу образования. Расширение областей коммерциализации в социальной сфере привело к тому, что возможности доступа к социальным услугам заметно дифференцируются в зависимости от уровня доходов домохозяйства. Из выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств видно, что в среднем на одного члена семьи расходы на оплату услуг образования составляют около 8 % от всех расходов бюджета домохозяйства [3]. В прямой зависимости увеличения расходов населения на оплату услуг образования проявилась экономическая эффективность инвестиций частного капитала в сферу образования. В Республике Саха (Якутия) вкладывалось в профессиональное обучение 2,6% от расходов домохозяйств. Для этой республики характерно активное использование для своей молодежи целевого обучения специальностям, необходимым для экономики в высокорейтинговых вузах страны.

Профессиональное обучение. Для Дальнего Востока стратегические вызовы связаны со снижением набора студентов в вузы из-за малой численности выпускников школ (демографическое эхо 1990-х годов). За последние 10 лет количество студенческой молодежи в вузах Амурской области снизилось на 41 %. К тому же идет отток их из региона в вузы Москвы, С-Петербурга, Новосибирска, Томска. Для ускорения развития региона требуется решение проблемы повышения конкурентоспособности региона в сфере образовательных и научных услуг.

Кроме этого, в регионе, в частности, по сравнению с экономически развитыми странами, следует отметить:

- низкий уровень оплаты труда специалистов с высшим образованием, а также ученых, занятых фундаментальными и прикладными исследованиями;
- недооценку государством высококвалифицированных специалистов и сфер их деятельности;
- несформированным рынком труда работников с высшим образованием и научно-технической продукции, являющейся результатом их деятельности;

– отсутствие исследований, посвященных анализу влияния образовательного фактора на социально-экономическое развитие страны и ее регионов.

Профессиональное образование направлено на повышение конкурентоспособности будущего специалиста, основы его профессиональной и социальной мобильности на рынке труда [4]. Рынок образовательных услуг из-за дефицита квалифицированных кадров воспитателей, учителей на сегодняшний день в значительной мере не готов оперативно реагировать на количественные и качественные изменения в спросе на локальном рынке труда. Разорвана цепочка последовательности подготовки собственных кадров. Широко используется труд иммигрантов, которые имеют свои ограничения и непредсказуемые последствия.

Перспективы повышения качества населения. Активные миграционные процессы, географическая удаленность от ведущих научных и образовательных центров России – свидетельствуют о необходимости кардинальных изменений в секторе высшего и средне-специального образования не только Дальнего Востока, но и всей страны. Обратив внимание на демографические проблемы в стране, имеет смысл учесть послевоенный опыт организации обучения и использования труда молодежи, привлечения ее в более раннем возрасте к трудовой деятельности.

Для этого есть возможности. В первую очередь, изменить порядок обучения в общеобразовательной школе, сократив продолжительность обучения до 9-10 лет. Трудоспособный возраст считается с 16 лет, а дети оканчивают школу в 18 лет. Лаг в два года даст многое. Если начать с нулевого класса в садике, затем 3 года в начальной школе, (первых 2 класса за один год), далее 3-й и 4-й классы, а с 9 лет обучение в 5 – 9 классах (14 лет), и, обычный 10-й класс, убрав 11 класс, можно закончить в 16-17 лет. На обучение в вузе отвести 4 года (бакалавриат), а магистратура – 2 года, посредством заочного обучения. Современные технологии требуют постоянного обновления знаний и технологий. Возможности расширенных форм обучения, таких как экстернат, вечерняя и заочная форма, дистанционное обучение, целевое обучение, скажутся положительно на выборе профессий для молодежи и переобучении лиц, потерявших или желающих сменить работу. Активнее привлекать для обучения зарубежную молодежь в дальневосточных вузах, особенно в ДВФУ.

Заключение. Введение специального режима хозяйствования на Дальнем Востоке может придать мощный импульс экономике макрорегиона. Однако за коммерческой выгодой необходимо не забывать о геостратегических последствиях. Чтобы они имели положительный тренд, следует наращивать демографический потенциал. А это требует проведения соответствующей экономической политики по улучшению качества жизни дальневосточников. Сегодня это одна из главных «болевых точек», поэтому повышение качества жизни за счет создания современной социальной инфраструктуры, высокопроизводительных рабочих мест с высокой заработной платой, введения компенсирующих сложные условия проживания

материальных надбавок позволит переломить негативный вектор демографического развития, что является важным геостратегическим фактором России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Библиографический список:

1. Экономика прибрежных зон и мор-ских акваторий: Архангельская область / Коряков А.Г., Руденко Л.Г., Тумин В.М. и др. М.: ИНФРА-М. 2017. 274 с.
2. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации . 2007. Стат. сб./Росстат. М., 2007 . 685 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат. Сб. М.: Рос-стат, 2016. 991с.
4. Чистякова В.Е. Влияние образования на экономический рост социальное развитие региона / Вопросы статистики 2009. №6. С. 76 – 79.

ОБРАЗ ГОРОДА ВЛАДИВОСТОКА У ШКОЛЬНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ УЧАЩИХСЯ 6-7 КЛАССОВ МБОУ СОШ № 5 Г. ВЛАДИВОСТОК)

Соколова М.М., магистрант, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

E-mail: marsok18@mail.ru, к.п.н., профессор

Научный руководитель: Калита В.В., кандидат психологических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: В данной статье описаны результаты эмпирического исследования образа города Владивостока у учащихся 6-7 классов МБОУ СОШ № 5 г. Владивосток. Было выявлено, что на формирование образа города оказывает существенное влияние место рождения и проживания ребенка в настоящее время.

Ключевые слова: образ города, городская среда, психологическое пространство города.

Abstract: This article describes the results of an empirical study of the image of the city of Vladivostok in pupils of grades 6-7 of the School No. 5 in Vladivostok. It was revealed that the place of birth and residence of a child has a significant impact on the formation of the image of the city at present.

Keywords: city image, urban environment, psychological space of the city.

В современных условиях усиления процессов урбанизации и реорганизации городской среды, постоянных изменений в облике города, особую актуальность приобретает вопрос восприятия человеком городской среды. В городе Владивостоке за последние годы произошло множество перемен: изменился облик города, схемы маршрутов городского транспорта, изменились возможности для обучения и отдыха.

Город является пространством, заполненным различными формами жизнедеятельности его жителей. Образ города находит свое отражение в литературных и художественных произведениях, социологии, социальной психологии, антропологии. В своей совокупности психологическое пространство города создается из восприятия его архитектуры, особенностей географического положения, природных и погодных условий. Для любого жителя город характеризуется еще и условиями, в которых он существует, живет и отдыхает, работает. То есть образ города – это сложное психологическое образование, которое зависит от культурного развития каждого индивида, который существует в пространстве городской среды, поэтому этот образ будет разным у людей разных социальных статусов, возрастов и культурного уровня.

Таким образом, единого образа города не существует, поэтому его можно исследовать лишь относительно определенной категории лиц.

Большая часть осознанной жизни личности проходит одновременно с профессиональным становлением и профессиональным ростом, что позволяет предположить влияние направления профессионального становления личности на формирование образа города, в котором она живет.

Теоретический объект исследования: восприятие городской среды на примере города Владивостока. Эмпирический объект: образ города Владивостока у учащихся 6-7 классов МБОУ СОШ № 5 г. Владивосток. Предмет исследования: особенности восприятия городской среды у детей в возрасте 12-14 лет.

Гипотеза исследования заключается в существовании отличий в образе города Владивостока у детей в возрасте 12-14 лет в зависимости от места рождения и проживания в настоящее время.

Исследование было построено таким образом, чтобы рассмотреть не только образ города Владивосток, но и его образ в контексте будущего, а также образ города-мечты. Все эти составляющие показывают возможные изменения образа города во временной перспективе.

Методологической основой для его проведения послужили метод «Семантический дифференциал», метод «Ассоциативный эксперимент» и модификация проективной методики «Пиктограмма», которые направлены на исследование субъективной семантики.

Для исследования образа города у школьников была сформирована выборка из учащихся 6-7 классов МБОУ СОШ № 5 города Владивостока. Объем выборки – 25 человек.

Проведенное эмпирическое исследование показало, что не существует различий в представлениях о самооценке, самостоятельности и общительности города Владивосток в настоящем, через 10 лет и городе мечты; а также в восприятии характеристик города в настоящем, через 10 лет и города мечты. Не существует различий в количестве ассоциаций на стимул «Владивосток» в категории «Настроение и черты характера», в количестве ассоциаций на стимул «Владивосток через 10 лет», в ассоциативном ряде на стимул «Владивосток» в категориях «Архитектура и структура города»

и «Особенности ландшафта, климата и экологии». Анализ символов показал, что Владивосток через 10 лет учащиеся чаще всего изображают посредством объектов архитектуры и морских атрибутов; изображения города мечты в большей степени связаны с природными факторами. Таким образом, у учащихся в образе города больше сходства.

Существуют различия в изображении символа города в рисунках: учащиеся, проживающие в городе Владивосток с рождения, изображают символ города посредством полных картин, на которых изображены части города; дети, прожившие в городе Владивосток менее года, рисуют более лаконичные символы, менее содержательные, с большим количеством геометрических фигур и символов. Не существует различий в восприятии Владивостока через 10 лет и города мечты: в количестве ассоциаций на стимул «Владивосток через 10 лет» в категориях «Особенности ландшафта, климата и экологии» и «Настроение и черты характера»; в количестве ассоциаций на стимул «Город мечты» в категории «Особенности ландшафта, климата и экологии».

Таким образом, в восприятии образа города больше сходства, что подтверждает предположение. Итак, в работе доказано, что на формирование образа города у школьников в 6-7 классов оказывает влияние место рождения и время проживания в городе Владивостоке.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ: РЕСУРСЫ И РИСКИ

Статкевич В.В., студент, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)

E-mail: kalery-st@mail.ru

Научный руководитель: Осмачко Н.В., кандидат социологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: В статье предлагается подход к анализу роли социальных сетей (интернета) в профессиональном самоопределении учащихся старших классов с позиции ресурсно-рискологического подхода. В качестве ресурса социальные сети предоставляют разнообразную информацию о профессиях. Одновременно в социальных сетях воспроизводятся и продуцируются риски, затрудняющие процесс самоопределения старшеклассников.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, учащиеся старших классов, социальные сети, ресурсы, риски

Abstract: In the article there is presented the approach to the analysis of the role of social networks (the Internet) in professional self-determination of senior high school students from the position of resource-riskological approach. As a resource, social networks provide a variety of information about professions. At

the same time in social networks are reproduced and produced risks impeding the process of self-determination.

Keywords: professional self-determination, high school students, social networking, resources, risks.

Профессиональное самоопределение является сложным феноменом: в целом оно может рассматриваться как средство реализации человеком жизненной стратегии и жизненных ценностей в профессиональной сфере деятельности [1], в узком смысле - это процесс и результат сознательного выбора профессии. «Самоопределяться» индивид начинает с момента зарождения у него потребности в выборе профессии, через формирование отношения к себе как субъекту профессиональной деятельности на основе самооценки своих способностей.

Особое значение профессиональное самоопределение имеет для молодого человека. Он отвечает на вопросы: какими качествами обладает, чем хочет заниматься, что привлекательно для него в мире профессий?

Эти вопросы (и ответы на них) приобретают особое значение в школьные годы, в старших классах, когда формируются осознанные профессиональные намерения, осуществляется самоанализ и происходит выбор области профессиональной деятельности, путей продолжения образования, а учеба приобретает профессионально ориентированный характер [2]. Выбор профессии является ключевым моментом, отделяющим период неограниченных, но абстрактных возможностей профессиональной самореализации от реальной, но ограниченной перспективы профессиональной деятельности. Как отмечают исследователи, в «этом возрасте в основном выбирается вариант продолжения учебы, ориентированной на определенное профессиональное поле, а не на конкретную профессию» [3].

На профессиональное самоопределение старшеклассников, принятие ими решений в этой области, влияют микро- и мезо- факторы, в частности, индивидуально-личностные, семья и ближайшее социальное окружение, социально-экономическая ситуация в регионе, состояние учреждений профессионального образования и др.

Особое место занимают факторы макросреды: социально-экономические условия жизни людей, духовная культура общества, средства массовой информации и т. д. Как отмечают исследователи, в современном обществе повышается «релятивность идентификационных процессов, приобретаемые позиции оказываются весьма относительными и ротационными» [4], ведь сейчас в мире насчитывается более 40 тысяч направлений профессиональной деятельности, рынок профессий динамичен: многие профессии в связи с технологическим прогрессом меняют структуру, некоторые теряют свою актуальность и вовсе исчезают.

Особое место в перечне факторов, влияющих на профессиональное самоопределение молодежи, занимает Интернет. Его сложно отнести к перечисленным выше группам факторов. Влияние социальных сетей может быть позитивным и/или негативным, стихийным и направленным, общим

и специфичным. Мы придерживаемся позиции, что интернет является, с одной стороны, ресурсом (реализуемым или потенциальным) в профессиональном самоопределении, с другой стороны, молодой человек, включаясь в социальные сети Интернета, нередко находится в ситуации риска, и решение вопросов профессионального выбора, профессионального обучения и др. может быть затруднено.

Социальные сети сегодня являются источником знаний о мире профессий. Они включают в себя не только развлекательные приложения, но и деловые сайты. Например, атлас новых профессий, подборка видео представителей разных профессий или сайты образовательных учреждений могут стать для учащихся старших классов отправной точкой для определения профессиональных намерений, формирования профессионально-образовательных планов. На сайтах многих учреждений обеспечивается функция обратной связи с пользователями.

Однако, как показывают результаты исследований, хотя российские школьники используют ресурсы сети в познавательных и информационных целях, чаще они удовлетворяют потребности в общении, развлечениях и др. [5]. В виртуальной среде меняются характер и структура процесса социализации молодых людей. Социологами фиксируются завышенные притязания, стремление к их быстрому удовлетворению, противоречия в деятельности традиционных агентов профессиональной социализации (семьи, школы, центров профориентации и др.). К тому же неопределенность, изменчивость, многослойность, непредсказуемость бытия в виртуальной реальности затрудняют процессы профессиональной самоидентификации старшеклассников [6]. Все отмеченные характеристики являются индикаторами ситуации риска. В содержание последней включаются: нежелательные последствия некоторого действия, возможность наступления этих нежелательных (негативных) последствий, широкий контекст, характеризующийся ценностно-нормативной неопределенностью и потенциальным межпоколенческим конфликтом, в том числе, в сфере профессиональной деятельности.

В целом, теоретический анализ роли социальных сетей (интернета) в профессиональном самоопределении учащихся старших классов с позиции ресурсно-рискологического подхода позволяет сформировать эмпирическую модель исследования проблемы. Вопросы о характере, целях использования социальных сетей, их значении в формировании профессиональных намерений, построении профессионально-образовательных планов позволят выявить доминирование «ресурсной» или «рискогенной» составляющей социальных сетей в профессиональном самоопределении учащихся старших классов.

Библиографический список:

1. Шевандрин Н.И. Психодиагностика, коррекция и развитие личности. М.: ВЛАДОС, 1999. С. 268.

2. Базаров Т.Ю. Управление персоналом. Практикум: учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2009. С. 132.

3. Волков Ю.Г. и др. Социология молодежи: учебное пособие / Ю.Г. Волков, В.И. Добренков, Ф.Д. Кадария, И.П. Савченко, В.А. Шаповалов; под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов-н/Д.: Феникс, 2001. С. 309.

4. Акимова И.А. Социализация и формирование социокультурной идентичности студенческой молодежи // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6. С. 52.

5. Клишин С.И. Социализация современных российских школьников в условиях распространения сети интернет: эмпирический анализ состояния региона / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Новосибирск, 2015. С. 66.

6. Яницкий О.Н. Информационное общество: вызов для России // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 9254-9255.

ПРОФИЛАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА В РОССИИ И КИТАЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Стеколыщикова А.А., аспирант, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

E-mail: anas-yast@mail.ru

Кузина И.Г., кандидат исторических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

E-mail: kuzina.ig@dvfu.ru

Аннотация: В статье сделан обзор и социологический анализ системы профилактики социального сиротства в России и Китае. Одним из ведущих направлений формы устройства для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в обеих странах являются опека и попечительство, а также усыновление (удочерение). Рассматриваются основные сходства и различия функционирования данного правового института.

Ключевые слова: опека, попечительство, усыновление, сирота, социальный сирота, семья, права, обязанности.

Abstract. The article are reviews and sociological analysis system of prevention social orphan hood in Russia and China. One of the main form of the device for orphans and children left without parental care in both countries is guardianship and trusteeship, as well as adoption. Article consider main similarities and differences in the functioning of this right-wing institute.

Keywords: guardianship, guardianship, adoption, an orphan, social orphan, family, rights, duties.

В современном мире одна из наиболее актуальных государственных проблем – это проблема социального сиротства. Она обуславливает множество других проблем общества, которые ведут к распаду его социальных институтов, в том числе семьи.

В связи с этим, актуальной задачей выступает сравнительный анализ основ профилактики социального сиротства в России и Китае.

В Российской Федерации, согласно Федеральному закону "О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей" от 21.12.1996 N 159-ФЗ (ред. от 07.03.2018), используются два понятия: сирота (сиротство) и социальный сирота (социальное сиротство). Сирота – это человек, лишившийся единственного или обоих родителей, в связи со смертью последних [1]. Социальный сирота – ребенок, который имеет биологических родителей, но остался без их воспитания вследствие лишения родительских прав, признания родителей недееспособными, безвестно отсутствующими и т.д. В этом случае заботу о детях берет на себя общество и государство [2].

В Китайской Народной Республике детей-сирот часто называют «лишними детьми» или «находящимися в трудной жизненной ситуации» [3]. Выделяют следующие категории детей-сирот: во-первых, это дети, чьи родители находятся в социально ущемленном положении (не в состоянии обеспечить себя и ребенка); во-вторых, это дети, родители которых умерли от СПИДа; в-третьих, дети, имеющие биологических родителей, но оставшиеся без их воспитания, вследствие лишения родительских прав (родители ребенка находятся в местах лишения свободы).

Таким образом, основные причины социального сиротства в наших странах похожи, это смерть родителей или их исчезновение без вести, наличие серьезных заболеваний, в том психических, или пребывание родителей в местах лишения свободы [4].

Статистические данные по социальному сиротству в России и Китае следующие. Общая численность детей, которых официальная статистика относит к детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей до 18 лет, составляла в России на 2011 год – 297 329 ребенка; на 2012 – 321 866; на 2013 – 348 396; на 2014 – 343 334; на 2015 г. – 360 826; на 2016 г. – 463 986 [5].

По статистическим данным, число детей-сирот в Китае на 2011 год – 509 695 детей, на 2012 год – 570 075 детей, на 2013 г. – 548 845 детей-сирот, на 2014 г. – 525 179 детей, на 2015 г. – 502 105 ребенка, на 2016 г. – 460 450 детей-сирот [6].

Таким образом, в России количество детей-сирот неуклонно растёт, в то время как в Китае оно имеет тенденцию к спаду. Очень примечательным также кажется факт, что в процентном соотношении, к количеству населения страны, количество сирот в России, в сравнении с Китаем, гораздо больше.

Основными причинами сиротства на рубеже 20 – 21 веков в России являются нестабильность политической и экономической ситуации в

стране, процессы наследования девиантных статусов, маргинальная идентичность многих социальных групп. Так, общеизвестным фактом является процесс воспроизводства сиротства, так называемая «фабрика сиротства». Отчуждение родителей от детей, нарастание процессов деформации семьи, разрушение традиционных нравственно-этических принципов, социальных связей, ухудшение здоровья детей, недостаточное финансирование социальной сферы – все это привело к снижению уровня защищенности каждого человека, в первую очередь, детей.

Что касается основных причин отказа от детей в Китае, многие ученые считают, что правительственная политика «одного ребенка» была одной из самых значительных причин отказа от детей в 1990-х годах. Согласно этой политике, городским супружеским парам было разрешено иметь только одного ребенка, в то время как у сельских пар мог быть второй шанс, если их первый ребенок – девочка, поскольку сын имеет важное значение для ухода за престарелыми в сельских семьях. Семейные пары, у которых второй ребенок – девочка, имели право отказаться от нее, в надежде родить сына. Вторая причина отказа от детей в Китае связана с экономическим положением бедных семей. Во многих случаях из-за тяжелого материального положения семья не может позволить себе медицинский осмотр и необходимый уход, когда ребенок рождается с инвалидностью или серьезным заболеванием. Поэтому родитель может оставить своего ребенка либо в больнице, либо рядом с детским домом, надеясь на то, что кто-то о нем позаботится.

Большинство детей-сирот в Китае живут в сельских районах, многие из них являются инвалидами. Дети с ограниченными возможностями, как правило, не могут найти приемных родителей, которые могли бы обеспечить необходимую медицинскую помощь, поэтому после определенного возраста некоторые из них поселяются в домах престарелых.

Рассмотрим, какие формы устройства для сирот предусмотрены законодательством двух стран. Семейный кодекс в Российской Федерации предусматривает следующие формы устройства: усыновление, опека, приемная семья, семейный детский дом, учреждения для детей, нуждающихся в государственной поддержке. Усыновление (удочерение) – такая форма семейного устройства, вследствие которой между усыновленными и их родителями возникают такие же права и обязанности, которые существуют между родителями и детьми в родной семье. Усыновление производится судом по заявлению лиц (лица), желающих усыновить ребенка, при обязательном участии органов опеки и попечительства. Усыновителями могут быть совершеннолетние дееспособные лица обоего пола. Разница в возрасте между усыновителем и усыновляемым должна быть не менее 16 лет. Для усыновления ребенка, достигшего возраста 10 лет, требуется его согласие, кроме случаев, специально оговоренных законом.

Закон КНР «Об усыновлении» (принят 29 декабря 1991 г.; в настоящее время действует в редакции от 4 ноября 1998 г.) устанавливает общие правила усыновления (удочерения) в КНР. В соответствии с законом, на

усыновление могут быть переданы дети в возрасте до 14 лет, которые являются 1) сиротами; 2) детьми, оставленными родителями; 3) детьми, чьи родители не могут их содержать в силу особых жизненных трудностей. Передать детей на усыновление могут опекуны сирот, организации социального благосостояния, родители, которые не могут содержать детей в силу особых жизненных трудностей.

Усыновителем может быть лицо, которое достигло возраста 30 лет, не имеет детей и заболеваний, при которых с медицинской точки зрения усыновление детей недопустимо, но имеет возможность воспитать и дать образование усыновляемому ребенку. Усыновитель может усыновить только одного ребенка. Это ограничение не применяется в случае усыновления сирот-инвалидов или детей, оставленных родителями и находящихся на содержании организации социального благосостояния.

Вступил в силу закон, согласно которому иностранные усыновители, желающие принять в свою семью китайского ребенка, должны обязательно состоять в браке и быть не старше 50 лет [7]. В соответствии с Законом Китайской Народной Республики об усыновлении, дети в возрасте старше 14 лет не имеют права на международное усыновление. Потенциальный родитель приемного ребенка может усыновить ребенка в возрасте до 10 лет без его согласия. По достижении ребенком 10-летнего возраста, ему предоставляется право на выражение согласия на усыновление.

Важным отличием от России является то, что усыновление в Китае возможно, если у ребенка нет никаких родственников. Если у ребенка есть родственники (бабушка, дедушка, тетя, дядя), то они обязаны взять на себя ответственность за воспитание ребенка. Такая норма позволяет содержать как можно меньше детей в детских учреждениях. Следовательно, Китай делает все возможное, чтобы проблема сирот в стране стала минимальной.

Опека, попечительство – другая форма устройства малолетних граждан, которая направлена на их содержание, воспитание и образование, а также на защиту их прав и интересов.

В Российской Федерации главное различие опеки от попечительства состоит в том, что опека устанавливается над детьми, не достигшими возраста 14 лет, а попечительство – над детьми в возрасте от 14 до 18 лет. Опекуны – это законные представители своих подопечных, которые имеют право совершать сделки от их имени; попечители же дают согласие на совершение тех сделок, которые граждане, находящиеся под попечением, не вправе совершать самостоятельно. Обязанности по опеке и попечительству осуществляются безвозмездно. На содержание ребенка ежемесячно выплачиваются денежные средства в порядке и размере, установленных Правительством РФ. Опекун обязан воспитывать ребенка, заботиться о его здоровье, он так же вправе требовать по суду возврата ребенка от любых лиц, включая близких родственников, в том случае, если они незаконно его удерживают; однако он не имеет права препятствовать общению ребенка с его родными и близкими. Опекунами становятся близкие родственники подопечного, но бывают случаи, когда родители могут лично воспитывать

своих детей, однако по каким-то причинам делать этого не хотят и добровольно передают их под опеку другим лицам. В этом случае на ребенка не выплачивается государственное пособие: считается, что его может содержать собственный не лишенный прав родитель [8].

Особенностью законодательства КНР об институте опеки (попечительства) является то, что, во-первых, бабушки, дедушки с обеих сторон, братья, сестры имеют не преимущественное право быть опекунами/попечителями перед другими, как в России, а основное, о чем говорится в статье 18 «Общих положений о гражданском праве КНР». При наличии разногласий при определении лица, выполняющего обязанности опекуна, опекун определяется организацией - местом работы или комитетом городского или сельского населения по месту жительства. И лишь в случае несогласия с выбором и обжаловании его в суде. Во-вторых, в России в случае невозможности установления опекуна/попечителя обязанности возлагаются на соответствующие органы, а в КНР – на организацию - место работы, комитет городского или сельского населения по месту жительства или органы гражданской администрации.

Законодательство РФ и законодательство КНР предусматривают обязанности опекунов (попечителей). Статья 36 ГК РФ гласит: опекуны/попечители обязаны защищать их права и интересы, заботиться о содержании своих подопечных, об обеспечении их уходом и лечением, должны заботиться об их обучении и воспитании [9]. Статья 18 «Общих положений гражданского права КНР» говорит о следующем: «Опекун должен выполнять обязанности по опеке, охранять здоровье, имущество и другие права и законные интересы подопечного; опекун не вправе распоряжаться имуществом подопечного, кроме как в его интересах» [10]. В случае ненадлежащего исполнения обязанностей в законодательстве обеих стран предусмотрены нормы юридической ответственности.

Таким образом, сравнительный анализ системы профилактики сиротства в России и Китае показал, что причины социального сиротства в обеих странах в основном схожие, но в путях решения проблемы есть существенные отличия. В КНР большое внимание уделяется роли общественных органов управления по месту жительства или работы граждан, которые могут даже решать вопросы опеки над сиротами, в то время как в России вопросы опеки находятся строго в компетенции специально созданных для этого органов опеки и попечительства. Кроме того, существенную роль в значительном снижении количества социальных сирот в Китае оказывает законодательная норма, предписывающая обязательное усыновление ребенка-сироты ближайшими родственниками, если таковые имеются.

Библиографический список:

1. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / [Электронный ресурс]: Консультант Плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/>

cons_doc_LAW_12778/785ff748eda8db09e9275dc8231632fa1a2d0062/ (дата обращения: 04.05.2018).

2. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / [Электронный ресурс]: Консультант Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/785ff748eda8db09e9275dc8231632fa1a2d0062/ (дата обращения: 04.05.2018 года).

3. Социальное сиротство в Китае: «Перемен!» / [Электронный ресурс]: gbtimes. Режим доступа: <http://ru.gbtimes.com/fokus/socialnoe-sirotstvo-v-kitae-peremen> (дата обращения: 04.05.2018).

4. Социальное сиротство в Китае: «Перемен!» / [Электронный ресурс]: gbtimes. Режим доступа: <http://ru.gbtimes.com/fokus/socialnoe-sirotstvo-v-kitae-peremen> (дата обращения: 04.05.2018).

5. Численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в возрасте до 18 лет, имеющих право на получение мер социальной поддержки за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации / [Электронный ресурс]: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/family/4-5.xls (дата обращения: 04.05.2018).

6. Number of orphans in China from 2008 to 2016 / [Электронный ресурс]: The StatisticsPortal. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/687316/china-number-of-orphans/> (дата обращения: 04.05.2018 года).

7. Сулейменов, Х.Ж. К вопросу о запрете международного усыновления и реализации принципа приоритета воспитания детей в Р.К. // Вестник ТарМУ им. М.Х.Дулати. Природопользования и проблемы антропосферы. 2012. №4. С. 57-61.

8. Гайсина Г.И. Семейное жизнеустройство детей, оставшихся без родительского попечения: проблемы, тенденции, перспективы // Семейные формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в РБ: достижения, перспективы: Мат-лы регион. НПК. Уфа: «АСТАРТА», 2008. С. 23.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 29.04.2018).

10. Общие положения гражданского права КНР [Электронный ресурс]: Pavel.Bazhanov.pro. Режим доступа: http://pavel.bazhanov.pro/translations/chinacivilaw/china_general_principles_of_civil_law/ (дата обращения: 10.05.2018).

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЯ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ К ИНИЦИАТИВНОСТИ ВОСПИТАННИКОВ

Стельмах И.В., старший преподаватель, Приморский краевой институт развития образования (г. Владивосток, Россия)

E-mail: inga-stel@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы условий, способствующих успешному развитию инициативности дошкольника в условиях общественного образования, ставится задача определить детерминанту поддерживающих и развивающих детскую инициативность действий педагога дошкольной образовательной организации.

Ключевые слова: факторы развития и поддержки инициативности дошкольников, отношение педагога, концепция отношения, транзактный анализ.

Abstract: The article deals with the conditions that contribute to the successful development of the preschooler's initiative in public education. The task is to determine the determinant of the pedagogical activities of the pre-school educational organization supporting and developing children's initiative.

Keywords: factors of development and support of initiative of preschool children, the attitude of the teacher, the concept of attitude, transactional analysis.

Интерес к проблематике формирования и развития инициативности сегодня вполне закономерен: социальный заказ государства системе образования сформулирован как воспитание инициативного, ответственного человека, готового самостоятельно принимать решения в ситуации выбора. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» к направлениям деятельности педагога отнесена и необходимость «развивать у обучающихся самостоятельность, инициативу, творческие способности». В Федеральном государственном стандарте дошкольного образования (ФГОС ДО) одним из важнейших принципов определена поддержка детей в разных видах деятельности, при этом поддержка инициативности выступает одним из необходимых условий для создания благоприятной ситуации развития детей.

В лаборатории дошкольного возраста Красноярского краевого института повышения квалификации работников образования под руководством к.псих.н. Юстус Т.И. было проведено исследование ключевых условий становления детской инициативности дошкольников. Критически важным фактором в создании таких условий в детском саду признана позиция педагога [7,3].

Как показывают многочисленные образовательные события, проводимые на базе Приморского краевого института развития образования, в существующей педагогической практике дошкольного образования Приморского края возможности проявления дошкольниками своей инициативности оказываются в значительной степени ограниченными, а создаваемая педагогами образовательная среда, ориентированная зачастую на внешнюю

оценку воспитания и обучения, становление исполнительской активности, недостаточно стимулирует развитие этого качества у дошкольников.

Таким образом, имеется противоречие между существующей системой общественного воспитания дошкольников, препятствующей развитию инициативности ребёнка, и назревшей необходимостью в создании психолого-педагогических условий для развития инициативности детей дошкольного возраста в условиях ДОО. Данное противоречие определило проблему исследования, которая состоит в необходимости теоретического обоснования условий, способствующих успешному развитию инициативности дошкольника в условиях общественного воспитания, в поиске условий (факторов), влияющих на развитие инициативности детей дошкольного возраста.

В поисках детерминанты поддерживающих и развивающих детскую инициативность действий педагога, мы вышли на категорию *отношение*.

Согласно концепции В.Н. Мясищева, отношение понимается как преимущественно осознанная, избирательная, основанная на опыте психологическая связь субъекта с различными сторонами действительности, выражающаяся в его действиях и переживаниях. Отношение имеет потенциальный характер, выражающий вероятность реализации избирательной активности в связи с тем или иным объектом и материализующийся в поведении носителя этого отношения. В структуре психологических отношений В.Н. Мясищев выделяет следующие стороны отношения: потребностная или конативная (как тенденция тяготения к объекту, овладения им); эмоциональная (выражается посредством привязанности, любви, симпатии и противоположных по знаку чувств - неприязни, вражды, антипатии); познавательная (интересы, оценки, принятые личностью моральные ценности, выработанные убеждения, вкусы, склонности, идеалы). Каждый компонент определяется характером взаимодействия личности с окружающим пространством человека. Эмоциональный компонент способствует формированию эмоционального отношения личности к объектам окружающей среды, людям и самому себе. Познавательный (оценочный) компонент способствует восприятию и оценке (осознанию, пониманию, объяснению) объектов окружающей среды, людей и самого себя. Поведенческий (конативный) компонент способствует осуществлению выбора стратегий и тактик поведения личности по отношению к значимым (ценным) для нее объектам среды, людям и самому себе.

В.Н. Мясищев подчеркивает, что главная характеристика личности не знания, навыки и умения, а отношения, и без учета роли психической активности отношений никакой процесс не может быть правильно освещен, не могут быть правильно определены способности человека, осуществляющего ту или иную деятельность; характер исследуемого процесса обусловлен не только особенностями задачи деятельности, но и отношением человека к этой задаче [4]. В дальнейших психологических исследованиях категорию психологических отношений активно использовали и развивали в своих работах ведущие российские психологи, подтверждая и развивая идеи В.Н. Мясищева (Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская, А.Н. Леонтьев, Б.С. Братусь, А.В. Петровский и др.) [5].

В зарубежной психологической науке изучение понятия «отношение» также представлено рядом исследований (J.F. Herbart, W. Wundt, Adler AAllport G.W., V.E. Frankl и др.). Фьюзон (Fuson M.) характеризует отношение как вероятность выявления определенного поведения в определенной ситуации [2].

В концепции современного транзактного анализа (теория личностной и групповой динамики, Э. Берн (E.L. Berne)) отношение человека к себе и к миру описывается через термин жизненные позиции, которые соотносятся с определенным состоянием сознания человека - эго-состояниями. Эго-состояния являются устойчивыми взаимосвязанными образованиями мыслей, чувств и желаний, выражающимися в соответствующих моделях поведения, способах проявления личности, неких феноменологических реальностях, поведенческих стереотипах, которые провоцируются актуальной ситуацией. Содержание и функции эго-состояний (Родительское эго-состояние, эго-состояние Взрослого, Детское эго-состояние) различны. Вместе с тем, что эго-состояния динамичны, Э. Берн и его последователи описывают такой феномен, как доминирующее (ведущее) эго-состояние, когда психическая энергия замыкается в жестких границах, капсулируется и ограничивается лишь одним эго-состоянием, определяющим особенности взаимодействия человека в большинстве жизненных ситуаций [1, 6].

Исходя из вышеописанных концепций, отношение педагога к феномену инициативности и проявлениям инициативы у воспитанников вероятно влияет на его действия по организации и реализации поддержки и развития инициативности дошкольников или по ее торможению. Необходимо отметить, что было доказано, что отношения могут носить как осознаваемый, так и неосознаваемый характер, их содержание может быть не представлено в сознании субъекта в развернутом виде (А.Е. Личко, Э. Берн, Я. Стюарт, В. Джойнс, К.М. Штайнер).

Соединение концепций отношения и теории транзактного анализа дает нам возможность рассмотреть, изучить отношение педагога к инициативности, проявлениям инициативы дошкольников через переживания и действия, соответствующие разным эго-состояниям, а именно - какого качества послания от педагогов к ребенку, когда он проявляет свою инициативность - сдерживающие, запрещающие или разрешающие, поощряющие, вдохновляющие.

Теоретический анализ психолого-педагогической литературы выявил, и это определяет актуальность темы настоящего исследования, что на данный момент практически не изучен вопрос о влиянии отношения педагога дошкольной образовательной организации к инициативности и к проявлениям инициативы воспитанников на развитие инициативности у детей, отсутствуют методики исследования отношения педагогов ДОО к проявлениям детской инициативности (Зорина А.В., 2014; Алиева Т., 2015; Моница Г.Б., 2017 и др.). Для решения этого дефицита в рамках магистерского исследования мы разрабатываем и апробируем диагностические методики исследования отношения педагогов дошкольных образовательных

учреждений к инициативности воспитанников, в том числе, частный униполярный семантический дифференциал «Инициативность», диагностические кейсы.

В дальнейшем мы предполагаем возможность использовать разработанные нами диагностические методики в практике дошкольного образования для обеспечения поддержки и развития инициативности детей дошкольного возраста в соответствии с требованиями и принципами ФГОС ДО.

Библиографический список:

1. Берн Э. Транзакционный анализ в психотерапии / Пер. с англ. А. А. Грузберга. М.: Эксмо, 2009. 416 с. (Психологический бестселлер).
2. Левченко Е.В. История и теория психологии отношений. Изд-во Алетей, 2003 г. 312 с.
3. Лосик Е. И. Роль педагога дошкольного учреждения в развитии познавательной активности старших дошкольников // Теория и практика образования в современном мире: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 47-49.
4. Мясищев В.Н. Психология отношений. Издательство МОДЭК, 2011. 400 с.
5. Поздняков В.П. Психологические отношения человека: история развития и современное состояние исследований // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, 2016. Том 1. № 3. С. 24-47.
6. Стюарт Я., Джойнс В. Современный транзактный анализ. Спб., 2003. 330 с.
7. Юстус Т.И. Образовательные условия становления инициативности дошкольников [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-usloviya-stanovleniya-initsiativnosti-doshkolnikov> (дата обращения: 30.06.2017).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БОЛЬНОЙ РЕБЕНОК В СЕМЬЕ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СОЗАВИСИМОСТИ

Судьин С.А., доктор социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия).
E-mail: sudjin@mail.ru

Аннотация. Представлен критический подход к классической теории со-зависимости как модели объяснения семейных реакций на появление в ее структуре психически больного ребенка. Предложена идея о формировании социологической теории созависимости.

Ключевые слова: созависимость, социология семьи, социология детства, дисфункциональная семья.

Abstract. A critical approach to the classical co-dependency theory as the explanation model of family reactions at the mentally ill child is presented. The formation of sociological co-dependency theory is suggested.

Keywords: co-dependency, family sociology, sociology of childhood, dysfunctional family.

Системный характер семьи обуславливает специфический характер ее реакций на происходящие в ней события: любые негативные изменения и переходные состояния станут стрессом для всего семейного организма. Подобные события нарушают привычный ход вещей, девальвируют ценность имеющихся поведенческих моделей, угрожают эмоциональной стабильности семьи. Психические заболевания, становясь частью нового семейного уклада, относятся именно к таким событиям. Родственники заболевшего переживают не только трудности реактивного характера, связанные с особенностями заболевания, необходимостью адаптироваться к новым условиям медицинского и социального характера, но и трудности во взаимодействии друг с другом. Особенно трагическими эти переживания будут в случае заболевания ребенка.

Оценки психической болезни как семейной катастрофы вполне уместны, равно как и замечание Клауса Дёрнера о том, что родные больного страдают от этой болезни едва ли не больше, чем сам больной [1.] Наиболее известной категорией, призванной описать совокупность эффектов, оказываемых психически больным родственником на свое окружение, является созависимость. Концепция созависимости развивалась в русле исследований социально-психологических последствий алкоголизма и наркомании, что и дало название самому термину.

Согласно одному из определений, созависимость – это «специфическое состояние, которое характеризуется сильной поглощенностью и озабоченностью, а также крайней зависимостью (эмоциональной, социальной, а иногда и физической) от человека или предмета. В конечном счете, такая зависимость от другого человека становится патологическим состоянием, влияющим на созависимого во всех других взаимоотношениях. Для состояния созависимости характерно:

- заблуждение, отрицание, самообман;
- компульсивные действия (неосознанное иррациональное поведение, о котором человек может сожалеть, но все же действует, как бы движимый невидимой внутренней силой);
- замороженные чувства;
- низкая самооценка;
- нарушения здоровья, связанные со стрессом» [2].

Созависимость является результатом патологической семейной адаптации семьи к зависимому родственнику, на достижение которой брошено неадекватно большое количество ресурсов, что дает обратный эффект в виде формирования психосоматических расстройств у созависимого, потери контроля над ситуацией, разрушения внутренних границ.

Несмотря на то, что при ее описании используются такие понятия, как «социальная роль», «социальная адаптация», «дисфункция», созависимость является больше психологическим феноменом, что ограничивает возможности его использования при социологическом анализе нашего предмета. Кроме того, необходимо отметить слабые места в самой концепции созависимости, сильно ограничивающие наши возможности ее использования.

Во-первых, возникнув внутри исследований алкоголизма и наркомании, она, по сути, там и осталась: понимания созависимости как универсального феномена, применимого к иным факторам семейных деформаций по-прежнему не прослеживается. Отчасти это можно объяснить распространенностью алкоголизма и наркомании, дающих основную массу случаев созависимого поведения. Другой причиной может быть декларируемая авторами общность психологических механизмов формирования обоих феноменов – и зависимости, и созависимости.

Однако если в случаях алкоголизма и/или наркомании реально отследить их начало, предпринять необходимые профилактические шаги и даже возложить ответственность за происходящее на конкретного индивида, то такое заболевание, как, например, шизофрения чаще всего становится для семьи шоком и говорить о возможности формирования созависимости по традиционному сценарию не приходится. Для ухода от подобной узкой трактовки нужно придать созависимости черты универсального понятия, обозначающего патологическую привязанность к какому-либо объекту, поглощенность его проблемами, отказ от принятия собственных потребностей и их удовлетворения. В нашем случае имело бы смысл говорить о «со-болезни», которая была бы наделена иными чертами и наполнением.

Во-вторых, созависимость во всех вышеперечисленных проявлениях понимается авторами как объективный феномен, возникающий в семье по факту развития алкоголизма или наркомании у кого-то из ее членов. При этом игнорируется то очевидное обстоятельство, что формирование подобных реакций зависит от целого ряда переменных, таких, как степень родства, возраст, пол, характер отношений в период, предшествующий болезни, не говоря уже о психологических характеристиках членов семьи.

И хотя авторы отмечают, что к формированию созависимого поведения склонны лица с заниженной самооценкой, имеющие опыт воспитания в неблагополучных семьях, жертвы всевозможных форм насилия, «созависимым можно считать любого человека, живущего в неблагополучной семье, с нездоровыми правилами, способствующими созависимым отношениям» [3].

В-третьих, при всем многообразии симптомов созависимости отметим ее слабую операционализуемость, что, с одной стороны, затрудняет эмпирические исследования данного явления, а с другой – делает его объяснительный потенциал почти безграничным. Так, Берри и Джейн Уайнхолды, говоря о созависимости, отмечают, что она «характерна почти для 98 % взрослого населения и является источником большей части человеческих страданий. Созависимость – это приобретенное дисфункциональное поведение, возникающее вследствие незавершенности решения одной или более задач развития личности в раннем детстве» [4]. В то же время среди симптомов созависимости ими выделяется свыше сорока личностных особенностей, характерных и для большинства других нарушений внутрисемейного взаимодействия, индивидуальной дезадаптации и т.п. Подобная широта трактовки способна вообще вывести созависимость за грань научного дискурса. С другой стороны, это открывает перспективы развития социологической теории созависимости, акцент в которой будет сделан на социальных ролях членов семьи, семейной дисфункциональности и социальных факторах ее формирования, развития и компенсации [5].

Наконец, созависимость в понимании исследующих ее авторов всегда выступает как исключительно негативный компонент внутрисемейного взаимодействия, избавление от которого необходимо и возможно лишь в случае глубокой проработки собственной когнитивной и эмоциональной сферы. В социологическом контексте мы говорим о дисфункциональном характере внутрисемейных проблем, которые могут быть решены при помощи различных обучающих программ. Психологические сложности, неизбежно возникающие у членов семьи в силу психического недуга у близкого человека, рассматриваются нами как субъективные проблемы, имеющие решение [5]. Кроме того, мы говорим о наличии условно положительных эффектов, с которыми сопряжена социализация в условиях наличия психически больного ребенка или другого родственника в структуре семьи.

Библиографический список:

1. Dörner, K. Der gute Arzt: Lehrbuch der ärztlichen Grundhaltung. – Stuttgart, 2001. 334 S.
2. Шорохова О.А. Жизненные ловушки зависимости и созависимости. СПб.: Речь. 2002.
3. Там же, С. 7.
4. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости. М.: Независимая фирма «Класс», 2002.
5. Судьин С.А. Психическая болезнь и семья: объективные и субъективные проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012. № 2 (1), С. 390–395.

АНТИКРИЗИСНАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНЕ, КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ

Телегина Г.А., старший преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия).
E-mail: teleginagn@yandex.ru

Аннотация: предлагается рассмотреть идею о формировании и реализации в регионах антикризисной семейной политики, которая позволит предупредить переживание семьей трудных жизненных ситуаций и острых проблем. Антикризисная семейная политика позволит создать условия, при которых семья берет на себя ответственность за предотвращение возникновения социально опасного положения, а, следовательно, обеспечивает безопасную среду для жизнедеятельности и социализации детей.

Ключевые слова: социальное благополучие, антикризисная семейная политика, семейное неблагополучие.

Abstract. It is proposed to consider the idea of the formation and implementation in the regions of an anti-crisis family policy that will prevent the family from experiencing difficult life situations and acute problems. An anti-crisis family policy will create conditions under which the family assumes primarily its own responsibility for preventing the emergence of a socially dangerous situation, and, consequently, provides a safe environment for the life and socialization of children.

Keywords: social well-being, anti-crisis family policy, family troubles.

На современном этапе развития российского общества актуальным остается вопрос о состоянии института семьи. Большинство современных исследователей сходятся во мнении о том, что сегодня семья, как базовый социальный институт, испытывает кризис своего функционирования. В современной социальной реальности этот процесс выражается через деструктивные формы социализации детей в семье, что не позволяет достичь условий их социального благополучия.

В исследованиях российских социологов фиксируется тенденция кризиса института семьи, характерная для социального развития в начале XXI века, с которой связывают неблагоприятные условия социального благополучия детей. Традиционно с 90-х гг. XX в. по настоящий период одним из главных барьеров для достижения социального благополучия детей остается нестабильное материальное состояние семей. Однако глобализационные процессы порождают новый виток проблем, которые усложняют систему ценностных отношений в семье. Особо остро сегодня стоит проблема детско-родительских отношений, которая многоаспектна с точки зрения причин и последствий нарушения взаимодействия между родителями и детьми в семье.

Социальное благополучие детей является интегральной категорией, которая включает в себя формирование безопасной среды для жизнедеятельности и социализации детей и одновременно с этим создание возможностей для их всестороннего развития. Указанные условия обеспечиваются посредством системы мер социальной политики, которые реализуются на разных уровнях и в разных сферах. Особую роль в данном случае, на наш взгляд, играет содержание семейной политики, осуществляемой в регионе.

Вполне закономерно, что в современной семейной политике генеральной линией в деятельности по обеспечению условий социального благополучия детей стала профилактика социально опасного положения и трудных жизненных ситуаций. Современная система профилактики детского неблагополучия в России складывается из программно-проектных мероприятий социальной работы с семьями, где уже зафиксированы факты, указывающие на невозможность родителей обеспечить должным образом условия для развития и воспитания несовершеннолетних. Другими словами, такие профилактические мероприятия ориентированы на семьи, испытывающие кризис своего функционирования. На наш взгляд, кризис не следует отождествлять с состоянием неблагополучия, т.к. он представляет собой ту ступень жизнедеятельности, которая может предвосхищать наступление неблагополучия.

Понятие «кризис» – одно из ключевых в понятийном аппарате теоретических аспектов профилактики детского неблагополучия. От того, какое содержание вкладывается в понятие кризис, непосредственно зависит и содержание профилактической деятельности. Существует множество определений кризиса, но, в целом, под кризисом чаще всего понимают острую, нестабильную ситуацию, имеющую негативные последствия. Вместе с тем необходимо отметить, что существует и иное представление о кризисе, в соответствии с которым критическая ситуация связана не только с разрушением, но и с обновлением, развитием [1].

Сложившуюся сегодня систему работы в сфере семейной политики в большей степени можно отнести к деятельности по регулированию уже наступивших кризисных ситуаций. Безусловно, кризисные ситуации семьи должны находиться в поле зрения специалистов по социальной работе, но наиболее эффективными мерами превентивного характера в решении данной проблемы будут действия, предпринимаемые специалистами компетентных организаций и ведомств на более раннем этапе развития деструктивных процессов в семье. Указанные действия могут быть реализованы с помощью антикризисной семейной политики.

Антикризисная семейная политика является частью социальной политики региона и предназначена для обеспечения на основе ресурсов организаций, учреждений, ведомств и самих семей комплексной системы содействия семьям в предотвращении возникающих проблем по вопросам урегулирования межличностных конфликтов, воспитания и обучения детей, финансового обеспечения жизнедеятельности семьи и др. Механизмы реализации антикризисной семейной политики должны быть достаточно гиб-

кими, чтобы при необходимости можно было актуализировать ее содержание. Антикризисная семейная политика представляют собой систему мероприятий, основной задачей которых является контроль и реагирование на риск как на любую вероятную угрозу, к которой можно готовиться заблаговременно и планомерно, что позволит предупредить возникновение и развитие кризисов, приводящих семью, а следовательно, и детей, в состояние социального неблагополучия и требующих немедленного реагирования. В рамках антикризисной семейной политики предполагается, что каждый регион формирует собственную модель оказания комплексного содействия семье с учетом социально-демографических, экономических, географических и других особенностей развития входящих в него территорий.

Антикризисная семейная политика требует адаптации технологий и алгоритмов работы с семьями к особенностям и степени проявления факторов риска. Основной принцип в данном случае – это формирование «пакетов» социальных услуг и форм содействия на основе индивидуального запроса семьи. Определяющую роль в выборе технологий работы с семьями играет уровень их ресурсного потенциала, детерминирующий условия самоактуализации и самообеспечения семей. Реализация технологий работы предполагает создание «гибких» алгоритмов взаимодействия с семьей, предполагающих возможность корректировки индивидуальных планов их сопровождения и реабилитации в соответствии с изменениями социальной ситуации и перспективой развития семьи.

Для реализации мер антикризисной семейной политики потребуются организация подготовки специалистов, осуществляющих мероприятия по профилактике семейного неблагополучия. В рамках антикризисных стратегий профилактики семейного неблагополучия к специалистам предъявляются требования по овладению навыками применения современных подходов социальной работы с семьями. Поскольку акцент в оказании помощи семьям смещается на актуализацию их собственных возможностей и ресурсов, институт куратора, широко распространенный в практике работы с семьями и детьми, находящимися в социально опасном положении, должен быть заменен на институт консультанта, который работает с семьей в менее директивной форме, основная задача которого состоит не в инспектировании родителей по поводу выполнения ими своих обязанностей по содержанию и воспитанию детей, а в информировании, разъяснении и выработке возможных стратегий конструктивного преобразования семейной ситуации.

В этой связи, актуальной является организация предоставления консультационных и посреднических услуг семьям на безвозмездной основе. Стоит подчеркнуть, что такие услуги должны предоставляться вне зависимости от того, находится семья на учете в органах социальной защиты или нет. Безвозмездное оказание таких услуг может и должно быть реализовано посредством привлечения ресурсов некоммерческого сектора. Это не только расширит круг субъектов, имеющих возможность подключиться к

работе с семьями, но и повысит вариативность тех форм содействия и услуг, которые могут быть предоставлены семье в регионе. Доступность социальных услуг может быть достигнута за счет создания сети многопрофильных учреждений, оказывающих комплексное содействие семьям по месту жительства (аналогично системе учреждений здравоохранения и образования). Стоит отметить, что оказание такого содействия непосредственно семье должно быть реализовано аналогично дневной форме социального обслуживания населения. Также требуется разработка механизма мониторинга и учета семей, испытывающих проблемы функционирования, позволяющая сформировать единую базу данных семей-клиентов, исключаящую противоречия между организациями и ведомствами социальной защиты, системы профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних и др. в признании или непризнании статуса «клиента» для конкретной семьи.

Библиографический список:

1. Веснин В. Р., Юрьева Т. В. Теория антикризисного управления: учебно-практическое пособие. М.: Евразийский открытый институт. 2010.

МИРЫ ДЕТСТВА В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ КОСОВСКО-СЕРБСКИХ АНКЛАВОВ

Толвайшиц Л., кандидат политических наук, Факультет дипломатии и безопасности, Университет «Унион – Никола Тесла», (г. Белград, Сербия)
E-mail: leonas.tolvaisis@gmail.com

Аннотация: В статье представлены результаты исследования миров детства как неотъемлемого мотива базового нарратива сербов Косова и Метохии. Исследование проведено методом включённого наблюдения и анализа автохтонного детского творчества. Результаты исследования показали, что тема детских судеб в условиях этнического конфликта оформилась в отдельный цельный нарратив, призванный олицетворять несправедливость послевоенной действительности косовско-метохийских сербов.

Ключевые слова: нарратив детства в Косово, миры детства, сербские анклавы в Косово и Метохии.

Abstract: The article presents the results of the research of childhood worlds as an inalienable motive of the core narrative of Kosovo Serbs. Using the method of participant observation and analysis of autochthonous children's art, the research has shown that the topic of children's destinies in ethnic conflict has taken the shape of a separate integral narrative aimed at drawing attention to unjust post-war reality of Kosovo Serbs.

Keywords: childhood narrative in Kosovo, childhood worlds, Kosovo Serb enclaves.

В основу настоящего доклада положены результаты исследования, проводившегося с июня 2009 по июнь 2017 г. в сербских анклавах в Косове. Для сбора первичных данных использован метод включённого наблюдения за местами и пространствами детства, множественностью детских миров, позициями детей-акторов в Косове. Данные, полученные в ходе полевого исследования, обработаны методом нарративного анализа. В качестве источников использованы также произведения искусства: эпистолярной прозы, поэзии, кинематографа. В ходе исследования удалось выявить особое место миров детства в базовом нарративе косовских сербов.

Особое место в базовом нарративе исторической памяти косовских сербов о послевоенном времени занимают письменные свидетельства косовских детей о пережитом опыте войны и послевоенных лет. Такие свидетельства публикуются в форме поэзии, прозы, косовских дневников и писем из Косова. Лейтмотивом в них проходит тема украденного детства на фоне этнического насилия, бомбёжек и массового бегства гражданского населения из края. Косово как край детства в нарративе предстаёт ареной коллективного мученичества, в котором дети страдают как непосредственно физически, так и психологически от последствий войны на всём протяжении послевоенного периода: неизвестность и страх, подпитываемые каждым днём и ночью. В борьбе за выживание авторы детских дневников предстают повзрослевшими и созревшими прежде времени, не успевающими быть детьми и утратившими желание вновь стать детьми и играть. Неизвестность и страх находят отражение также в задокументированных играх косовских детей, имитирующих окружающую действительность. Для восприятия социальной географии косовско-сербскими детьми характерны мотивы послевоенной действительности: возведение баррикад, защита моста от радикальных экстремистов. Оказавшись за пределами края, косовские дети продолжают называть встреченных солдат «американцами», «немцами», «французами» или «датчанами». В детских описаниях будущего края преобладают мотивы печального будущего, бесправия под чужой властью, ностальгия по прежней беззаботной жизни и страх, что жизнь изменилась навсегда. Ярко выражены мотивы войны, страха, опасения, ненависти и лжи, противопоставляемые мотивам свободы, мира, любви, радости, счастья и беззаботности. В циклическом восприятии детьми истории косовского края проводятся параллели с периодом османского ига, когда жестокое обращение захватчиков с детьми было нормой.

Тему детства в косовско-сербском нарративе символизируют немногочисленные дети, живущие в косовских городах, в первые послевоенные годы покинутых сербским населением. Так, во втором по величине и первом по историческому значению городе Косова Призрене – это известная на всю Сербию Милица, единственный сербский ребёнок в городе. В базовом нарративе Призрен выступает городом, где в XXI веке возможно одинокое детство в атмосфере давления и нападков на семью ребёнка, не знающего, что такое свобода, друзья и игра. Свои первые шаги такие дети де-

лают в косовско-сербских монастырях, воспринимаемых в качестве островков свободы.

Увековечиванию памяти детей, погибших в послевоенное время, отводится важное место в когнитивном картировании пространства. Памятники детям из села Гораждевац, погибших в результате обстрела 13 августа 2003 г., регулярно подвергаются нападениям.

При рассмотрении форм коллективной памяти косовских сербов отдельного упоминания достойно детское песенное творчество. Действующие в анклавах хоровые коллективы, исполняющие песни на темы детства в анклавах и по мотивам конкретных событий военного и послевоенного времени, вносят весомый вклад в формирование базового нарратива. В текстах песен проводятся исторические параллели между периодом османского ига и послевоенным временем, наступившим с введением в крае международного протектората в июне 1999 г.

На когнитивном картировании пространства сказывается ограниченная свобода передвижения, использования родного языка, публичного совершения памяти в условиях этнического конфликта. Большинство сербских школ переселено на север Косова, а в школах на юге края ощущается недостаток квалифицированных преподавательских кадров.

На уровне официальной политики памяти 17 марта – день антисербских погромов в Косово 2004 г. – установлен в качестве памятной даты в школах Сербии с 2015 г. В этот день первый урок начинается с чтения тематических лекций, показа документальных фильмов об изгнании сербов из Косово и уничтожении следов их исторического присутствия в крае. В целях развития исторической памяти и укрепления связей со сверстниками, живущими в Косово, с детьми проводятся беседы о Косово, а также организовываются поездки в край. Подчеркивается преемственность исторической памяти, чьей конечной целью является создание условий для обретения свободы, т.е. возвращения сербского народа в край. Дети занимают особое место в установленном государством церемониале памяти косовских жертв: в базовом нарративе выражен мотив преждевременного взросления детей вследствие пережитых испытаний. Тем не менее, Сербия не воспользовалась мировым опытом привлечения наиболее образованных кадров в школы, действующие в анклавах, чтобы уникальный опыт детства, прожитого в экстремальных условиях, в сочетании с особо качественным образованием поспособствовал формированию новой элиты государства.

Миры детства косовских сербов нашли отражение не только в произведениях литературы, но и в кинематографе. Так, фильм «Анклав» режиссёра Горана Радовановича посвящён памяти мартовских событий 2004 г. и позиционируется в качестве реакции на события в режиме реального времени и как исторический источник, поскольку в его создании принимали участие люди, непосредственно пережившие события 2004 г., а в главных ролях выступают дети, живущие в косовско-сербских анклавах. В фильме увековечены как темы этнических стереотипов коллективной вины глазами детей, так и исторические сцены детства на фоне опустевших сёл, взо-

рванных церквей и разрушенных кладбищ, перевозки детей в школу бронетранспортёрами, уроков в школе для одного ребёнка, отсутствия друзей. Всем произведениям литературы и кинематографии, посвящённым темам детства в Косово, свойственен лейтмотив выживания в условиях чрезвычайного положения, неизвестности, нападков, протестов, страха, отсутствия хороших новостей, перебоев в водо- и электроснабжении, жизни в замкнутом пространстве на фоне военной техники, под гул вертолётных лопастей.

Тема детства и рождения детей в Косово вопреки всем невзгодам является ключевой для косовско-сербского нарратива, поскольку от детей зависит преемственность сербского присутствия в крае, а на молодые поколения возлагается надежда увидеть наступление эпохи свободы.

Библиографический список:

1. Толвайшис, Леонас. «Исследование становления исторической идентичности косовских сербов в послевоенный период методом нарративного анализа». И.Г. Кузина (отв. ред.) Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Второй всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Владивосток, 7–8 декабря 2016 г. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2016: С. 726–728.

2. Tolvaišis, Leonas. Kosovo serbų bendruomenė: istorinės atminties ir nacionalinių naratyvų raida pokario laikotarpiu (1999–2015 m.), in: Egidijus Aleksandravičius (red.). Tautiniai naratyvai ir herojai Vidurio Rytų Europoje po 1989 m. Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, Versus Aureus, 2015: P. 379–467.

3. Толвайшис, Леонас. Српске енклаве на Косову и Метохији – изгледи за будућност. Учинци званичног мултикултурног режима и питање одрживог опстанка, у: Урош Шуваковић, Ана Бујас, Вања Шаула, Александар Дунђерин (ур.). Културно наслеђе Косова и Метохије. Историјске тековине Србије на Косову и Метохији и изазови будућности. Косовска Митровица: Универзитет у Приштини; Београд: Канцеларија за КиМ, Т.2, 2013: С. 745–773.

4. Tolvaišis, Leonas. Historical Memories of Kosovo Serbs in the Post-War Period and Conflicting Serbian National Narratives About Kosovo. Darbai ir Dienos, vol. 60, 2013: P. 201–232.

5. Tolvaišis, Leonas. Serb Enclaves in Kosovo: Application of 'Ethnic Control' Paradigm, in: Елена Филиппова (отв. ред.). 20 лет спустя (1991–2011). Реорганизация пространства и идентичности. Москва: Российская Академия Наук, 2012: С. 132–143.

6. Tolvaišis, Leonas. The 'New Reality' seen from the enclave: the Kosovo Serbs' experience, in: Kosovo: independence, status, perspectives: Adjusting regional policies of ethnicity and borders. Ravenna: A. Longo editore, 2011: P. 45–68.

МАЛЕНЬКИЕ МУКИ: МОБИЛЬНОСТЬ ДЕТЕЙ БЕЗ СОПРОВОЖДЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНЫХ ПОТОКАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ

Толстокорова А. В., кандидат филологических наук, доцент, научный эксперт, Независимый аналитический центр (г. Киев, Украина)
E-mail: alicetol@yahoo.com

Аннотация: Работа посвящена анализу одного из выделенных автором ранее типов модальной личности, свойственных процессу глобализации. Им является «глобальный ребенок» или «новый маленький Мук» как продукт «глобализации детства». Основной целью работы является научная проблематизация новейшего процесса мобильности детей без сопровождения в глобальных потоках международной миграции.

Ключевые слова: модальная личность, процесс глобализации, глобализация детства, глобальный ребенок, мобильности детей, международная миграция.

Abstract: The paper sets out to analyze one of the model personality patterns of the era of globalization which were identified by the author earlier. It is “global child” as a product of “globalization of childhood”. The main goal of the paper is the academic problematization of the newest process of mobility of unaccompanied minors in global flows of international migration.

Keywords: model personality pattern, globalization process, globalization of childhood, global child, mobility of minors, international migration.

Данная работа представляет собой продолжение и развитие идей, изложенных ранее в работах автора, посвященных социогуманитарным производным глобализации, обусловленным международной миграцией и мобильностью населения [1], а также порождаемым этими процессами типам модальной личности [2].

Под *модальной личностью* в работе понимается обобщенный индивид, воплощающий главные черты эпохи, ее психологический архетип, наиболее репрезентативные исторические типажи – «герои и героини своего времени», обладающие своей гендерной спецификой [1; 3]. При анализе типов модальной личности, порожденных эпохой глобализации, автором были выделены следующие из них: «человек глобальный» – «Homo globalis» или «глобальный гражданин мира»; «человек дигитальный (цифровой)» – «Homo digitalis», характеризуемый как «цифровой кочевник»; «человек потребляющий» – «Homo consumens», характеризуемый как «одномерный человек» и «человек мобильный» – «Homo mobilis», характеризуемый как «городской кочевник» и «дитя глобальной миграции». Последний в свою очередь представлен такими разновидностями, как глобальная женщина и глобальная мать – «глобальная Золушка», глобальный бедняк, глобальные старики и глобальный ребенок, определяемый как «новый маленький Мук» [1].

Данная работа посвящена анализу такого типа модальной личности, как «глобальный ребенок», являющегося продуктом «глобализации детства». *Основной целью* работы является научная проблематизация новейшего процесса мобильности детей без сопровождения в глобальных потоках международной миграции.

Глобализационный процесс оказывает радикальное влияние на социальное устройство человечества, бросая вызов любым видам границ, как объективных – национальных, межгосударственных, институциональных, так и субъективных – на уровне семейных, межпоколенческих и межличностных отношений, гендерных, культурных, религиозных, этнических идентичностей отдельной личности.

В глобальном мире с его условными границами и без очевидных мест проживания, общественная судьба индивида уже не является жестко привязанной к конкретному государству, социальный выбор становится глобальным по своему характеру, а мобильность воспринимается как социальная норма, в то время как локализованность считается признаком депривации и деградации [4].

В таких условиях неудивительно, что в процесс глобализации вовлекаются не только взрослые, но также дети и подростки обоего пола. Это порождает такое уникальное явление, как «глобализация детства», отмечаемое в последние десятилетия [5; 6; 7; 8; 9].

Исследования по истории и социологии детства демонстрируют, что в XX веке появилась новая категория: «нормативный глобальный ребенок», легитимность которого была засвидетельствована Конвенцией ООН о правах детей. Эта категория включает обширную галерею детских образов, которые появились в результате глобализационных процессов, основанных на широкомасштабной «коммерциализации всего» [10], включая такие нематериальные аспекты человеческой жизни, как любовь к детям, невинность ребенка, святость детства.

К ним относятся глобальная индустрия международных усыновлений сирот, эксплуатация детей в рабском труде, секс-бизнесе, порнографии и секс-туризме, использование их в торговле людьми, человеческими органами и тканями, привлечение к участию в боевых действиях, криминальном бизнесе, бродяжничестве и попрошайничестве и т.д.

Сущность этой глобальной индустрии определяется как «гражданская война против детей» [11]. Причем портрет «глобального ребенка» зачастую пишется расово-гендерными красками, замешанными на стереотипах взрослых, формирующих детский рынок труда. Если классический образ «глобального мальчика» – это чернокожий ребенок-солдат с автоматом Калашникова в руках, то иконическая «глобальная девочка» – это изнуренная азиатская малышка-домработница, батрачащая на хозяев за кусок хлеба без оплаты и выходных. Доля девочек-подростков, путешествующих без сопровождения в поисках места под солнцем, в глобальных потоках миграции возрастает. Так, только в Южной Америке, согласно данным латиноамериканских исследователей, приводимым в работе Ирины Верши-

ниной, число несовершеннолетних девочек, едуших со стороны Мексики в направлении американской границы без сопровождения взрослых за 2014 г. возросло на 77%, в то время как мальчиков — на 8% [12].

Большинство указанных выше вариаций «глобального детства» связаны либо с торговлей детьми, либо с их самостоятельной географической мобильностью. Современные «новые маленькие Муки» вынуждены перемещаться на большие расстояния — зачастую самостоятельно, без семьи, родителей или других взрослых. Это нередко приводит к тому, что они становятся жертвами процесса «глобализации риска» (см. [1]).

В миграционной науке даже появилось направление исследований, объектом которого являются несовершеннолетние, мигрирующие без какого-либо сопровождения [13; 14; 15]. Кроме того, дети наряду с женщинами составляют наибольшую демографическую группу среди лиц, насильственно перемещаемых в результате военных конфликтов [16]. Эксперты этой области знаний утверждают, что отсутствие связи между идеалом прав человека и реальным опытом детей-мигрантов имеет для всего мира трагические последствия [17], одним из которых является «убийство детства» [18] как социо-культурного феномена эпохи глобализации и «высокой современности».

Библиографический список:

1. Толстокорова А. Социогуманитарные производные глобализации: гендерный эффект международной миграции и мобильности населения // Социологическое обозрение, т. 13, № 3, 2014. С. 64-88.
2. Толстокорова А. Мы, дети галактики: новые типы модальной личности в эпоху глобализации (эффект международной мобильности населения) // Свободная мысль, № 5, 2015. С. 165-176.
3. Толстокорова А. Героини нашего времени: женская трудовая миграция из Украины // Диаспоры. Независимый научный журнал, № 1. 2012. С. 198-226.
4. Bauman Z. Globalization: The Human Consequences. New York: Columbia University Press, 1998.
5. Сусина Я. Возможности глобализации детства путем использования новых технологий // Конструируя детское. Филология. История. Антропология. Коллективная монография. Под ред. М.Р. Балиной, В. Г. Безрогова, С. Г. Маслинской, К. А. Маслинского, М.В. Тендряковой, С.Шеридана. СПб. «Азмут»; «Нестор-История», 2011. С. 497-517.
6. Эпштейн И. Детство и глобализация: к теоретическому обоснованию проблемы // Конструируя детское. Филология. История. Антропология. Коллективная монография. Под ред. М.Р. Балиной, В.Г. Безрогова, С.Г. Маслинской, К.А. Маслинского, М.В. Тендряковой, С.Шеридана — М.; СПб. «Азмут»; «Нестор-История», 2011. С. 479-496.
7. Cregan K., Cuthbert D. Global Childhoods: Issues and debates. London: SAGE Publications, Ltd, 2014.
8. Wells K. Childhood in a Global Perspective. Cambridge: Polity Press, 2009.

9. Stearns P.N. Globalization and Childhood // Journal of Social History, vol. 38, № 4, 2005. P. 845-848.

10. Толстокорова А.В. Экономические модели социальной этики в эпоху глобализации // Свободная мысль, № 4, 2016, С. 121-136.

11. The War On Children. London: Save the children, 2018.

12. Вершинина И.М. Миграционные процессы в Мексике и странах Центральной Америки: от региональной специфики к мировым тенденциям // Свободная мысль, № 6 (1660), 2016. С. 109-124.

13. Fyhri A., Hjorthol R., Mackett R., Nordgaard Fotel, T., Kytta M. () Children's Active Travel and Independent Mobility in Four Countries: development, social contributing trends and measures // Transport Policy, № 18, 2011. P. 703-710. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.tranpol.2011.01.005> (accessed 01.12.2014).

14. Malone K. Changing Global Childhoods: the impact on children's independent mobility // Global Studies of Childhood, vol. 1, № 3, 2011. P. 161-166.

15. Hillman M., Adams J., Whitelegg J. One False Move ... A Study of Children's Independent Mobility. London: Policy Studies Institute, 1990.

16. Ensor M.O., Gozdzik E.M. (Eds.) Children and Migration: At the Crossroads of Resiliency and Vulnerability. London: Palgrave Macmillan, 2010.

17. Bhabha J. Child Migration and Human Rights of the Child in a Global Age. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014.

18. Wyre R. The Murder of Childhood. London: Penguin Books Ltd, 1995.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ВЛИЯНИЕ МЕДИАКУЛЬТУРЫ

Филина В.Н., студент, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)

E-mail: super-girllove@mail.ru

Научный руководитель: Ефимова В.Л., страший преподаватель, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)

Аннотация: В статье предпринята попытка осмысления трансформации детства в современном обществе под влиянием медиакультуры. Медиакультура рассматривается как один из основных факторов, оказывающих влияние на современное детство. Особое внимание уделяется последствиям влияния медиакультуры на жизнь каждого ребенка.

Ключевые слова: детство, медиакультура, социология детства, информационное пространство, поколение медиакультуры.

Abstract: The article attempts to comprehend the transformation of childhood in modern society under the influence of media culture. Media culture is considered as one of the main factors influencing modern childhood. Special attention is paid to the consequences of the influence of media culture on the lives of each child.

Keywords: childhood, media culture, sociology of childhood, information space, media culture generation.

Будучи важнейшим периодом жизни человека, детство как социальное явление, по мнению большинства исследователей, претерпевает серьезные трансформации под влиянием самых разных факторов. «В современном мире возникает общественная потребность в получении новых знаний о явлениях социальной действительности, в том числе в отношении детства. Восприятие детства и места ребенка в обществе подвергалось трансформациям с течением времени. Сегодня существует определенная социальная ориентация на улучшение положения детей и защиту их прав. Однако в современном мире количество рисков, с которыми сталкивается ребенок, постоянно увеличивается. Одним из таких рисков является незащищенность ребенка от информации. Компьютеризация и информатизация большого количества сфер жизни привела к тому, что каждый пользователь может иметь доступ к различной информации» - отмечает О.А. Гуркина [1, с.150].

В каждой области научного знания термин «детство» определяется по-разному. О.Н. Образей в своей статье «Детство как объект социологического изучения» рассматривает понятие детства в разных научных областях и отмечает что, «в отличие от других подходов социология детства рассматривает детство не как природную данность, не как образовательное и воспитательное «поле», а как структурный компонент общества, отражающий социальные и культурные изменения, а детей - как соучастников социального процесса, имеющих свой собственный взгляд на мир» [2, с.357].

В коллективной монографии «Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия» детство определяется как «выраженная в действиях и языке совокупность объектов, событий, процессов, социальных институтов и социальных практик в отношении детей; эта совокупность формируется и поддерживается обществом, а также постоянно возобновляется в процессе жизнедеятельности детей, которые осваивают социальность и интегрируются в социум» [3, с 15].

Усложнение современного образа детства привело к необходимости социологического осмысления проблем, связанных с детством. Внимание исследователей привлекает, в частности, влияние информатизации общества и медиакультуры на развитие детей.

Медиакультура как культура информационного общества представляет собой «совокупность информационно-коммуникационных средств, выработанных человечеством в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности. Медиакультура включает в себя культуру производства и передачи информации, а также культуру ее восприятия; медиакультура может выступать и показателем уровня развития личности, способной “читать”, анализировать и оценивать медиатекст, заниматься медиаторством, усваивать новые знания посредством медиа и т. д.» [4, с.15]. В настоящее время

медиакультура - это большой информационный поток, осуществляемый посредством интернета, телевидения и мобильной связи и т.п.

Одним из важных последствий влияния на детей насыщенного информационного потока является дефицит общения между поколениями, что, в свою очередь, сказывается на формировании их культурных ценностей. Современный темп жизни порождает дефицит времени, выделяемого родителями на общение со своими детьми. Впоследствии дети компенсируют этот недостаток общения при помощи социальных сетей и погружения в медиа-пространств, благодаря смартфонам и другим гаджетам, которые используются в качестве развлечения и отвлечения от реальности. За получением определённой информации младшее поколение скорее обратится не к старшим, а к различным средствам массовой коммуникации.

Затрагивая проблему досуга детского поколения, необходимо отметить, что информационные технологии и средства медиакультуры оказали значительное влияние и на эту сферу жизни ребёнка. Дети стали реже бывать в парках и на природе, такое времяпрепровождение в современном обществе становится все менее актуальным. В настоящее время преобладают «пассивные практики проведения свободного времени (просмотр телевизора, использование компьютера и различных гаджетов), а активное времяпрепровождение не всегда связано с выездом семьи на природу, чаще всего это - походы в кино, посещение развлекательных торговых центров и т.п.» [5, с.39]. «Городской темп работы, особенно в условиях российской экономической ситуации, формирует острый дефицит времени, отводимого на общение родителей с детьми, что компенсируется в современном обществе «сетевым» или «мобильным» общением, не замещающим реальное, а также погружением детей в медиа-пространство, достаточно рискованное в ситуации его бесконтрольного потребления для еще не оформившегося детского сознания» [5, с.39].

«Образ жизни детей становится закрытым, а времени на физическую активность все меньше» [6, с.173]. Большое количество времени в структуре досуга стали занимать развлекательные ресурсы в интернет-пространстве — «до 10 часов в выходные и каникулярные дни» [7]. Согласно результатам социологических исследований, «вхождение юных россиян в интернет-пространство, изменило не только источники информации, медиасреду, но и весь их образ жизни. Подростки не просто пользуются Интернетом, они живут посредством его. Это среда обитания, способ жизни при содействии информационных технологий» [7].

Современные дети обретают характеристики медиапоколения – отсутствие интереса к бумажной литературе, пассивный отдых, стремление провести как можно больше свободного времени в виртуальном пространстве. Сегодня средства массовой коммуникации, а именно, интернет, электронные гаджеты, компьютеры и прочее, занимают всё свободное время ребенка. Подростающее поколение мало читает, общение друг с другом сведено к минимуму, при помощи интернета дети чаще развлекаются, а иногда используют глобальную сеть как средство получения информации, которую ребёнку ещё недопустимо знать в своём возрасте.

Медиакультура, по мнению автора, оказывает губительное влияние на жизнь каждого ребёнка, дети подвергаются зомбированию со стороны телевидения, так как в большинстве случаев дети не смотрят ничего полезного, а, напротив, выбирают передачи, не приносящие никакой пользы. Чтению художественной литературы и энциклопедий дети предпочитают погружение в «мир гаджетов» и социальных сетей, заменяя живое общение виртуальным. Эта тенденция способствует нарушению коммуникаций в реальном времени и, если она будет продолжаться, возможно, дети потеряют основные радости этого периода жизни – общение с родителями и друзьями, а именно: хождение в гости к сверстникам, активные игры во дворах и парках, совместная подготовка к урокам и прочее. Дальнейшее погружение детей в насыщенный информационный поток предполагает формирование медиакультуры и медиаграмотности как со стороны взрослых, так и самих детей.

Таким образом, благодаря влиянию медиакультуры происходит трансформация детства в современном обществе. Роль медиакультуры в освоении детьми социальной среды неуклонно возрастает. Детство находится во власти информационных технологий и медиакультуры, так как в последнее десятилетие в России активно развиваются и внедряются в жизнь различные мультимедийные технологии, которые дети наряду с взрослыми активно используют в повседневной жизни. Информатизация и развитие медиакультуры является одним из факторов риска современного детства. Информационное пространство становится средой обитания и образом жизни подрастающего поколения. Необходимо дальнейшее исследование возможностей медиакультуры как совокупности информационно-коммуникационных средств, оказывающих значительное влияние на социализацию детей.

Библиографический список:

1. Гуркина, О.А., Колосова, Е.А. К вопросу об актуальности изучения детства в социологии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2013. № 2. С. 149-157.
2. Ображей, О.Н. Детство как объект социологического изучения // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 356-362.
3. Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: коллективная монография / научн. ред. С.Н.Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2017. 203 с.
4. Кириллова, Н. Б. Медиакультура и основы медиаменеджмента: [учеб. пособие] / Н. Б. Кириллова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 184 с.
5. Верещагина, А.В., Бандурин, А.П., Самыгин, С.И. Детство в условиях городской среды: риски социализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №4. С. 37-40.
6. Сорокина К.А., Килепо А.Г., Цветых А.В. Влияние рекламы на детей // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2010. №6. С. 173-174.

7. Цымбаленко, С.Б. Влияние интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства: результаты социологического исследования. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekimovka-x.ru/files/sociolog/cimbaleiko.pdf> (дата обращения: 08.05.18).

ДЕТСТВО В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 16-36-60041

Филипова А.Г., доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия). E-mail: alexgen77@list.ru

Высоцкая А.В., и.о. зав.кафедрой Информационные системы, ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет (г. Комсомольск-на-Амуре, Россия) E-mail: al-w-buaa@rambler.ru

Аннотация: В статье представлены предварительные итоги корреляционного и регрессионного анализа целевых и управляющих факторов, характеризующих региональное детство. Для изучения влияния региона на качество детства взяты 10 экономико-инфраструктурных факторов, обозначенных как управляющие. Выделены по два целевых фактора в группах – детское здоровье, образование и духовно-нравственное развитие.

Ключевые слова: Дети, российские регионы, корреляционный и регрессионный анализ, экономико-инфраструктурные факторы

Abstract: The article presents preliminary results of correlation and regression analysis of target and controlling factors characterizing regional childhood. To study the influence of the region on the quality of childhood, 10 economic and infrastructural factors, designated as managers, were taken. There are two target factors in the groups - children's health, education and spiritual and moral development.

Keywords: Children, Russian regions, correlation and regression analysis, economic and infrastructure factors

Детство в российских регионах оказалось под влиянием экономико-инфраструктурных факторов. При этом разные регионы в силу неодинакового уровня экономического развития оказывают разное влияние на ключевые показатели детства – его здоровье, образование, духовно-нравственное развитие [1].

Целью данного исследования выступает установление причинно-следственных отношений между экономико-инфраструктурными элементами системы региональных показателей развития детства.

Изучение статистических данных, касающихся социально-экономических характеристик субъектов РФ, позволило сформировать набор из 6 результирующих (целевых) и 10 управляющих факторов, воздействующих на положение детей в регионе.

Количественное наполнение 6 результирующих и 10 управляющих факторов, осуществлялось посредством обращения к источникам статистической информации. Для анализа был выбран 2015/2016 учебный год. Статистические данные для изучения были взяты из сборников «Регионы России» [2], единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), а также информационно-аналитических отчетов региональных центров обработки информации (РЦОИ) и региональных центров оценки качества образования (РЦОКО).

Выборочная совокупность представлена 75 российскими регионами, из рассмотрения выпали 10 субъектов РФ по причине отсутствия статистических данных по отдельным факторам.

Набор целевых факторов включает:

Y1 – Доля детей I-II группа здоровья в общей численности детей младше трудоспособного возраста в регионе, %; Y2 - Число детей-инвалидов (0-17 лет), состоящих под наблюдением в амбулаторно-поликлинических учреждениях, оказывающих медицинскую помощь детям; Y3 - Доля выпускников получивших аттестаты среднего полного образования, %; Y4 - Доля детей, не обучающихся в образовательных организациях к числу детей младше трудоспособного возраста в регионе, %; Y5 - Охват детей дополнительным образованием, %; Y6 - Отношение числа преступлений несовершеннолетних к числу детей младше трудоспособного возраста в регионе, %.

Набор управляющих факторов представлен: X1 - % населения с доходами ниже прожиточного минимума, %; X2 - Удельный вес домохозяйств с ПК с доступом к интернету, %; X3 - ВРП на душу населения, тыс. руб.; X4 - Продажа крепких алкогольных напитков (водка и ликеро-водочные изделия, коньяки, бренди), л на душу населения; X5 - общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя; X6 - Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда, %; X7 - Уровень занятости населения, %; X8 - Число автобусов общего пользования на 100 тыс. чел; X9 - Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км; X10 - отношение среднедушевых доходов населения к величине прожиточного минимума, %.

Для определения силы влияния управляющих факторов (x) на целевые (y) была взята одна из обозначенных ранее групп факторов [3] – экономика-инфраструктурная.

На первом этапе для выявления взаимосвязей целевых факторов с управляющими факторами был использован коэффициент линейной корреляции Пирсона, расчеты производились посредством аналитической платформы Deductor. Полученные данные по всем показателям приведены на рисунке 1.

Целевые поля	Корреляция с управляющими полями					
	y1	y2	y3	y4	y5	y6
x7	0,219	0,249	0,587	0,263	0,229	0,021
x1	0,382	-0,261	-0,531	-0,096	-0,285	0,054
x5	0,240	0,015	0,523	0,115	0,286	0,011
x6	-0,072	-0,249	-0,473	0,054	-0,166	0,160
x4	0,009	-0,003	0,447	0,242	0,108	0,281
x10	0,355	0,344	0,388	0,014	0,087	-0,228
x3	0,038	0,340	0,141	0,301	0,223	0,043
x9	0,106	0,220	-0,132	-0,184	0,221	-0,532
x2	-0,053	0,154	0,081	0,181	-0,003	0,067
x8	0,143	-0,049	0,011	-0,127	0,085	-0,089

Рис. 1 - Коэффициенты корреляции целевых факторов (y1-уб)

Как видно из рис. 1, наиболее сильные корреляционные связи обнаружены между целевым фактором y3 и управляющими факторами x7 и x4.

Далее управляющие факторы были исследованы на мультиколлинеарность. Обнаружение сильной связи двух управляющих факторов x1 и x10 позволило сделать выбор в пользу x1, поскольку его связь с целевыми факторами оказалась более значимой.

Для построения регрессионных моделей по каждому из 6-ти анализируемых показателей были оставлены 9 управляющих факторов. Данные показатели были проанализированы по фактору значения показателя R-значение (меньше заданного уровня значимости $\alpha=0,05$). Также было произведено сравнение по модулю коэффициентов a_i со стандартными ошибками. Расчеты производились посредством встроенной функции Excel.

В результате были построены следующие регрессионные модели:

$$Y1 = 46,42 - 0,426 * x1 + 0,023 * x8; (R^2 = 0,19)$$

$$Y2 = 3,3 + 0,000003273 * x3 - 0,318 * x6; (R^2 = 0,197);$$

$$Y3 = 82,71 - 0,152 * x2 + 0,24 * x4 - 0,379 * x6 + 0,402 * x7 - 0,0023 * x9; (R^2 = 0,64);$$

$$Y4 = 0,0896 + 0,0000000782 * x3 - 0,000055 * x9; (R^2 = 0,135);$$

$$Y5 = 65,497 + 0,000008902 * x3 - 0,0089 * x9; (R^2 = 0,108);$$

$$Y6 = 0,2479 + 0,0106 * x4 - 0,00017 * x9; (R^2 = 0,36).$$

Показатели R^2 демонстрируют весьма низкие значения уровня объясненной регрессии, самое высокое значение - $R^2 = 0,64$ фиксируется в случае с оценкой воздействия экономика-инфраструктурных факторов на долю выпускников получивших аттестат о полном среднем образовании в 2015/2016 учебном году.

Анализ структуры регрессионных уравнений обнаруживает разную частотность включения управляющих факторов. Наибольшей частотой характеризуются x9 - Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км. (встречается в уравнениях 4 раза) и x3 - ВРП на душу населения, тыс. руб (3 раза). Факторы x4 (Продажа крепких алкогольных напитков, л на душу населения) и x6 (Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда, %) встречаются по 2 раза, а x1 (% населения с доходами ниже прожиточного минимума), x7 (Уровень занятости населения, %) и x8 (Число автобу-

сов общего пользования на 100 тыс. чел)– по одному. Из регрессионных уравнений выпал фактор x_5 - общая площадь жилых помещений, приходящая в среднем на одного жителя.

Из уравнений видно, что коэффициенты управляющих факторов в составленных регрессионных уравнениях принимают весьма небольшие значения (по модулю меньше 0,5), что говорит о небольшом влиянии, оказываемом изменениями управляющих факторов на целевые факторы.

Построенные регрессионные уравнения станут основой для последующего перехода к имитационному моделированию.

Библиографический список:

1. Филипова А.Г. Социальный потенциал региона: опыт использования кластерного анализа / А.Г. Филипова, А.В. Еськова, А.В. Инзарцев // Регионоведение Regionology. 2017. №3. С.438-455.

2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат. сб. М.: Росстат, 2016. 1326 с. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 30.04.2018).

3. Филипова А.Г. Методика построения имитационной модели (на примере среднего балла ЕГЭ в российских регионах) / А.Г. Филипова, А.В. Высоцкая // Вестник Института социологии. 2017. № 4 (23). С. 71-89.

«ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ДЕТСТВА

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ
в рамках проекта № 18-511-00019 Бел_a

Филипова А.Г., доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).
E-mail: alexgen77@list.ru

Никитина-ден Бестен О., кандидат социологических наук, Montpellier Business School (Франция, Монпелье)
E-mail: ol.nikitina@gmail.com

Ракитина Н.Э., кандидат социологических наук, ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет» (г. Комсомольск-на-Амуре, Россия).
E-mail: rakitina.nat@gmail.com

Аннотация. В работе обозначены контуры нового исследовательского направления, получившего за рубежом название – Географии детства, а также событийность его развития. Реализация данного направления требует поиска новых теоретических рамок, подбора соответствующих исследовательских методов и интеграции географов и социологов.

Ключевые слова: Географии детства, географический поворот, социология детства.

Abstract. In work contours of the new research direction which has received abroad the name – childhood Geography and also a soby-tynost of his development are designated. Realization of this direction will demand search of a new theoretical framework, selection of the corresponding research methods and integration of geographers and sociologists.

Keywords: Childhood geography, geographical turn, sociology of childhood.

За два последних десятилетия произошло то, что можно назвать “географическим поворотом” в науке о детстве: появилось большое количество работ об отношении детей к географическому пространству, физическому окружению, в котором проходит их повседневная жизнь. Много исследований посвящено среде, в которой растут дети: школе, семье, окрестностям дома и тому, как дети воспринимают, осваивают и пытаются приспособиться или изменить эту среду [1; 2; 3].

За рубежом в конце прошлого века географии детства приобрели статус научной подотрасли гуманитарной географии, изучающей места и пространства детства. Данное научное направление использует теоретические концепты и совмещает методы исследования двух наук. На географии детства существенное влияние оказали идеи «новой» социологии детства о множественности детских миров, позиции детей-актеров, участвующем методе и др. Взаимопроникновение географии и социологии детства приводит к использованию новых методов сбора эмпирических данных, а также добавлению новых элементов в традиционные методы.

Важной предпосылкой географического взгляда на детство стала глобализация, стирающая экономические, политические, социокультурные различия между регионами. В результате исследователи конструируют образы детства Севера и Юга, поднимают проблемы международной миграции и международного усыновления, проводят международные сравнительные исследования. Британские специалисты в области социальной географии S. Holloway, J. Valentine обозначили в качестве одной из главных тем новых социальных исследований детства – «процесс его конструирования в рамках локального и глобального социального пространства». Ученые говорят о прогрессивном понимании категории «место», которое поможет преодолеть разрыв между «глобальной» и «локальной» интерпретациями детства. [4]

В 1990 г. в журнале «Agea» была опубликована статья S. James «Есть ли место для детей в географии?». Автор говорит о том, что изучение детей требует большего внимания со стороны географов. С. Джеймс обозначила три области для исследований детей в географии: социо-пространственные отношения, пространственное поведение, окружающая среда и познавательные способности детей. [5]

В 1998 г. Королевское Географическое Общество – Институт Британских Географов провело конференцию, в рамках которой действовала сессия

«Географии детства», позволившая сформировать базу для выделения и дальнейшего развития этой суботрасли гуманитарной географии.

С 2003 г. издается международный научный журнал «Children's Geographies», который постепенно наращивает исследовательский потенциал, расширяя географию исследований и увеличивая количество ежегодных выпусков (с двух в 2003 г. до шести в 2015 г.). На страницах журнала размещаются новые эмпирические, теоретические, методологические и политико-ориентированные работы, касающиеся географических миров детей, молодежи и семей. Новый виток в развитии социологических представлений о детстве, получивший название «новой» социологии детства, повлиял на «географии детства». Переоткрытие мира детства, восприятие ребенка как социального актора, конструирующего мир вместе со взрослыми, стимулирует включение детей в исследования в качестве соисследователей, интерпретаторов полученных данных, а также социальных заказчиков. Идеологи «новой» социологии детства (L.Alanen, A.James, C.Jenks, A. Prout, W. Corsaro и др.) наряду с представлением ребенка в качестве актора развивают идеи множественности детства, необходимости рассмотрения детей «здесь и сейчас» [6].

Соединение географий детства и «новой» социологии детства задает новые траектории исследований – вписанность ребенка в определенное пространство, процессы взаимного конструирования пространства и детства, соединение глобального и локального пространственных влияний на детство и др.

В отечественной науке и практике социо-географическое направление изучения детства локализовано на уровне города, городского района. М.Ю. Сибирева анализирует влияние большого города на социализацию детей дошкольного возраста [7]. С.Н. Майорова-Щеглова посредством методики социального картографирования изучает один из районов г. Москвы [8]. Ситуацию с российским детством можно описать термином «глокализация»: с одной стороны, интернет помогает детству преодолевать границы и расстояния, совершать виртуальные путешествия, находить друзей по всему миру; а с другой, - углубление территориального неравенства (неравенства субъектов РФ, города и сельской местности, разных типов городов) усиливает локальные особенности детей.

В российской науке и практике наиболее развиты научные направления, связанные с изучением детской игры и мест для нее и рассмотрением влияния улицы на детей [9;10;11]. Необходимо заметить, что первое направление развивают отнюдь не социологи, а скорее урбанисты, детские психологи, культурологи и антропологи. Среди них: разработчики и участники проектов «SAGA», «Город-друг», он-лайн журналов «UrbanUrban.ru», «Kidsters», исследователи В.В. Абраменкова, М.В. Осорина, А.М. Пиир и др.

География с ее дисциплинарным фокусом на пространстве и обществе идеально подходит для того, чтобы лучше понять детские миры. Географии детства изучают отношения между детьми и пространством. Пространство непосредственно воздействует на пути взаимодействия детства с обществом, а также опосредованно - на физическое и психическое состояние детей. Постоянно усиливается влияние на детские жизни глобального окружения, возникает новое явление «глобального детства». Для детей значимость пространства заключается в воздействии на их поведение, жизненные шансы, формирование идентичности. Пространство – это «сцена» для выбора детьми жизненного пути и реализации собственного потенциала. Дети формируются посредством физических миров, в которых они живут, и, в свою очередь, сами участвуют в их формировании.

Для развития данного исследовательского направления важно комплексное использование методов. Методы географий детства, с одной стороны, учитывают возможности социологических проективных методик и методов интервью, фокус-группы, а с другой, используют GPS-технологии, геоинформационные системы для визуализации и пространственного анализа данных.

Социо-географические представления детства наряду с исследовательским поиском выполняют задачу преодоления разрывов между миром детей и миром взрослых. В макросоциальном смысле географический поворот стал политическим средством привлечения внимания к детям. Так, городское картографирование с выделением взрослых и детских мест актуализирует проблему социальной эксклюзии детства, смещения его на «обочину» взрослой жизни.

Библиографический список:

1. Limb M., Matthews H., Taylor, M. (2005) The "Street" as Third space. *Childhood. Critical concepts in sociology*. N.Y. Pp. 253-269.
2. Zeiher H. (2003) *Shaping daily life in urban environment. Children in the city. Home, neighbourhood and community*. L. and N.Y. Pp: 66-81.
3. Skelton T. (2009) *Children's geographies. Geographies of Children: Play, Work, Mobilities and Migration. Geography Compass*. No. 3/4: 1430-1448.
4. Холлоуэй С., Валентайн Дж. Пространство и детство: новые направления социальных исследований // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология Реферативный журнал*. 2002. № 3. С.105.
5. James, S. Is There a 'Place' for Children in Geography? // *Area*. 1990. 22(3). Pp. 281-282.
6. Alanen, L. Childhood as generational condition. Towards a relational theory of childhood / L. Alanen // *Childhood. Critical concepts in sociology* / ed.

by Chris Jenks. Vol.1. P. 286-305; James, A. Theorizing childhood / A. James, C. Jenks, A. Prout // Childhood. Critical concepts in sociology / ed. by Chris Jenks. Vol.1. P. 138-160. Corsaro, W. A. The sociology of childhood / W. A. Corsaro. 2nd ed. 2005. 359 p.

7. Сибирева, М. Ю. Ранняя социализация в городской среде: автореферат дис. к.с.н. СПб, 2011. 23 с.

8. Майорова-Щеглова, С. Н. Социализирующее пространство города : методика социального картографирования // Педагогическая диагностика. 2013. № 1. С. 61-75.

9. Hillman, M. One false move : a study of children's independent mobility / M. Hillman, J. Adams, J. Whitelegg. – London : Policy Studies Institute, 1990.

10. Никитина-ден Бестен, О. «Детство» в социальных науках: новые смыслы и новые подходы // INTER. 2009. № 5. С. 7–25.

11. Филипова А. Г., Ракитина Н. Э., Купряшкина Е. А. Новые исследовательские ориентации в социологии детства // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 86-93.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С МНОГОДЕТНЫМИ СЕМЬЯМИ КАК ГАРАНТ УЛУЧШЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чекменева А.С., студент, Иркутский Государственный Университет
(г. Иркутск, Россия)
E-mail: Chek.nasty@mail.ru

Аннотация: В данной статье приведены статистические данные по количеству многодетных семей в России. Описаны проблемы, с которыми могут сталкиваться семьи данной категории. В статье описаны особенности социальной работы с многодетными семьями и ее роль. Выявлена тенденция к увеличению количества многодетных семей, которое может привести к улучшению демографической ситуации в Российской Федерации.

Ключевые слова: Социальная работа, многодетная семья, проблемы многодетных семей, социальная поддержка, демографическая ситуация.

Abstract: This article shows the statistical data on the number of families with many children in Russia. The problems that families of this category may encounter are described. The article describes the features of social work with large families and its role. The tendency to increase the number of large families

has been revealed, which can lead to an improvement in the demographic situation in the Russian Federation.

Keywords: Social work, large family, problems of large families, social support, demographic situation.

Целью демографической политики современной России является постепенная стабилизация народонаселения и создание предпосылок для демографических подъемов в будущем. Поэтому государство призывает и мотивирует граждан к созданию многодетной семьи.

Всероссийская перепись населения в 2010 году показала, что количество многодетных семей в России составляет примерно 1 млн 250 тыс. [4].

По данным, представленным в докладе 14 марта 2017 года первого заместителя министра труда Алексея Вовченко, на 1 января 2017 года число многодетных семей в России составляло примерно 1 млн 566 тыс. Трех детей в нашей стране воспитывают 1 млн 233 тыс. семей, четверых детей – 233 тыс. семей, а от пяти до семи – 95 тыс. Растят по восемь – десять детей в 5 тыс. семей, а 11 и более – в 929 семьях [3].

Эксперты полагают, что причины роста многодетных семей обусловлены:

- изменением социальной политики Российской Федерации;
- выходом на первое место построения благоприятного психологического климата семьи.

Зампред комиссии Общественной палаты РФ по защите семьи, детей и материнства Павел Сычѳв полагает, что рост числа многодетных семей — тенденция, сформированная эффективной государственной социальной политикой: « Это происходит, когда люди с двумя детьми понимают, что есть все возможности для того, чтобы расширяться, когда есть уверенность в завтрашнем дне» [2].

Это же отмечают многодетные матери. Также есть мнение, что рост количества многодетных семей обусловлен изменением отношения к детям. Например, Марина Соловей - мать шестнадцати детей считает, что детей рожают, прежде всего, потому, что их любят. Многодетная мать не отрицает, что могут быть и другие стимулы для создания многодетных семей: «Семья к рождению второго ребёнка может стимулировать материнский капитал, а тех, у кого уже двое детей, — статус многодетной семьи с её привилегиями» [2].

Существует определенный набор проблем, с которыми сталкивается почти каждая многодетная семья России:

- социально – экономические,

– психолого-педагогические и медицинские.

Важную роль в решении этих проблем играют специалисты по социальной работе. Они должны помочь в информировании и координировании многодетных семей по различным вопросам, например, куда предоставить документы, какие и т.д.

Также существует такая проблема как психолого-педагогическая. Данная проблема связана с недостатком времени у родителей на детей или же с отсутствием или недостаточными знаниями о правильном воспитании собственных детей. Неправильное воспитание приводит к тому, что детям, выросшим в такой семье, присуща заниженная самооценка, нерешительность, неуверенность в себе и в своих действиях, тревожность.

Таким образом, стоит отметить, что многодетные семьи могут сталкиваться с разными трудностями, которые должны быть решены.

Одной из самых важных форм социальной работы является работа с семьей, ведь в семье существуют все формы социальных проблем, присущие современному обществу. Многие семьи на сегодняшний день испытывают потребность в поддержке и помощи для полноценной реализации своих функций. Басов Н.Ф. полагает, что социальная работа с такой категорией семей должна быть направлена на формирование и усиление положительных внутрисемейных взаимоотношений, разрешение бытовых домашних трудностей, а точнее, помощь в их преодолении, а также стабилизацию достигнутых положительных результатов [1].

Итак, особенностями организации социальной работы с многодетной семьей являются: выявление многодетных семей и их подсчет, определение специалистом проблем семьи и ее членов и их потребностей, вовлечение разных служб, способных помочь в разрешении проблем отдельно взятой семьи, координация деятельности членов семьи. Задачей специалиста по социальной работе является не прямое оказание помощи объекту социальной работы, в данном случае - многодетной семье, а содействие в решении проблем, предоставление информации, с помощью которой объект должен сам принять решение и справиться с той или иной трудной жизненной ситуацией, таким образом, поучаствовав в процессе помощи себе.

Библиографический список:

1. Основы социальной работы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н. Ф. Басов [и др.]; ред. Н. Ф. Басов. М. : Академия, 2007. 69 с.
2. Опора государства // RT на русском – [электронный ресурс] : URL: <https://russian.rt.com/russia/article/372844-chislo-mnogodetnyh-semei-rossiya> (дата обращения: 16.11.2017).

3. Официальный сайт Министерства социального развития опеки и попечительства Иркутской области - [электронный ресурс] : URL: <http://irkobl.ru/> (дата обращения: 3.12.2017).

4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [электронный ресурс] : Всероссийская перепись населения 2010 – URL : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm / (дата обращения: 10.12.2017).

МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ КИТАЙСКИХ ГОРОДОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Чжан Хай Лунь, аспирант, Южно-Китайский технологический университет (г. Гуанчжоу, Китай)

Научный руководитель: Ерохина Л.Д., кандидат философских наук, профессор департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета

Аннотация. Стремительный рост городов Китая происходит в соответствии с четко разработанными планами китайского правительства по созданию комфортной среды для проживания и отдыха горожан. Цель настоящей статьи – представить специфику данного процесса и возможности прогнозирования будущего социального развития Китая в условиях глобальных трансформаций.

Ключевые слова: урбанизация, городские агломерации, городская среда.

Abstract. Rapid growth of Chinese cities is carried out according accurately developed plans of the Chinese government to create for city citizens the comfortable environment for accommodation and rest. The purpose of this article – to present specifics features of this process and possibility for forecasting of future social development of China in the conditions of global transformations.

Keywords: sociology, urbanization, city agglomerations, city stratification.

По данным Национального бюро статистики КНР, уровень урбанизации населения Китая в 2014 году составил 55 % и продолжает расти по 1 % в год. Этот 1 % соответствует 12-14 млн. человек и знаменует вступление древней страны с пяти тысячелетней историей в новую эру [1]. После 2014 года Китай стал лидером по среднемировым значениям урбанизации, а городская жизнь становится мейнстримом общественной жизни.

Но на этом правительство КНР не останавливается. К 2020 году предполагается повышение роста урбанизации до 60 %, а дальнейшие ориентиры должны вывести Китай на 70-75 % прироста населения в городах [2].

В результате реформ и политики открытости быстрое развитие городов отражает некоторые характеристики будущего направления развития Китая.

Первая характерная особенность: появление городских кластеров, агломераций. Пекин, Шанхай, Гуанчжоу – три крупнейших города признаны самыми старыми национальными городскими агломерациями, которые стали лидерами китайской экономики и вовлекли в нее громадные человеческие и финансовые ресурсы. Но они не исключение. Наблюдается создание новых агломераций в Гуанчжуне, Чжанша, на полуострове Шаньдун, в западной области Сямень и т.д. Эти крупные города стали частью государственной стратегии будущего регионального развития, которая в настоящее время страдает от географического, экономического и социального дисбаланса [3]. Создание «Национального городского центра», объединившего пять крупнейших городов, – Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Тяньцзинь, Чунцин, – предполагает, что он станет международным мегаполисом, чье стратегическое предназначение будет заключаться в сокращении разрыва между крупными, экономическими развитыми прибрежными зонами и слабо развитыми внутренними регионами Китая.

Быстрый рост городов сопровождался созданием крупных промышленных предприятий, нуждавшихся в дешевой рабочей силе. Процесс обычный для Запада. Но в Китае он приобрел особые черты, которые можно выделить как вторую характерную особенность китайских городов. Речь идет о тенденции к «ложной» урбанизации за счет внутренней вынужденной миграции. Во многом внутренней миграции способствовала реформа системы регистрации домашних хозяйств в Китае («хукоу»). Эта система подобна так называемой «прописке», которая была в СССР. Она была определенным механизмом регулирования движения населения. Жителям крупных городов она давала привилегии в доступе к качественному образованию, здравоохранению, культуре, жилью. В Китае в настоящее время система хукоу создает преимущества горожанам и их детям в социальных статусах, возможностях занятия лучших позиций на рынке труда, в экономической или административной сферах [4].

Мигранты же, приписанные к крестьянским домовладениям, находятся в затруднительном положении: они не имеют права продать свои крестьянские участки и не могут получить городскую прописку. Для ми-

грантов и их детей хукоу создает барьеры, которые, в свою очередь, ведут к серьезному социальному расслоению в городах.

Отменить хукоу правительство КНР полностью не решается, опасаясь наплыва населения из сельских районов и социального взрыва в городах со стороны среднего класса, опасющегося снижения уровня жизни. Но тенденции к постепенному смягчению режима прописки намечается. В частности, 24 июля 2014 Государственный совет создал «заказ на дальнейшее реформирование системы регистрации домовладения», итогом которого стало создание единой системы регистрации домашних хозяйств и упрощение правил получения городской прописки, вплоть до фактической отмены, что поможет иногородним и сельским мигрантам получить доступ к социальному обеспечению.

Закономерности общего процесса урбанизации в современном мире проявляются в появлении на определенном этапе качественно новых урбанизационных форм, замещающих простое численное увеличение городских жителей: субурбанизация, джентрификация и другие. И в этих формах проявляется третья характерная особенность развития китайских городов – развитие жизненного пространства в сочетании с дальнейшим разделением самого города.

Субурбанизация китайских городов в промышленных и жилых пригородах не обнаруживает пока глубокой социальной сегрегации. Но обнаруживается профессионализация жилых зон. Индустриальные предприятия постепенно перемещаются в пригороды из центра городов. Мигранты в пригородных районах живут поблизости от производства, на котором и работают. Группы населения с высоким уровнем образования живут рядом с университетами, научно-исследовательскими институтами и другими высококонцентрированными централизованными местами. Специальной зоны для проживания среднего класса, как это имеет место в западных городах, нет. Китайская урбанизация «снимает» сегрегацию и качественно улучшает инфраструктуру. Быстрые темпы технологического развития Китая создают единое информационное пространство (через покрытие высокоскоростным мобильным интернетом и телевидением) и возможность развитой социальной стратификации при помощи социальных лифтов в виде образования или социальной мобильности. В качестве социального лифта используется, например, единый экзамен для поступления в ВУЗы «гаокао» или экзамены на занятие позиций в госслужбе. Мобильностью воспользовались, в первую очередь, молодежь, особенно студенты. Как отмечают эксперты, «совершенно обычны случаи, когда после окончания школы в родном городе молодой человек или девушка подают документы

в ВУЗ, расположенный на другом конце Китая. После его окончания переезжают на магистратуру в другой город, а работают после выпуска в четвертом, легко меняя места жизни в зависимости от успешности карьеры. В этом плане в Китае гораздо больше, по сравнению с Россией, точек притяжения и развитых макрорегиональных центров» [1].

Четвертая особенность – создание городов, на примере которых можно было бы решить важнейшие проблемы больших городов. С ростом городов, цены на жилье в городе возросли чрезвычайно, беспокоят проблемы постоянных уличных заторов, нехватки воды, загрязнение воздуха и т.д. В этом смысле нарушен древний принцип гармонизации человека и природы. Урбанизация поставила перед китайским правительством задачу содействия здоровым, низкоуглеродистым эко-городам.

В Пекине, например, городское планирование осуществляется с учетом географических характеристик города, исторических традиций, ресурсов, функциональных потребностей. Согласно одиннадцатому пятилетнему плану развития Пекина, город будет разделен на четыре функциональные зоны: первая – политический и культурный центр, вторая – территории, расширяющие и продляющие город, третья – зона для жизни и отдыха, четвертая – экологическая зона.

Главная функция первой зоны – укрепление политических и культурных функций центра, иностранных связей, международного туризма, охрана объектов старины и классического архитектурного наследия, создание магазинов модной одежды мирового класса, перемещение части жилых районов из центра города. Выведение за черту города трудоемкого производства с низкими технологиями создает прекрасные условия для повседневной жизни, ведения бизнеса и социальной политики. Создание городских функциональных областей с их новыми функциями придаст импульс развития южным и западным частям города. В западной части Пекина власти намерены создать новую жилую зону и места отдыха. В связи с этими планами приветствуется перемещение населения и промышленности в эту часть города.

Активно ведутся новостройки, а именно, ведется строительство метро. В ближайшие пять лет будут активно застраиваться города-спутники Шуньи, Тунчжоу. Ведутся и другие ключевые стройки, укрепляются и улучшаются системы городских и производственных служб.

В экологической зоне запрещено строительство предприятий и любых производственных объектов.

В ходе дальнейшей урбанизации и модернизации, а также профессиональной стратификации и концентрации населения будут появляться но-

вые комбинации и стратификации населения, наиболее заметные в больших городах. Дальнейшая стратификация станет многофакторной. В сочетании с географическим пространством на нее будут влиять доходы, жизненные циклы семьи, профессиональная мобильность, миграции и т.д.

Библиографический список:

1. Фань Ган. Урбанизация в Китае [Электронный ресурс] // ИНОСМИ.РУ Россия сегодня. Режим доступа: <http://inosmi.ru/foreast/20110104/165387291.html> (дата обращения: 03.07.2016) Ван С. Десять китайских социальных страт // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 104-111.

2. К 2020 году уровень урбанизации в Китае достигнет 60 %. В Китае опубликована программа урбанизации на 2014-2020 гг. [Электронный ресурс] // China news. Режим доступа: <http://china24news.com/economics/1159-k-2020-godu-uroven-urbanizatsii-v-kitae-dostignet-60> (дата обращения: 03.02.2018).

3. Xu Xiaojun. Cities Class Segregation and Community Character. In SOCIALISM, China, 2007. No.1. P. 1-3. Ван Сяоди. Социальная структура китайского общества: динамика стратификационных процессов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2011. № 4. С. 61-70.

4. У Яо. Формирование новой структуры китайского общества: главные теоретические подходы к исследованию социальной структуры в Китае // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 1-4. С. 34-39.

ПРАВА ДЕТЕЙ В СОЦИАЛЬНОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ИХ СЕМЕЙ В КОНТЕКСТЕ УЧАСТВУЮЩЕГО ПОДХОДА

Чистик К.В., магистрант, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

E-mail: ksenya_chistic95@mail.ru

Научный руководитель: Осмачко Н.В., кандидат социологических наук, Дальневосточный федеральный университет

Аннотация. В статье дана характеристика реализации прав детей в процессе социального сопровождения семьи, раскрывается значение принципов участвующего подхода в сопровождении семьи, определяется взаимосвязь сопровождения и участвующего подхода.

Ключевые слова: социальное сопровождение; права детей; семья; участвующий подход.

Abstract. In article the characteristic of the realization of children's rights in the process of social support for families, revealed the importance of the principles participatory approach accompanied by family, is determined by the relationship and participatory approach.

Keywords: social support; rights of children; family; participatory approach.

Согласно шестой статье федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 года № 124-ФЗ, ребенку от рождения принадлежат и гарантируются государством права и свободы человека в соответствии с Конституцией Российской Федерации и другими правовыми актами [1]. Государство должно защищать права каждого ребенка во всех сферах жизнедеятельности, и особенно в ситуациях, когда жизненные обстоятельства могут нести негативные последствия для детей и членов их семей. В последнем случае, в соответствии со статьей 22 федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ, семьи с детьми могут реализовать свои права посредством социального сопровождения, предполагающего содействие им в получении медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной видов помощи, не относящихся к социальным услугам, путем привлечения других организаций [2]. Социальное сопровождение осуществляют социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних (далее – СРЦН), миссия которых заключается в защите и соблюдении прав ребенка и сохранении кровной семьи.

В Приморском крае в СРЦН функцию социального сопровождения семьи с детьми выполняют территориальные службы. В отношении детей чаще всего оказывается педагогическая помощь для реализации права ребенка на образование. В частности, семье помогают в устройстве ребенка в дошкольные учреждения. Нередко специалисты фиксируют неспособность, отсутствие желания родителей заниматься развитием своего ребенка, т. е. наблюдается нарушение права ребенка на воспитание в семье. В связи с этим, работники служб социального сопровождения помогают семье решить проблемы воспитания, организуя детско-родительские клубы для формирования или развития родительских компетенций.

Социальная помощь, оказываемая в рамках сопровождения, обеспечивает реализацию права ребенка на приемлемый уровень жизни. Родителям оказывается содействие в оформлении социальных выплат и льгот, которые им положены, в первую очередь, для содержания собственного ребенка, удовлетворения первоочередных потребностей. Кроме того, осуществляется срочная (материальная) помощь: предоставляются одежда,

обувь, продукты питания; незанятым родителям помогают в трудоустройстве.

Следующий вид помощи – медицинская – позволяет осуществить право ребенка и его семьи на охрану здоровья и качественное медицинское обслуживание. Сотрудники социальных служб организуют бесплатное обследование и диспансеризацию членов семьи, реабилитацию, прохождение медико-социальной экспертизы и др.

Право ребенка на защиту от психологического давления реализуется посредством психологической помощи, которая включает психологическую диагностику и консультирование. Работа ведется не только с семьей и детьми, но и их ближайшим окружением. Особое место занимает психологическая поддержка матерей, имеющих намерение отказаться от ребенка; помогая таким женщинам, специалисты сохраняют для ребенка семью. Психологическая помощь постоянно оказывается семьям, имеющим «особых» детей. Эта работа способствует реализации права ребенка с ограниченными возможностями здоровья на соответствующий уход и доступную среду жизнедеятельности.

Наконец, юридическая помощь заключается в защите перечисленных выше прав ребенка и его семьи. Данный вид помощи включает оформление документов, бесплатные консультации по вопросам улучшения собственного материального положения и уровня жизни и др. [3].

Одной из главных особенностей социального сопровождения является ориентация на активизацию собственных ресурсов семьи для преодоления трудных жизненных обстоятельств. В этом контексте социальное сопровождение на практике реализует потенциал участвующего подхода, сущность которого заключается в мотивировании людей, развитии их способностей предпринимать определенные действия для улучшения своей жизни. Так, в социальном сопровождении специалисты, после принятия на Координационном совете решения о постановке семьи для получения того или иного вида государственной помощи, заключают договор о социальном сопровождении семьи, где изложены обязанности поставщика и заказчика, что в определенной степени обязывает клиента выполнять требования специалистов, посещать консультации и, таким образом, принимать участие в решении проблем своей семьи.

Основными принципами участвующего подхода является соблюдение прав человека и достижение социальной справедливости. Данный подход выступает неким средством для передачи исследовательских возможностей тем, кто бесправен, чтобы они могли изменить свою жизнь самостоятельно, ради себя. Участвующий подход основан на том, что простые

люди так же, как и профессионалы, способны к критическому мышлению и анализу, и без их активного участия, мобилизации имеющихся ресурсов решение проблемных вопросов в жизнедеятельности семьи не представляется возможным. Включение клиентов в процесс сопровождения помогает наделить их ответственностью за свои действия и дальнейшее использование знаний в своей жизни [4].

Участвующий подход в социальном сопровождении применим и к неблагополучным, и к вполне благополучным семьям. Но чаще всего активными участниками сопровождения становятся взрослые члены семьи, а мнение, оценки, опыт детей учитываются в определенных ситуациях. Например, когда семье требуется психологическая поддержка, в процессе «домашнего визитирования» проводится психологическая диагностика, в том числе и ребенка, или когда в ходе детско-родительских тренингов задействуются все члены семьи.

Заметим, сторонники участвующего подхода считают, что дети исходят из своих интересов в отношениях со взрослыми, они способны понимать, где они живут, каковы их потребности и возможные решения проблем [5]. Таким образом, специалисты по социальному сопровождению смогут более полно реализовать права детей, ориентируясь на принципы участвующего подхода, постоянно взаимодействуя с детьми, рассматривая их как активных и компетентных участников жизненных ситуаций.

Библиографический список:

1. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124 // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 28.04.2018).

2. Развитие в Приморском крае системы социального сопровождения семей с детьми, нуждающихся в социальной помощи, и решению проблем семей с детьми в рамках реализации комплекса мер // Основные принципы организации Службы социальной помощи семье и детям. Владивосток, 2016. 150 с.

3. Отделение помощи семье и детям [Электронный ресурс] // Официальный сайт СРЦН «Парус надежды». Режим доступа: <http://www.parusnadvl.ru/category/otdeleniya-centra/otdelenie-pomoshhi- seme-i-detyam-sem-ya/> (дата обращения: 28.04.2018).

4. Митрофанова С.Ю. Участвующий подход в исследовании детства: философско-социологические основания // Аспирантский вестник Поволжья. 2016. № 3-4. С. 120-123.

5. Митрофанова С.Ю. Реализация принципов участвующего подхода в современной социологии детства // Вектор науки. 2016. № 2. С. 132-135.

РОДИТЕЛЬСКИЕ РЕШЕНИЯ В СФЕРЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Шекунова Ю.О., студент, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева (г. Самара, Россия).
E-mail: shekunovayulya@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается трансформация потребительских практик в семье. Описывается роль ребенка в принятии потребительских решений. Значительное внимание уделено результатам эмпирического исследования. Выделяются и описываются потребительские решения родителей в таких областях, как дополнительное образование, досуг, система мотивации, поощрения.

Ключевые слова: потребление, потребительские практики, потребительское поведение родителей, потребительское поведение детей.

Abstract. The article describes transformation of consumer practices in the family. Describes the role of the child in making consumer decisions as "influence" and "initiator". In this paper, we give results of empirical research, the hallmark of which is the classification of parents on challenges of parenting. Stand and describe the consumer decision parents in areas such as education, leisure, the system of motivation/reward.

Keywords: consumption, the consumer behavior of parents, the consumer behavior of children, the norm of consumption.

Трансформация потребительских практик в семье имеет длительную историю и тесно связана с изменением роли ребенка в семье и обществе, а также с трансформацией института семьи в целом.

На протяжении долгого времени ребенок рассматривался как рабочая сила, защитник своих престарелых родителей или «лишний рот» [1]. Дети были активно включены не только в домашние обязанности, но и в процесс производства. В конце 19 века в обществе начинается активная борьба с детским трудом, который рассматривается теперь как «эксплуатация». Ребенок превращается в бесполезное с экономической точки зрения существо при росте затрат на его образование и увеличении продолжительности этого образования.

Трансформацию роли ребенка нельзя рассматривать без понимания изменений, которые происходили внутри семьи. Процесс индустриализации, массовый выход женщин на работу приводят к постепенному разрушению традиционной семьи. Структуру семьи начинает образовывать супружеская пара и дети. А. Хохшильд (ее идеи описаны в работе О.М. Здравомысловой [2]) утверждает, что в крайне рационализированном обществе

семья и родительство вытесняются на периферию повседневной жизни. Постоянная нехватка времени на выполнение супружеских и родительских обязанностей приводит к росту конфликтов, но именно поэтому все больше людей начинают греть в душе идею «заветной семьи». Дети начинают занимать в жизни родителей особое место, чем объясняются большие эмоциональные и финансовые затраты на них.

Став объектом эмоционального внимания, дети получили право требовать и влиять на решения родителей, на что рынок незамедлительно отреагировал. Вокруг них появляется значительное количество новых коммерческих сфер, что значительным образом изменило структуру потребления семьи. В то же время, сама культура не позволяет родителям ограничивать желания своих детей. Они вынуждены отвечать на уговоры детей, иначе те становятся изгоями среди сверстников.

Современные практики родителей в отношении своих детей пронизывают все сферы их жизнедеятельности. Естественным образом эти практики связаны с отношениями между родителями и детьми, оказывая друг на друга взаимное влияние. Поэтому так важно изучить эти процессы, выявить критерии выбора родителями различных услуг и продуктов для своих детей.

Для изучения потребительских решений была проведена серия свободных интервью с 13 родителями детей в возрасте от 11 до 13 лет – жителями г. Дмитровграда.

В результате качественного анализа интервью было выявлено, что выбор направления образовательных услуг во многом связан с задачами воспитания, которые ставят перед собой родители. Задачи воспитания также во многом определяют выбор направления дополнительного развития.

Всех опрошенных родителей объединяет желание нормировать досуг детей через потребление дополнительных образовательных или других услуг, направленных на развитие ребенка. Особенностью является готовность родителей оплачивать услуги подобного рода вне зависимости от их стоимости. Стоит отметить, что родители предоставляют детям право самостоятельно выбирать секции и кружки, когда те достигают более осознанного возраста. Таким образом, дети во многом принимают на себя роль «влиятеля» и «решателя», что прослеживается, в том числе, в других практиках потребления.

Шопинг для некоторых опрошенных родителей является способом проведения свободного времени. В это время происходит обучение детей рациональному расходованию денег, особенно если речь идет о крупных

покупках. Иногда родители поддаются влиянию своих детей и совершают спонтанные, незапланированные покупки, чья стоимость вписывается в бюджет. Интервью позволили вывить мотивацию таких действий: во-первых, это желание создать у ребенка образ счастливого детства, порадовать его. Новая игрушка становится синонимом родительской заботы и внимания, в чем проявляется консьюмеризм современного детства. Во-вторых, покупая детям что-либо, родители пытаются компенсировать то время, которое они не могут уделить ребенку.

Дети, зная о своем влиянии на родителей и праве требовать, зачастую им пользуются. Таким образом, небольшие, незапланированные покупки, не вписывающиеся в категорию необходимых, становятся обыденной практикой в опрошенных семьях. Этим обозначается новая коммуникативная практика – соглашаясь на уговоры детей, родители зачастую не хотят провоцировать конфликт.

Право на формирование свободного от учебы и дополнительных занятий времени родители часто предоставляют своим детям. И здесь проявляется региональная особенность. Многие родители отмечают, что культурно-развлекательная инфраструктура города не развита, у детей нет возможности разнообразно проводить свое свободное время. При этом родители готовы выделять определенные средства на досуг детей. Совместный досуг родителей и детей можно назвать бюджетным. Зачастую он заключается в просмотре телевидения, увлечении настольными играми, прогулками.

Интерес представляет некоторая экономическая самостоятельность детей. В большинстве случаев они имеют собственные деньги, полученные в качестве подарка, а так же карманные деньги. Стоит отметить саму практику замены подарка на деньги, которые зачастую тратятся на приобретение необходимых для ребенка вещей. В этом проявляется экономическая рациональность родителей. Карманные же деньги родителями не контролируются, дети вправе самостоятельно ими распоряжаться. Но, по словам многих родителей, для детей свойственно рациональное экономическое поведение. Они предпочитают копить, нежели чем тратиться на небольшие и зачастую ненужные вещи.

Новой практикой в системе дето-родительских отношений является «балование». Некоторые из опрошенных родителей отмечают, что либо они, либо второй родитель или другие родственники балуют их ребенка. Интересны в этом ключе гендерные и возрастные различия ребенка. Было выявлено, что девочек балуют чаще, чем мальчиков. Мальчиков же, если балуют, то в маленьком возрасте.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В РЕГИОНАХ

Шитова Д.А., аспирант, Пермский государственный научно-исследовательский университет (г. Пермь, Россия).

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные причины социальной дезадаптированности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Даны определения понятиям «сиротство», «социальная дезадаптация», описана взаимосвязь этих понятий и предложен подход к решению проблемы социальной дезадаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в регионах.

Ключевые слова: сиротство, сирота, социальная дезадаптация, семейное неблагополучие.

Abstract. This article examines the main causes and consequences of social disadaptation of orphans and children left without parental care. The definitions of "orphanhood", "social disadaptation" are given, the interrelation of these concepts is described. The author offers the approach to the solution of the problem of social disadaptation of orphans and children left without parental care in different regions of Russian Federation.

Keywords: orphanhood, orphan, social disadaptation, family troubles.

Актуальность изучения феномена социальной дезадаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обусловлена потребностью его комплексного осмысления. Особую актуальность в области социальной политики в период становления социально-ориентированной экономики приобретает разработка системы социальной адаптации детей, оставшихся без попечения родителей. Эта научно-исследовательская проблема носит межотраслевой характер, находится на пересечении наук социологии, социальной психологии и педагогики.

Следует отметить, что проблема социальной дезадаптации детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей социологической наукой до недавнего времени системно не исследовалась.

По нашему мнению, недостаточно изучены причины и последствия данного феномена в разрезе регионов. Кроме того, с нашей точки зрения, не в полной мере исследовано соотношение социальных, экономических и нормативно-правовых методов воздействия на адаптированность данной социальной группы в социуме.

В данной статье мы рассмотрим современное научное понимание терминов «дети-сироты» и «дети, оставшиеся без попечения родителей», «социальная дезадаптация», выделим наиболее актуальные причины социальной дезадаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, последствия данного феномена для общества.

Особенности коммуникации родителей и детей в рамках потребления прослеживаются в системе мотивация-поощрение. Мотивация потреблением не является частой ситуацией в опрошенных семьях. Большинство родителей предпочитают нематериальные способы убеждения – разговоры, внушение. Но некоторые родители убеждены, что мотивация ребенка покупкой – естественна, и эффективна как дополнительный стимул к хорошей учебе. Но продукт, которым родители мотивируют детей, различен. С одной стороны, происходит подмена необходимой для ребенка вещи на «мотиватор», то есть за хорошую учебу предлагается то, что в любом случае было бы куплено родителями. С другой стороны, ребенку предлагается то, что он хочет, но это не входит в пространство необходимых ему товаров.

Чаще встречается ситуация поощрения ребенка за уже совершенные дела. Основной идеей родителей является идея «заслуженности», то есть отказ от покупки «просто так».

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о демократическом стиле воспитания в опрошенных семьях, который способствует благоприятному личностному росту и развитию ребенка. Основными методами воспитания являются убеждение и внушение. Были выявлены основные типы решения родителей в сфере потребления. Проведенное исследование не исчерпывает всей глубины современных норм потребления родителей. Стоит отметить, что данное направление исследования весьма перспективно, но тема родительского потребления в контексте воспитания редко падает в фокус исследовательского внимания.

Библиографический список:

1. Зелизер В. Социальное значение денег. М.: Дом интеллектуальной книги, Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2004. 283 с.

2. Здравомыслова О. М. Семья: из прошлого – в будущее [Электронный ресурс]: Интернет-конференция «Гендерные стереотипы в современной России». 2006. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/281530>. Html (дата обращения: 23.01.2017).

Понятие «ребёнок-сирота» в научной и правовой литературе толкуется по-разному. Так, в словаре русского языка С.И. Ожегова сиротство рассматривается как «состояние сироты, одиночество» [1]. Согласно педагогическому словарю, сиротство определяется как социальное явление, характеризующее образ жизни детей, оставшихся без попечения родителей [2].

Словарь-справочник социального работника определяет сиротство как социальное понятие, которое показывает положение детей-сирот, т.е. сирота – это ребенок, находящийся временно или постоянно вне семейного окружения, а также ребенок, который в силу своих интересов не может оставаться в таком окружении, имеет право на защиту и помощь со стороны государства [3]. На наш взгляд, наиболее полное определение терминов «дети-сироты» и «дети, оставшиеся без попечения родителей» сформулировано в федеральном законодательстве. Помимо конкретной характеристики в нем определены критерии лишения родителей их прав на детей, а также направления защиты прав и интересов детей [4].

Сиротство как фактор разрушает эмоциональные связи ребёнка с окружающей его социальной средой, с миром взрослых и сверстников, развивающихся в более благоприятных условиях, и вызывает глубокие вторичные нарушения физического, психического и социального развития. Отсюда, сиротство определяет состояние социальной дезадаптированности ребёнка, т.к., согласно определению, социальная дезадаптация — это частичная или полная утрата человеком способности приспособиться к условиям социальной среды, которая проявляется в нарушении норм морали и права, в асоциальных формах поведения и деформации системы внутренней регуляции, референтных и ценностных ориентаций, социальных установок [4].

Рассмотрим некоторые актуальные причины социальной дезадаптации детей-сирот:

1. Дисфункциональность семьи.

В современной социологической литературе семья является основным и первоочередным институтом социализации и социальной адаптации ребёнка. Однако в случае детей-сирот кровная семья зачастую оказывает негативное влияние в процессе адаптации. Таким образом, поиск основных причин социальной дезадаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, целесообразно начинать с анализа состояния кровной семьи. Как правило, это низкое социальное положение родителей, отчуждение и дезадаптация семьи, алкоголизм, наркомания, конфликты и раздоры, девиации в поведении родителей, жестокое обращение с детьми и др.

Более 100 тысяч детей из неблагополучных семей, 43% из них – через лишение родительских прав, ежегодно размещают в государственных сиротских учреждениях. Увеличивается число «круглых» сирот из-за преждевременного ухода родителей из жизни. Доля «круглых» сирот на сегодняшний день составляет 25-30% от общего количества детей-сирот и др. [5].

2. Личностные особенности ребенка-сироты.

Многих детей, лишенных родительского попечения, принято считать социально запущенными. Основными проявлениями социальной запущенности в детском возрасте являются неразвитость социально-коммуникативных качеств и свойств личности, низкая способность к социальной рефлексии, трудности в овладении социальными ролями [6]. Для детей-сирот характерны такие личностные особенности, как повышенная тревожность, апатия, базовое недоверие к миру, культуре и социуму [6].

3. Школьная дезадаптация.

На сегодняшний день сложной и неизученной проблемой социализации сирот является проблема отношения общества и, в первую очередь, школы к детям, лишенным родительского попечения. Эта проблема явно выражена при комплектовании классов-групп школ-интернатов и средних общеобразовательных школ. Искусственное выделение в обычных школах детей-сирот в отдельные, так называемые «сиротские» классы часто приводит к агрессивности этих детей, вызванной отношением к ним не только детей из семей группы «норма», но и педагогов. Данные факторы негативно влияют на социализацию и адаптацию детей-сирот к школьному коллективу.

Мы рассмотрели три наиболее актуальные причины социальной дезадаптированности детей-сирот. Но их, безусловно, намного больше. Считаем, что для их решения необходима поддержка государства в виде комплекса мероприятий по устранению причин социальной дезадаптированности сирот.

Так, проблемы дисфункциональности семьи и школы решают органы социальной защиты населения посредством интервенции (кризисного вмешательства) и оказания реабилитационной, правовой, информационной бытовой и социально-педагогической помощи. Официальные государственные органы полагают, что в настоящее время данная работа наиболее развита в таких регионах России, как Новгородская, Московская, Ленинградская области, Ханты-Мансийский автономный округ и др.

В заключение отметим, что, по нашему мнению, для решения проблемы социальной дезадаптированности детей-сирот необходимо воздействие общества и социальной среды на личность ребёнка при активном участии в этом процессе самого ребенка. Кроме того, адаптация детей-сирот должна проходить при систематизированной поддержке государства и при наличии развитых институтов социализации.

Библиографический список:

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] /С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - М.: ИТИ Технологии, 2003.

2. Педагогический словарь [Электронный ресурс]. - <http://enc-dic.com/pedagogics/Praktika-Pedagogicheskaja-1350/>.

3. Словарь – справочник социального работника [Электронный ресурс]. -http://www.universalinternetlibrary.ru/book/56501/chitat_knigu.shtml

4. ФЗ от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

5. Радина Н.К. Некоторые особенности формирования Я-концепции у детей в условиях депривации детско-родительских отношений // Шестилетние дети: Проблемы и исследования. Нижний Новгород, 1993. - С. 23-43.

6. Овчарова Р.В. Овчаров Р.В. Практическая психология в начальной школе. М.: ТЦ Сфера, 1999.

РЕБЕНОК В ЭПОХУ ГАДЖЕТИЗАЦИИ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ
в рамках проекта № 18-311-00348

Шорыгин Е.А., аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: vgeny_shore@mail.ru

Аннотация: Данный текст представляет собой попытку осмыслить особенности позиции юного субъекта в условиях всеобщего распространения гаджетов, используя психоаналитический подход. Моя ключевая задача – продемонстрировать релевантность применения психоаналитической парадигмы для исследования современных социальных/психических явлений.

Ключевые слова: гаджетизация, виртуализация, детско-родительские отношения, детство, психоанализ.

Abstract: This text is an attempt to comprehend the features of the position of the young subject in conditions of universal distribution of gadgets, using the psychoanalytic approach. The key task of the text is to demonstrate the relevance of the application of the psychoanalytic paradigm to the study of modern social / psychic phenomena.

Keywords: gadgetization, virtualization, child-parent relations, childhood, psychoanalysis.

Учитывая, что Интернет и другие формы виртуальной коммуникации существуют уже более 30 лет, в психоаналитической литературе мало что было написано об их влиянии на психическую структуру отдельного субъекта, на систему детско-родительских отношений [1-8].

Мы не можем не отметить того, что современное поколение растет в сетевой культуре, где различные направления виртуальности теперь являются неотъемлемой частью наших практик и идентичностей, в том числе и системы «ребенок-родитель». Процесс гаджетизации - всеобщего распространения гаджетов, порталов в виртуальный мир - затронул все сферы общества, став обыденностью семейной системы, что не может не сказываться на сущности объектных отношений и особенностях привязанностей. Следствием этого процесса является сшивка реальных и виртуальных миров - для нынешних поколений цифровые сети все чаще становятся дополнением реального мира, а не альтернативой ему.

В психоанализе один из фундаментальных конфликтов личности находится между соблазном «принципа удовольствия» и фрустрирующим «принципом реальности» [9]. Обычно определение «виртуальное» противопоставляется понятию «реальное». Психоаналитическая мысль трактует виртуальную природу самого реального, поскольку она фильтруется через мир объектных отношений, искаженный проективными и интроекционными процессами. Подобная логика позволяет выделить «виртуальных объектов» внутри нас самих, которые не только несут эмоциональный заряд, но и определяют особенности наших реакций и мотивов. Широко распространенное использование средств массовой информации определяет мир, который уже не является ни виртуальным, ни реальным, а, скорее, смешанным. В современном мире для анализа явлений мы должны выйти за пределы бинарной логики виртуального и реального.

Следуя мысли Лакана, процесс субъективации начинается с вхождения человека в поле материнского желания, в человеческий порядок, в регистр языка [10]. В свою очередь, контакт с гаджетом открывает окно не только в регистр символического, но и наделяет точностью повседневные явления, задавая шкальную пространственно-временную координацию. Наши ощущения, как правило, варьируются в континуумах “более или менее”. Мое тело “более или менее” горячее или холодное до тех пор, пока я не использовал цифровой термометр для индикации точного числа; расстояние до предмета оказывается “более или менее” большое, пока я не взял на вооружение цифровой измеритель. Каждый день мы воспринимаем множество разных объектов, но они начинают приобретать для нас смысл, когда мы можем связать их с другими объектами в дискретных категориях или с функциями в ходе совместного использования с другими людьми. Так или иначе, гаджет несет в себе и социальную нагрузку, репрезентируя усредненное мнение сообществ. Внутри этих сообществ подгруппы развивают свои собственные специальные диалекты и жаргоны, имеющие

общие для них значения. Используя гаджеты, мы становимся членами этих сообществ, тем самым, заполняя лакуны символического, реального и воображаемого. Гаджет освобождает нас от актуального «здесь и сейчас» и разряжает темпоральность прошлого, настоящего и будущее. Сила этого инструмента такова, что даже очень маленький ребенок может создавать несуществующие миры каждый раз, когда сталкивается с девайсом, рамкой фантазма. Сценой сборки субъекта в большей степени становится воображаемая интрапсихическая реальность, в то время как интерсубъективная плоскость становится менее освещенная.

Желаемая для нас информация бестелесно ждет нас всякий раз, когда мы готовы ее получить. Этот процесс деактуализирует вектор непосредственных интеракций и разговоров с конкретными людьми в конкретном контексте. Мое сообщение отправляется как пресловутое письмо в бутылке, и я не могу быть уверен, кем и с какой реакцией оно будет получено. В свою очередь, получатель моего сообщения никогда не может быть уверенным в том, что я намеревался сказать, с какими чувствами я писал сообщение. Даже лицом к лицу это не всегда понятно, но мы можем уточнить: «Вы понимаете, что я имею в виду? Вы так считаете? Это не то, что я имел в виду!»

В некотором роде взаимодействие с гаджетом напоминает кляйнианскую параноидно-шизоидную позицию психического, поскольку в нем отсутствуют физические сигналы, несущие эмоциональный и эмпатический заряд. Физическое соприсутствие с другими людьми, по-видимому, приближает субъекта к депрессивной позиции, исходя из которой объект может быть представлен в бессознательной фантазии и хорошим, и плохим. Параноидно-шизоидная логика интеракций с гаджетом делает более вероятным преобладание бессознательных фантазий и расщепления с представлениями об исключительно хороших, либо плохих объектах (бинарная перцепция).

Описание Клейн параноидно-шизоидной позиции созвучно феномену виртуального общения, когда будто бы ощущается какая-то обособленная враждебность, пронизывающая все отношения [11]. Похоже, что виртуальность отталкивает нас от нормальной проективной идентификации, где целью является общение с балансом между аффективным и рациональным в патологическую с целью атаки и разрушения социальных связей. Иными словами, ребенок может стать неспособным выявлять неэффективные межличностные взаимодействия.

Патологическая проективная идентификация и распространение бета-элементов [12] во многом напоминают некоторые из более явных эле-

ментов киберпространства: чувства всемогущего контроля; слияние с объектом (компьютер, веб-сайт, модератор); деперсонализация, потеря эго. В этом смысле гаджет наделяется свойствами плохого объекта, становится основой наших представлений и источником всех проблем - интернет-зависимости, всевидящим оком, растлителем невинных детей. Напрашивается вопрос, могут ли формы целостного объекта, связанные с депрессивной позицией, проявляться без физического контакта, особенно если учесть мнение Хиншельвуда о том, что раннее выделение частичных объектов мало связано с физическим присутствием [13].

Развивающийся мозг особенно пластичен, поэтому родители и воспитатели должны быть особенно обеспокоены тем, что испытывает ребенок. Цифровые гаджеты повсеместно присутствуют во всех аспектах нашей среды, поэтому мы не можем перестать воспитывать детей отдельно от них, мы и не должны пытаться это сделать. Поскольку гаджеты уже содержат оцифровки (записей, речи), последствия для когнитивного функционирования неизбежны. В некотором роде, гаджеты - это привилегия рациональности над возрастом, господство функций левого полушария при жертве функций правого - стороны, отвечающей за эмоциональный интеллект, узнавание других и считывание общего контекста. Однако, нельзя забывать про ряд положительных функций гаджетизации на юного субъекта. Среди них можно выделить улучшенную многозадачность и зрительную мультисенсорную координацию. Современные гаджеты также расширяют возможности инклюзии детей с ограниченными возможностями.

Таким образом, детская среда должна включать возможности для общения «face-to-face» (vs. «Face-Book»), включая таких авторитетных фигур как родителей/учителей/терапевтов, транслирующих этику и ценности. Напротив, взаимодействие с гаджетом, зачастую, автоматически накладывает на пользователя коммерческие цели и ценности программистов. Аналогичным образом и социальные сети контрастируют с естественными социальными группами, являющимися спонтанными и взаимными (Gemeinschaften) и возникающие благодаря общему опыту.

Вообще говоря, киберпространство не является однородным пространством. Рассматривая влияние процесса гаджетизации на юного субъекта и его семью, можно отметить экспериментальный характер нашей оптики, благодаря которой мы, отнюдь, не будем задаваться вопросами о том, правильно это или неправильно, хорошо или плохо, но постараемся обозначить основные трансформационные процессы в системах «ребенок-родитель», а также особенности объектных отношений на уровне отдельного психического.

Библиографический список:

1. Ermann M (2004). On medial identity. Int Forum of Psychoanal 13:275–83.
2. Carlino R (2010). Distance psychoanalysis. London: Karnac.
3. Lingiardi V (2008). Playing with unreality: Transference and computer. Int J Psychoanal 89:111–26.
4. Dini K (2009). Internet interaction: The effects on patient's lives and analytic process. JAPA 57:979– 88.
5. Bonaminio V (2010). See under Vinocur Fischbein.
6. Fiorentini G (2012). L'analisi via Internet: variazioni di setting e dinamiche transferali-controtransferali. Rivista di Psicoanalisi 58(1):29–45.
7. Kilborne B (2011). Personal communication.
8. Lemma A, Caparrotta L, editors (2014). Psychoanalysis in the technoculture era. London: Routledge.
9. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс-Литера, 1992.
10. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М: Гнозис, 1995.
11. Кляйн М., Заметки о некоторых шизоидных механизмах, Москва, Журнал практической психологии и психоанализа №4, 2000.
12. Бион У. Р. Элементы психоанализа М.: Когито-Центр, 2009.
13. Роберт Д. Хиншелвуд. Словарь кляйнианского психоанализа / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2007. 566 с.

ОТЦОВСКО-ДЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РАЗНЫХ ТИПАХ СЕМЕЙ: ВЗГЛЯД ОТЦОВ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта №18-311-00348
«Трансформация детско-родительских отношений в эпоху информатизации общества»

Янак А.Л., аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия).
E-mail: alinayanak91@yandex.ru

Аннотация. По результатам авторского исследования на основе интервью с отцами рассматриваются некоторые аспекты отцовско-детских отношений, отцовской родительской вовлеченности в различных типах семей: полных (моногамных), постразводных, повторнобрачных, незарегистрированных (неофициальных), монородительских отцовских семьях.

Ключевые слова: типы семей, отцовство, отцовско-детские отношения, отцовская вовлеченность

Abstract. The results of the author's study, based on interviews with fathers present some aspects of father-child relationships, father's parental involvement in various family types: monogamous, post-divorced, unmarried, unregistered, single father families.

Keywords: family types, fatherhood, father-child relationships, father's involvement

Сегодня разговор о родительстве в разных типах семей приобретает особое значение, поскольку современная (в отличие от традиционной моногамной) семья плюралистична, что легитимирует многообразие механизмов родительско-детского взаимодействия. Кроме того, по-прежнему актуальной остается проблема трансформации гендерных и семейных ролей, в результате которой изменяются привычные границы родительских функций матерей и отцов (полороловой семейной сегрегации). Так, получил развитие дискурс о кризисе отцовства [1-3] в рамках кризиса института семьи, выражающемся в девальвации/маргинализации отцовской роли, кризисе маскулинности, безотцовщине, функциональной неполноте отцовства и т.д. В то же время актуализируется тема ответственного родительства, развития модели вовлеченного отцовства, под которым понимается психологизация отношений между отцом и ребенком, включение отца в уход за детьми, заботу, эмпатическое и мотивирующее общение. Требуется конкретизация и типологизация отношений «отец-ребенок» в разных типах семейных структур.

С 2013 по 2017 гг. автором были проведены интервью (n=46) с отцами в возрасте от 24 до 57 лет, представляющими полные (моногамные), монородительские, повторнобрачные, постразводные семьи, сожительства.

Результаты авторского исследования показывают, что мужчины, воспитывающие детей в полных (моногамных) семьях склонны воспринимать отцовство как один из основных компонентов своей жизни, как данность. Немаловажную роль при этом играет планирование ребенка/детей, вписывание деторождения в общий жизненный сценарий, а также поддерживающее («вовлекающее») поведение жён/ матерей. При этом отцы охотно говорят о планах на будущее ребенка, инвестициях в его развитие.

Я считаю, что, чем взрослее человек, тем больше он может дать ребенку, потому что он гораздо опытнее, нежели мамы и папы в 20 лет. ...Он [ребенок] желанный, он ...уже прям нужен. [То есть ребенок как

самоцель?]) Да, однозначно. ...Я хочу, чтобы он [сын] был разносторонним, не был замкнут на каком-то определенном направлении. У меня масса планов, которые я не реализовал. То есть у меня сейчас есть шанс, надеюсь, что он меня поддержит. (М., 29 лет, воспитывает сына в полной (моногамной) семье).

Пришли осознанно как к первой дочке, так и ко второй. Это лишняя страховка в жизни. ... когда их двое, наверное, лучше, так как они занимают и максимум времени твоего, которое ты можешь не в то русло направить. Во-вторых, от них все-таки получаешь любовь. Ее не хватает в целом, когда ты с утра до вечера работаешь... А тут приходишь домой, тебя кто-то ждет, бежит к тебе быстрее, обнимает, целует. Это счастье! (М. 34 года, воспитывает 2-х дочерей в полной (моногамной) семье).

В повторнобрачных семьях характер отцовско-детских отношений обладает широким диапазоном. Ключевыми факторами, влияющими на качество отношений, являются: материнское посредничество и качество супружеского взаимодействия; присутствие биологического отца в жизни ребенка/ детей; жизненные циклы вновь образованной семьи, длительность ее существования; наличие детей от предыдущих браков и общих детей в актуальном союзе; уровень взаимной мотивации общения. По результатам проведенного в 2016 г. опроса молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, имеющих отчима и поддерживающих контакты с родными отцами, Н.В. Шахматова типологизирует модели отношений детей с отцами и отчимами на дружеские, товарищеские, нейтральные и конфликтные [4]. Материалы нашего исследования показывают, что мужчины-отчиму дают собственную оценку отношениям с небιологическими детьми, анализируют их качество.

Нет, я не являюсь биологическим отцом Паши, но назвать его «неродным» у меня язык не поворачивается. ...Первая наша встреча была в парке, я его взял кататься на автодром. Мы нашли общий язык и в дальнейшем общались, как друзья. А когда я стал жить у Веры [партнерши], он приучился называть меня папой, точнее, мы его приучили. ... Слышится больше меня, чем маму, с Верой у них конфликты случаются чаще. (М., 32 года, воспитывает пасынка в сожительстве, собственных детей нет).

...Поначалу меня он [пасынок] называл по имени. Буквально последний год он меня называет папой. Я так понимаю, это его личный выбор. ...Никогда не склонял его к этому. ...Они [пасынок и общий сын] когда играют вместе, когда дерутся. Здесь больше ...отношения межличностные... у них нет деления «мой папа, твой папа» ...Ревность

проявлялась в момент свадьбы. Мы ему объяснили, что поженимся, а он говорил, «нет, это я буду жениться на маме». Категорично и безапелляционно. (М., 42 года, в повторном браке воспитывает сына от предыдущего союза супруги и совместного сына).

У нее [падчерицы] есть отец. Я лично с ним знаком. ...Он достаточно развитый, культурный человек. Он оказывает на девочку хорошее влияние. Ничего против него я сказать не могу. ... Изначально девочка приняла меня неоднозначно. Где-то полгода была адаптация, потом привыкла ко мне. Сейчас мы нормально общаемся, играем вместе, доверяет мне. Самое главное, необходимо было показать девочке, что я не собираюсь отнимать у нее маму. (М., 30 лет, в сожительстве воспитывает дочь партнерши, своих детей нет).

Отношения отцов-нерезидентов после развода с детьми могут характеризоваться как близкие, отстраненные или вовсе отсутствовать. Как правило, алименты выступают фактором частоты отцовско-детских контактов. Это ярко проявляется в случаях, когда бывшие супруги смогли устно договориться о сумме и сроках выплат, а не по решению суда. Это является своеобразным гарантом взаимного доверия, а значит, цивилизованных отношений с бывшей супругой и здоровых отношений с ребенком.

Развод на наши отношения с ребёнком не повлиял, тем более всё лето она проводила в саду со мною, бабушкой и дедом. На алименты жена на меня не подавала, и даже не пыталась. Важные решения относительно ребенка мы принимали совместно, но финансовое обеспечение их всегда лежало на мне. (М., 42 года, разведен, общается с дочерью).

Видимся [с ребенком] раз в неделю точно. Оля [бывшая жена] ее привозит, в выходные обычно... Мы с ней дома играем, иногда выходим погулять... потом я ее домой везу. Вопрос [об алиментах] решался лично, мы в суд не подавали, ...нам удалось договориться. ... Денег передать – тоже очередной повод увидеться... (М., 25 лет, разведен, общается с дочерью).

В некоторых случаях имеют место запреты матерей на отцовско-детские контакты. Как правило, отцы рано или поздно пассивно принимают данный факт, тем более при наличии «новой» семьи. Один отец сейчас борется с бывшей супругой за детей в суде.

С тех пор, как она [бывшая жена] ушла с детьми, я почти их не вижу. Проблема в том, что она неадекватная, и ее нужно лечить. ...Я хочу взять инициативу в свои руки, защитить детей, дать им нормальные условия для жизни, учебы, без посторонних личностей. Не так давно я начал

планировать иск в суд о направлении ее на [психологическую] экспертизу. Суд пока не вынес официальное решение, но предварительно он принял нашу сторону. ...Я не добиваюсь того, чтобы сказать детям «у вас нет мамы», как она делает. Я понимаю, что она в любом случае останется матерью моих детей, и я не критикую ее, по крайней мере, при детях. (М., 57 лет, дважды разведен, пытается добиться права воспитания 2-х детей после развода со второй женой).

Отцы-монородители вовлечены в жизнь детей и характеризуют свои отношения с детьми как близкие, но их качество зависит как от типа семьи, так и от этапа ее жизненного цикла. Например, во вдовых семьях, отношения налаживаются после преодоления психологического кризиса и стресса.

Я стал работать по 12 часов в сутки, а после работы по бутылочке пива, потом не по одной, а потом и водка стаканами, глушил горе и одиночество. Дочь впервые кричала на меня, встряхивала, но тогда мне было все равно. Приехала бабушка, они вместе стали приводить меня в чувство. Ко мне подошла Аня и сказала: «Папа, ты у нас один». С того момента я начал думать не только о себе, но и дочерях, за которых я несу ответственность. (М., 48 лет, самостоятельно воспитывает 2-х дочерей после смерти супруги).

Так, отцовско-детские отношения и их восприятие отцами, уровни отцовской вовлеченности зависят не только от внутренней готовности к родительству, но и от типа семьи, поведения матери, заинтересованности детей, этапов жизненного цикла семьи, актуального брачного состояния мужчин.

Библиографический список:

1. Чикалова Е.А. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения // Женщина в российском обществе. 2012. №2. С. 43-53.
2. Липасова А.Н. Отцовство в разных социальных режимах: возникновение «алармистского» дискурса // Вестник экономики, права и социологии. 2016. №2. С. 283-290.
3. Рыбалко И.В. Трансформация отцовства в современной России: дисс. ... к.соц.н. Саратов, 2006. 125 с.
4. Шахматова Н.В. Взаимоотношения детей с отцом и отчимом: факторный срез // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Практики заботы в современном обществе». Саратов: Саратовский источник, 2017. С. 274-285.

ДЕТИ-ДОШКОЛЬНИКИ КАК УЧАСТНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ. ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОЕКТИВНЫХ МЕТОДОВ

Ярвая В.Е., старший преподаватель, кафедра философии и юридической психологии, Владивостокский Государственный университет Экономики и сервиса (г. Владивосток, Россия).

E-mail: ronika11@mail.ru

Аннотация: Целью нашего исследования является подбор проективных методик для изучения особенностей потребительской социализации детей дошкольного возраста. В качестве инструментария для сбора эмпирических данных использованы следующие методики: «Неоконченные предложения», сюжетно-ролевая игра «Детский магазин», рисунок «Мой любимый магазин».

Ключевые слова: детство, дошкольный возраст, «мягкие» методы исследования, проективный метод.

Abstract. The purpose of our research is the selection of projective techniques for studying the characteristics of consumer socialization of preschool children. As a tool for collecting empirical data, the following methods were used: "Unfinished sentences", story-role game "Children's store", drawing "My favorite store".

Keywords: childhood, preschool age, "soft" research methods, projective method.

Задачей нашего исследования является изучение представлений детей о детском магазине. Детский магазин является одним из институтов потребительской социализации, осуществляющим потребительскую социализацию детей, в процессе которой у детей формируется потребительское поведение.

Подбирая методы, исследователь должен учитывать, что ребенка дошкольного возраста характеризует эмоциональная незрелость, он еще не умеет выражать свои мысли, его социальный опыт еще довольно ограничен. Так же исследователь должен осознавать, что возможна ситуация неравенства, когда он будет восприниматься ребенком как «взрослый», который может манипулировать им. Дошкольник может стремиться давать социально-желательные ответы, чтобы получить одобрение со стороны взрослого и по этой причине существенно исказить результаты исследования. Для того, чтобы уменьшить диспропорцию статусов, можно включать взрослого (исследователя) в группу детей, обеспечить его длительное пребывание там [1].

Важным инструментом изучения представлений детей дошкольного возраста о магазине служат проективные методы [2].

Конструктивные методики позволяют ребёнку самому создавать пространство, продемонстрировать его представления об окружающем мире. Ребёнку предлагаются детали (фигуры людей и животных, модели их жилья и т. д.), из которых ему нужно создать полноценное целое и объяснить это. Применение данных методик возможно, если ребёнок воспринимает это как часть игры и у него сохраняется интерес к расстановке предметов. Например, ребёнку можно предложить организовать магазин. Для этого он может использовать как предметы из специально разработанных игр, так и те, что окружают его в обычной жизни. Основная сложность может заключаться в том, что дошкольник не всегда может иметь представление о той или иной сфере. Так, например, при организации магазина, дети зачастую не знают назначение некоторых предметов, например, кассы или денег. С помощью этого метода мы можем определить представления ребенка о магазине, о функции предметов, о социальных ролях и т.д. Исследование показало, что дошкольники имеют четкую половую типизацию. Так, мальчики в магазине используют «мальчиковые» предметы (например, машинки, трансформеры, зомби и т.д.), у девочек преобладают куколки, «поняшки» и т.д.

В качестве интерпретативных методов могут использоваться разнообразные картинки. В ходе опроса для сюжетов составляется небольшая история, в которой необходимо указать, что привело к ситуации, которая была изображена, что происходит сейчас, о том, что думают персонажи о ситуации. Предполагается, что субъект идентифицирует себя с «героем» истории, что позволяет выявить внутренний мир субъекта, его чувства, интересы и мотивации.

Катарсические методы представляют собой ролевую игру с определенным сюжетом и содержанием. Ролевая игра, выполненная в виде импровизированного театрального исполнения, позволяет субъекту не только эмоционально реагировать (игровой катарсис) - и тем самым достигать терапевтического эффекта, но и дает исследователю возможность обнаруживать внеконфликтные ситуации, проблемы и другие лично насыщенные продукты. Играя в магазин, малыш может выбирать роль продавца, взрослого покупателя или покупателя-ребёнка. Усложнение игры происходит на протяжении всего дошкольного возраста, если в начале она в большей степени направлена на манипулирование с предметом, то к окончанию этого периода важным становится не совершение самого действия, а осуществления отношения к другому играющему в соответствии с предлагаемой ролью. Старшие дошкольники еще до начала игры могут распределять роли, в результате чего могут возникать конфликты, если участники игры недовольны доставшейся ролью. В сюжетно-ролевой игре появляются правила, которым обязательно необходимо следовать. В процессе игры до-

школьник может также замещать предметы, присваивать им новые функции. Так, например, при игре в магазин фантики могут выполнять функцию денег. Игра позволяет ребёнку эмоционально включиться, испытать радость от того, что он правильно все делает, следует правилам. Для дошкольника важно получить социальное одобрение и поддержку. Однако существенным препятствием для исследователя будет отсутствие желания ребёнка играть в игру вообще или в конкретную игру. Так же при коллективной игре, могут возникать конфликты, вызванные нарушением правил или несоответствием выполнению отведенной роли.

Экспрессивные (графические) методики позволяют ребёнку через изображение выразить свои представления о социальном явлении. В возрасте 4-5ти лет ребёнок способен воспроизводить схематические изображения. Он уже способен изображать диспропорциональные фигуры человека и животных. Появляются изображения других предметов, таких как деревья, дома и т.д. Дошкольник еще не очень уверенно пользуется карандашом или красками, поэтому некоторые дети могут отказываться от рисования, аргументируя это своим неумением или боязнью сделать ошибку. Но с другой стороны, несмотря на несовершенство рисунков, дети могут проявлять смелость при передаче на бумаге сложных предметов: излюбленными сюжетами для ребёнка являются рисунки человека и животных. В выборе сюжета он уже руководствуется не простотой предмета, а своими предпочтениями. Рисуя и раскрашивая, дошкольник зачастую отделяет от предмета его форму и цвет. Процесс рисования ребёнок сопровождает комментариями, он может рассказывать какие-то истории. Это важно для исследователя, который фиксирует высказывания ребенка, задает уточняющие вопросы.

Аддитивные методики представлены в виде неоконченных предложений или рассказов, которые необходимо завершить. Для работы с дошкольниками лучше всего использовать «Неоконченные предложения». Они могут использоваться с применением игровых элементов, например, ребёнку могут предлагать фразу, кидая при этом мячик, чтобы снизить тревожность ребёнка и превратить это в определённую игру.

Для изучения представлений ребенка-дошкольника о магазине нами были разработаны следующие незаконченные предложения: «Когда я ходил с мамой (папой/любой другой член семьи) в магазин...»; «Мне нравится ходить в магазин...», «Продавец в магазине»; «В магазине мне не нравится ...»; «Когда я играю в магазин...».

Сложность использования данной методики заключается в том, что в этом возрасте речь ребёнка еще несовершенна. Ему сложно ещё выразить свои мысли. Так же в процессе ответов ребёнок может отвлекаться, его внимание может переключаться на другие предметы. Он может начать

рассказывать что-то более важное для него на данный момент, поэтому исследователь может по нескольку раз возвращаться к изначальной фразе.

Социология предлагает большое количество методов для изучения дошкольников. При этом исследователь должен стремиться к использованию «мягких» методов, например, проективных методов, которые позволяют создать благоприятный психологический климат, расположить к себе ребёнка, войти в «детское» поле. Для дошкольников характерна ориентация на игру, как на ведущую для данного возраста деятельность, что необходимо использовать при изучении детей. В данном исследовании нами были описаны методы, которые можно применять для изучения потребительского поведения дошкольников в детском магазине.

Библиографический список:

1. Бурлачук Л.Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер Ком, 1999. 528 с. (Серия «Мастера психологии»)
2. Филипова, А.Г. Детство в фокусе отечественных социологических исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. №1(41). С. 80-87.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Яшина М.Н., кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной и отраслевой социологии факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: mnya@mail.ru

Аннотация: в статье затрагиваются проблемы формирования выборочных совокупностей при изучении семей, практикующих семейное обучение. Значимыми вопросами являются отсутствие точных статистических данных относительно количества детей, находящихся на семейном обучении, и региональные особенности правового регулирования этой формы образования, что характерно не только для России, но и для других стран мира.

Ключевые слова: семейное образование, альтернативное образование, хоумскулинг.

Abstract: The article touches upon the sampling frame selection challenge when researching families practicing this form of education. Significant questions are connected to the lack of exact statistics on the number of home schooled children and regional legal practices governing homeschooling, which are typical not only of the Russia, but other countries of the world.

Keywords: home education, alternative education, homeschooling.

Альтернативное образование всегда вызывало интерес и жаркие споры, имея как своих ярых поклонников, так и столь же непримиримых противников. «Как учить и чему учить?» – эти, казалось бы, локальные вопросы, интересующие непосредственных участников, практикующих альтернативное образование, становятся предметом обсуждения широкой общественности. Причинами популярности темы являются как изменения, которые претерпевает на протяжении уже многих лет традиционная система образования с ее школами, классно-урочной системой, ФГОСами и т.п., каждый раз вызывая новую волну интереса к альтернативным формам обучения, так и принципы, которые лежат в основе этих форм обучения и могут приводить к формированию личности другого типа, с не очень понятными для окружающих установками и нормами поведения, качеством получаемых знаний и уровнем социализированности. Среди форм альтернативного образования наиболее популярной на сегодняшний день является семейное образование, также называемое «домашнее образование» или «хоумскулинг» (homeschooling).

Наиболее активно в нашей стране о семейном образовании заговорили в 2013 году после принятия нового ФЗ «Об образовании», в ст. 17 которого отражена возможность получать образование вне организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Это время стало периодом активной институционализации этой сферы: появления нормативных документов, регламентирующих семейное образование в регионах, активное создание сообществ в социальных сетях, выполняющих функции социальной поддержки подобных семей; с 2015 года силами активных приверженцев этой формы обучения выпускается журнал с аналогичным названием, проводятся конференции, регулярно в различных СМИ фигурирует информация о семейном образовании. Складывающаяся форма институционализации «снизу», реализующаяся в первую очередь посредством активной социальной позиции самих семей, формирует некоторый крен в презентации данных, посвященных семейному образованию. Практики семейного образования в нашей стране в обосновании своих взглядов опираются на американский опыт в этой сфере. Но эти примеры однобоки, и из всего многообразия литературы отбираются лишь положительные аспекты. Исследования, ставящие под сомнение эффективность или трудности этой системы альтернативного образования, старательно не замечаются. Почти полное отсутствие к настоящему моменту отечественных исследований в этой области способствует порождению дополнительных мифов, окружающих семейное образование в России.

Семейное образование в мире представлено неравномерно. Наиболее широко оно распространено в США, реализуется в Канаде и Австралии, в Европе же развитие этой формы обучения зависит от страны: например, в скандинавских странах оно разрешено, а в Германии находится под запретом. Степень охвата детей хоумскулингом отражается на степени его изученности. Наиболее полно опыт семейного образования представлен в англоязычных публикациях, значительная доля которых приходится на опи-

сание ситуации в США. В такой ситуации неудивительно, что исследователи семейного образования ориентируются преимущественно на американский опыт.

Развитие семейного образования в США начинается с 70-х годов прошлого столетия. Первоначально в виде довольно рискованной практики в некоторых семьях, а уже в начале нынешнего столетия превратившись в образовательное движение, насчитывающее к 2012 году 3,4% детей школьного возраста [1, с. 11]. За тридцать лет семейное образование в США превратилось в социальный институт, имеющий законодательное регулирование, организационные структуры поддержки семейного образования, специализированные учебные планы. Расширение спектра прав семей в сфере этой формы обучения привело к увеличению количества населения, желающего предоставлять своему ребенку образование на дому. Развитие семейного образования осуществляется и за счет изменения отношения окружающих к самим хоумскулерам. Стивенс [2], автор публикаций о факторах становления семейного образования в США, характеризует данный процесс как «нормализацию семейного образования», считая, что достижения Америки в этой сфере будут способствовать легитимации и распространению этого типа образования и в других странах.

Несмотря на позитивный опыт, массово представленный в публикациях, посвященных семейному образованию за рубежом, исследователи сталкиваются со сложностями при изучении этого феномена. Одна из основных трудностей состоит в проблемах статистического учета этой категории детей во всех странах мира. Причины в каждой из стран могут иметь и локальный характер, но общими для всех являются следующие: различия в законодательствах и закрытость самой социальной группы.

В США подход к сбору данных отличается бессистемностью в связи с тем, что каждый штат имеет свои собственные законы об этой форме обучения, поэтому в некоторых происходит систематический сбор данных, а в других власти не столь требовательны к этому вопросу, полагаясь на ответственность родителей. В результате возникают противоречия о количестве детей на семейном обучении на национальном уровне. Национальный центр образовательной статистики США (National Center for Education Statistics - NCES) реализует проект Национального обследования домохозяйств в сфере образования (National Household Education Surveys Program - NHES), в рамках которого, начиная с 1996 года, собираются данные о семейном образовании. Последний замер проводился в 2012 году, численный состав детей составлял 1773000 человек, с учетом «погрешности в 230000 чел., диапазон составляет от 1543000 до 2003000» [1, с. 5]. Эти показатели расходятся с цифрами, представленными Национальным институтом изучения семейного образования (National Home Education Research Institute). По оценкам этого института, в США насчитывается около 2,3 миллионов детей, находящихся на семейном обучении [3].

В Канаде и Австралии схожая ситуация, в результате отчетливой статистической картины о семейном образовании в этих странах не

наблюдается. В Европе статистика по семейному образованию представлена в основном данными по Великобритании, Норвегии и Швеции, в которых эта форма обучения разрешена. Но о точных данных и здесь говорить не приходится по причине необязательной регистрации ребенка на семейном образовании. Например, в Норвегии приблизительно две трети семей хоумскулеров из четырехсот по данным 2010 года не оповестили государственные органы о выборе формы обучения. Схожая ситуация и в Великобритании, в которой из примерно 80000 человек, практикующих семейное обучение, официально зарегистрированы около 20000.

В нашей стране проблематика семейного образования, в общем, не отличается от вопросов, с которыми сталкиваются исследователи за рубежом. Это - сложности статистического учета детей, находящихся на семейном образовании [4] как из-за региональных особенностей правового регулирования этой формы обучения, так и из-за позиции родителей, не стремящихся к соблюдению формальных сторон оформления ребенка [5]. В силу этих обстоятельств количественные исследования по репрезентативным выборкам хоумскулеров в нашей стране затруднены. Массовые исследования родителей школьников, затрагивающие проблемы семейного образования, единичны. Они характеризуют отношение к этому типу образования среди населения, но не нацелены на изучение самого объекта.

Отечественное научное поле в сфере изучения семейного образования находится в стадии формирования. Исследования, проводимые сторонниками этой формы, характеризуются значительным эмоциональным контекстом, приводящим к возникновению крайних суждений: исключительно позитивных со стороны приверженцев этой формы, или негативных из-за отрицания подобного типа обучения, что в целом отражается на том образе, который создается вокруг семейного образования в нашей стране.

Библиографический список:

1. Redford J., Battle, D., Bielick, S. Homeschooling in the United States: 2012 (NCES 2016-096) // National Center for Education Statistics, Institute of Education Sciences, U.S. Department of Education. Washington, DC, 2016.
2. Stevens M. L. The normalization of homeschooling in the USA // Evaluation & Research in Education. 2003. Vol. 17 (2-3). P. 90-100.
3. Ray B.D. Research Facts on Homeschooling. 2016. URL: <http://nheri.org/research/research-facts-on-homeschooling.html> (17.04.2018).
4. Яшина М.Н. Современное состояние семейного образования в России // «Alma mater» (Вестник высшей школы). 2016. №8. С. 74-78;
5. Яшина М.Н. Региональные практики реализации семейного образования // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года).

Научное издание

**ГЕОГРАФИИ ДЕТСТВА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ И ПРАКТИК**

*Материалы
Международной молодежной научной
Школы-конференции*

Владивосток

29-31 мая 2018 г.

В авторской редакции

Макет обложки подготовлен Евгенией Купряшкиной

Дальневосточный федеральный университет
690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

ЦНИГ «АСТЕРИОН»
Заказ № 058. Подписано в печать 07.06.2018 г. Бумага офсетная.
Формат 60×84¹/₁₆. Объем 18,5 п.л. Тираж 100 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, тел./факс (812) 685-73-00, 970-35-70
E-mail: asterion@asterion.ru